

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Кафедра российской политики

На правах рукописи

ХАНАЛИЕВ НУРАДИН УМАРПАШАЕВИЧ

**«РАСШИРЕННЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО
МИРОПОРЯДКА: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ, СТРАТЕГИИ,
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук

ТОМ I

Научные консультанты:

Доктор философских наук, профессор
Коваленко Валерий Иванович

Доктор политических наук, профессор Василенко Ирина Алексеевна

Москва – 2022

Оглавление

ТОМ I

Введение.....	4
Глава 1. Современный миропорядок и стратегические приоритеты России: теоретико-методологические аспекты	26
1.1. Основные характеристики современного миропорядка	29
1.2. «Расширенный Ближний Восток» в системе геополитических и научных координат	52
1.3. Стратегические приоритеты России в условиях утверждения многополярного мира.....	61
Выводы по главе 1	77
Глава 2. «Расширенный Ближний Восток»: проблемы единства и фрагментации ...	80
2.1. Панарабская идея и арабский национализм как факторы политического развития региона	81
2.2. Политический «исламизм»: системные характеристики, структурные составляющие и основные цели	96
2.3. Суннитско-шиитское противостояние в геополитических реалиях Ближнего Востока	111
2.4. Курдский вопрос в Ближневосточном регионе.....	121
2.5. Место и роль ИГИЛ в политических конфликтах на «Расширенном Ближнем Востоке»	134
2.6. Стратегии «демократической революции» как фактор дестабилизации «Расширенного Ближнего Востока»	150

Выводы По Главе 2	169
Глава 3. Государства «Расширенного Ближнего Востока» в системе геополитических и внутривосточных интересов и приоритетов	174
3.1. Сирийский узел в Ближневосточном конфликте	176

ТОМ II

3.2. Стратегические ориентиры Турции в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока	3
3.3. Стратегические ориентиры Ирана в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока	24
3.4. Проблемы взаимодействия монархий Персидского залива	48
3.5. Афганский фактор как вызов национальной безопасности России и как элемент воздействия на ситуацию на «Расширенном Ближнем Востоке»	60
Выводы по главе 3	79
Глава 4. Россия и «Расширенный Ближний Восток» в системе современных геополитических конфигураций	82
4.1. Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран»	84
4.2. Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Китай – Ближний Восток»	98
4.3. Центральная Азия в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва» через призму приоритетов национальной безопасности России	109
Выводы по главе 4	142
Заключение	146
Библиография	153

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем особым местом, которое в силу своего уникального геополитического положения занимает в глобальной политике «Расширенный Ближний Восток». Под ним в настоящей работе понимаются территории, традиционно трактуемые как Ближний и Средний Восток. Это обширное географическое пространство пересекают магистральные морские, воздушные и сухопутные маршруты, соединяющие Европу, Азию и Африку. Здесь же сконцентрированы огромные энергетические ресурсы, влияющие на состояние всей мировой экономики, возникли мощные финансово-инвестиционные центры. Наконец, речь идет о регионе с богатой культурой, оказавшей глубинное воздействие на развитие человеческой цивилизации.

В то же время «Расширенный Ближний Восток» отличается сосредоточением экономических, социальных, этноконфессиональных контрастов с высокой степенью конфликтогенности и множественными военными столкновениями. Государства региона существенно различаются по объемам ВВП, уровню жизни, параметрам политической стабильности. На «Расширенном Ближнем Востоке» сконцентрированы источники новых вызовов, таких как международный терроризм, «политический исламизм», все чаще принимающий экстремистские формы, обозначились перспективы усиления региональной фрагментации, грозящие подчас даже распадом национальных государств.

Выраженное отсутствие консолидации «Расширенного Ближнего Востока» обуславливает разнородность представленных на данном пространстве акторов. Различия в экономическом потенциале стран, неоднотипность их политических

режимов, острота внутренних проблем, исторические наслоения, политические амбиции лидеров обуславливают выбор ими различных стратегий и союзников, характер складывающихся в регионе геополитических конфигураций.

Еще одной специфической чертой «Расширенного Ближнего Востока» является заметная роль в политических процессах религиозных и национальных движений и организаций. Оказывая серьезное воздействие на многие аспекты государственной политики, они выходят на транснациональный уровень, где выступают уже как самостоятельные акторы. И хотя эти структуры неоднородны, многие принимают откровенно экстремистский характер, действуя в качестве боевых подразделений международного терроризма.

Актуальность исследования объясняется еще и тем, что в условиях глобализации «Расширенный Ближний Восток» не может более оставаться замкнутой региональной подсистемой. Местные процессы невозможно осмыслить без учета деятельности мировых центров силы: США, России и Китая.

Цепляясь за модель однополярного мира, США под лозунгами экспорта «демократической революции» спровоцировали протестные события «Арабской весны», прибегая к инструментам «гибридной войны» с целью смены неудобных режимов, экономическому и политическому диктату. После катастрофического исхода войск США из Афганистана администрация Дж. Байдена нацелилась на усиление хаотизации в регионе, поддержку проамериканских сил, допуская даже причисление к ним радикальных движений.

Транзитный переход к многополярному миропорядку ставит на повестку дня переосмысление стратегических интересов России и их преломление на «Расширенном Ближнем Востоке». Все большее значение приобретает поддержка усилий государств по обеспечению политической, социально-экономической стабильности путем развития взаимовыгодных связей с ними. Особого внимания заслуживают новые конфигурации геополитических сил, в том числе в свете задач борьбы с терроризмом и политическим диктатом извне.

Сложность задачи по утверждению достойной роли России на пространстве «Расширенного Ближнего Востока» усиливается на фоне острой конкурентной

среды, своеобразия партнерств, разнонаправленности целей расположенных здесь государств. Например, требуется учитывать растущую роль в регионе Китая, при том, что не уходит на задний план фактор США. Для нас «Расширенный Ближний Восток» важен еще и потому, что он географически смыкается с зонами жизненных интересов России на Кавказе и в Центральной Азии.

Развязанная «коллективным Западом» санкционная война после начала российской спецоперации на Украине диктует необходимость интенсификации, причем в сжатые сроки, торгово-экономических связей и политического диалога России со странами «Расширенного Ближнего Востока». В принципе это реалистично ввиду неудовлетворенности региональных элит и широких народных масс характером существующего миропорядка.

Сложившаяся чрезвычайная ситуация требует качественного анализа и прогнозирования, выработки рекомендаций по оптимизации внешнеполитической стратегии России в быстро меняющихся условиях.

Степень научной разработанности темы. Политические процессы на «Расширенном Ближнем Востоке» достаточно активно и объемно исследуются в отечественной и зарубежной политической науке.

Первый блок исследований, значимых с теоретико-методологической точки зрения, образуют работы российских и зарубежных авторов, посвященные рассмотрению современного миропорядка, транзита от однополярного мира к многополярному, характера современных международных отношений, обзору в динамике подходов и принципов внешней политики государств.

Особое место занимают труды академика Е.М. Примакова¹, которому принадлежит бесспорный приоритет в теоретической разработке концепции нового миропорядка. В его работах не просто характеризуются принципиальные основы многополярного мира, новые вызовы и угрозы – многие тезисы были положены в основу российской внешней политики. Причем значительная часть

¹ См.: *Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Издательство Московского университета, 2014.

наследия Е.М. Примакова связана именно с проблематикой исследуемого в настоящей диссертации «Расширенного Ближнего Востока»².

Большую значимость и в политическом, и научном плане, имеют статьи и выступления министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова.

Заметный вклад в разработку теоретических и методологических аспектов нового миропорядка внесли такие российские ученые, как А.Г. Арбатов, А.Д. Богатуров, И.А. Василенко, К.С. Гаджиев, Д.А. Дегтерев, С.А. Караганов, О.Г. Карпович, В.Н. Коньшев, М.М. Лебедева, А.А. Сергунин, П.А. Цыганков, М.А. Хрусталеv и др.³. Стали появляться коллективные монографии о модальностях формирования национально ориентированной теории международных отношений (далее – ТМО)⁴.

Учитывались при написании диссертации и работы некоторых зарубежных специалистов, относимые к классическим разработкам и развивающие подходы к международным отношениям в наши дни⁵. Из всего многообразия трудов были

² *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2012; *Примаков Е.М.* Основополагающий конфликт // Россия в глобальной политике, 2009, № 3.

³ *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017; *Дегтерев Д.А., Тимашев Г.В.* Концепция многополярности в науке о международных отношениях // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. М., 2021. *Дегтерев Д.А.* Многополярность или «новая биполярность»? // Статья в открытом архиве. – 2020. – № 1; *Василенко И.А.* Геополитика современного мира. М.: Юрайт, 2019; *Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России. 2 изд. М.: Экономика, 2013; *Гаджиев К.С.* Великая трансформация в зеркале осевого времени. М.: Международные отношения, 2021; *Караганов С.А., Суслов Д.В.* Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности (доклад). М.: Высшая школа экономики, 2019; *Карпович О.Г.* Глобальные проблемы и международные отношения: монография. М.: Юнити-Дана, 2014; *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Политические исследования. – 2013. – № 2; *Лебедева М.М.* Метаморфозы мировой политики. М.: МГИМО(У), 2012; Преодоление разбалансировки международной стабильности / под ред. Арбатова А.Г., Бубновой Н.И. М.: Центр международной безопасности ИМЭМО имени Е.М. Примакова, 2018; Современные международные отношения / под ред. Торкунова А.В. М., 2012; *Хрусталеv М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008; *Цыганков П.А.* Ценности в мировой политике: теоретические споры, международная практика, позиции России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 3.

⁴ Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. Цыганкова А.П., Цыганкова П.А. М., 2005; О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова) / под ред. З.Н. Осадченко, Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. – 863 с.

⁵ *Haddad H.* IR Theory and the «New Middle East» // International Affairs. URL: <http://en.interaffairs.ru/events/655-ir-theory-and-the-new-middle-east>. (дата обращения: 20.11.2019). *Lake D.A.* Hierarchy in International Relations. Ithaca: Cornell University Press, 2011; *Morgenthau H., Thompson K., Clinton D.* Politics among Nations. New York: McGraw-Hill Education, 2005; *Mandelbaum M.* The New Containment. Handling Russia, China, and Iran // Foreign affairs, March /April 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment> (дата обращения: 20.02.2020); *Nehme M.* Neo-realism and American foreign policy in the Arab World Prepared. URL: <https://www.lebarmy.gov.lb/en/content/neo-realism-and-american-foreign-policy-arab-world>; *Rosenau J., Burgess Ph., Hermann F.* The Adaptation of Foreign Policy Research: A Case Study of an Anti-Case Study Project. International Studies Quarterly, Vol. 17, No. 1, 1973. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment> (дата обращения: 20.02.2020); *Snyder R., Bruck H., Sapin B.* Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. In Foreign Policy Decision-Making (Revisited). New York: Palgrave Macmillan, 2002; *Waltz K.*

выбраны работы с подходами политического реализма и его обновленной версии – неоклассического реализма. В свете сильных сторон политического реализма – стремления опираться на объективные тенденции общественного развития, следовать требованиям беспристрастного анализа международных отношений в категориях власти/влияния, – полезными для диссертации представляются два момента. Во-первых, упор сторонников данной теории на утверждение баланса сил посредством возможностей государства, что важно в силу изменяющейся роли государств «Расширенного Ближнего Востока», многие из которых уходят из периферийных зон мировой политики. Во-вторых, поиск обновленного баланса сил в условиях утверждающегося миропорядка с характерным для него генезисом множественных центров политического влияния.

Вместе с тем, заостренность классического политического реализма в большей степени на роли государств, что обедняет содержание современных международных отношений, побуждает обратить внимание на установки неореализма, который подчеркивает значимость глобальных измерений международных отношений, диктующих логику внешней политики государств в зависимости от структуры утвердившейся системы (К. Уолтц, Дж. Розенау, Г. Роуз). Это ставит на повестку дня вопрос об актуализированных требованиях к политическому анализу в условиях утраты миром однополярного характера и утверждения полицентричности. В таком контексте серьезное эвристическое звучание приобрел термин «региональная подсистема» (Т.А. Шаклеина)⁶, значимый в плане анализа политических процессов на «Расширенном Ближнем Востоке».

В Московском университете и других научных центрах в последние годы под руководством П.А. Цыганкова получили развитие традиции «умеренного» конструктивизма. Речь, в частности, идет о влиянии культурных норм и

Theory of International Politics. Chicago: Waveland Press, 2010; *Webber M.* Foreign Policy in a Transformed World. Harlow: Pearson Education Limited, 2014; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – № 1.

⁶ *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2017; Мегатренды. Основные траектории мирового порядка в XXI веке / под ред. Шаклеиной Т.А. и Байкова А.А., 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014.

национальных традиций на внешнюю политику стран, что, по убеждению Т.А. Алексеевой, требует признания в ТМО нарастания нелинейной динамики развития, отказа от одномерной иерархии власти в международной системе и внутри государств, учета сетевых взаимосвязей разного уровня и их направленности, «гибридизации» традиционных видов взаимодействия (начиная с дипломатии и кончая войнами), конструирования реальности и попыток ею управлять⁷. Для диссертации потенциал конструктивистской методологии имеет особое значение, поскольку многополярный мир есть, по сути, политический конструкт в стадии утверждения и развития. В этом контексте становится важным образ России, действующей на благо становления многополярного миропорядка в контексте «возвращения» на «Расширенный Ближний Восток».

Немалое значение имеют труды А.С. Панарина. Отвергая подходы на базе теории рационального выбора в пользу «гуманитарной политологии», он сформулировал свое понимание будущего миропорядка, свободного от угрозы навязывания извне странам и народам чуждых образцов и норм, установок на «нейтрализацию» национальных ценностей и утрату суверенитета. Следует здесь отметить и работы российских ученых, в которых модальности утверждения многополярного мира рассматриваются с позиций политической философии, связывающих единство мира с его растущим многообразием и с повышенным вниманием к задачам цивилизационного взаимодействия (И.А. Василенко, В.И. Коваленко, А.И. Костин)⁸.

Вторая часть работ первого блока включает в себя не только труды по собственно теории, но и по проблемам, оттеняющим общие подходы. Поскольку концепт «умеренного» конструктивизма связан с идеей утверждения «российской ТМО», любое исследование здесь априори сопряжено с задачами осмысления

⁷ О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П. А. Цыганкова) / З.Н. Осадченко, Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. – С. 177.

⁸ Василенко И.А. Переговоры с восточными партнерами: модели, стратегии, социокультурные традиции. М.: Международные отношения, 2016; Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательство Московского университета, 2016; Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. Костина А.И. М.: Издательство Московского университета, 2016; Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003; Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: «Русский мир», 2005.

национальных интересов России. Заслуживают упоминания разработки Ю.И. Авдеева, С.В. Аленкина, В.В. Алешина, В.К. Белозерова, А.И. Буркина, А.В. Возженикова, А.А. Казанцева, А.П. Кочеткова, С.В. Картунова, А.К. Пушкова, И.В. Рыжова.⁹

Современные проблемы региональной безопасности на «Расширенном Ближнем Востоке» рассматриваются в том числе в работах А.Г. Бакланова, Г.Г. Исаева, А.А. Сотниченко, Б.Г. Койбаева, В.И. Юртаева (Белова)¹⁰.

В третью группу того же блока входят труды, посвященные технологиям «мягкой», «жесткой» и «умной силы», применяемым в реализации внешней политики государств и обеспечении национальной безопасности, в частности,

⁹ Авдеев Ю.И., Аленкин С.В., Алешин В.В., Башкатов Л.Н., Беляев А.Е., Опалев А.В. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М.: Юнити-Дана, 2004. – 514 с. Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М.: РАГС, 2008; Возжеников А.В. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения. М.: РАГС, 2002; Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2013; Казанцев А.А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: Опыт Европы и перспективы России. М., 2015; Кочетков А.П. Стратегия национальной безопасности: Конспект лекций. М.: МНЭПУ, 2001; Кочетков А.П., Белоусов В.А. Об угрозах безопасности страны, связанных с процессом федерализации // Власть. 2000. № 6; Картунов С.В. Национальная и международная безопасность: Концептуальные основы. М.: Государственный университет – ВШЭ, 2007; Национальная безопасность России в условиях глобализации: геополитический подход / Под ред. Кочеткова А.П., Опалева А.В. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016; Крюков А.В., Лытнева Н.А. Особенности развития стратегии национальной безопасности России // Ростовский научный журнал – научное сетевое издание. 2018. № 2. URL: <http://rostjournal.ru/?p=2957> (дата обращения: 20.11.2019); Пушков А.К. Внешняя политика России и ее национальные интересы. М.: МГИМО, 2011; Радиков И.В. Политика и национальная безопасность. СПб.: Астерион, 2004; Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017–2024). М., 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/russian-foreign-policy-2017-2024/> (дата обращения: 20.11.2019); Рыжов И.В. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, Е.М. Савичева / Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. № 1 (25); Рыжов И.В. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке / М.Ю. Бородина, И.В. Рыжов, Д.А. Аверьянова // Мировая политика. – 2020. – № 4; Хрусталева Е.Ю., Цымбал В.И. Военная безопасность России: замыслы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1. С. 34–41; Фомин С.А. Обеспечение национальной безопасности. М.: Флинта, 2017.

¹⁰ Бакланов А.Г. Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности. М.: Институт Ближнего Востока, 2006; Бакланов А.Г. Ближневосточная система безопасности – упущенные возможности // Новое восточное обозрение. 2013. 6 февраля. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/print/120425> (дата обращения: 25.11.2015); Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. М.: МГИМО, 2001; Исаев Г.Г. Политическая регионалистика и Ближний Восток // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: сборник статей / под ред. Ягья В.С., Лагутиной М.Л. СПб.: СПбГУ, 2011; Ближний Восток: война и политика / под ред. Сотниченко А.А., Исаева Г.Г. М.: Издательский дом Марджани, 2011; Койбаев Б.Г. Ближний Восток: информация и региональная безопасность. СПб.: СПбГУ, 2002; Юртаев (Белов) В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в евразийской интеграции / В.И. Юртаев, А.С. Рогов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17., №3; Юртаев (Белов) В.И., Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. № 4; Юртаев (Белов) В.И. К вопросу о роли России в формировании идеологии евразийской интеграции // Сборник: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием. М., 2020; Гончарова А.А., Савичева Е.М., Юртаев (Белов) В.И. Исламский фактор в историко-политических процессах на Ближнем Востоке: новые реалии и тенденции // Вопросы истории. – 2020. – № 11-2.

России. Эти проблемы освещены в работах Е.В. Журавлевой, К.А. Кокорева, И.Н. Комиссиной, М.П. Першиной, А. Полунина, О.В. Столетова, И.А. Чихарева, А. Шустова.¹¹ Отдельно стоит отметить публикации А.В. Манойло, где освещаются особенности использования «мягкой силы» террористическими организациями. Используются также работы Дж. Ная-младшего, считающегося автором понятия «мягкая сила», и считающегося автором понятия «мягкая сила», и ряда других зарубежных политологов¹².

К третьей группе примыкают публикации с анализом современных «гибридных войн», которым уделяется особое внимание в ТМО и которые все чаще реализуются в реальной политике¹³.

Второй – более обширный блок включает исследования, посвященные собственно проблемам «Расширенного Ближнего Востока».

Анализу региональных и страновых политических процессов посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых-востоковедов и политологов. Среди них труды Р.В. Арзуманяна, В.М. Ахмедова, И.П. Добаева, А.О. Филоника, В.А. Исаева, В.В. Наумкина, П. Сила, Р. Хиннебуша, Д. Лича¹⁴.

¹¹ Журавлева Е.В. Политика «мягкой силы» КНР в отношении стран Центральной Азии. На примере Казахстана и Монголии (2007 – 2015 гг.): Автореферат дис. на соискание уч. ст. к.и.н. Специальность – 07.00.15. М., 2016; Першина М.П. Образование как инструмент «мягкой силы» внешней политики Китая // Молодой ученый, 2013, № 10, с. 461-462. Доступ: <https://moluch.ru/archive/57/7874>; Полунина А. НАТО: курс на гибридную войну // DISCRED. URL: https://www.discred.ru/news/nato_kurs_na_gibridnuju_vojnu/2015-12-01-17484 (дата обращения: 25.01.2020); Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу разумного использования мягкой силы во внешней политике России // Геополитический журнал, 2014, № 4; Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. URL: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat/> (дата обращения: 25.01.2020).

¹² Nye J. S. Jr. Soft Power // Foreign Policy, 1990. v. 80, №153; Nye J.S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004; Nye J. S. Jr. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2010; Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, Москва, 2006.; CSIS Commission on Smart Power: a Smarter, More Secure America / co-chairs: Armitage R. and Nye J. S. Jr. Washington, CSIS Press, 2007; Мид У.Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска. М., 2006.

¹³ Герасимов В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер – 27 февраля-5 марта 2013 – № 8. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 20.01.2020); «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. Цыганкова П.А. М.: Издательство Московского университета, 2015; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М., 2018; Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2019, № 2.

¹⁴ Арзуманян Р.В. Иррегулярные конфликты. Ближний Восток: террористические группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Исламский фронт»: цели, задачи, формы и способы действий в Сирии и Ираке. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014; Ахмедов В.М. Современная Сирия: история, политика, экономика. М.: Ключ-С, 2010; Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2001; Филоник А.О., Исаев В.А. Сирия: политическая эволюция и потенциальные угрозы. М.: ИБВ, 2007; Seale P. Assad of Syria: The Struggle for the Middle East. Berkley: University of California Press, 1989; Hinnebusch R.A. Authoritarian Power and State Formation in Ba'athist Syria: Army, Party, and Peasant. Oxford: Westview

Интерес ученых вызывают, в частности, события «Арабской весны», последствия которой затрагиваются в работах С. Бебави, Д. Боссио, Д. Брумберга, И. Вебба, Э. Граеффа, Г. Лотана, Дж. Маслина, М. Огбоннайя, К. Салиха, М. Хааса, П. Ховарда, М. Хуссейна¹⁵. Содержательными являются коллективные монографии, такие как «"Арабский кризис" и его международные последствия», «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте»¹⁶.

Отдельную группу второго блока составляют исследования по проблемам единства и фрагментации арабского мира. В их числе коллективные монографии «Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы», «Кризис арабского мира и трансформация мирового порядка», «Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)»; сборник «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?»¹⁷.

С другой стороны, следует выделить работы, содержащие анализ политических, социально-экономических, социокультурных, культурных, этнонациональных, конфессиональных характеристик конкретных государств «Расширенного Ближнего Востока». В указанных работах рассматривается политика шести арабских монархий Персидского залива – Саудовской Аравии,

Press, 1990; *Lesch D.W.* The New Lion of Damascus: Bashar al-Assad and Modern Syria. New Haven: Yale University Press, 2005.

¹⁵ *Bebawi S., Bossio D.* Social Media and the Politics of Reportage: The «Arab Spring». London: Palgrave Macmillan, 2014; *Brumberg D.* Transforming the Arab World's Protection-Racket Politics // *Journal of Democracy*. 24 July 2013. P. 88–103; *Haas M.L., Lesch D.W.* The Arab Spring: Change and Resistance in the Middle East. USA: Westview Press, 2013; *Howard P.N., Hussain M.M.* Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring. USA: Oxford University Press, 2013; *Lotan G., Graeff E., Ananny M.* The Revolutions Were Tweeted: Information Flows During the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // *International Journal of Communication*. 2011. № 5. P. 1375–1405; *Maslin J.* Pro-Regime Journalists Are Shaping Public Opinion in Egypt // *Columbia Journalism Review*. 22 January 2015. URL: https://www.cjr.org/b-roll/egypt_sisi_mona_iraqi.php (дата обращения: 20.11.2019); *Ogbonnaya M.* Comparative Analysis of Arab Spring Determinates: Security Implications for Nigeria // *African Security Review*. 2013. № 4. P. 264–276; *Salih K.* The Root and Causes of the 2011 Arab Springs // *Arab Studies Quarterly*. 2013. Vol. 35, No. 2. P. 184–206.

¹⁶ «Арабский кризис» и его международные последствия / под общ. ред. Васильева А.М. Отв. ред. Саватеев А.Д., Исаев Л.М. М.: ЛЕНАНД, 2014; Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте (коллективная монография). Отв. ред. Барановский В.Г., Наумкин В.В.; М.: ИВ РАН, 2018.

¹⁷ Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы / Отв. ред. Следзевский И.В., Саватеев А.Д. М.: Либроком, 2012; *Исаев Л.М., Саватеев А.Д., Следзевский И.В.* Кризис арабского мира и трансформация мирового порядка // Арабский кризис и его международные последствия / Под ред.: Саватеева А.Д., Исаева Л.М. М.: Издательская группа URSS, 2014; Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред.: Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. М.: ИВ РАН, 2012.

Кувейта, Катара, ОАЭ, Бахрейна, Омана¹⁸; изучаются актуальные проблемы конфликта в Сирии¹⁹, курдский вопрос²⁰ и другие страновые аспекты.

Внутренний пласт работ посвящен деятельности экстремистских и террористических структур на «Расширенном Ближнем Востоке» и наиболее опасной из них – «Исламского Государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ)²¹ (организация запрещена в России).

¹⁸ «Бесшумный» кризис охватил Персидский залив. 1.08.18 // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3051613> (дата обращения: 20.11.2019); *Василенков С.* Чьи доллары взрывают Сирию? 29.06.2013 // Око Планеты. URL: <https://oko-planet.ru/politik/politiklist/196759-chi-dollar-vzryvayut-siriyu.htm> (дата обращения: 20.11.2019); *Гасанова Д.* Персидский залив: слияние «братских» монархий отложено // Геополитика. URL: [http://www.geopolitics.ru/2013/12/persidskij-zaliv-sliyanie-bratskix-monarxij-otlozheno/](http://www.geopolitics.ru/2013/12/persidskij-zaliv-sliyanie-bratskix-monarxij-otlozhen/) (дата обращения: 20.11.2019); *Гулевич В.А.* Ирано-саудовское противостояние в регионе Персидского залива // Международная жизнь. 2012. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8295> (дата обращения: 20.11.2019); *Мальшьева Д.* Монархии Персидского залива и «арабская весна» // Международная жизнь. 2012. № 58. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/714> (дата обращения: 20.11.2019); *Манукян Д.А.* Вопросы безопасности региона Персидского залива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2009. № 4. С. 160-168; *Мохаммад М.Д.* Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества // Политэкс. 2014. Т. 10. № 4. С. 199–207; *Муради М.Р.* *Kayhan* (Иран): куда покатится мир в 2019? // Диалог. Таджикистан и мир. 2 мая 2019. URL: <http://www.dialog.tj/news/kayhan-iran-kuda-pokatitsya-mir-v-2019> (дата обращения: 20.11.2019); *Ульрихсен К.К.* Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/persidskij-zalivest-li-zhizn-posle-nefti/> (дата обращения: 20.11.2019); *Furtig H.* Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy // Middle East Journal. 2007. № 4. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-1418116381/conflict-and-cooperation-in-the-persian-gulf-the> (дата обращения: 20.11.2019); *Jedinia M.* Tehran Courts Gulf States. Tehran, July 12, 2007; The Manama Dialogue // The 4th IISS Regional Security Summit, December 7, 2007; *Nasr V.R.* The Shia Revival. New York: Norton and Company, 2006; Persian Gulf Region. Energy Information Administration. URL: www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Persian_Gulf/Full.html (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁹ *Еремينا Н.* Сможет ли Евросоюз развязать сирийский узел? // Евразия Эксперт. URL: <http://eurasia.expert/smozhet-li-es-razvyazat-siriyskiy-uzel/> (дата обращения: 20.11.2019); *Стенин А.* Сирийский узел: все против всех // Antiterror Today. URL: <http://antiterror.today.com/glavnoe-segodnya/sobytiya-v-sirii/10530-sirijskij-uzel-vse-protiv-vsekh> (дата обращения: 20.11.2019); США: Мы хотим свергнуть Каддафи и Асада, чтобы выгнать Россию и Китай из Средиземноморья // АПН. URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article8614.htm> (дата обращения: 20.11.2019); *Bradley J.R.* How Putin Came to Rule the Middle East // The Spectator, October 7, 2001. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019); *Brands H., Kahl C.* The Strategic Suicide of Aligning with Russia in Syria // Foreign Policy, February 7, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/02/07/the-strategic-suicide-of-aligning-with-russia-in-syria/> (дата обращения: 20.01.2020); *Galupo S.* How Russia is Using «Counterterrorism» to Sucker Trump // The Week, February 10, 2017. URL: <https://theweek.com/articles/678311/how-russia-using-counterterrorism-sucker-trump> (дата обращения: 20.01.2020); *Mathews O., Moore J., Sharkov D.* How Russia Became the Middle East's New Power Broker // Newsweek, February 9, 2017. URL: <https://www.newsweek.com/2017/02/17/how-russia-became-middle-east-s-new-power-broker-554227.html> (дата обращения: 20.01.2020); *Yeniçeri Ö.* Türkiye Suriye'de ne yapmalı? // Yeni, 23.05.2017. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/turkiye-suriyede-ne-yapmalı-42890uu.htm> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁰ *Гасратян М.А.* Курдская проблема в Турции (1986–1995). М.: ИВ РАН, 2001; Курдское движение в новое и новейшее время. М.: Наука, 1987; Кто такие курды и откуда они взялись? История происхождения нации курдов и их религия // Вопрос. Ответ. URL: <http://1-vopros.ru/557-kto-takie-kurdy-i-otkuda-oni-vzylis.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Мгои Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М.: Наука, 1991.

²¹ *Ильминская М.Ф.* Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник РУДН. Серия политология. 2014. № 4. С. 118–129; *Кузнецов А.А.* «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 41 (2). С. 184–192; *Мамаев Ш.* Новое противостояние суннитов и шиитов способно развалить одну страну и вырваться за пределы региона // Родон. URL: <http://www.rodon.org/relig-140627124208> (дата обращения: 20.11.2019); Конфликт между шиитами и суннитами: многовековое противостояние // RosInvest.Com. URL: <http://rosinvest.com/novosti/1243830> (дата обращения 26.10.2017).

Можно также выделить работы арабских авторов: Хусни аль-Ауды, Казима Наама, Нувара Хашема, Хайдара Хусейна, Шарифа Фараджа, Хадара Атвана и материалы Арабского центра политических исследований²², где затрагиваются отдельные аспекты настоящего исследования.

Отдельно стоит отметить третий блок отечественных и зарубежных работ, в которых исследуются роль США в регионе, стратегия экспорта «демократической революции», перспективная модель постамериканского или постзападного «Расширенного Ближнего Востока»²³.

Наконец, следует выделить четвертый – самостоятельный и очень важный блок трудов российских и иностранных ученых и экспертов, раскрывающих тему «возвращения» России на «Расширенный Ближний Восток» в статусе мировой военно-политической державы. Поскольку их число неуклонно растет, возможно перечислить лишь некоторые. Это работы Л. Вита, Р. Ищенко, А.А. Кузнецова, Дж. Бредли, М. Брюггманна²⁴.

²² Bishara A. *السياسة الخارجية السورية: درب الألام نحو الحرية-محاولة في التاريخ الراهن*, Arab Center for Research and Policy Studies, 2013; *al-Khouri G.* «الأوسط ولبنان الشرق دول على تأثيرها و لروسيا الجديدة الخارجية السياسة», *al Difaa al Watani*. No. 105, July 2018. URL: <https://www.lebarmy.gov.lb/sites/default/files/105.pdf>;

والسياسة حسني عماد حسني العوضي. *السياسة الخارجية الروسية: زمن الرئيس فلاديمير بوتين*. برلين: المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية والاقتصادية، 2017؛

كاظم هاشم نعمة. *روسيا والشرق الأوسط بعد الحرب الباردة: فرص وتحديات. الطعنين – قطر*: المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات، 2016؛
نوار جليل هاشم، حيدر علي حسين، أمجد زين العابدين طعمة. *الاقتراب الكبير (روسيا في الشرق الأوسط)*. نامع: دار الخليج للنشر والتوزيع، 2020؛
بن فاضل نصيرة عبدوي أميرة. *الاستراتيجية الروسية تجاه منطقة الشرق الأوسط في فترة الحراك العربي – دراسة حالة سوريا*. – مذكرة لنيل شهادة
الماجستير في العلوم السياسية والعلاقات الدولية. – تبسة: جامعة العربي التبسي، 2019؛

شريف مازن إسماعيل فرج. *توجهات القيادة السياسية الروسية وتطور الدور الروسي في النظام الدولي // المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية، الاقتصادية والسياسية، 12 يوليو 2016*

خضر عباس عطوان. *العلاقات السعودية الروسية: المصالح والتحديات // المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية، الاقتصادية والسياسية، 15 يناير 2019*

²³ *Tarasov S.* Санкции США сближают Россию, Турцию и Иран. //Regnum: Информационное агентство. URL: <https://regnum.ru/news/2457027.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Мануков С.* К С-400 прибавилась иранская нефть: Турция отказалась от американской отсрочки. 23.11.2018. // Expert Online. URL: <http://expert.ru/2018/11/22/> (дата обращения: 20.11.2019); *Apps P.* Has the Post-American Middle East Arrived? // The Japan Times, October 18, 2019. *Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 20.11.2019); *Englund W.* In the Middle East, There's One Country Every Side Talks to: Russia // The Washington Post, October 14, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/in-the-middle-east-theres-one-country-every-side-talks-to-russia/2019/10/14/2ac92702-ee90-11e9-bb7e-d2026ee0c199_story.html (дата обращения: 20.11.2019); *Glazova A.V.* (ed.) The US Strategy of «Rebalancing» in Asia Pacific and Russia's National Security interests // Russian Institute for Strategic Studies. URL: http://en.riss.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/11/Discussion_paper_2015_-2.pdf (дата обращения: 20.11.2019); *Steyn M.* Post-Western Middle East // Steyn Online, February 23, 2011. URL: <https://www.steynonline.com/3756/the-post-western-middle-east> (дата обращения: 20.11.2019); *Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 20.11.2019).

²⁴ *Vita Л.* Путинская Россия возвращается в Афганистан: очередной шах и мат Америке // ИноСМИ, 29.08.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170829/240133150.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Ищенко Р.* «Создать антиамериканскую коалицию». Почему с Москвой хотят дружить // РИА Новости, 28.01.2018. URL: <https://ria.ru/20180128/1513454271.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Кузнецов А.А.* Американские эксперты о ближневосточной политике США и России // Институт Ближнего Востока, 13 декабря, 2017. URL:

Что касается диссертаций, посвященных политическим процессам в странах «Расширенного Ближнего Востока», их число за последнее десятилетие также увеличивается и уже насчитывает несколько десятков. Имеет смысл упомянуть работы А.Д. Арямовой, С. Хадая, Ю.С. Кинаш, О.А. Мазур, имеющие прямое отношение к теме настоящего исследования²⁵.

Таким образом, глубина изучения проблемы позволяет судить о растущем интересе к «Расширенному Ближнему Востоку». Это, однако, не отрицает императива проведения дальнейшей исследовательской работы, что обусловлено, во-первых, динамикой внутрирегиональных процессов: стремительно меняющейся повесткой дня, чреватой новыми вызовами и конфигурациями в расстановке политических сил. Во-вторых, тем, что региональные процессы транслируют общую логику перехода к новому миропорядку, когда громко заявляют о себе страны, перестающие быть периферией мировой политики, а

<http://www.iimes.ru/?p=39849> (дата обращения: 20.11.2019); Минин Д.М. Аббас в Москве официально лишает США роли посредника в ближневосточном урегулировании. 14.02.2018. URL: <http://ruskline.ru/opp/2018/fevral/14> (дата обращения: 20.11.2019); Путин: Россия и Саудовская Аравия – лидеры по экспорту энергоносителей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20070212/60573266.html> (дата обращения: 20.11.2019); *Стабиле А.* Азартная игра Путина на Ближнем Востоке создала невероятные альянсы. URL: https://www.inopressa.ru/article/06oct2017/inotheme/alliance_obzor (дата обращения: 20.11.2019); Чаблин А. От саудовского короля Москва ждет не только «арабских» денег // Свободная Пресса. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/181177/> (дата обращения: 20.11.2019); *Bradley J.R.* How Putin Came to Rule the Middle East // *The Spectator*, October 7, 2001. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019); *Brüggmann M.* Er kam, sah zu und siegte // *Handelsblatt*, 8 Juni. 2017. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/kommentare/wie-trump-putin-starkmacht-er-kam-sah-zu-und-siegte/19899406.html?ticket=ST-4531082-0tFv7qkCc2BFgBNPbDth-ap4> (дата обращения: 20.11.2019); *Englund W.* In the Middle East, There's One Country Every Side Talks to: Russia // *The Washington Post*, October 14, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/in-the-middle-east-theres-one-country-every-side-talks-to-russia/2019/10/14/2ac92702-ee90-11e9-bb7e-d2026ee0c199_story.html (дата обращения: 20.11.2019); *Glazova A.V. (ed.)* The US Strategy of «Rebalancing» in Asia Pacific and Russia's National Security Interests. URL: <http://en.riss.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/11/> (дата обращения: 20.11.2019); *Mathews J.* Russia Replaces America as the Power Player in the Middle East. Carnegie Endowment for International peace // *The Hill*, June 3, 2018. URL: <https://thehill.com/opinion/international/376929-russia-replaces-america-as-the-power-player-in-the-middle-east> (дата обращения: 20.01.2020); *Mathews O., Moore J., Sharkov D.* How Russia Became the Middle East's New Power Broker // *Newsweek*, September 2, 2017. URL: <https://www.newsweek.com/2017/02/17/how-russia-became-middle-east-new-power-broker-554227.html> (дата обращения: 20.01.2020); *Mackinnon M.* Russia Sees Opening to Play Power Broker in Middle East and Beyond // *The Globe and Mail*, February 2, 2018. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019); *Valle A.Del.* Le retour de la Russie au Proche et Moyen-Orient: rencontre avec Randa Kassis, actrice majeure de la politique syrienne // *Atlantico*, 2 mars 2018. URL: <https://www.atlantico.fr/rdv/3321681/le-retour-de-la-russie-au-proche-et-moyen-orient--rencontre-avec-randa-kassis-actrice-majeure-de-la-politique-syrienne-> (дата обращения: 20.01.2020) и др.

²⁵ *Арямова А.Д.* Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов (на примере Украины и «Арабской весны»): сравнительный анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2016; *Хадая С.* Политический режим Сирийской Арабской Республики в контексте соперничества глобальных и региональных политических сил на Ближнем Востоке: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013; *Кинаш Ю.С.* Роль СМИ и «новых медиа» в современных политических конфликтах (на примере «Арабской весны» и Ливии): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017; *Мазур О.А.* Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии (после 2011 г.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.

государства и союзы, совсем недавно претендовавшие на роль гегемона, вынуждены теперь заниматься переформатированием своей внешней политики. В-третьих, речь идет о мире, где повышается роль негосударственных акторов, расширяется применение новых политических технологий и в котором будут формироваться приоритеты и внешнеполитические цели Российской Федерации.

С учетом описанных реалий и была выбрана тема настоящей диссертации.

Объектом исследования являются политические процессы на «Расширенном Ближнем Востоке» в условиях разложения однополярного мира.

Предмет исследования – роль и стратегии политических акторов, действующих на «Расширенном Ближнем Востоке» в процессе транзита к многополярному миропорядку.

Целью исследования является выявление и описание активности основных политических акторов в регионе, их стратегий с учетом геополитических, геоэкономических возможностей, конфликтности среды, выхода ряда стран региона на уровень региональных держав, способных влиять на процесс утверждения нового миропорядка, а также внешнего давления на фоне растущей турбулентности мировой политики. Во главу угла ставится выявление вызовов и потенциала «Расширенного Ближнего Востока» в становлении многополярности и на этой основе – определение стратегических приоритетов России в регионе.

Для реализации указанной цели ставятся следующие **задачи**:

- обозначить концепт «Расширенного Ближнего Востока», его коренное отличие от понятия «Большого Ближнего Востока», место в геополитических реалиях современности как региональной подсистемы;

- охарактеризовать основных политических акторов, действующих в регионе; выявить сущность, направления и формы реализации их стратегических установок;

- описать специфику духовно-идеологической составляющей политических процессов на «Расширенном Ближнем Востоке»; выявить роль идеологических установок исламизма/панисламизма, арабского национализма/панарабизма, неоосманства, других течений в определении стратегических ведущих акторов;

- конкретизировать характер новых угроз для региональной и глобальной стабильности со стороны международного терроризма в меняющихся условиях (военное поражение ИГИЛ в Сирии, приход «Талибана» к власти в Афганистане) и основные направления борьбы с ним;

- рассмотреть роль в регионе мировых держав, характер их деятельности в контексте проблем утверждения нового миропорядка;

- идентифицировать складывающиеся в регионе геополитические конфигурации, их роли и потенциал в привязке к стратегическим приоритетам Российской Федерации.

Гипотеза диссертационного исследования. В условиях нарастающей турбулентности в системе современных международных отношений заметно возрастает значение складывающихся региональных подсистем. Оценка возможностей этих подсистем в формировании нового миропорядка, определение состава действующих акторов, их стратегий и, в этой связи, стратегических приоритетов Российской Федерации представляет собой значимую научную проблему. Разработки в данной области могут привести к существенному приращению научного знания.

«Расширенный Ближний Восток» как раз представляет собой пример такой подсистемы, где, быть может, наиболее масштабно проявляются сложности транзитного периода в эволюции миропорядка. С одной стороны, те силы, которые перемещаются в центр с периферии глобального политического процесса, испытывают потребность в смене парадигм мирового развития, выступая как агенты утверждения многополярного мира. С другой, в условиях неконсолидированности региона их цели остаются разнонаправленными, а подчас противоположными, отталкиваясь от отличных друг от друга духовно-идеологических дискурсов. По совокупности указанные факторы вызывают рост нелинейной динамики «гибридизации» традиционных видов взаимодействия.

Крайне сложным остается вопрос политической субъектности региона. В качестве акторов выделяются, прежде всего, государства, многие из которых начинают обретать статус региональных держав. В то же время на «Расширенном

Ближнем Востоке» с беспрецедентной активностью проявляют себя политические движения религиозного и националистического толка, чья деятельность хотя и переплетается с установками государственной политики, продолжает сохранять самостоятельную значимость в региональных процессах. Принимая во внимание геостратегический характер данного региона в глобальном мире, здесь масштабно проявляют себя внешние игроки – мировые державы, которых вследствие этого правомерно включать в число акторов, оказывающих критическое воздействие на характер и динамику местной политической жизни.

Сложная противоречивость процессов на «Расширенном Ближнем Востоке» является питательной средой для возникновения различных геополитических конфигураций. Отличительной чертой последнего времени является активное участие в них России, что выражается в развитии партнерств с рядом ведущих держав региона – в некоторых случаях с перспективами вывода таких партнерств на стратегический уровень. Текущие конфигурации, конечно, не могут существовать вне полей влияния в регионе США, Китая и – с недавнего времени – Индии.

Методологической основой исследования выступает комплекс системных политических, социологических, этнополитических и общенаучных методов, что определяет его междисциплинарный характер.

В рамках общенаучных подходов использовался диалектический метод, позволивший выявить многоаспектность проблем нарождающегося миропорядка, их преломление в регионе «Расширенного Ближнего Востока», противоречивость нынешних политических процессов.

Методы системного анализа дали возможность установить взаимосвязь общих для региона тенденций в политической, религиозной и этнонациональной сферах, равно как и их проявления в политической жизни конкретных стран, определить место «Расширенного Ближнего Востока» в системе международных отношений в целом.

Для раскрытия существенных характеристик, реализующихся на пространстве «Расширенного Ближнего Востока», стратегий и политтехнологий применялся структурно-функциональный анализ.

Метод историзма позволил более четко определить истоки глубоко укоренившихся в регионе проблем политического, межгосударственного, религиозного и этнонационального порядка.

Методология компаративного анализа пригодилась для выявления особенностей политических установок государств региона, других существующих здесь центров силы, а также позиций мировых держав.

Ситуационный анализ был применен для оценки и прогнозирования конкретных и динамично меняющихся на «Расширенном Ближнем Востоке» политических ситуаций. Наряду с этим, использовались прикладные методы исследования: контент-анализ СМИ, методы включенного наблюдения.

Среди теорий международных отношений подспорьем стали концепции «баланса сил» и «баланса угроз», некоторые иные конструкты неореализма, но в особенности возможности цивилизационной парадигмы и конструктивистской методологии с ее акцентом на нелинейности политических процессов.

Нормативную и эмпирическую базу работы составляют официальные документы, в которых зафиксированы стратегические направления внешней политики Российской Федерации и обеспечения ее национальной безопасности²⁶, политики на пространстве «Расширенного Ближнего Востока»; документы межправительственных и неправительственных организаций²⁷; договоры между государствами региона, а также соглашения между ними и внешними акторами,

²⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 30.11.2016) // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 20.11.2019); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 20.11.2019); Основные внешнеполитические итоги 2019: офиц. текст // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3985482 (дата обращения: 20.01.2020). Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета—Федеральный выпуск № 5374.

²⁷ Фонд мира (The Fund for Peace). URL: <http://global.fundforpeace.org/>; Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations). URL: <http://www.cfr.org/>; Global Assessment Report on Disaster Risk Reduction // GAR. URL: <http://www.preventionweb.net/english/hyogo/gar/2011/en/home/executive.html> (дата обращения: 21.01.2020);

касающиеся в том числе экономических проектов с участием российских компаний.

Ощутимую роль в исследовании сыграли экспертные материалы и оценки, представленные отечественными и зарубежными СМИ.

Хронологические рамки исследования охватывают прежде всего второе десятилетие XXI века. По отдельным аспектам исследования автор также обращается к более ранним временным периодам. Политические процессы, получившие развитие после начала Российской Федерацией специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 года, находятся за рамками данной диссертации и могут стать предметом дальнейших исследований.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современном мире, отмеченном утверждением нового миропорядка, возрастает роль региональных подсистем, в числе которых видное место занимает «Расширенный Ближний Восток». Действующие здесь политические силы, будучи объективно заинтересованными в создании многополярного мира и отказе от одномерной иерархии власти в международной системе, имеют особые представления о собственных интересах, носящих подчас разнонаправленный характер. Это усугубляет турбулентность политических процессов, ограничивая возможности для устойчивого развития региона.

2. Упомянутые трудности влекут за собой не только рост национализма, обуславливая остроту религиозной и этнонациональной повестки, но и во многом детерминируют логику действий и взаимоотношений политических акторов. Еще одной региональной особенностью является столкновение архаики и нарративов современного развития, генерирующее настроения панисламизма, ваххабизма, неоосманизма. Они начинают проявляться в политике властей государств, выражением которой становятся враждебные акции, напрямую затрагивающие интересы национальной безопасности Российской Федерации. Так, ощутимее становится влияние идеологии и политики неоосманизма, растет влияние позиций «политического исламизма», причем нередко в крайних формах с нацеленностью на воссоздание «исламского халифата».

3. Не менее важная особенность региона – в том, что на его арене активно проявляют себя внешние игроки, оказывающие сильное воздействие на политические ситуации. Значимыми остаются позиции США, которые стремятся сохранить свое доминирование, смещая усилия в сторону дестабилизации, если не прямой хаотизации, региона, преследуя цели максимального ослабления противников в лице России и Китая.

4. Несмотря на противоречивость региональной политической ситуации, дифференцированный характер применяемых основными акторами стратегий, можно с уверенностью утверждать, что все эти феномены отражают логику современного развития, свидетельствуя о несостоятельности однополярности как гарантии стабильного развития. Характер политического процесса на «Расширенном Ближнем Востоке» подтверждает объективную необходимость перехода к новому миропорядку, в то же время отражая сложности транзита.

5. Складывающаяся на «Расширенном Ближнем Востоке» обстановка поощряет генезис геополитических конфигураций, способных влиять на ситуацию в регионе и мире в целом. Отличительной их чертой сегодня выступает созидательная роль России, что выражается в установлении ее партнерств с государствами региона, взаимодействии с Китаем, коллективном противостоянии гегемонизму США и ставит на повестку дня вопрос о будущих контурах постамериканского/постзападного мира.

6. Внешнеполитические задачи Российской Федерации на «Расширенном Ближнем Востоке» определяются ее национальными интересами, среди которых особое место занимают вопросы обеспечения национальной безопасности. Российская политика нацелена на поддержание стабильности, развитие и диверсификацию торгово-экономического и иного сотрудничества со странами региона. В утверждении детерминированных принципами нового миропорядка норм межцивилизационного диалога приоритетным становится расширение связей с местными культурно-образовательными учреждениями, национальными и религиозными сообществами. Встает конкретная задача сопряжения российской

политики на «Расширенном Ближнем Востоке» с ее оптимизацией на Кавказе и в Центральной Азии.

Научная новизна исследования характеризуется наличием следующих особенностей, которые детально не были зафиксированы в ранних исследованиях по сходной тематике:

- конкретизирована возможность существенного приращения научного знания посредством исследования процессов становления многополярного мира через региональные измерения. Дана оценка широко используемого в западной литературе концепта «Большого Ближнего Востока» с критикой включения в его состав акторов, которые, на взгляд автора, принадлежат к другим региональным подсистемам (государства Южного Кавказа (Закавказья), Центральной Азии, Афганистан и Пакистан);

- автором вводится в научный оборот понятие «Расширенного Ближнего Востока», в пределы которого, наряду с относящимися традиционно к региону Ближнего Востока арабскими странами и Израилем, инкорпорируются Турция и Иран. Столь широкая трактовка имеет под собой веские основания. В частности, Иран после Исламской революции 1979 года начал не только позиционировать себя в качестве государства Ближнего Востока, но и активно участвовать во всех ближневосточных процессах, включая конфликты и процессы их урегулирования. Турция, которая, как и Иран, относилась в советском востоковедении к Среднему, а не Ближнему Востоку, с приходом к власти в 2002 году Партии справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом стала продвигать свой имидж автохтонного ближневосточного актора, все глубже включаясь в региональные процессы. Нынешний статус Турции и Ирана как ближневосточных держав уже не оспаривается ни одним значимым политическим актором региона;

- Афганистан, государства Южного Кавказа и Центральной Азии, будучи геополитически отделены от Ближнего Востока, исключены из прямого участия в происходящих там процессах. Именно поэтому автор рассматривает понятие «Большого Ближнего Востока», слишком широко трактуя географические рамки региона, в качестве конъюнктурно-идеологической, а не научной

конструкции, предлагая взамен концепт «Расширенного Ближнего Востока». При этом не отрицается взаимное влияние событий, происходящих в данном регионе, с процессами на Южном Кавказе, в Центральной Азии и Афганистане, однако при том допущении, что последние имеют для «Расширенного Ближнего Востока» сугубо привходящий характер;

- концепт «Расширенного Ближнего Востока» определяет место и роль действующих в регионе акторов, направления и характер их стратегий. Анализ общерегиональных проблем («политический исламизм», суннитско-шиитское противостояние, внешнее давление) в комплексе с их страновыми измерениями позволяет полнее выявить взаимосвязь и взаимообусловленность возникающих на «Расширенном Ближнем Востоке» вызовов и угроз, векторов их обострения и возможностей решения сопряженных с ними проблем. А в глобальном контексте – оценить потенциал и роль региона в утверждении полицентричного мира;

- дается авторская оценка содержания современных версий панисламизма, панарабизма, неоосманизма, их перспектив в реальной политике. Уточняется характер угроз со стороны международного терроризма в условиях изменившейся обстановки (военное поражение ИГИЛ в Сирии, приход к власти в Афганистане «Талибана»). На конкретном материале, раскрывающем модальности использования американцами «жесткой» и «мягкой» силы, выявляется дестабилизирующая роль США на «Расширенном Ближнем Востоке»;

- исследован характер геополитических конфигураций, образующихся на пространствах «Расширенного Ближнего Востока», определены стратегические установки и направления деятельности их ведущих участников. Выявлена объективно растущая роль в них России с учетом различных типов конфигураций, от геополитических треугольников, векторы которых детерминируются задачами установления и укрепления партнерств России с государствами «Расширенного Ближнего Востока», Китаем и Индией, до образований с выраженными притязаниями Запада на сохранение своего доминирования в регионе;

- конкретизированы задачи по обеспечению национальной безопасности России, ее стратегические приоритеты на пространстве «Расширенного Ближнего

Востока», а также – в силу географических, этнонациональных и религиозных обстоятельств – на пространстве прилегающих стран Центральной Азии.

Научно-практическая значимость диссертации определяется тем, что ее выводы позволяют усовершенствовать концептуальные подходы к исследованию турбулентных политических процессов и сложностей утверждения нового миропорядка. Они создают задел для более всестороннего осмысления проблем «Расширенного Ближнего Востока», подвижек в мировой политике. Материалы диссертации могут быть использованы в научных разработках внешней политики Российской Федерации и стратегии обеспечения национальной безопасности.

Появляется практическая возможность скорректировать рекомендации по оптимизации политических усилий России на «Расширенном Ближнем Востоке» и на мировом уровне, уточнить приоритеты и задачи обеспечения национальных интересов. При этом результаты исследования пригодны для использования в подготовке учебных курсов для студентов и аспирантов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 38 научных публикациях автора, в том числе 2 монографиях и 36 научных статьях, 34 из которых входят в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, из них 17 из списка изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук. Общий объем опубликованных работ – более 73 печатных листов. По линии Министерства иностранных дел Российской Федерации автором подготовлен ряд разработок и аналитических записок, имеющих отношение к проблематике диссертации. Основные положения работы были также изложены автором в научных докладах на пятнадцати международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях и круглых столах, организованных МИД России, МВД России, Общественной палатой России, МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО(У) и РУДН.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Глава 1. Современный миропорядок и стратегические приоритеты России: теоретико-методологические аспекты

В своем теоретико-методологическом обосновании наше исследование обязано опираться на солидную базу, разработанную применительно к современным теориям международных отношений, конфликтологии, национальной безопасности и т.п. Вместе с тем, ориентация на каждую из этих составляющих требует известной заостренности анализа, концентрации научного внимания на соответствующих проблемах и оценках, а, значит, и определенной систематизации материала. Учитывая особенности объекта диссертационного исследования, цель и задачи диссертации мы считаем возможным в первую очередь отталкиваться от характеристик современного миропорядка.

Проблемы оснований и параметров современного миропорядка являются предметом острейшей политической борьбы. Эта борьба в высшей степени затрагивает мировые державы, предлагающие и активно реализующие соответствующие модели такого миропорядка, средства и механизмы его поддержания. В ней все более активно участвуют страны, еще недавно находившиеся на периферии мирового политического процесса. Растущую роль играют и негосударственные акторы. Естественно, что все это усиливает сложность современных политических процессов, многогранность возникающих геополитических ситуаций, обуславливает появление новых ракурсов в научных исследованиях.

Последнее немаловажно, ибо в современных теориях международных отношений существуют не только различные точки зрения на основания и

характеристики современного мироустройства, направления и перспективы его трансформации, но отсутствует даже единство в определениях самого миропорядка. В числе дискуссионных остаются вопросы соотношения понятий мирового и международного порядка, мирового (международного) порядка и мировой (международной) системы, их структурных характеристик и т.д. Еще более острые споры ведутся относительно моделей желаемого миропорядка, роли и места в нем основных акторов мировой политики, ее новых субъектов, используемых ими стратегий.

Из числа всех этих вопросов выделим только те, которые существенно значимы для нашей темы. Это, прежде всего, проблемы униполярности и многополярности мира, проблемы новых возможностей и, вместе с тем, серьезных противоречий в рамках региональных подсистем, начинающих играть все большую роль в мировом развитии, характеристики действующих здесь акторов, проблемы стратегических приоритетов России в меняющихся условиях.

На сегодняшний день (хотя есть и иные точки зрения) предлагаются два основных варианта мироустройства – это модели однополярного и многополярного мира. В своем же конкретном практически-политическом выражении мы являемся свидетелями крушения однополярной модели и утверждения полицентричного мира. Применительно к исследованию «Расширенного Ближнего Востока» это означает для исследователя возможность объемного рассмотрения всей соответствующей проблематики в ее конкретных специфических характеристиках.

С одной стороны, ситуация в этом регионе не может быть осмыслена с достаточной полнотой вне учета политики продолжающих претендовать на монопольное лидерство и господство в международных делах США в блоке с их союзниками. И в теоретико-методологической главе эта их роль, основные принципы и подходы к внешней политике должны быть представлены максимально выпукло.

С другой стороны, в условиях утверждения многополярного мира кардинально меняется роль государств, которые в течение многих

предшествующих лет выступали в роли объекта мировой политики. Появляются крупные региональные державы, все более активно заявляющие о своих национальных интересах, о своих растущих возможностях в экономическом и культурном развитии. «Расширенный Ближний Восток», вместе с тем, далеко не однороден. Острота проблем здесь (социально-экономических, геополитических, этнонациональных, религиозных) вызывает многие негативные следствия, принимающие уже общемировые свои измерения. Применительно к «Расширенному Ближнему Востоку» в виду имеется, прежде всего, международный терроризм, находящий здесь свою необходимую питательную базу.

Концепт нового мирового порядка, взятый нами за основу²⁸, позволяет четко выделить и стратегические приоритеты возвращающейся в регион России, и ее реальную роль в решении имеющихся здесь проблем.

²⁸ Сказанное не означает, разумеется, что нами не будут учитываться другие аспекты, имеющие отношение к методологическим основаниям исследования, и соответствующие ссылки в диссертации будут в диссертации представлены. Автор считает возможным быть при этом достаточно кратким еще и потому, что в опубликованных им ранее работах (См., в частности, *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. Эволюция баланса сил за Большой Ближний Восток. – М.: Университетская книга, 2020. – 519 с.) и современные течения, школы и подходы в теории международных отношений, и стратегические основания национальной безопасности представлены достаточно объемно.

1.1. Основные характеристики современного миропорядка²⁹

Несмотря на частое использование термина «мировой порядок» в политическом лексиконе, до сих пор нет общепринятого определения этого понятия, представители различных политологических школ склонны трактовать его с разных позиций.

Так, Ш.Ш. Шахалилов сосредоточивает внимание на характерных составляющих понятия «мировой порядок», к которым он относит принципы, правила, нормы, договоренности, обязательства, соблюдаемые государствами в отношениях друг с другом. Исходя из этой характеристики, Шахалилов дает понимание мирового порядка как «совокупности правил поведения государств на международной арене, устанавливаемых победителями с целью защиты национальных интересов и недопущения новых угроз своей безопасности»³⁰.

В специальной литературе, вместе с тем, все чаще подчеркивается, что для правильного понимания значения миропорядка важно понять его соотношение с международной системой, которая подразумевает под собой «совокупность государств мира, руководствующихся общепризнанными принципами и нормами

²⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Особенности американо-иранских отношений на современном этапе. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 187-198; *Ханалиев Н.У.* Северный Кавказ: новый взгляд [Электронный ресурс] / *Н.У. Ханалиев.* – М.: Логос, 2014; Ханалиев Н.У. Россия как альтернативный США актер на Ближнем Востоке. Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 92-103; *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке. Власть. – 2017. – Т. 25. № 9. – С. 143-152; *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 150-159.

³⁰ *Шахалилов Ш.Ш.* Мировой порядок: проблемы трансформации. Международная жизнь. – 2016. – № 9. – С. 111-128.

международного общения, зафиксированными в документах ООН, приведенных Уставу этой организации»³¹.

Большинство определений современного мирового порядка не ограничивает его и рамками только межгосударственных отношений. Для нас фиксация этого момента принципиальна, ибо применительно к ареалу «Расширенного Ближнего Востока» можно уверенно говорить о значимости иных факторов (международный терроризм, характер транснациональных, в том числе – религиозных, идеологий и др.). В этом смысле существенно актуализируется роль соответствующих движений и организаций, действующих в регионе, выявление их ценностных и политических установок.

А.В. Никитин определяет миропорядок как «относительно устойчивое и достаточно стабильное, хотя и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил»³².

По определению П.А. Цыганкова, «международный порядок – это такое устройство межгосударственных отношений, которое призвано обеспечить основные потребности государств и других институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития»³³. В другой работе им конкретизируется, что это устройство основывается на соблюдаемых политическими акторами «*принципах и правилах* поведения (взаимодействия друг с другом), созданных для этой цели *институтах* и разделяемых всеми *нормах и ценностях*»³⁴.

М.Л. Лагутина характеризует современный миропорядок как глобальную систему взаимодействия, под которой понимается «объективно складывающаяся в

³¹ Тимофеев, И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетр. No 18/2014 / [И. Н. Тимофеев]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М. : Спец книга, 2014. – 48 с.

³² Никитин А.В. Современный миропорядок: его кризис и перспективы / Полис. политические исследования. – № 6. – 2018. – С. 32-46.

³³ Цыганков П.А. Теория международных отношений [Текст] / П.А. Цыганков. – М., 2002.

³⁴ Международные отношения и мировая политика. Учебно-методический комплекс. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 156.

эпоху глобализации система глобального взаимодействия всех акторов мировой политики, основанная на совокупности доминирующих в мировой политике политических принципов, международных правовых норм и условий экономического и информационно-технического обмена, которые формируются под воздействием объективных процессов мирового развития»³⁵.

К.С. Гаджиев мировой порядок понимает в двух смыслах, в широком – как «мировое сообщество в его тотальности, т.е. как многослойную сверхсистему или надсистему, состоящую из множества взаимосвязанных, взаимозависимых, сотрудничающих и конфликтующих между собой подсистем в лице национальных государств, международных, межгосударственных и негосударственных организаций и транснациональных корпораций», и узком – как «систему взаимоотношений более или менее активных акторов мирового сообщества, основанную на комплексе неофициальных и официальных норм поведения, а также созданных на их базе институтов, организаций и союзов». При этом, основываясь на втором варианте, Гаджиев подчеркивает, что «международно-политическая система и соответственно миропорядок не есть результат всецело или преимущественно сознательных, планомерных действий отдельно взятого государства или группы государств»³⁶.

Схожего подхода к определению миропорядка придерживается Энн-Мари Слотер, выделяя в нем такое качество как его «дисагрегированность», выражающееся в том, что приобретающие все более относительную самостоятельность институты государства, вступая в контакты с соответствующими структурами других стран и организациями наднационального толка, образуют сети структурно-функционального взаимодействия («governmental networks») вертикального и горизонтального порядка. Образуется как бы глобальная «решетка», покрывающая весь мир.

³⁵ Лагутина М.Л. Формирование новой системы международных отношений [Текст] / М.Л. Лагутина // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. – СПб, 2006. – С. 53–65.

³⁶ Гаджиев К. Миропорядок сквозь призму синергетики [Текст] / К. Гаджиев // Международные процессы. Сентябрь-декабрь 2005. – Т. 3, № 3 (9).

В рамках глобализма широко популярна точка зрения патриарха международной дипломатии Генри Киссинджера, подчеркивающего, что разнообразие существующих в мире систем обуславливается не только разными принципами, на которых они основываются, но и тем, что они пребывают как бы в разном историческом времени. Отсюда крайняя неустойчивость и уязвимость современного миропорядка. Нарастает рассогласованность в действиях экономических и политических институтов, требований глобализации и отстаиваемой правительствами национальных границ. Нет и надежного механизма, который мог бы на сегодня обеспечивать должную эффективность в обсуждении ведущими игроками мировой политики назревающих проблем. В повестку дня, таким образом, по Киссинджеру, все больше входят проблемы совместного управления, международного сотрудничества на основе их соответствия с «общепринятыми правилами»³⁷.

Вот здесь и определяются практически-политические вопросы, связанные с содержанием «общепринятых правил», соблюдением норм международного права и в более широком (философском) смысле – с многообразием цивилизационных измерений современного мира. Рассмотрим эти подходы более предметно.

Следует отметить, прежде всего, устойчивое нахождение в теориях международных отношений фактора силы как гаранта устойчивости мирового порядка. Так, согласно широко известной теории представителя неолиберального институционализма Джозефа Ная, модель миропорядка определяется распределением силы на ее различных уровнях, и различия в ее методах обуславливаются конкретной ситуацией. Желаемого результата можно добиться путем принуждения («жесткая сила»), при опоре на оперирование демократическими и другими политическими и культурными ценностями («мягкая сила») или их сочетанием («умная» сила)³⁸.

Распределение силы в мире сегодня Най образно уподобляет сложной игре в шахматы на трёх досках одновременно. Поле верхней доски – это военная

³⁷ Г. Киссинджер. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С. 613.

³⁸ Джозеф Най Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренд, 2006. – 397с.

составляющая современного миропорядка, и, по Наю, его ось здесь моноцентрична. Фигуры средней доски олицетворяют экономические силы, представленные крупнейшими игроками, и положение здесь можно охарактеризовать в измерениях полицентричности. Нижняя доска – сфера деятельности транснациональных корпораций, где понятие центра крайне размыто. Опытный игрок должен схватывать игру на всех этих досках, одновременно связывая их в единое целое³⁹.

Еще более конкретно использовал метафору шахматной доски, правда, в более одномерном плане, другой американский ученый и идеолог Збигнев Бжезинский, обосновывавший в целом ряде своих последних работ концепцию однополярного мира под руководством США. В своей программной работе «Великая шахматная доска» он, опираясь на традиционную для геополитики концепцию «хартленда» (т. е. своего рода «сердца земли»), показывал, что господство над «хартлендом» и обеспечивает мировую гегемонию ведущей державе, которой, по Зб. Бжезинскому, безусловно, являются США. Несколько трансформировав традиционное представление о «хартленде», З. Бжезинский описал его в качестве «Великой шахматной доски», где разыгрываются главные геополитические события современности, а обеспечение доминирования в игре на ней и обеспечивает Соединенным Штатам руководство всем однополярным миром⁴⁰. Для данного исследования упоминание этой концепции Зб. Бжезинского примечательно тем, что в качестве «хартленда» он имеет в виду территорию Евразии, т. е. бывшего СССР, а прилегающие к нему регионы, в частности Большой Ближний Восток, рассматривает в контексте соотношения именно с «хартлендом».

Примечательно, что в своих последующих работах З. Бжезинский показывал, как США стали терять свою абсолютную гегемонию в мире, в

³⁹ Более подробно об этом см.: *Тимофеев И.Н.* Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетр. No 18/2014 / [И. Н. Тимофеев]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М. : Спец книга, 2014.

⁴⁰ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы = *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives* – New York: Basic books, October 1997 / Пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1998. – 255 с.

частности, над «хартлендом», а также над Китаем и другими странами и регионами Большой Евразии⁴¹.

Не вдаваясь в подробную оценку теории Ная, Зб. Бжезинского и других подобных концепций, отметим только, что в западной политологии тема полицентричности мира так или иначе в растущей степени входит в повестку дня. И все же, если говорить о реальной политике Соединенных Штатов и НАТО в целом, можно заключить, что в большей мере она продолжает (хотя и в изменяющихся формах) ориентироваться на другое. В *практическом плане* для политической элиты евроатлантического альянса остаются характерными установки на теории гегемонической стабильности с ее упором на то, что стабильность в мире может быть обеспечена только наличием доминирующего центра.

Нельзя не отметить, что ситуация, сложившаяся в мире после распада СССР в 1991 году, давала определенные основания политической элите Соединенных Штатов рассчитывать на свое безоговорочное лидерство и доминирование на планете. Мир в ряде существенных отношений обретал зримые черты моноцентричности⁴². Существовавшая с 1945 года система сдержек и противовесов в виде массива международного права и коллективных международных институтов была объявлена Соединенным Штатами устаревшей, так как не давала возможности США однозначно изменить баланс сил в свою пользу. Обозначилась серьезная проблема попытки группы западных стран во главе с США навязать западные правила поведения в качестве универсальных всему миру на правах «победителей в холодной войне». При этом «однополярность, – как отмечал академик Е.М. Примаков, характеризуя политику Вашингтона, – противопоставлялась не только опасной двухполярности,

⁴¹ Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство = The choice: global domination or global leadership / Пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова. – М.: Международные отношения, 2004. – 287 с.; Бжезинский З. Ещё один шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. Ю. В. Фирсова. – М.: Международные отношения, 2007. – 237 с.

⁴² Б. Капустин Идеология и крах советского строя / Россия в глобальной политике. № 6, 2016. – С. 150-159.

подводившей человечество к черте самоуничтожения, но и «взрывной» многополярности»⁴³.

Своей устойчивости мир, однако, не достиг, вместо нового баланса сил появился их дисбаланс. Новые реалии со временем стали все больше демонстрировать проблематичность статуса однополярности как гаранта стабильного развития. Становилось все более ясно, что подобный миропорядок не позволяет обеспечивать устойчивую управляемость глобальными процессами и коллективно реагировать на глобальные вызовы и угрозы безопасности.

В российской политологической литературе в оценках постсоветского периода и устанавливаемой формой миропорядка акцент все больше стал делаться на подчеркивание его транзитного характера. Принято считать, что открыто о кризисе миропорядка начал говорить президент России В.В. Путин в 2007 году на Мюнхенской конференции по безопасности. Речь была сфокусирована на издержках однополярности, проявляющейся в разрегулировании прежнего баланса сил, и обосновывался призыв перейти от однополярного к многополярному миропорядку. В 2014 году подход к оценке современного миропорядка был выражен Владимиром Путиным более полно в его речи на заседании Международного Валдайского клуба, в которой издержки однополярности связывались с коренной трансформацией в мировой политике, которая происходит либо в форме глобального противостояния (глобальной войны), либо в форме цепочки интенсивных конфликтов локального характера (Сирия, Ливия, Украина)⁴⁴.

Уже с момента акцентировки Российской Федерации значимости учета в миросистеме национальных интересов Запад развернул масштабную антироссийскую кампанию с целью недопущения превращения России во влиятельный центр силы, способный проводить самостоятельную внешнюю политику, тем более осуществлять свою роль в качестве влиятельной мировой державы. И хотя в тактическом плане его позиции менялись, и временами

⁴³ Там же. – С.11.

⁴⁴ Никитин А.В. Современный миропорядок: его кризис и перспективы / Полис. политические исследования. – № 6. – 2018. – С. 32-46.

достаточно заметно, стратегическая установка на удержание монопольного доминирования оставалась неизменной.

Обратимся в этой связи к официальным документам, определяющим внешнеполитическую линию Соединенных Штатов в современных условиях. Все меняющиеся редакции Стратегии национальной безопасности США объединяет одно – стремление обеспечить дальнейшее усиление глобального лидерства США. Так, В Стратегии национальной безопасности 2017 года, выделяются четыре «жизненно важных» национальных интереса страны: защита страны от внешних угроз, создание условия для ее процветания, сохранение мира посредством силы, дальнейшее усиление США в мире. В документе прямо названы главные враги, против которых Вашингтон намерен действовать на мировой арене. Это, прежде всего, Россия и Китай, которые были объявлены «ревизионистскими державами», выступающими против однополярного миропорядка и американской гегемонии в современном мире, и именно на них возлагалась вся ответственность за те проблемы, которые возникли перед США и Западом в целом. Отмечалось, что Китай и Россия стремятся формировать мир, который противоречит американским ценностям и интересам⁴⁵. В отношении России было предложено осуществлять политику ее «сдерживания» более открыто и решительно до тех пор, пока она остается преградой на пути доминирования США как единственной сверхдержавы⁴⁶. Утверждалось, что, вкладывая большие средства в новые виды вооружений, Россия – «остается самой значительной реальной угрозой Соединенным Штатам»⁴⁷. На нее уже тогда возлагалось ответственность за «вмешательство во внутренние политические дела других стран и за создание нестабильной обстановки в Евразии»⁴⁸.

В Стратегии указывалось на то, что «современные вызовы свободным обществам» приобрели «более разнообразный» характер по сравнению с

⁴⁵ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // WhiteHouse. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (Дата обращения: 20.02.2020).

⁴⁶Ibid.

⁴⁷Ibid.P. 25.

⁴⁸Ibid.P. 25. Помимо России и Китая, в Стратегии-17 источниками угроз национальной безопасности выделены Иран и Северная Корея, причисленные к категории «государств-изгоев», а также к международному терроризму.

вызовами периода холодной войны. Планируется, следовательно, отпор по всем направлениям. Существенное место в этой связи отводится экономической составляющей американского доминирования. Особое внимание уделяется и вопросам информационной и кибербезопасности. Констатируется, что «киберпространство стало весьма важным полем боевых действий», и отмечается, что если традиционно Вашингтон в основном обеспечивал защиту своей территории на сухопутных, воздушных, морских и космических полях сражений, то в нынешних условиях угрозой безопасности США могут стать хакеры, действующие как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому «враждебные намерения такого рода будут всячески пресекаться всеми доступными средствами»⁴⁹. Отменяется, в частности, принцип нейтралитета и равнодоступности сети⁵⁰: «Интернет – американское изобретение, и он должен отражать американские ценности так же, как он продолжает формировать будущее всех государств и всех поколений»⁵¹.

Как бы реанимируя установку Стратегии национальной безопасности США 2002 года, в редакции 2017 года Вашингтон допускает возможность начинать так называемые «превентивные» войны против стран, которые рассматриваются как угроза американским национальным интересам. Как известно, аналогичное положение Стратегии-2002 послужило оправданием агрессии США против Ирака (в 2003 году), Ливии и Сирии. При этом и в новой редакции предусматривалось дальнейшее наращивание военной мощи и резкое увеличение военных расходов. Заодно предлагался комплекс мер по осуществлению операций по стимулированию социальной и политической оппозиции в странах с неугодными Вашингтону режимами⁵².

⁴⁹Ibid.

⁵⁰ Цит. по: Что нового в новой Стратегии национальной безопасности США // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/12/20/chto-novogo-v-novoj-strategii-nacionalnoj-bezopasnosti-ssha-45295.html> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // WhiteHouse. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵² Немаловажное значение имеет и то, что начиная с советско-афганской войны 80-х годов прошлого века Вашингтон сыграл ключевую роль в создании и активизации целого ряда террористических движений, организаций, объединений.

Внедряя свою концепцию миропорядка, Запад преследует цель ввести дискуссии по ключевым темам в удобные ему форматы. Формируются узкогрупповые «платформы» чтобы в узком кругу согласовывать правила и порядки для последующего навязывания всем остальным.

Одновременно под каждый такой «формат единомышленников» Запад создает свой собственный механизм горизонтальных санкций по принципу, высказанному президентом Франции Э. Макроном 11 мая 2021 года – «мультилатерализм не означает необходимости добиваться единогласия и позиция «отстающих» не должна становиться препятствием для «амбициозного авангарда» мирового сообщества»⁵³.

В стратегических установках США, как мы видим, ключевое место продолжал и продолжает занимать силовой фактор, установка на «мир посредством силы». Такая установка определяется тем, что американская стратегия продолжает сохранять свою четко очерченную наступательную, интервенционистскую и даже агрессивную направленность, что четко проявлялось в продвижении НАТО на Восток вопреки всем предшествующим договоренностям и – в самые последние месяцы – в открытой поддержке националистического режима на Украине. Поддержке, которая приобрела уже откровенно провокационный и агрессивный характер, балансируя на грани прямого столкновения с Россией.

До недавнего времени, однако, во всяком случае, применительно к ареалу «Расширенного Ближнего Востока» в публицистической по преимуществу литературе ставился вопрос, не колеблет ли этот вывод факт вывода американских войск и их союзников по коалиции из целого ряда горячих точек региона и, в частности, характерные заявления по этому поводу Дж. Байдена? С нашей точки зрения, коренных установочных целей США это не нарушает. Мы согласны с мнением ряда экспертов, связывающих эти шаги американской администрации, в первую очередь, с ее стремлением «стряхнуть» с себя

⁵³ Лавров указал на упрямство, с которым Запад внедряет свои "правила" / ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/11765163> (Дата обращения: 28.06.2021)

«затратные» акции и перенацелить освобождающиеся средства на обновление своего военно-технического потенциала. Именно это становится для нее более предпочтительным в условиях впечатляющих достижений России в военно-технической области. Немаловажную роль играет ситуация в других точках (фактор Тайваня и др.). В этой связи, еще раз подчеркнем, особо показательной выглядит реакция США и НАТО на военную операцию России на Украине, связанную не в последнюю очередь и с их отказом на предложения России относительно гарантий ее безопасности. Все это служит зримым свидетельством «коллективного Запада» отстаивать принципы желаемого им мироустройства даже в условиях нарастания угрозы ядерной войны.

Всемерное сосредоточение усилий США на антироссийском направлении, вместе с тем, совсем не означает снижения их внимания в отношении «Расширенного Ближнего Востока». В этом плане представляются примечательными рассуждения и аргументы известного американского политолога М. Манделбаума, изложенные в статье, опубликованной в журнале «Foreign Affairs» в апреле 2019 года, в которой обосновывается необходимость возрождения проводившейся Вашингтоном в период холодной войны политики сдерживания в форме «нового сдерживания». Причем, для успеха такой политики, согласно Манделбауму, Америке необходимо заручиться поддержкой своих союзников.

М. Манделбаум начинает с того, что если в период холодной войны стратегия сдерживания была направлена исключительно против СССР, то в нынешних условиях она должна быть реализована применительно к трем государствам – Ирану, России и Китаю. Эти страны, «как и Советский Союз, представляют собой диктатуры, угрожающие американским интересам и ценностям», безопасности Запада в целом и США в особенности. В случае, «если путинская Россия сумеет восстановить свой контроль над бывшими республиками Советского Союза, Китай во главе с Си Цзиньпином – завоевать контроль над морскими путями на западной Тихого океана, а Иран аятоллы Али Хаменеи – контролировать нефтяные месторождения Персидского залива, то

Соединенным Штатам, их союзникам и мировому порядку, который они защищают, будет нанесен мощный удар»⁵⁴. Иначе говоря, если сдерживание времен холодной войны представляло собой единую глобальную стратегию, осуществляемую на конкретном уровне, то в современных условиях она должна включать «три отдельно взятые региональные инициативы, реализуемые в их взаимодействии».

В контексте темы настоящей диссертации, касающейся ситуации на «Расширенном Ближнем Востоке», формулируемые установки представляют особый интерес, но в данной части нам предпочтительнее выделить другое. Новая стратегия, сдерживания, заявляет Мандельбаун, должна иметь своей конечной целью «смену режима и особенно формирование демократии» в названных странах. Поскольку подобные радикальные изменения невозможны в условиях политической и социальной стабильности, Вашингтону следует опираться, в первую очередь, на «существующую в каждой из этих стран влиятельную внутреннюю оппозицию»⁵⁵. «Хорошо продуманная и эффективно реализуемая политика сдерживания» призвана стимулировать в каждой из названных стран дестабилизацию и беспорядки⁵⁶.

Другими словами, не в силах поддерживать желаемое ими состояние однополярного мира прежними способами США, декларируя своей целью защиту и продвижение ценностей политической демократии, прав и свобод человека, на деле сосредоточивают внимание на политике «управляемого хаоса». И хотя в самое последнее время в связи с провалом своей стратегии в Афганистане Вашингтон все чаще официально заявляет о своем отказе от продвижения демократии силовыми методами, это не означает, и даже, напротив, предполагает еще большую ставку на политику дестабилизации, в том числе и в зонах, непосредственно связанных с национальной безопасностью России, как, впрочем,

⁵⁴ *Mandelbaum M.* The New Containment. Handling Russia, China, and Iran // *Foreign affairs*, March/April 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment> (дата обращения: 20.02.2020).

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Ibid.*

и в самой России. Отсюда следует и резкое возрастание значения «гибридных войн» в современном мире.

В XXI веке, отмечал начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации В.В. Герасимов, «гибридные войны» опираются на нетрадиционные «асимметричные» средства, призванные создать «постоянно действующий фронт на всей территории противостоящего государства». «В таких войнах, – продолжил он, – возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходили силу оружия». Особенность этих войн – в «тенденции стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись, идут не по привычному нам шаблону»⁵⁷.

Проблема «гибридных войн» стала предметом исследования целого ряда работ в российской политической науке. Здесь нельзя не отметить фундаментальный труд, подготовленный коллективом авторов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством профессора П.А. Цыганкова, «"Гибридные войны" в хаотизирующемся мире XXI века», опубликованный в 2015 году. Как подчеркивает П.А. Цыганков, «гибридная война охватывает все население и заполняет все ниши информационного пространства, включая печатные и электронные СМИ, кибератаки, организацию семинаров, обучающие курсы с чтением лекций для сторонников оппозиционных движений и т.п. Она распространяется на самые различные сферы общественной жизни – политическую, экономическую, социальную, культурную. Ее мишень – ментальная составляющая и сама система общественной организации противника. В конечном итоге «гибридные войны» – это не только вооруженные конфликты, не имеющие пределов во времени, пространстве и в используемых средствах. Их главное отличие в том, что они размывают границы, отделяющие войну от других форм политического, экономического или идеологического противостояния. Одной из существенных черт «гибридной войны» является пренебрежение всеми

⁵⁷ Герасимов В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер 27марта-5 марта, №8. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 20.01.2020).

нормами морали и нравственности, использование самых грязных социальных технологий, включающих распространение слухов, ложь, клевету, искажение фактов, фальсификацию истории. Поэтому «гибридная война» втягивает в антагонизм все население и охватывает все сферы общественной жизни: политику, экономику, социальное развитие, культуру»⁵⁸.

«Гибридные войны», – оттеняет эти рассуждения К.С. Гаджиев, – представляют собой борьбу за власть как на национальном, так и международном уровне. При этом особенность данной категории войн, по сравнению с традиционными, состоит в том, что здесь применяется весь спектр доступных военных и невоенных форм, средств, методов и технологий идеологического, информационного, культурного экономического, политического и иных проявлений противоборства»⁵⁹.

Для современных конфликтов характерны такие черты, как участие в них негосударственных акторов, насилие, этнические и религиозные противоречия, сочетание новейших и самых архаичных средств противоборства, новых форм и средств, которые выходят за рамки традиционного облика войны. В этих конфликтах значимое место занимают интернет, социальные сети, глобальные телекоммуникационные каналы, искусственный интеллект, средства радиоэлектронной борьбы, беспилотники, военные роботы, оружие направленной энергии, вооруженные, нелетальные, политические и иные средства.

Неотъемлемой частью «гибридных войн» является информационная война, которая представляет собой комплекс целенаправленных мер и действий, имеющих ту же основополагающую цель подавления воли к сопротивлению противника, его капитуляции, что и в обычных войнах, но другими, невооруженными, средствами. Эта цель достигается путем идеолого-информационной, психологической дезорганизации, деморализации политического руководства и населения страны-противника.

⁵⁸ «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под редакцией П.А. Цыганкова–М.: Издательство Московского университета, 2015.- С. 23.

⁵⁹Гаджиев К.С. Гибридные войны в современном мире // Власть.2016. № 10.–. 222.

Констатировав исключительную опасность информационных войн, основанных «на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан», А.В. Манойло отмечает, что «их главная задача – разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле»⁶⁰. Информационные войны состоят из последовательно структурированных операций, объединенных конкретными задачами, формами и средствами информационного воздействия на сознание и поведение широких масс населения противника для достижения политических и военных целей.

Важнейшим средством в такой войне служат фейковые новости. В докладе «Постправда, постзапад, постпорядок?», подготовленном к открытию Мюнхенской конференции по безопасности 2017 года, среди угроз международной безопасности был выделен феномен индустрии фейковых новостей, возведенных с помощью цифровых технологий на новый уровень подачи. «Основной задачей фейковых новостей, в современных политических кампаниях и процессах, – отмечает А.В. Манойло, – становится перехват политической повестки с ее последующим замыканием на информационный повод, генерируемый самой фейковой новостью, а также создание вокруг этого информационного повода всеобщего ажиотажа. В отдельных случаях фейковые новости могут использоваться экстремистами для формирования социально-политической напряженности, провоцирования паники, протестных настроений, что создает существенные угрозы национальной безопасности»⁶¹.

⁶⁰ Манойло А.В. Технология современных информационных войн // Политическая наука. Спецвыпуск, Москва, 2017. С. 307.

⁶¹ Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2019, №2, с. 37.

Все это, как мы покажем ниже, в полной мере проявляло себя и в столкновениях на «Расширенном Ближнем Востоке», все это проявляет себя в наши дни и в связи с событиями на Украине – в отношении как общественного сознания в Европе и в мире в целом, так и в целях его раскола в Российской Федерации.

Принципиально иное видение рассматриваемых проблем предлагает Россия. В общефилософском плане это, в первую очередь, обосновывается методологией цивилизационного подхода к утверждающемуся миропорядку.

Примечательно, что постановка вопроса о цивилизационных измерениях современного миропорядка характерна и для некоторых западных ученых. Показательны, однако, и выводы, делаемые ими из признания данного обстоятельства. В этой связи уместно сослаться на нашумевшую в свое время книгу американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Обоснованность ссылки на эту широко известную работу подкрепляется еще и тем, что рассуждения ее автора связываются, в первую очередь, с регионом, который и является объектом нашего исследования.

Хантингтон заявляет: «Основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов»⁶².

Одно из центральных мест в концепции Хантингтона занимает тезис, в соответствии с которым современность – «это век мусульманских войн». «Мусульмане, – пишет он, – борются друг против друга, а также против немусульман намного чаще, чем народы, принадлежащие к другим цивилизациям. Войны мусульман пришли на смену холодной войне, которая до этого являлась

⁶²Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33.

основной формой международного конфликта». В обоснование своей позиции Хантингтон ссылается на ирано-иракскую войну, начавшуюся в 1980 году, вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 года, нападение С. Хусейна в 1990 году на Кувейт и последовавшую за ней военную операцию «Буря в пустыне», вспыхнувшие в 90-х годах конфликты между мусульманами и немусульманами в Боснии, Косово, Македонии, Чечне, Азербайджане, Таджикистане, Кашмире, Индии, на Филиппинах, в Индонезии, на Ближнем Востоке, в Судане, Нигерии и т.д. С точки зрения Хантингтона, террористические, партизанские, гражданские войны и межгосударственные конфликты, которые ведутся мусульманами, это не только локальные конфликты, их особенность в том, что они «могут перерасти в глобальное столкновение цивилизаций между Исламом и Западом, а также между Исламом и остальными». Формулируя позицию США и всего евроатлантического сообщества, и делается вывод: системное противостояние двух масштабных идеологий коммунизма и либерализма сменяется формулой – «The West against the rest», то есть «Запад против остального мира».

В части, касающейся нашего исследования, в центре оказывается идея о неискоренимой вражде христианской и мусульманской цивилизаций, подпитывающая феномен исламофобии, охватившей в последние годы многие страны Запада.

Мир в наши дни, действительно, становится все более сложным. В условиях усиления стратегической нестабильности, стремительного развития экономического кризиса в мире, многочисленных военно-политических конфликтов и распространения эпидемии коронавируса можно прогнозировать появление новых вызовов и угроз, связанных с возможными гуманитарными катастрофами, неуправляемыми миграционными процессами, усилением террористических и экстремистских угроз с их метастазированием на киберпространство.

К.С. Гаджиев характеризует этот процесс как гибридизацию и раздвоение мира. С одной стороны, речь идет о системе взаимоотношений государств,

которая функционирует, соблюдая (во всяком случае, формально) принципы межгосударственных отношений в соответствии с установками традиционной дипломатии и защиты национальных интересов и национального суверенитета. С другой стороны, мы вправе говорить о транснациональном глобальном мире, где решения, принимаемые по тем или иным жизненно важным для его граждан вопросам за пределами государства, нередко приобретают большую значимость, чем решения, принимаемые властями самого этого государства.

Существующая модель глобализации оказывает аналогичное воздействие и на другие сферы общественной жизни – культуру, религию, традиции, национальные чувства, способствуя появлению новых конфликтных зон. Особо острой становится проблема национальной идентичности в условиях переплетения международного, транснационального, регионального и глобального начал.

Разворачиваются тенденции и процессы виртуализации политического, геополитического и геоэкономического пространства соответственно, их военно-политической составляющей. В этой связи, как отмечает К.С. Гаджиев, нельзя не отметить тот факт, что, при определенных условиях «современные информационные технологии, по мере расширения сфер их применения в повседневной жизни, делают общество более уязвимым перед политическим контролем, способствуют наращиванию и совершенствованию инструментария политического господства, создают потенциальную возможность авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на личность»⁶³.

С нашей точки зрения, пока еще до конца не осмыслены последствия пандемии COVID-19, которая существенным образом повлияла на устоявшийся миропорядок и стала новым вызовом современности. Более того, как заявил президент России В.В. Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай»: «Коронавирус дал серьезный импульс для изменения баланса сил в мире»⁶⁴.

⁶³ Метаморфозы идеологии в век информатики [Электронный ресурс] / Гаджиев К.С.–М.: Университетская книга, 2016.

⁶⁴ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (Дата обращения: 20.02.2020).

Все эти общие характеристики современного мира не могут не сказываться в большей или меньшей степени на состоянии современного миропорядка, не находят отражения в соответствующих стратегиях основных акторов мировой политики. В особо острой форме они, однако, проявляют себя в собственно политической сфере.

В контексте задач настоящей диссертации представляется важным выделить следующее обстоятельство. Одним из проявлений радикальных метаморфоз в глубинных инфраструктурах современного мира, как иногда подчеркивается в специальной литературе, можно считать исчезновение разделения современного мира на первый-второй-третий миры, а также все более четкое высвечивающиеся изменения в разделении мира на Центр, включающий индустриально и информационно развитый Запад, и Периферию, традиционно включающую весь остальной мир, часть из которого, однако, в нынешних условиях превратилась в новый центр экономико-технологической и военно-политической мощи, во многом ничем не уступающий первому.

Соглашаясь в целом с этим выводом, считаем необходимым оттенить значимость второй из обозначенных тенденций, выражающейся в углублении и расширении раскола мира на центр и периферию. С одной стороны, это по-прежнему стимулируется позицией ведущих стран Запада, которые в условиях растущей конкуренции либо возрождают риторику неокOLONиализма, либо, как отмечает П.А. Цыганков, формулируют рецепты «отгораживания» мирового центра от периферии и даже наказания последней за исходящие от нее дестабилизирующие импульсы⁶⁵. Речь, таким образом, – при характеристике места периферии (в нашем случае – региональных подсистем) в системе международных отношений – должна идти с учетом роли в этих процессах крупнейших мировых государств, их стратегических целей и установок.

В полной мере требуется, с другой стороны, учесть значение и других обстоятельств. Безусловно, возникающие региональные подсистемы уже становятся способными весомо заявить о своих интересах, но на сегодня они

⁶⁵ См.: Международные отношения и мировая политика. Учебно-методический комплекс . – С. 166-167.

выступают как, может быть, наименее консолидированные акторы мирового политического процесса. Они остаются глубоко разнородными в плане их экономических возможностей, геополитических устремлений, политических целей и др. Более того, внутри этих подсистем сохраняются и множатся откровенно взрывные начала, сказывающиеся не только на политических ситуациях в соответствующем регионе, но и в мире в целом. В этом контексте можно определенно заключить, что утверждающийся миропорядок отнюдь не беспроблемен, что новые рождающиеся вызовы могут серьезно поставить вопрос о его устойчивости, его стабильном развитии. Это важно, но основной вопрос, с нашей точки зрения, все же в другом: способны ли эти вызовы поставить под сомнение возможности и задачи перехода к новому мироустройству, опровергнуть стратегические установки Российской Федерации в этом отношении?

В *теоретическом плане*, еще раз подчеркнем это обстоятельство, возможности ответа на этот вопрос закладываются цивилизационным подходом, для которого модель многополярного мира выступает как его необходимое и даже конституирующее основание. Исходя из положения, сформулированного В.И. Коваленко о том, что «любая страна, любой народ в своем историческом развитии должны с неизбежностью руководствоваться национально-государственными интересами, реализация которых (во всей их системе) единственно и выступает предпосылкой естественного и равноправного движения общества в мировом политическом процессе», соответствующая парадигма дает возможность избежать опасности конфликта между цивилизациями и перейти им к позитивному взаимодействию и диалогу. Утверждающаяся сегодня модель многополярного мира в своем принципиальном плане позволяет решить многие противоречия, и не только в международных отношениях. Объективно она позволит «неизбежно расширять возможности противостояния политическому гегемонизму, военно-экономическому диктату отдельных стран и объединений, искусству международного терроризма и др., и, в то же время, изживанию уже дискредитировавших себя подходов к решению сложных задач современного

миропорядка». Эта модель позволяет отойти от установок на структурно-функциональное «сжатие» социальных реалий, цивилизационной унификации мира, уже не способных сегодня адекватно отвечать потребностям общественного прогресса. Требуется осознать, замечает В.И. Коваленко, что моносистема – это всегда смерть системы, путь к социальной атрофии и энтропии. Внутренняя разнородность нынешнего мира, – это не проклятие на голову человека, а великое богатство, которым надо просто суметь распорядиться, суметь наладить адекватные связи между цивилизациями, культурами, этносами. И тогда эта внутренняя разнородность будет выступить совсем не как деструктивный, но как конструктивный фактор, обеспечивающий необходимую устойчивость в мировом развитии⁶⁶.

Важна поэтому, как неоднократно выделял эту мысль крупный политический философ А.С. Панарин, реабилитация в науке социокультурного значения пространственных характеристик социального бытия, разработка социально-исторической теории пространства. Конечно, «важно отлить это положение в его современные формы: продвигать развитие (страны, этноса, государства) означает продвигать не просто «традиционную» культуру, а культуру, которая черпает свою идентичность в традиции, открываясь всем позитивным течениям в мире». Нужно еще очень серьезно поработать над преодолением одномерного мышления, фиксации весьма поверхностных сцеплений национального и зарубежного опыта, глубоко и объемно осмыслить сложный механизм их взаимодействия.

Другими словами, адекватными подходами к разрешению сложнейших проблем современного миропорядка можно признать те, которые ориентируются на межцивилизационное сближение, обусловленное общей логикой современного исторического развития, и в то же время на сохранение культурного, конституирующего ядра своей цивилизации. Из этого следует, что наступает пора переоценки многих ценностей. Мир уходит от либерального однополярного

⁶⁶ Более подробно см.: *Коваленко В.И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: издательство Московского университета, 2016. – 703 с.

миропорядка и движется в направлении нового полицентричного типа самоорганизации миросистемы.

Эта миросистема должна стать не ареной столкновения цивилизаций, а пространством широчайшего диалога между ними, утверждая единство и нераздельность человеческого бытия в его многообразии. Составляющие этой системы – «равноправие и самоценность культур, верований и традиций, жизненных укладов и ценностных установок вкупе с требованиями недопустимости силового вмешательства во внутренние дела других государств, подкрепленными конвенциональным оформлением принципов и механизмов необходимого сотрудничества».⁶⁷

Иное дело, что *объективные* преимущества модели многополярного мира еще требуется воплотить в действительность. В своем выступлении на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021» президент России В.В. Путин констатировал: «Реальность такова, что в мире сформировались разные центры развития, со своими самобытными моделями, политическими системами, общественными институтами. И сегодня крайне важно выстроить механизмы согласования их интересов, чтобы многообразие, естественная конкуренция полюсов развития не обернулись анархией, чередой затяжных конфликтов»⁶⁸. Применительно к «Расширенному Ближнему Востоку» этот призыв представляется вдвойне актуальным.

Все это предполагает целенаправленную работу по выстраиванию новой системы взаимоотношений в дипломатической сфере, в активизации взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества и т.д. Крайне важной остается способность эффективного противостояния угрозам, связанным с тенденциями хаотизации международных отношений, активизацией международного терроризма, внешним диктатом. Автору близка точка зрения

⁶⁷ Коваленко В.И. Образ России в стране и в мире: объединяя прошлое, настоящее и будущее / Проблемы и перспективы инновационной политики в современной России: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2017. – № 6. – С.96.

⁶⁸ О чем говорил Владимир Путин на сессии онлайн-форума "Давосская повестка дня 2021" / Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/01/27/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-sessii-onlajn-foruma-davoskaia-povestka-dnia-2021.html> (Дата обращения: 27.01.2021).

ряда отечественных ученых, формулирующих идею создания «нового концерта наций», который в условиях стимулируемой Западом конфронтации способен принять и *постзападные* свои измерения⁶⁹. Особо заметный шаг в этом направлении уже сделан в Китае в феврале 2022 года в ходе встречи российского и китайского руководителей. В этом контексте, обращая особое внимание на растущие возможности Китая и Индии, не следует недооценивать и потенциал «Расширенного Ближнего Востока», во всяком случае, отдельных его государств. И главное: активная роль России в утверждении такого миропорядка может обусловить довольно значительную лояльность среди развивающихся стран, усиливать положительный имидж Российской Федерации в качестве ведущего актора трансформирующегося мирового порядка.

⁶⁹ Более подробно см.: Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. – 2017. № 6.

1.2. «Расширенный Ближний Восток» в системе геополитических и научных координат

Наш анализ целесообразно начать с выявления оснований несколько иного концепта – «Большого Ближнего Востока». Это понятие было введено в политическую практику по историческим меркам совсем недавно: оно вошло в научный и политический дискурс после того, как администрация президента США Буша-младшего в конце первого срока своего пребывания на посту президента представила новую стратегию США на Ближнем Востоке и Северной Африке под названием «Инициатива Большого Ближнего Востока». В 2003 г. выступая перед выпускниками университета Южной Каролины, президент США Дж. Буш-младший, заявил о планах по созданию в течение ближайших десяти лет зоны свободной торговли между США и Ближним Востоком. Как обычно, это сопровождалось утверждениями о том, что такая политика будет способствовать арабским странам расширить круг возможностей в сфере экономики и торговли, снизив свою зависимость от конъюнктуры нефтяного рынка. Более того, президент США отметил, что «сменив коррупцию и корыстные сделки на свободные рынки и справедливые законы, народы Ближнего Востока преумножат процветание и свободу»⁷⁰. Появилось и понятие «Новый Ближний Восток», которое стало все больше сопрягаться с необходимостью усиления геополитического влияния Запада и даже прямых гуманитарных и иных интервенций сюда для «демократизации» существующих политических режимов. Бывший государственный секретарь К. Райс в июле 2006 года, оценивая

⁷⁰ Проект "Большой Ближний Восток". Доступ: <https://kimura.livejournal.com/87538.html> (Дата обращения: 22.06.2021).

вторжение израильских войск в Ливан, прямо заявила: «То, что мы видим здесь, это в некотором смысле растущие муки рождения «Нового Ближнего Востока»⁷¹.

Практически одновременно Ближний Восток в западном политическом дискурсе стал трактоваться расширенно – как территория государств с преобладающим мусульманским населением: от Марокко до Пакистана, и от Турции до Судана. Так появилось понятие Большого Ближнего Востока, который стал включать Северную Африку, Ближний и Средний Восток, Турцию, Афганистан и Пакистан. Активный вклад в разработку этой концепции внесли Г. Киссинджер, Г. Допрет, Д. Рамсфельд, Д. Чейни, К. Райс, Р. Перл, П. Вулфовиц, М. Гроссман. Речь в ней шла о новом подходе ко всему региону, ядром которого становился экспорт «демократической революции» на всевозрастающее число стран и народов. В итоге Новый Ближний Восток был переформатирован в Новый Большой Ближний Восток.

На сегодняшний день существуют многообразные его определения, которые, как правило, включают в его состав различные государства, классифицируемые разными критериями. Так, согласно «Справочнику мира» ЦРУ (CIA World Factbook), Большой Ближний Восток включает в себя целиком Аравийский полуостров, Иран, Кавказ, Турцию и все располагающиеся между ними территории⁷². Хотя в этом перечне отсутствуют государства Северной Африки, соответствующие западные исследования обычно расширяют этот список. Так, в частности, характеризуя регион, сотрудница Института Брукингса Т.К. Уитс писала, что он «простирается от Марокко до Пакистана», по всей Северной Африке, традиционно понимаемому Ближнему Востоку и некоторым территориям Южной Азии⁷³. Такая расстановка так же обосновывалась ею, как и большинством других авторов, необходимостью расширения «пространства распространения демократии» и обеспечения эффективности стратегии США.

⁷¹ Secretary Rice Holds a News Conference // The Washington Post, 21 July 2006.

⁷² The CIA World Factbook: Middle East // Central Intelligence Agency, 26 June 2014. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_mde.html (Дата обращения: 20.01.2020).

⁷³ Wittes Tamara Cofman. The New U.S. Proposal for a Greater Middle East Initiative: An Evaluation // The Brookings Institution, May 10, 2004. URL: <http://www.brookings.edu/research/papers/2004/05/10middleeast>. (Дата обращения: 20.01.2020).

Достаточно закономерно поэтому, что некоторые российские авторы рассматривают Большой Ближний Восток как «новый геополитический феномен, порождённый окончанием «холодной войны» и распадом СССР, в результате чего у ведущих акторов мировой политики открылись перспективы кардинальной перекомпоновки регионального пространства, расположенного южнее российских границ»⁷⁴. В этом контексте становится понятным включение в этот регион не только территорий, прилегающих к Восточному Средиземноморью и Аравийскому полуострову, но и «периферийные территории, прилегающие к Черному и Каспийскому морям, т.е. Малую Азию, Закавказье, а также Центральную Азию, на которые стремятся распространить своё влияние Турция, Саудовская Аравия и Иран»⁷⁵.

Включение стран Центральной Азии в рассматриваемый мегарегион российские аналитики Т.А. Ганиев и В.В. Карякин связывают с экономической и политической близостью стран Центральной Азии с вышеперечисленными странами и интересом ведущих мировых держав к ее выгодным стратегическим положениям, богатым углеводородным ресурсом. Считая в этом смысле возможным использование данного термина, Ганиев и Карякин считают, что внутри Большого Ближнего Востока, наряду с признанными региональными державами, формируются и новые центры силы, к которым, с их точки зрения, можно отнести Казахстан, Азербайджан и Узбекистан, имеющие свои представления о будущем региона и о своей роли в построении нового экономического и политического миропорядка путём реализации современных крупных экономических водно-энергетических проектов⁷⁶.

И все-таки появление понятия «Большой Ближний Восток» нельзя связывать исключительно с обстоятельствами чисто географического толка.

Показательно, что утверждение концепции Большого Ближнего Востока у большинства арабских стран вызвало в целом негативную реакцию. С их стороны

⁷⁴ Большой Ближний Восток как новый феномен геополитической реальности современного мира. Доступ: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/> (Дата обращения: 22.06.2021).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

Соединенным Штатам Америки было, в частности, высказано недовольство тем, что концепция не содержит упоминания о необходимости разрешения арабо-израильского конфликта как предпосылки для проведения на Ближнем Востоке навязываемых демократических реформ. Некоторые лидеры ближневосточных государств даже прямо обвинили США в том, что концепция Большого Ближнего Востока направлена на обеспечение интересов Израиля и США в регионе.

Особо следует сказать о позиции России в отношении концепции Большого Ближнего Востока. В ее американском варианте можно выделить ее однозначную направленность, выраженную в стремлении США усилить влияние Вашингтона на этот регион, расширить существующие здесь зоны нестабильности, превратив регион в своеобразные «Евразийские Балканы». Примечательно в этом плане включение в состав Большого Ближнего Востока Афганистана, где на момент провозглашения концепции присутствовали войска коалиции во главе с США. В пропагандистском отношении это, под предлогом борьбы с международным терроризмом, как бы оправдывало их «миротворческую деятельность» во всем ареале и позволяло наращивать свои усилия по экспорту «демократической революции». Не менее важным выступало и то, что концепт Большого Ближнего Востока обнимал собой страны Центральной Азии, то есть обширные зоны постсоветского пространства, тем более Северного Кавказа как территорий, однопорядковых с другими зонами с точки зрения «прав» и возможностей проведения здесь США своей политики. Тем самым обозначалась непосредственная угроза национальной безопасности Российской Федерации. В перспективе предполагалось максимальное ослабление позиций России здесь. Может быть, в еще большей степени (на тот момент) преследовалась цель всемерной нейтрализации влияния в регионе Китая, который уже начинал оцениваться в качестве грозного соперника США. Надо определенно признать, следовательно, что доктрина Вашингтона изначально содержала в себе соответствующее идеологическое ядро, работающее на установки США по максимальному расширению сферы своих жизненных интересов и ослаблению своих геополитических конкурентов.

Исходя из перечисленных соображений и фиксируя негативные коннотации, вызываемые пущенным США в оборот концептом Большого Ближнего Востока, автор данного исследования и вводит понятие «Расширенный Ближний Восток», внося в его рамки, помимо традиционно рассматриваемых в качестве ближневосточных стран арабских государств и Израиля, также Иран и Турцию, которые в ходе естественно-исторического процесса последних десятилетий органически встроились в этот регион. В отношении других стран, с нашей точки зрения, ситуация должна трактоваться иначе, чем это предлагается американской версией. Так, что касается Афганистана, несмотря на все воздействие на регион афганской войны и последующих событий, он, будучи отгорожен от Расширенного Ближнего Востока иранским бастионом, все же лишен возможности непосредственного участия в ближневосточных процессах. Еще более определенными мы можем быть в отношении Южного Кавказа и Центральной Азии, которые хотя и значительно активизируют в последние десятилетия взаимодействие с различными ближневосточными акторами, прежде всего, с Турцией, однако в целом остаются вне рамок ближневосточных политических процессов, т. е. не являются их непосредственными участниками. Еще в большей степени сказанное относится к Пакистану. Все перечисленные страны следует рассматривать в качестве внешних акторов, активно взаимодействующих с регионом, но никак не в качестве его внутренних субъектов. Такой подход, кроме всего прочего, соответствует и коренным интересам России, учитывая тот факт, что искусственное втягивание этих стран в регион «Большого Ближнего Востока» становится дополнительным фактором дестабилизации на пространстве, непосредственно примыкающем к границам Российской Федерации и генетически связанным с ней глубокими историческими и цивилизационными корнями. Рассмотрение ситуации в этих странах в настоящей диссертации обуславливается и диктуется именно этими целями и расчетами Вашингтона.

«Расширенный Ближний Восток», как он определяется нами, характеризуется существенными природно-географическими, социально-экономическими, этно-

национальными, социокультурными, политико-культурными, конфессиональными и иными особенностями. Его в этом смысле можно рассматривать в качестве некоего рабочего термина ⁷⁷, позволяющего осуществлять анализ политических процессов в достаточно связном ареале мусульманских государств. С этих позиций вряд ли можно ограничивать его одним только арабским миром. В рассматриваемом в данной работе контексте мы включаем в анализ страны и народы, традиционно включаемые в ареалы и Ближнего, и Среднего Востока. Речь идет, помимо арабских стран, об Израиле, Палестине, Ливане, Иране, Турции, анклавах с курдским населением в Ираке, Сирии, Турции, Иране, которые в совокупности как бы составляют южное «подбрюшье» Российской Федерации. Специфическое положение занимает часть арабского мира – монархии Персидского залива.

Можно, разумеется, признать, что «Расширенный Ближний Восток» в известном смысле составляет вместе с Южным Кавказом, а отчасти и с Центральной Азией связанное геополитическое пространство. С нашей точки зрения, однако, непосредственное включение этих ареалов в его состав не является обоснованным с научной и политической точки зрения; другое дело, что ситуация здесь во многом определяется характером существующих интенций ведущих политических игроков (и не только ближневосточных), которые, используя исторические, религиозные, этнонациональные и иные обстоятельства, пытаются происходящие процессы здесь сделать частью общей геополитической игры в регионе.

Вместе с тем, признавая операциональные возможности исследуемого нами концепта, нужно, с нашей точки зрения, подчеркнуть, что в перспективном плане для реализации внешнеполитических измерений России и он выступает как явно недостаточный. В его рамках Российская Федерация может рассматриваться

⁷⁷ Автор принципиально настаивает на использование концепта «Расширенного Ближнего Востока» именно в качестве рабочего термина. Вряд ли он может рассчитывать на «долгую жизнь» в научном анализе. Его срок, скорее всего, – до того момента, когда в единое целое сольются исторически существовавшие понятия Ближнего и Среднего Востока.

пусть как весьма влиятельный, но все же как внешний игрок, что в условиях роста значения интеграционных связей в глобализирующемся мире, тем более с учетом нарастающей конфронтации с «коллективным Западом», уже перестает быть удовлетворительным. В этом смысле более оптимальными представляются формулы, задаваемые концептом евразийского пространства, подразумевающие органическое присутствие в нем России, открывающие большие возможности для развития отношений не только с соответствующими мусульманскими государствами, но и с Китаем, Индией. Именно это направление содержит необходимый потенциал для противодействия силовому диктату сторонников однополярного мира и утверждения новой системы международных отношений.

Отмеченные обстоятельства, конечно же, не снижают значения выявления роли и возможностей «Расширенного Ближнего Востока» собственно в складывании многополярного мира.

Положение на «Расширенном Ближнем Востоке» определяется множеством факторов как общемирового характера, так и особенностями общественно-политического и социально-экономического развития самого региона. Занимая весьма выгодное положение на стыке трех континентов, Ближний Восток по определению играет немаловажную роль в мировой политике. Множество проживающих здесь народов, племен исповедуют ислам, иудаизм, христианство. Дополнительную значимость региону придает то, что он занимает стратегическое положение, где сходятся важнейшие морские, воздушные и сухопутные линии и сообщения, соединяющие Европу, Азию и Африку. Важно учесть, что мусульмане «Расширенного Ближнего Востока» являются неотъемлемой составляющей исламского мира, численность населения которого достигает более 1 млрд. 757 млн. человек. Особенно важно, что регион служит одним из источников энергетических ресурсов для мировой экономики. Нефтедобывающие страны региона занимают ключевые позиции в ОПЕК. За счет доходов от углеводородов Ближний Восток превратился в один из крупных финансовых центров в мире. В результате нефтегазодобывающие государства региона вошли в число крупнейших инвесторов в мировую экономику.

Регион, вместе с тем, крайне нестабилен, не консолидирован, насыщен острейшими конфликтами самого разнообразного толка.

Единство и в то же время разнородность «Расширенного Ближнего Востока» обуславливают необходимость обеспечения многогранности в научном анализе политической ситуации в данном регионе. В этом плане, с нашей точки зрения, представляется и обоснованной, и перспективной точка зрения В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова о том, что эту ситуацию необходимо рассматривать на двух уровнях осуществления субъектности исламского мира – цивилизационном и государственном⁷⁸. Выделяя в этой связи действующих здесь политических акторов, с одной стороны, требуется обратить внимание на национальные/националистические и религиозные течения, движения и организации транснационального толка (такие, к примеру, как панарабизм, неоосманизм, политический исламизм) и, с другой, – на государства, в любом случае остающиеся основными акторами международных отношений в целом и в регионе, в частности. Следует только добавить, что в силу геостратегического значения «Расширенного Ближнего Востока» его роль и возможности в складывающейся картине мира невозможно оценить вне учета политики в регионе ведущих мировых держав и международных (в том числе – военно-политических) союзов. Отсюда многообразие применяемых действующими здесь политическими игроками стратегий, своеобразие складывающихся геополитических конфигураций.

Конкретизируя эти обстоятельства, можно отметить, что особенностью используемых на Расширенном Ближнем Востоке стратегий является тесное и весьма противоречивое переплетение их оснований. Речь идет об отмеченных выше наличествующих стратегемах государств региона и о политическом выражении начал наднационального толка. В принципе для глобализирующегося мира это является его общей тенденцией, но если в ее общих характеристиках упор в большей мере вполне обоснованно делается на

⁷⁸ Более подробно см.: Международные отношения и мировая политика. Учебно-методический комплекс . – С. 309-337.

растущую роль транснациональных корпораций и т.п., меняющуюся в связи с этим роль государств, возникающие в связи с этим проблемы в сферах национального суверенитета и пр., то в дополнение к этому применительно к ареалу «Расширенного Ближнего Востока» особой оценки и внимания требуют обстоятельства транснационального толка, связанные с соответствующими религиозными и националистическими установками. Эти установки широко используются в политике государств региона, но в то же время могут опираться и опираются на более широкие сегменты, не замкнутые национальными границами, преследующие свои цели и зачастую вступающие в прямую конфронтацию с конкретными интересами тех или иных государств. Во многих случаях эти установки выходят за рамки региона и начинают приобретать общемировые свои воплощения.

Все эти обстоятельства не могут не учитываться заинтересованными мировыми державами, что панораму стратегических измерений региона делает еще более сложной и многослойной. Эти же обстоятельства обуславливают и многообразие подходов в научном анализе – большего упора в необходимых случаях на концепты национальных интересов в их силовых выражениях (баланс сил и пр.) и требуемой акцентировки на аксиологических аспектах политического процесса в других моментах.

1.3. Стратегические приоритеты России в условиях утверждения многополярного мира⁷⁹

России после распада Советского Союза пришлось пройти драматический путь обретения новых черт своей государственности и своей внешней политики. Испытав искус «встраивания в мировую цивилизацию», политическая элита, научное сообщество страны начали все четче осознавать, что зрелая, осознанная политика должна основываться на безусловной значимости национальных интересов, четком соблюдении национально-государственного суверенитета, уважении своих национальных традиций, равноправном диалоге и сотрудничестве с другими государствами. Продолжение политики начала 90-х годов грозило России потерей ее исторической памяти, превращением ее в сырьевой придаток Запада, утратой своего национального суверенитета. Обозначались опасности перехода страны под внешнее управление⁸⁰.

Собственно, место постсоветской России в мире как страны, «потерпевшей поражение в холодной войне», так и определялось Соединенными Штатами и их союзниками. Понятно, что переход страны к независимой политике вызвал их резкое неприятие, определяя направления все нарастающей конфронтации. «Любые попытки Москвы заявить о своих национальных интересах,

⁷⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 150-159; *Ханалиев Н.У.* Россия как альтернативный США актер на Ближнем Востоке. Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 92-103.

⁸⁰ Автор, вместе с тем, считает необходимым четче обозначить свою позицию. В первые годы существования суверенной России, безусловно, получали развитие и многие позитивные тенденции, связанные с демократизацией, развитием гражданского общества, обретением опыта политического управления в условиях рыночной экономики и многое другое. Сосредоточивая свое внимание на месте России в утверждающемся миропорядке, все эти обстоятельства мы по необходимости в диссертации вынуждены опустить.

отстаивать их в своей внешней политике стали трактоваться как возрождение ее извечных «имперских амбиций», а во внутренней – как реванш фундаментализма и авторитаризма. Все чаще стали звучать заявления о том, что Россия виновна в сознательном расшатывании фундамента сложившегося в течение семи с лишним десятилетий лет политического и международно-правового порядка, что такой курс обуславливается исключительным стремлением политической элиты страны консолидировать общество на началах имперской ностальгии и отвлечь их от груза внутренних проблем, которые на данных основаниях решить невозможно», – формулирует сложившуюся ситуацию В.И. Коваленко. Россию, устами влиятельных политиков Запада, стали вновь располагать на «оси зла», изображать страной, грозящей человечеству мировой катастрофой. Отсюда и политика санкций, и предписания «строгого покаяния» России, конечно же, под контролем сил, представляющих лагерь «мировой демократии»⁸¹. И к сегодняшнему дню можно констатировать, что русофобия превратилась фактически в официальную политику Запада, которая в последние месяцы превзошла худшие периоды «холодной войны». Обоснованным будет зафиксировать даже, что такая политика подвела мир уже к крайней своей черте.

Центральным вопросом, встающим в связи с этим, безусловно, является вопрос государственного суверенитета.

Уместно напомнить о позиции немецкого правоведа XIX века Р. фон Иеринга, который писал: «Абсолютным, обусловленным целью самого государства требованием представляется то, чтобы государственная власть являлась в пределах государства высшей преобладающей над всякой другой властью». «Бессилие, немощь государственной власти, – развивал он эту мысль, – смертный грех государства, не подлежащий отпущению, грех, который общество не прощает, не переносит: государственная власть без власти – непримиримое в самом себе противоречие»⁸².

⁸¹ Более подробно см.: *Коваленко В.И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. – М.: издательство Московского университета, 2016. – 703 с.

⁸² *Иеринг фон Р.* Цель в праве. – СПб.: издание Н.В. Муравьева, 1881. – С. 230.

Суверенитет является одним из основополагающих системных признаков национального государства, предполагающим верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, независимость государства в отношении к остальному мировому сообществу. Любое уважающее себя независимое суверенное государство не признает над собой какой-либо иной власти, стремящейся навязать ему свою волю. Иначе говоря, государство не вправе допускать вмешательство каких бы то ни было внешних сил в свои внутренние дела. В этом смысле защита суверенитета государства соразмерна обеспечению физического выживания, жизнеспособности, свободного и стабильного функционирования и дальнейшего развития государства и общества, защищенности основ конституционного строя, политического, экономического, оборонного, научно-технологического, информационного и интеллектуального потенциала, историко-культурного наследия страны.

Для нас важно подчеркнуть, что проблема суверенитета затрагивает не только природу и предназначение власти на уровне отдельно взятого государства, но также на уровне его отношений с внешним миром, среди других субъектов международных отношений. Как отмечает К.С. Гаджиев, «формирование современных национальных государств стало частью процесса взаимного признания за каждым отдельно взятым государством равных прав и равного суверенитета»⁸³.

О тесной взаимосвязи между внутренними и внешними угрозами национальной безопасности пишет и П.А. Цыганков. Внешние вызовы и угрозы, отмечает он, «могут быть связаны с внутренними причинами (обострение социальных и экономических противоречий в обществе, высокий уровень недовольства населения властью, коррумпированность политической элиты, слабость военного потенциала и т.п.), а внутренние вызовы, напротив, нередко провоцируются внешними обстоятельствами (подобными американской

⁸³Гаджиев К.С. Политическая философия и социология.–М.: Юрайт, 2014.–С. 278.

стратегии распространения демократии, антироссийским экономическим санкциям со стороны Запада)»⁸⁴.

В этом смысле народный суверенитет во внутригосударственной сфере обретает и характеристики национального суверенитета, обращенного вовне, в его отношениях к остальным членам мирового сообщества. Ключевое значение здесь имеет то, что мировое сообщество представляет собой систему суверенных государств, каждое из которых в соответствии со своими национальными интересами, национально-историческими, социокультурными, политико-культурными и иными особенностями самостоятельно определяет свою собственную форму правления, собственные приоритеты национальной безопасности, пути и средства защиты национальных интересов.

Именно исходя из таких установок определяется и реализуется официальный курс внешней политики Российской Федерации. Министр иностранных дел России С.В. Лавров формулирует его так: «Вне зависимости от чьих-либо амбиций и угроз, Россия будет и далее проводить суверенный, независимый внешнеполитический курс и одновременно – всегда предлагать объединительную повестку дня в международных делах на основе реалий культурно-цивилизационного многообразия современного мира». В статье, написанной им накануне открытия очередной 74-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, он отмечал: «Глубинная проблема», связанная с внешнеполитическим курсом Запада, заключается помимо всего прочего «в том, что конструировался он без должного учета общемирового контекста», в то время как современный мир в условиях глобализации отличается беспрецедентной взаимозависимостью различных государств, и сегодня... нельзя не принимать в расчет мощные процессы, которые происходят в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, в Латинской Америке. Такое взаимодействие должно учитывать многоцветие современного мира, его

⁸⁴ Цыганков П.А. Теория международных отношений: внешние вызовы и российское понимание своего пути // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 6,–С. 79

культурно-цивилизационное многообразие, отражать интересы основных компонентов международного сообщества»⁸⁵.

Первенство в отстаивании и утверждении принципов многополярного мира заслуженно связывается с именем выдающегося государственного деятеля и ученого Е.М. Примакова.

Еще в 1996 году Е.М. Примаков опубликовал статью «Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы», которая начиналась со слов: «На горизонте – многополярный мир... После окончания холодной войны получила развитие тенденция перехода от конфронтационного двухполюсного к многополюсному миру. Резко ослабли центростремительные силы, притягивавшие значительную часть остального мира к каждой из двух сверхдержав». При этом реальная обстановка в мире «пока не позволяет говорить о том, что многополюсный мир уже сформировался, и самое главное, – что на смену системы баланса сил, на которой основывался миропорядок, уже пришло равноправное партнерство... Самым негативным образом продолжает сказываться инерционность политического мышления. Стереотипы, укоренившиеся за 40 лет холодной войны в сознании нескольких поколений государственных деятелей, пока не исчезли вместе с демонтажем стратегических ракет и уничтожением тысяч танков»⁸⁶.

Особый интерес представляют условия, перехода к новому многополярному миропорядку, которые предлагались Примаковым:

- недопущение появления новых разделительных линий противостояния между государствами вместо старых;
- демократизация международных экономических отношений;
- скоординированность, «кооперативность» действий международного сообщества для решения по крайней мере следующих основополагающих задач:
 - урегулирование конфликтов;
 - новые шаги к сокращению вооружений и доверию в военной сфере;

⁸⁵ Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике, 2017, № 6.

⁸⁶ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь, 1996, №10, –С. 3-4.

- укрепление гуманитарного и правового компонентов безопасности;
- помощь и поддержка тем странам, которые по разным причинам испытывают трудности в своем развитии⁸⁷.

Дальнейшее развитие идеи многополярного мира отразилась в целом ряде последующих работ Примакова. Так, указав на трудности, которые перед мировым сообществом в целом и великими державами в особенности встречаются на пути формирования многополярного миропорядка, с учетом последствий террористического акта в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года, он выделил две противоположные тенденции мировой политики. Одна из них «базируется на совместном восприятии угроз, возникших в мире, совместном противодействии этим угрозам, совместных усилиях по стабилизации международной обстановки с опорой на Организацию Объединенных Наций». Что касается второй тенденции, то она основывается на «унилатерализме», или же ставка делается на то, что «жизненно важные для человечества решения могут приниматься одной страной – Соединенными Штатами – на основе субъективного восприятия Вашингтоном международной действительности, иначе говоря, на односторонних решениях и действиях, предпринимаемых вопреки не только Уставу ООН, но и мнению большинства государств». Именно эта тенденция, согласно Примакову, «идет вразрез с объективными процессами в мировой экономике и международных отношениях» и служит главным препятствием на пути формирования многополярного миропорядка⁸⁸.

Далеко идущие изменения во внешнеполитической стратегии России произошли при Президенте В.В. Путине. 27 июня 2006 года на рабочей встрече с послами в МИД В.В. Путин ясно сформулировал новые приоритеты Российской Федерации на мировой арене: «Россия в целом должна нести соразмерную своему

⁸⁷ Там же, –С. 4-13.

⁸⁸ *Примаков Е.* Мир без сверхдержав // Россия в глобальной политике, 2003, № 2.

положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие»⁸⁹.

В этой сфере приоритетное значение придается международному праву, воплощающемуся в документах и деятельности ООН и других международных организаций. Именно на этой основе, как отмечал С.В. Лавров в одной из своих статей, «нужно договариваться о том, что и как делать»⁹⁰. Выступив в очередной раз против «ставки на силу» как коренного порока политики Запада, С.В. Лавров подчеркнул: Россия «против попыток раскола мира на так называемое «цивилизованное человечество» и всех остальных», поскольку «это путь к глобальной катастрофе»⁹¹. «Следует решительно отказаться от попыток реидеологизации и ремилитаризации международных отношений, укрепить в них коллективные и правовые начала»⁹².

Отмечая значение международного права. Лавров решительно высказался в поддержку ООН. «Оноцентричную систему» он определил как своего рода «страховочную сетку», гарантирующую «мирное развитие человечества в условиях – во многом естественного – несовпадения интересов и соперничества ведущих держав»⁹³. Он подверг рекой критике «триумфаторские реляции» о том, что наступил «конец истории», а центр принятия мировых решений «отныне будет только один». Цель предлагаемых Западом подходов к реформированию ООН Лавров определил как стремление «подменить универсально согласованные международно-правовые инструменты и механизмы узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок.

⁸⁹ Президент России. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. 27 июня 2006 г. Москва. С. 1 (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/06/107802/shtml>) (Дата обращения: 02.02.2022).

⁹⁰ Лавров С. Настоящее и будущее глобальной политики // Россия в глобальной политике, 2007, № 2 .

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ «Организация объединенных наций была создана не для того, чтобы создать на земле рай, а для того, чтобы человечество не оказалось в аду. Если бы не было ООН, мир был бы куда более хаотичен и непредсказуем», отметил Лавров, отвечая на заявления о недееспособности этой организации.

Иными словами, расчет на то, чтобы узурпировать процесс выработки решений по ключевым вопросам»⁹⁴.

Такая линия во внешней политике России последовательно выдерживалась и в дальнейшем. Выступая на Международном научно-экспертном форуме «Примаковские чтения» 2016 года, С.В. Лавров констатировал: «Сегодня нет недостатка в броских формулировках, с помощью которых политики, эксперты, ученые стремятся определить существо момента в международных отношениях. Говорят о кризисе «либерального мирового порядка» и наступлении «постзападной» эпохи, о «горячем мире» и о «новой холодной войне». Это обилие формул само по себе свидетельствует об отсутствии, наверное, пока единого понимания происходящего. А также – о весьма динамичном и противоречивом состоянии системы международных отношений, которое трудно охарактеризовать, по крайней мере, на данном этапе, одной звонкой фразой»⁹⁵. Глобализация, отметил Лавров, стимулировала новый виток экономического и технологического развития, рост полицентричных начал, цивилизационного многообразия, что, в свою очередь, усилило необходимость сотрудничества народов в решении возникающих перед мировым сообществом проблем.

Интерес представляет и выступление Лаврова на этом же Форуме в 2020 году, проходившим под названием «Россия и постковидный мир». Как отмечалось в его докладе, «пандемия обострила все имевшиеся до ее начала вызовы», такие как международный терроризм, наркобизнес, киберпреступность, проблема окружающей среды, которые используются западными странами для продвижения узких специальных интересов и удушения неугодных режимов⁹⁶. При таком положении вещей, «нашей главной целью по-прежнему остается защита национальных интересов, обеспечение максимально благоприятных

⁹⁴Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике, 20.09.2019.

⁹⁵Лавров С. "Примаковские чтения"—площадка серьезного диалога авторитетных специалистов. 31 мая 2018.

⁹⁶Лавров С. Россия и постковидный мир // Примаковские чтения 2020. М., 2020, С. 44.

внешних условий для развития страны, и потому мы предлагаем идеи, которые всех объединяют»⁹⁷.

Следует особо выделить акцент на необходимость объединения усилий стран и народов в решении сложных проблем, стоящих перед человечеством. Россия не выбирает путь конфронтации, чем бы она ни мотивировалась. В.В. Путин в статье «Быть открытым, несмотря на прошлое» подчеркнул: «Мы просто не можем позволить себе тащить груз прошлых недоразумений, обид, конфликтов и ошибок»⁹⁸ и призвал обеспечить безопасность без разделительных линий, создать и укрепить единое пространство равноправного сотрудничества и всеобщего развития. И эту линию в своей внешней политике Российская Федерация последовательно утверждает в условиях меняющегося мира, что с особой полнотой проявило себя в инициативах России по правовому закреплению со стороны Запада гарантий ее безопасности, которые существенно ослабили бы международную напряженность.

Вместе с тем, события самого последнего времени свидетельствуют о принципиально новых моментах во внешней политике Российской Федерации. Если ранее Россия предлагала новые принципы взаимоотношений, обосновывала преимущества нового миропорядка, то в настоящее время она четко определила те «красные линии», переступать которые она просто не позволит и в полной мере подтвердила это своими практическими действиями. Не давая исчерпывающей оценки новому положению дел, связанному с военной операцией на Украине как теме, явно расходящейся с задачами настоящего исследования, мы заключаем лишь, что речь идет уже не просто о каких-то, пусть крайне важных, моментах, но и о решимости и готовности России противостоять экспансии Запада всеми имеющимися возможностями. В более широком том, речь идет о том, что мир сегодня оказался в условиях совершенно новой геополитической реальности, как

⁹⁷ Там же, С. 45.

⁹⁸ Статья Владимира Путина «Быть открытыми, несмотря на прошлое» / Президент России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/65899> (Дата обращения: 22.06.2021)

это и обозначил в своем обращении к российской нации Президент Российской Федерации В.В. Путин.⁹⁹

В контексте задач настоящей диссертации уместно подчеркнуть, что беспрецедентное давление на Россию, осуществляемая сегодня США и их союзниками, все более жесткие санкции, которые они применяют, делают тем более уместным обращение внимания к другим регионам планеты, выделяя в соответствии с целями исследования стратегические приоритеты России на «Расширенном Ближнем Востоке» и ее стремление утвердить здесь принципы нового миропорядка.

В научной и публицистической литературе последних лет стало все чаще встречаться выражение о «возвращении» России в этот регион. И Россия действительно вернулась на Восток – в этот обширный и нестабильный регион, раздираемый религиозными, идеологическими и геополитическими разломами. И в то же время в регион, который в силу своего месторасположения в геополитических реалиях современного мира играет одну из ключевых ролей с точки зрения обеспечения политической стабильности в современном мире, регион, где сталкиваются жизненно важные интересы многих государств, как региональных, так и мировых.

Внешнеполитический курс Российской Федерации на «Расширенном Ближнем Востоке» строится на комплексе системных и структурных характеристик, содержания, основополагающих принципах и установках общей своей внешнеполитической стратегии в условиях кардинальных изменений в базовых инфраструктурах современного мира. Понятно, что на одно из центральных мест выдвигаются вопросы взаимовыгодного сотрудничества; в системе стратегических приоритетов России, вместе с тем, здесь со всей определенностью определяют себя и задачи обеспечения ее национальной безопасности. Проблемы, тем более острые, что именно с учетом возможностей Ближнего Востока будет корректироваться сегодня мировая политика в области

⁹⁹ Обращение президента к нации в связи с ситуацией на Украине // <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii> (Дата обращения: 22.06.2021)

топливно-энергетических ресурсов, характера финансовых расчетов и пр. Учитывая, что эти вопросы предметно будут рассматриваться нами в последующих разделах диссертации, считаем допустимым в настоящем параграфе выделить лишь те моменты, которые оттеняют ее политику в регионе в аспекте требований и параметров утверждающегося нового миропорядка.

Специфической особенностью внешней политики России в регионе является то, что нашей стране приходится проводить здесь не только сложную работу по выстраиванию отношений с существующими здесь разнородными государствами, но и всемерно учитывать позиции США и в целом – всего «коллективного Запада». В отличие от США, Россия не преследует здесь цели смены политических режимов, ценностной системы и идеологических представлений. «Попытки навязывания другим собственной шкалы ценностей, – подчеркивается в Концепции внешней политики Российской Федерации, – чреваты усилением ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах, а в конечном итоге – сползанию к хаосу и неуправляемости в международных отношениях»¹⁰⁰. Отсюда – стремление наладить конструктивный диалог с «миром ислама». Приходится, однако, учитывать, что Запад, прежде всего, Вашингтон, опираясь на концепты экспорта «демократической революции», пытается использовать регион и как зону своих жизненно важных интересов, и как плацдарм для противодействия своим геополитическим конкурентам, в том числе и, прежде всего, – России. Осуществляется политика разжигания внутренних, особенно этнических и конфессиональных, конфликтов, двойных стандартов в оценке терроризма в целом и конкретных террористических организаций и группировок в частности и др.

Россия на Расширенном Ближнем Востоке делает ставку на примирение конфликтующих сторон. Москва выступает в качестве своего рода арбитра в спорах между рядом государств, например, между Тегераном и Анкарой по ряду вопросов, касающихся так называемой «умеренной оппозиции» режиму Башара

¹⁰⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013 г.

Асада, или же между Саудовской Аравией и Ираном в общем контексте суннитско-шиитского противостояния. Наиболее наглядным примером такой политики является Астанинский процесс и сочинские, а также женеvские переговоры по вопросу о мирном решении сирийского кризиса. И такие примеры можно было бы продолжить далее.

В случае необходимости и основываясь на обращениях законного правительства и тем самым соответствия нормам международного права Россия, как это имело место в Сирии, готова оказать и военную поддержку в борьбе с международным терроризмом. Москва демонстрирует, что она может быть надежным партнером, в отличие от США, которые в условиях «Арабской весны» предали своего тогдашнего союзника президента Египта Хосни Мубарака, курдов в Сирии, многие тысячи афганцев при своем исходе из страны.

Цельность и эффективность внешнеполитической стратегии Российской Федерации в регионе достигается в силу того, что ее руководству в целом и внешнеполитическому ведомству так или иначе удается находить компромиссы со странами и политическими силами, которые придерживаются прямо противоположных позиций по тем или иным, зачастую ключевым вопросам мировой политики. Так, оценивая роль России в сирийском конфликте, политический деятель Сирии Ранда Кассис, однозначно констатировала, что западные страны, прежде всего, США, с самого начала гражданской войны в этой стране встали на сторону «исламистов», поддерживая связи даже с «Аль-Каидой», тем самым способствуя продолжению войны. Россия же, заключила она, – «единственный игрок, который может говорить со всеми: мятежниками, Дамаском, курдами, иранцами, «Хезболлой», израильянами, суннитскими державами и Западом. В связи с этим, простым фактом является то, что ни одно решение сегодня невозможно без России»¹⁰¹.

¹⁰¹Valle . *Del. Le retour de la Russie au Proche et Moyen-Orient: rencontre avec Randa Kassis, actrice majeure de la politique syrienne* // Atlantico, 2 mars 2018. URL: <https://www.atlantico.fr/rdv/3321681/le-retour-de-la-russie-au-proche-et-moyen-orient--rencontre-avec-randa-kassis-actrice-majeure-de-la-politique-syrienne-> (Дата обращения: 20.01.2020). Примечательно, что схожие оценки звучат и с американской стороны. Так, научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир Джессика Мэтьюз отметила, что, достигнув внушительного успеха в сирийском конфликте, Путин «смог наладить рабочие отношения со всеми крупными ближневосточными державами, включая Египет, Саудовскую Аравию, Израиль, Иран и Турцию, хотя некоторые из них выступают решительно против его

Москве с большим или меньшим успехом, удастся осуществлять единую внешнеполитическую стратегию в регионе, преодолевая противоречия между Ираном, Турцией, монархиями Персидского залива, их, в свою очередь, – с Израилем и Палестиной и т.д., в конечном счете, добиваясь, возможно, неустойчивого, но, во всяком случае, взаимоприемлемого баланса их интересов. Речь при этом идет и о том, что России удастся расширять и укреплять взаимовыгодные связи даже с теми странами, которые традиционно считаются союзниками США.

В результате, как отмечают американские аналитики Н. Попеску и С. Секрайру, «России удалось создать ситуацию, когда даже ее потенциальные региональные противники (например, страны Персидского залива) не слишком недовольны ее растущим присутствием. Умелое управление великими державами в сочетании с неустойчивой внешней политикой Америки на Ближнем Востоке обеспечили, чтобы все геополитические акторы в регионе взаимодействовали с Россией и должным образом уважали ее интересы»¹⁰².

Мы специально оттеняем этот момент, чтобы подчеркнуть, что речь идет не просто о «возвращении» России на «Расширенный Ближний Восток», не только о возобновлении ее влияния в тех странах, с которыми в советские времена существовали тесные, союзнические даже, отношения¹⁰³, но и о растущих ее

действий в Сирии». Москве удалось заручиться и поддержкой Саудовской Аравии в вопросе стабилизации цен на нефть. Более того, заключила Мэтьюз: «Еще никогда Россию и Израиль не связывали столь близкие отношения, хотя одновременно с этим Россия значительно укрепила позиции Ирана в Сирии» (*Mathews J. Russia replaces America as the power player in the Middle East. Carnegie Endowment for international peace // The Hill, June 3, 2018. URL: <https://thehill.com/opinion/international/376929-russia-replaces-america-as-the-power-player-in-the-middle-east> (Дата обращения: 20.01.2020).*

¹⁰² *Popescu N. and Secrieru S. Conclusion: Russia in the Middle East – from surge to quagmire? In: Russia's return to the Middle East Building sandcastles? // Chaillot paper, 2018, №146, Available: https://www.academia.edu/37156891/Russias_return_to_the_Middle_East_Building_sandcastles (Дата обращения: 22.06.2021).*

¹⁰³ Весьма позитивным шагом в этом направлении можно считать улучшение отношений с приходом к власти генерала Абдель Фаттах ас-Сиси на смену режиму «Братьев-мусульман» в 2013 году с крупнейшим арабским государством на Африканском континенте – Египтом. После того, как администрация Обамы приостановила продажу оружия Египту в 2014 году из-за «нарушений прав человека», Россия вмешалась, чтобы продать истребители и боевые вертолеты. За этим последовала сделка, дающая России право использовать египетские военные базы и обязательство проводить регулярные совместные военные учения. Египет является одним из главных покупателей российского оружия. По имеющимся данным, с 2012 года Россия продала этой стране оружие на сумму более чем 4 млрд. долл. В ходе визита в феврале 2015 года в Каир В.В. Путина состоялись переговоры между ним и Ас-Сиси, на которых был обсужден вопрос о возможности подписания контракта на строительство в этой стране АЭС в Эд-Дабаа стоимостью \$30 млрд. Особый интерес вызывает то, что Каир выступил в поддержку российской политики в Сирии. В октябре 2018 года президент Египта Абдель

связях с теми государствами, где ранее роль Советского Союза была минимальной¹⁰⁴.

Политика России направлена не только на поиски долгосрочных решений, но также на достижение тех или иных компромиссов по конкретным актуальным в каждый конкретный момент вопросам. Ими могут быть и урегулирование отношений с Турцией по вопросам самоуправления сирийских курдов, и создание зон деэскалации, и ослабление напряженности между шиитами и суннитами и многое другое.

Оценивая политику России в регионе уже упоминавшийся нами Дж. Брэдли писал: «Не нужно быть путинским поклонником, чтобы понять несколько простых истин. Это не он развязывает в ближневосточном регионе одну незаконную агрессию за другой, которые убивают, калечат и сгоняют с насиженных мест миллионы людей. Но это он сдержал поток сирийских беженцев на европейский континент, а теперь начал разворачивать его обратно. Только в этом (2017 – Н.Х.) году на родину вернулось полмиллиона сирийских беженцев»¹⁰⁵.

Констатируя «возвращение» России в регион и отмечая несомненные успехи российской внешней политики здесь, необходимо, вместе с тем, учитывать, что «Расширенный Ближний Восток» сегодня это кипящий котел, раскаленный многими противоречиями, разрешать которые народам региона предстоит еще долгое время. И России, демонстрирующей примеры взвешенной

Фатах ас-Сисси совершил свой четвертый визит в Москву по сравнению с одним визитом в Вашингтон, а также подписал соглашение о стратегическом партнерстве с Путиным в городе Сочи. В соседней Ливии, еще одном бывшем союзнике СССР, российские военные установили тесные отношения с ливийским полевым командиром Халифой Хафтаром, подписав одновременно нефтяные сделки с поддерживаемым ООН правительством национального согласия, возглавляемым премьер-министром Фаизом Сарраджем, противником Хафтара. Такая ситуация потенциально позволяет Москве сыграть свою роль в любом будущем мирном урегулировании между воюющими сторонами в Ливии.

¹⁰⁴. «Новым лучшим другом, Кремля, – по выражению одного из американских экспертов, – стала Турция, член НАТО и старинный враг России на протяжении веков» (*Маром Э.* Война в Сирии: враг моего врага не обязательно мой друг // Иносми. URL: <https://inosmi.ru/politic/20161011/238000318.html> (дата обращения: 20.01.2020). Россия, несмотря на все сложности, сумела наладить деловые отношения с Израилем, которого по целому ряду критериев можно расценивать как одного из ключевых акторов в регионе. Существенным образом изменились взаимоотношения и со многими другими государствами.

¹⁰⁵ *Bradley J.R.* How Putin came to rule the Middle East // *The Spectator*, October 7, 2001. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (Дата обращения: 20.11.2019).

политики в условиях транзита мирового порядка, также предстоят напряженные усилия в укреплении ее роли здесь как ответственной мировой державы.

Выделяя особо роль Российской Федерации как миротворца на пространстве «Расширенного Ближнего Востока», нужно в то же время подчеркнуть значимость другого, не менее, а, может быть, даже более важного обстоятельства. Речь идет о задачах обеспечения ее национальной безопасности и – шире – ее национальных интересов в целом. При этом имеются в виду не только соображения общего порядка, связанные с тем, что неурядицы региона с неизбежностью усиливают турбулентные процессы в системе международных отношений в целом, что, конечно же, сказывается на возрастании угроз национальной безопасности, но и аспекты более предметного толка.

Поскольку в своем конкретном выражении все эти проблемы рассматриваются нами в последующих главах диссертационного исследования, в настоящем параграфе ограничимся лишь кратким их обозначением.

Если говорить о непосредственной сфере национальной безопасности, невозможно обойти молчанием новые вызовы со стороны международного терроризма. Потерпев военное поражение в Сирии и Ираке, он стремится сегодня значительно расширить географию своей деятельности, в том числе, и на территориях субъектов Российской Федерации с преобладающим мусульманским населением, и непосредственно граничащих с Россией государств Центральной Азии. Ситуацию существенно обостряет приход к власти в Афганистане Талибана – запрещенной в России террористической организации. Речь идет и об опасности достаточно значительного возвращения в страну и сопредельные государства Центральной Азии боевиков из теснимых на Ближнем Востоке террористических организаций, и об изменении ими форм идеологической и пропагандистской деятельности, и о создании ими «спящих ячеек», которые, как показали недавние события в Казахстане, оказываются способными к своему быстрому пробуждению, и о многом другом. Расширения и совершенствования форм противодействия требует стремление активизировать свою деятельность на пространствах России и дружественных ей государств

панисламистских организаций, прежде всего, крайне радикального толка. Можно предположить, что вместе с ростом потенциала Турции будут множиться и угрозы со стороны идеологии и политики неоосманизма.

Все это существенно актуализирует необходимость дальнейшей активизации противодействия международному терроризму и экстремистским идеологиям со стороны России, оптимизации деятельности соответствующих межгосударственных организаций, прежде всего, ОДКБ.

Важнейшей составляющей политики обеспечения национальных интересов России выступает развитие взаимовыгодного торгово-экономического и культурного сотрудничества. История свидетельствует, что условием экономических прорывов государств всегда выступало уверенное овладение ими путями мировой торговли; сегодня же, в условиях глобализации, любые модернизационные импульсы вообще неотделимы от участия страны в мировой экономике, от ее места в геоэкономических раскладах современности. «Расширенный Ближний Восток» это не только пересечение мировых торговых путей. Для России как мощной энергетической державы он крайне важен в плане согласования (причем в условиях весьма жесткой конкурентной борьбы) интересов в нефтяной области (ОПЕК), газовой сфере – этих главных на сегодняшний день наших ресурсов, в продвижении соответствующих технологий и договоренностей. Свою особую роль способно сыграть плотное взаимодействие в области культуры и образования.

Продвижение национальных интересов России в регионе, вместе с тем, обозначает и векторы развития мира в сторону его многополярности, обеспечения большей стабильности в мировом развитии в целом.

Выводы по главе 1

Современный мир стоит на пороге окончательного утверждения нового миропорядка. Все больше развеиваются иллюзии, имевшие хождение после распада Советского Союза, о наступлении однополярного мира, руководимого США, о его устойчивости, его способности обеспечивать стабильное развитие. Как мировая держава активно утверждает свою независимую политику Россия, в число ведущих мировых игроков уверенно входит Китайская Народная Республика, возрастает роль Республики Индия, о своих самостоятельных позициях все громче заявляют страны, еще недавно находившиеся на периферии мировой политики.

Модель многополярного мира, утверждающаяся сегодня, расширяет возможности противостояния политическому гегемонизму, военно-экономическому диктату отдельных стран и объединений, и, в то же время, изживанию уже дискредитировавших себя подходов к решению сложных задач современного миропорядка, не способных сегодня адекватно отвечать потребностям общественного прогресса. Эта модель предполагает равноправие и самоценность культур, верований и традиций, жизненных укладов и ценностных установок вкупе с требованиями недопустимости силового вмешательства во внутренние дела других государств, уважения их суверенитета и национальных традиций. Утверждающаяся миросистема должна стать не ареной столкновения цивилизаций, а пространством широчайшего диалога между ними, укрепления отношений добрососедства и сотрудничества. Она требует решительного отказа от реидеологизации и ремилитаризации международных отношений, укрепления

в них коллективных, солидарных начал на основе неуклонного соблюдения принципов и норм международного права.

Утверждение полицентричного мира вызывает резкое неприятие со стороны США и всего «коллективного Запада». Хотя Вашингтон в изменяющихся условиях предпринимал неоднократные попытки изобразить себя страной, заметно перестраивающей свою политику, его стратегические цели оставались и остаются неизменными – продолжение своего доминирования в мире. С этой целью он в растущей степени прибегает к методу «гибридных войн», предполагающих использование всего спектра доступных военных и невоенных форм, средств, методов и технологий идеологического, информационного, культурного экономического, политического и иных проявлений противоборства. Существенными чертами «гибридных войн» являются пренебрежение всеми нормами морали и нравственности, использование самых грязных социальных технологий, включающих распространение слухов, ложь, клевету, искажение фактов, фальсификацию истории. Кульминация всего этого – сегодняшняя беспрецедентная консолидированная политическая, экономическая, информационная, идеологическая и санкционная атака стран западного мира против России.

Россия стремится утвердить иные принципы в международных отношениях. Внешнеполитический курс Российской Федерации строится на комплексе системных и структурных характеристик, содержания, основополагающих принципах и установках общей своей внешнеполитической стратегии в условиях кардинальных изменений в базовых инфраструктурах современного мира. Основания утверждающегося миропорядка Россия видит в недопущении появления новых разделительных линий противостояния между государствами вместо старых, в демократизации международных экономических отношений, в скоординированности, действий международного сообщества для урегулирования конфликтов, новых шагов к сокращению вооружений и доверию в военной сфере, в укреплении гуманитарного и правового компонентов безопасности, в помощи и поддержке тем странам, которые по разным причинам испытывают трудности в

своем развитии. Особое место для России занимают задачи защиты национального суверенитета и обеспечения национальной безопасности. В более широком смысле современный миропорядок трактуется Россией как пространство широчайшего диалога цивилизаций, создающего условия для дальнейшего укрепления единства мира во всем его многообразии.

Приоритеты Российской Федерации на мировой арене четко формулируются Президентом страны В.В. Путиным: выступая против конфронтации, Россия демонстрирует решимость использовать необходимые средства для защиты национальных интересов, готова и должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие. И эта ответственность и роль России наглядно проявляется в ее возвращении на «Расширенный Ближний Восток».

Глава 2. «Расширенный Ближний Восток»: проблемы единства и фрагментации

В определении пружин политического развития Ближнего Востока ключевое значение приобретает проблема соотношения центробежных и интеграционных тенденций и процессов, которые зависят от расстановки политических сил, как в регионе в целом, так и в каждом из отдельно взятых государств Ближнего Востока. Естественно, в этом плане на ситуацию в регионе во всевозрастающей степени накладываются процессы глобализации, транснационализации, трансрегионализации, информатизации, цифровизации и другие связанные с ними факторы, процессы и тенденции, определяющие облик современного мира, в том числе отдельных регионов и государств. Все это, однако, не отменяет значение специфических черт регионального развития.

В настоящей главе мы сосредоточиваем преимущественное внимание на «сквозных» для «Расширенного Ближнего Востока» проблемах, имея в виду, что анализ деятельности интересующих нас государств региона и ситуации в них будет дан нами ниже. Представляется целесообразным в этой связи начать исследование с арабского мира, или Арабского Востока, как доминанты на территории, ограничиваясь, прежде всего, Ближним Востоком в его традиционном понимании.

2.1. Панарабская идея и арабский национализм как факторы политического развития региона¹⁰⁶

Народы и государства Арабского Востока объединяют общая территория, история, язык и общая мусульманская вера. Объединяет их также комплекс стоящих перед ними проблем, связанных с необходимостью преодоления экономической и технологической отсталости, противодействия внутренним и внешним угрозам национальной и региональной безопасности.

Это единство, впрочем, не предполагает гарантии бесконфликтного развития. В предисловии к монографии «Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)» Д.Б. Малышева приводит перечень проблем «конфликтной среды» на пространстве Расширенного Ближнего Востока, охваченного «новыми (асимметричными, гибридными, сетевыми и пр.) войнами»¹⁰⁷. Это: «содержащие сокрушительный конфликтогенный заряд внутригосударственные противостояния, поименованные в научной литературе то гражданскими войнами, то этнополитическими или же межконфессиональными (Ливан) конфликтами, то «революциями», «веснами», «пробуждениями», а то и «арабскими смутами»¹⁰⁸. В этом перечне выделяются общественно-политические трансформации последнего времени, «завершившиеся относительно мирно для одних стран (Тунис,

¹⁰⁶ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Ханалиев Н.У. Северный Кавказ: новый взгляд [Электронный ресурс] / Н.У. Ханалиев–М.: Логос, 2014; Ханалиев Н.У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99; Ханалиев Н.У. Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 150-159.

¹⁰⁷ Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 5.

¹⁰⁸ Там же. С.6.

Марокко), не начавшиеся в других (Алжир), «замороженные» в третьих (Египет) и рвущие на части государственность в четвертых (Ирак, Ливия, Сирия, Йемен), религиозные (ислам), этнические и национальные факторы, сыгравшие значительную роль в возникновении и развитии конфликтов с применением насилия в странах данного региона» и т.д.¹⁰⁹

Как известно, арабский мир состоит из 23 стран Ближнего Востока, Северной и Восточной Африки, являющихся членами Лиги арабских государств (ЛАГ). Население этих стран говорит в основном на арабском языке и исповедует в подавляющем своем большинстве ислам, хотя здесь есть приверженцы других религий. Общая площадь Арабского Востока составляет приблизительно 13 млн кв. км, а численность населения в совокупности – около 373 млн человек, из которых 90 % (или 300 млн.) – арабы, а остальные 10 % – представители других народов. В той же пропорции арабы и не арабы являются приверженцами ислама, а остальные 10 % являются сторонниками других вероисповеданий – в первую очередь это различные ответвления и течения в христианстве.

Арабский Восток собственно, как и «Расширенный Ближний Восток», является, таким образом, по преимуществу частью мира ислама, представляя собой весьма сложный, неоднородный, многоликий симбиоз стран, народов, субрегионов с серьезными различиями природно-географического, этнонационального, демографического, исторического, социокультурного, политико-культурного, языкового и иного характера, уровня социально-экономического развития. Можно согласиться с К.С. Гаджиевым, который пишет, что арабский мир «предстает как некий разобщенный конгломерат разнокалиберных государств с разными уровнями экономического, социального, политического, культурного развития, с разными, где-то противоречивыми, а где-то пересекающимися интересами. Слишком велик разброс в уровнях, характере и темпах социального и экономического развития, национально-государственных

¹⁰⁹ Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 6.

интересах»¹¹⁰. Исключительно велики различия в уровне жизни населения стран арабского мира, да и всего «Расширенного Ближнего Востока» – от Йемена, где ВВП на душу населения составляет всего \$2 906.89, до Катара, где эта сумма достигает \$129 959.03.

Не будет преувеличением утверждение, что по критериям типов миропорядка «Расширенный Ближний Восток» в целом и Арабский Восток, в том числе, относятся к тому типу, в котором преобладает анархическое начало. Хотя страны региона имеют множество общих для всех них политических, экономических, экологических и иных проблем, он по-прежнему остается одним из наименее интегрированных в мире, в силу чего характеризуется повышенной нестабильностью и конфликтогенностью.

Имеет место в этой связи и тенденция к падению влияния и роли традиционных партий в общественно-политической жизни. В ходе «арабской весны» «во многом вопрос о модели власти, о смене ее стоял не в плоскости выбора в той или иной стране между левыми, популистскими идеями, правыми, либерально-демократическими и т.д., а между моделями современного или архаичного мироустройства. Обострилась борьба между современным – формированием элементов и структур гражданского общества – и архаикой – полуразвалившимися или перестраивающимися институтами и структурами авторитарной власти, сопротивление которых немалое и даже усиливающееся в отдельных странах, затронутых потрясениями, что в ряде из них привело от массовых протестных выступлений к гражданской войне»¹¹¹.

Все это в совокупности существенно затрудняет возможности обретения единства в арабском мире и обуславливает нарастание в нем конфликтогенных и прямо взрывоопасных начал.

Основная причина этого, по общему мнению экспертов, как раз и заключается в отсутствии общего видения путей решения стоящих перед ними проблем и

¹¹⁰Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России. М.: Экономика, 2011. С. 334.

¹¹¹Ткаченко А.А. Политические потрясения в арабском мире: общее и особенное // «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев.–М.: ЛЕНАНД, 2014.–С. 58.

сотрудничества с остальным миром. В настоящее время государства арабского ареала сталкиваются с серьезными проблемами обеспечения своей безопасности и не имеют достаточных средств для обеспечения необходимой стабильности. Одна из причин такого положения, по мнению многих аналитиков, состоит в отсутствии сколько-нибудь эффективных региональных институтов, способных выступать в качестве площадок для координации усилий всех заинтересованных сторон. Так, что касается, в частности, Лиги арабских государств, то она в силу целого комплекса факторов, определяющих положение вещей в регионе, не смогла добиться сколько-нибудь ощутимых позитивных результатов.

Внутрирегиональная торговля в арабском мире составляет от 5 до 8 процентов от общего объема торговли, а глобальная доля этого региона в экспорте не нефтяных товаров составляет менее 1 процента. Важное значение имеет и то, что население региона удваивается каждые двадцать пять лет. Это делает арабский мир регионом с наибольшей долей населения в возрасте до тридцати лет. Соответственно, занятость молодежи – одна из самых серьезных стоящих перед ним проблем.

Экономические отношения между странами арабского мира традиционно продолжают осуществляться на субрегиональном или двустороннем уровне. Субрегиональные связи, такие как в монархиях Персидского залива, оказываются более эффективными, нежели на общерегиональном уровне (Впрочем, и здесь не обходится без серьезных проблем – см. параграф 6 третьей главы). Большинство межгосударственных экономических отношений носят двусторонний характер – в форме экспорта рабочей силы и денежных переводов. Проблема усугубляется неадекватными транспортными сетями и слабой инфраструктурой между странами региона.

С точки зрения соотношения единства и фрагментации Арабского Востока ключевое значение имеют история, процессы и тенденции, успехи и неудачи формирования, институционализации и перспектив таких явлений, как арабский национализм, арабизм, панарабизм, панисламизм, которые по историческим меркам являются весьма молодыми понятиями и феноменами. Эти концепты и

их обоснование сыграли незаменимую роль в формировании арабской национальной идеи и арабского национализма, которые в свое время послужили консолидирующим фактором, идейно-политической, идеологической основой борьбы арабских народов за национальное освобождение и формирование независимых арабских государств.

Как отмечал И.В. Следзевский, «возникнув еще в 20-30-е гг. XX в. на волне революционных, антизападных настроений, идеология арабизма смогла объединить в одно целое образы и ценности общей арабской идентичности и новоевропейские идеи национализма и социализма. Сложилась специфическая арабская модель национал-социализма, которая заняла место традиционной идеологии панисламизма, освящавшей власть и влияние Османской империи»¹¹².

Еще в составе Османской империи в конце XIX – первых десятилетиях XX вв. арабской интеллигенцией разрабатывались различные идейно-политические платформы, среди которых ключевое место заняли панарабизм или арабский национализм («аль-кауумийя аль-арабийя») в качестве самостоятельного течения общественно-политической мысли. Во второй половине XIX в. известные в тот период арабский писатель и ученый Б. аль-Бустани, общественный деятель и историк Р. ат-Тахтави, ученый Дж. Зейдан и др. ввели в научный лексикон понятия «народ» («аш-шааб»), «родина» («аль-ватан»), «арабизм» («аль-уруба») и др., на основе которых возникли понятия «арабский народ», «арабская родина».

Со временем стало утверждаться понятие «арабская нация» («аль-умма аль-арабийя»). Как считается, это понятие впервые появилось в книге Н. Аззури «Пробуждение арабской нации» («Le réveil de la nation arabe» – «Якзат аль-умма аль-арабийя»), опубликованной в 1905 году. Он писал: «Существует арабская нация, которая одинаково включает в себя христиан и мусульман. А религиозные проблемы, возникающие между членами общин (конфессиональных), есть не что иное, как политические проблемы, возбуждаемые иностранными государствами в

¹¹²Следзевский И.В. Нарастание геополитического кризиса в регионе Большого Ближнего Востока // «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ.ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2014.–С. 176.

их собственных интересах»¹¹³. Интерес представляет то, что само понятие «нация» вошло в научный лексикон под названием «умма», под которым подразумевается единая община всех арабских народов. Как отмечал Б. Ерасов, умма стала «всеобъемлющей, тотальной системой, претендующей на удовлетворение всех духовных потребностей и на этом основании требующей от человека безусловной преданности и признания права на контроль над всеми сторонами его жизни и деятельности»¹¹⁴.

С распадом Османской империи многие арабские народы и государственные образования провозгласили своей целью создание единого арабского национального государства. В этом направлении показательным стало принятие на первом конгрессе арабских студентов, обучавшихся в учебных заведениях европейских стран, который состоялся в декабре 1938 года в Брюсселе, Манифеста. В нем, в частности, как бы от первого лица говорилось: «Я араб, и я верю в то, что арабы составляют единую нацию». Утверждалось, что основой единства арабов являются единый язык, культура, чувство «национальной принадлежности», «арабской родины», «панарабизм»¹¹⁵.

Системообразующей, инфраструктурной осью арабского мира, хотя и не в полной мере, стал выступать ислам, обеспечивающий его идентичность. Симптоматично, что здесь сосредоточены главные святыни обоих ответвлений ислама. И хотя исламский фактор будет подробно рассматриваться нами ниже, требуется, хотя бы коротко, сказать и о его роли в становлении и развитии панарабизма и арабизма в целом.

В исламе все народы, исповедующие ислам, независимо от национальной или иной принадлежности, определяются как члены единой мусульманской уммы, или общины. Аналогично тому, как в христианстве не существует ни грека, ни еврея, а есть верующие во Христе, точно также в исламе не бывает ни араба, ни перса, ни турка, а есть верующие мусульмане. Получается, что в соответствии

¹¹³ Цит. по: *Труевцев К.М.* Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи // *Полития*. 2003. № 3.–С. 105–106.

¹¹⁴ *Ерасов Б.С.* Структура и динамика исламского универсализма // *Вопросы философии*. 1973. № 3.–С. 149.

¹¹⁵ *Arab Nationalism. An Antology* / Ed. By Sylvia G. Haim. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1972. P. 101.

с коранической формулой «в исламе нет племен, все мусульмане единая умма» («ля туджад аль-аквам филь-ислам ва куллю ль-муслимун умма вахида») умма включает все народы, исповедующие ислам, в том числе не только арабов: то есть все 1 млрд 757 млн мусульман в мире являются членами единой уммы. Рассуждая в этом ключе, директор Департамента исламских дел МИД Саудовской Аравии М. Ибн Фаиз аш-Шариф и говорил поэтому о необходимости «переплавить исламские и арабские государства в более обширные объединения, назначение которых – консолидировать мусульман в рамках современных обществ под сенью ислама и таким путем добиться тесной координации между исламскими странами»¹¹⁶.

Однако, хотя крупные и влиятельные религиозные системы склонны претендовать на универсальность, стать над этнонациональными, расовыми, политическими и иными различиями между людьми и народами, исторические и современные мировые реалии свидетельствуют о существовании заметной взаимосвязи между религиозными приверженностями и национальным самосознанием. В политическом лексиконе даже используется понятие «этническая религия», говорят и о «мусульманском национализме». Образно говоря, можно заключить, что зачастую не религия выбирает тот или иной народ в качестве своего носителя, а, наоборот, народ выбирает определенное вероучение, которое наиболее соответствует национальному менталитету.

Следует, с нашей точки зрения, провести тем самым четкое различие между арабской и исламской идентичностями, равно как христианской, европейской, английской, французской, российской идентичностью. В этом смысле ислам в арабском мире используется как сторона национального самосознания, или арабского национализма. Он может рассматриваться как социально-философская, мировоззренческая основа политико-государственной самоорганизации народа, как это происходит в Саудовской Аравии, или же как один из важных компонентов культурно-исторического наследия, социокультурной, политико-

¹¹⁶Мелихов И. Арабо-исламская составляющая внешней политики арабских государств Персидского залива // Россия и мусульманский мир. 2000. № 8.–С. 90.

культурной системы соответствующего народа, как, например, в Тунисе, Египте, Сирии, у насеристов, баасистов и т.д.

Идейно-политической основой разных интеграционных проектов Арабского Востока в течение долгого времени в большей мере служил панарабизм, который иначе называется арабским национализмом. Важно подчеркнуть, что панарабистский национализм во многих своих интерпретациях не принимал исключительно исламской своей заостренности. В этом смысле интерес представляет позиция известного арабского политического философа М.С. аль-Хусри, который в своих трудах «Арабизм прежде всего», вышедшей в 1950 году, и «Что такое национализм» («Ма хийя аль-каумиyyа») пытался разводить понятия «религия» и «умма», обосновывая свою позицию аргументами о том, что ислам не может служить основой национальной идеи и арабского национализма. Соответственно, Хусри выступал против отождествления панарабизма с панисламизмом. «Арабизм, – писал он, – это принадлежность к географическому пространству, «арабской родине», обращение к арабскому языку в качестве языка общения и взаимопонимания. Арабизм выше религиозной ограниченности. Он не связан только с жителями Аравийского полуострова или мусульманами. Арабы – это все, кто живет в арабских странах и говорит по-арабски, будь то египтяне, кувейтцы или марокканцы, мусульмане или христиане, сунниты или друзы, католики, православные или протестанты. Все они дети арабской нации до тех пор, пока связаны со странами арабского мира и говорят на арабском языке¹¹⁷. Абд ар-Рахмаи аль-Кавакиби характеризовал арабскую умму как общность людей, «связанных единством расы, языка, отечества и права»¹¹⁸. В обоих случаях, как нетрудно заметить, имеет место явное противопоставление панарабизма панисламизму.

Во второй половине XX века главными носителями и проповедниками арабского национализма и создания единого арабского государства стали

¹¹⁷ Цит. по: *Аль-Бадви А.-М.* Мавакиф аль-муфаккирин аль-араб фи кадая ан-нахда фи аль-алям аль-арабий мин матляъа аль-карн иля мауфи ас-ситтинат (Позиции арабских мыслителей по вопросам возрождения арабского мира от начала века до периода шестидесятых годов). Тунис, 1996.–С. 411–412.

¹¹⁸ *Аль-Кавакиби Абд ар-Рахман.* Природы деспотизма и гибельность порабощения. М.: Наука, 1966.–С. 92.

баасистские партии наиболее развитых (по региональным меркам) стран. В стратегическом плане интерес к претворению в жизнь идеи арабского национализма и созданию единого арабского государства особенно отчетливо проявился в годы правления Г.А. Насера в Египте. Одной из таких попыток стало формирование в 1958 году Объединенной Арабской Республики в составе Египта и Сирии. В 1961 году, однако, Сирия заявила о выходе из ее состава. В результате, как отмечает К.М. Труевцев, «высветился факт, что на самом деле для националистических течений арабского мира «местнические», т.е. сирийские, иракские и пр. интересы в реальной политике выше общеарабских, а, кроме того, идеологические и социально-политические противоречия между различными течениями арабского национализма оказываются сильнее принципа арабской солидарности»¹¹⁹.

В этом смысле, как мы считаем, подтвердилось одно из центральных положений современного миропорядка, фиксирующего определяющую роль в нем политики национальных государств, интересы которых в своем реальном выражении еще заметно превалируют сегодня над идеями транснационального толка. Идеи панарабизма на Ближнем Востоке в большей степени стали проявлять себя в политике тех государств, которые претендовали на роль региональных лидеров и стремились эти идеи в значительной использовать при реализации своих национально-государственных целей и амбиций; по-своему – Саудовской Аравии (с большей включенностью исламского фактора) и, в течение достаточно долгого времени, – Египта. Так, одних проектов объединения нескольких государств в форме федерации или конфедерации насчитывается более десятка. В 1963 году были вновь предприняты безуспешные, однако, попытки возрождения единого государства в составе Египта, Сирии и Ирака. Не удалась также сформировавшаяся в 1971 году Федерация Арабских Республик в составе Египта, Ливии и Сирии, формально существовавшая в 1972 – 1977 годах. Все они, в конечном счете, потерпели неудачу.

¹¹⁹Труевцев К.М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи // Политика. 2003. № 3.–С. 115.

Другим направлением попыток достижения единства арабских народов, получивших достаточно отчетливое выражение в стратегических установках панарабизма, стало создание множества межарабских и исламских международных организаций, объединений, союзов. Среди них – организация «Исламская конференция» (ОИК), в дальнейшем Организация исламского сотрудничества (ОИС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Союз арабского Магриба (САМ, Лига исламского мира (ЛИМ), Организация экономического сотрудничества (ОЭС), Совет арабского сотрудничества (САС), Международная исламская федерация студенческих организаций и т.д.

Ключевое место здесь занимает Лига арабских государств (ЛАГ), сформированная 22 марта 1944 года на конференции в Каире. На ней был принят Устав Лиги, подписанный делегатами семи обладавших на тот период независимостью арабских стран – Египта, Ирака, Сирии, Ливана, Трансиордании, Саудовской Аравии и Йемена, большинство которых пользовались ограниченным и формальным суверенитетом. В этом основополагающем документе цель и назначение Лиги определялись как координация действий стран ее членов в экономической, социальной, культурной, политической и внешнеполитической сфере «в направлении тесного сотрудничества между ними при сохранении их независимости и суверенитета». Декларировались принципы признания и уважения существующих режимов государств-членов и невмешательство во внутренние дела друг друга, мирного решения существующих и могущих возникнуть между ними противоречий и конфликтов. В ЛАГ действует правило, согласно которому принимаемые решения обязательны только для тех государств-членов, которые официально поддержали эти решения.

Основополагающие документы Лиги – Александрийский протокол, Устав, Договоры о совместной обороне и экономическом сотрудничестве, подписанные 17 июня 1950 года семью государствами-основателями Лиги. ЛАГ пользуется статусом наблюдателя при ООН и имеет бюро и информационные центры в Вашингтоне и столицах некоторых государств Европы. В 1989 году миссия Лиги

была учреждена в Москве. Однако ЛАГ при всей ее значимости для решения вопросов, возникающих между арабскими государствами, в силу комплекса факторов, не смогла превратиться в институт, способный выражать и отстаивать подлинные интересы арабских народов, особенно в условиях непрекращающихся арабо-израильских и других конфликтов и войн. Хотя, безусловно, ЛАГ (как и перечисленные выше организации) продолжает сохранять свою роль достаточно значимого актора политики в ближневосточном регионе.

Пока что нельзя говорить и о сколько-нибудь заметном прогрессе в отношении ряда проектов экономического сотрудничества между арабскими странами, таких, как созданная в 1998 году Большая зона свободной арабской торговли, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

В основе всех таких неудач лежит целый комплекс факторов. Более или менее заметное негативное влияние на интеграционные процессы оказывает неоднородность арабского мира, который крайне раздроблен, что существенно затрудняет сотрудничество входящих в него стран и народов. При всех факторах, объединяющих арабов, важно учесть, что в целом арабский мир характеризуется большим разнообразием природно-географических, этно-демографических, социокультурных, политико-культурных и конфессиональных составляющих. Эти страны имеют разный уровень социально-экономического развития, объемы природных, материальных, финансовых, человеческих ресурсов, формы государственно-политической самоорганизации. Арабы говорят на одном арабском языке, но его региональные диалекты настолько серьезно различаются между собой, что, к примеру, простой алжирец довольно трудно может понять простого сирийца.

Существуют заметные различия между регионами, прежде всего, между Магрибом и Машриком. Определяющую роль среди них играет существование довольно серьезных черт исторического, социокультурного, политико-культурного характера, отличающих страны и народы Машрика и Магриба. Внутри каждого из этих двух субрегионов также существуют важные различия.

Авторитетный эксперт по Ближнему Востоку В.В. Наумкин считает, что линии разобщенности в целом ряде государств региона «охватывают широкий спектр этнических, религиозных и конфессиональных, родоплеменных, социальных, патронажно-клиентельных, межрегиональных и иных делений, выплеснувшихся в конфликты с применением массового насилия»¹²⁰. Этнонационализм служит фактором, толкающим тот или иной этнос на сецессию и требование на создание новых моноэтнических государств. В конфликте, в частности, в Сирии имеет место притязание алавитского меньшинства «на сохранение контроля над властными ресурсами при поддержании унитарного характера страны, в противоположность федералистским устремлениям курдского меньшинства»¹²¹. По большому счету, такая позиция имела место и в Ираке, где в период правления Саддама Хусейна использовались все средства, в том числе насильственные, для сохранения монополии на власть суннитского меньшинства. Подобная ситуация характерна также для Бахрейна, где большинство населения составляют шииты, но власть находится в руках династии суннитского меньшинства.

В регионе нет какого-либо одного сильного государства, которое могло бы служить признанным всеми остальными государствами лидером, способным объединить их в жизнеспособное единое целое. Лига арабских государств не смогла выработать общеарабскую платформу противостояния Израилю, Ирак и Ливан отказались поддержать антииранские предложения. Кризис вокруг Катара, разразившийся летом 2017 года, серьезно подорвал планы Саудовской Аравии сколотить антииранскую коалицию монархий Персидского залива. Полем постоянных непрекращающихся конфликтов стали Ливия, Сомали, Судан, Ирак, Йемен, Сирия, Ливан.

Поражение арабских государств в арабо-израильских войнах вызвало острейший кризис в национальном самосознании арабских народов и подорвало веру в идею как арабского национализма, так и в возможность создания единого арабского государства. Особенно сильное влияние на положение дел на

¹²⁰ Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. – С. 29–30.

¹²¹ Там же, – С. 30.

Ближнем Востоке оказали шаги египетского руководства (страны, где идеи панарабизма обозначали себя наиболее выпукло) во главе с президентом А. Садатом, пришедшим к власти после смерти Г.А. Насера в сентябре 1970 года. Речь идет о том, что, отказавшись от общеарабской линии противостояния Израилю, он пошел на подписание с ним в 1979 году сепаратного мирного договора. В результате Египет был исключен из состава членов ЛАГ, что, в свою очередь, привело к фактическому ее расколу. А штаб-квартира Лиги была переведена из Каира в Тунис. Немаловажное значение с данной точки зрения имела ирано-иракская война, начавшаяся в сентябре 1980 года. Нельзя не отметить также так называемую «Войну в Заливе» 1991 года и особенно войны, развязанные Западом во главе с США в новом веке, а также «арабскую весну», ставшую во многом результатом стратегии экспорта «демократической революции». Эти события существенно расширили вмешательство внешних сил в состояние и перспективу развития событий в регионе.

Все вышеизложенное свидетельствует об ослаблении роли панарабской идеи и арабского национализма, о неспособности лидеров арабского мира к их реализации. Безусловно, эта слабость была во многом порождена и историческими реалиями формирования государств региона после распада Османской империи. Как отмечают И.Д. Звягельская, В.А. Кузнецов, В.В. Наумкин и Н.В. Сухов, так называемая система Сайкс – Пико «представляла собой попытку формирования национальных государств на территориях стран, переживших двойную колонизацию – османскую и европейскую, и исторически раздробленных. Сами границы новых государств формировались если и не вполне произвольно, то зачастую под воздействием случайных факторов, результатом стал присущий арабскому политическому сознанию дефицит легитимности государств. Существование ни одного из них никогда не рассматривалось как абсолютно естественное и так или иначе в любой момент могло быть поставлено

под сомнение»¹²². Система Сайкс – Пико, созданная колонизаторами, изначально была начинена зарядом замедленного действия, который до сих пор не удалось должным образом нейтрализовать.

Острота проблемы, вместе с тем, заключается еще и в том, что сегодня любые серьезные попытки переформатирования существующей системы координат государственно-политического размежевания в регионе могут, по мнению большинства экспертов, ввергнуть его в еще более опасный период турбулентности.

Понятно поэтому, что в силу комплекса исторических и иных факторов на Ближнем Востоке сформировались специфические «гибридные идеологии нациестроительства». Как отмечают В.А. Кузнецов и В. Салем, «основными такими конкурирующими идеологиями стали: панарабизм (насеризм, баасизм), южноафриканский и палестинский марксизм, регионализм (идеи единства Великой Сирии, Благодатного полумесяца, Долины Нила, Магриба и т.п.) и страновой национализм (особенно в Тунисе). Одной из альтернатив выступал и панисламизм с его идеей панисламской уммы. Более маргинальное положение занимали идеи неарабского этнического национализма (берберского, курдского и т.п.), внутригосударственного регионализма (Триполитания и Киренаика в Ливии и т.п.), а также панрегионализма (например, средиземноморского единства (Ливан, Тунис) или африканской идентичности (Марокко, Египет, Судан)»¹²³. Причем они как конкурировали между собой, так и дополняли друг друга. В этом плане свою роль сыграл государственный национализм целого рода народов.

Еще в 60-х годах прошлого века партия «Баас» стала окончательно терять позиции объединителя арабских народов. В последней четверти XX века ситуация на Большом Ближнем Востоке начала меняться не в пользу арабского

¹²² Звягельская И.Д., В.А. Кузнецов В.А., Сухов Н.В. (научный руководитель Наумкин В.В.). Ближний Восток: от конфликтов к стабильности // Россия в глобальной политике, 14 марта 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/blizhnij-vostok-ot-konfliktov-k-stabilnosti/> (дата обращения: 20.11.2019).

¹²³ Кузнецов В., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // Россия в глобальной политике, 13 марта 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezalternativnaya-hrupkost-sudba-gosudarstva-nacii-v-arabskom-mire/> (дата обращения: 20.11.2019).

национализма. Бывший президент Туниса Хабиб Бургиба и был вынужденно, но вполне определенно констатировать: «Единство арабского мира – миф»¹²⁴.

Казалось бы, глобализация и информационная революция, одним из результатов которых стало объединение, интеграция, унификация современного мира, должна была преодолеть фрагментацию и, наконец, обеспечить единство арабского мира, более того, послужить фактором формирования единой арабской нации. Однако обнаружилось, что глобализация и информационная революция имеют свою оборотную сторону, а именно, фрагментацию, о чем свидетельствует опыт последних десятилетий современного мира, для которого характерны процессы и тенденции роста национализма, сепаратизма, распада многонациональных государств, появления множества новых государств. Эти процессы и тенденции получили дальнейшие стимулы в условиях коронавирусной пандемии, подтолкнувшей народы на самоизоляцию по их «национальным квартирам». Арабский Восток по определению не мог не испытать на себе эти реалии.

При всем том было бы преждевременно говорить об отказе от идеи интеграции арабских стран в ту или иную форму межгосударственного или иного объединения. Более того, идеи арабизма/панарабизма могут быть заметно актуализированы в критических для арабского мира ситуациях, перипетиях борьбы за региональное лидерство¹²⁵ и др. Существенным остается их потенциал в области культурного сотрудничества, политики исторической памяти. Будучи не в состоянии доминировать в системе идеологических представлений Арабского Востока, арабизм/панарабизм в любом случае остается значимой составляющей политических стратегий ведущих политических игроков региона.

¹²⁴ Панарабизм. Это также наднациональная политическая идеология, которая ставит перед собой цель объединения арабской части мусульманского мира // CyberPedia. URL: <https://cyberpedia.su/8xf9c2.html> (дата обращения: 20.11.2019).

¹²⁵ Далеко не всегда это может приобретать позитивные свои выражения. Так, к примеру, идеи панарабизма пытаются широко использовать Саудовская Аравия в борьбе против Ирана и подавления в связи с этим «религиозного инакомыслия» (шииты).

2.2. Политический «исламизм»: системные характеристики, структурные составляющие и основные цели¹²⁶

В течение всей писаной истории человечества государства использовали и продолжают использовать религиозные верования в своей внутренней и внешней политике. Такие настроения приобретают особую актуальность в переходные периоды общественно-исторического развития. Это неудивительно, если учесть, что религия несет мощный идейный мобилизационный потенциал для решения стоящих перед обществом жизненно важных проблем, что, впрочем, очень часто может приобретать и конфронтационные измерения. Как отмечал известный российский философ Л.Н. Митрохин, «те или иные конфликты, имеющие вполне прозаическое земное происхождение, религия способна возводить в ранг космических, от века бытийствующих столкновений, формулировать их в обобщенном, абсолютном виде, затрудняющем какой-либо компромисс»¹²⁷. Естественно, что контексте заявленной проблемы в диссертационной работе речь пойдет об исламе, который играет одну из ключевых ролей формирования и институционализации национальной и цивилизационной идентичности многих народов Кавказа, Центральной Азии, Афганистана и Пакистана и, прежде всего, «Расширенного Ближнего Востока», являясь в то же время и стороной существующих здесь конфликтов.

¹²⁶ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Северный Кавказ: новый взгляд [Электронный ресурс] / *Н.У. Ханалиев*–М.: Логос, 2014; *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке. Власть.- 2017. Т. 25. № 9.–С. 143-152.

¹²⁷*Митрохин Л.Н.* Религия и нация // Наука и религия. 1989. № 3.- С. 3.

Роль ислама в регионе становится все более заметной. Этому, в частности, как мы отмечали в предыдущем параграфе, в значительной степени способствовал социокультурный, духовный и политический кризис арабских народов. Политические режимы на Арабском Востоке, которые в большинстве своем сохраняют авторитарный характер, если и шли на реформы, то зачастую на такие, которые не затрагивали серьезно их властные позиции. Поэтому, естественно, что к началу XXI века «светские режимы в значительной мере утратили свой авторитет, а новые лидеры (С. Хуссейн, Х. Мубарак, З.А. Бен Али) оказались в той или иной мере скомпрометированы либо коррупцией, либо жестокостью своих репрессивных методов»¹²⁸.

Драматичные события, начало которым было заложено в 2011 году и которые в совокупности получили название «Арабская весна», породили у населения целого ряда арабских стран далеко идущие ожидания об улучшении условий жизни, материальном благополучии, социальной справедливости, политических свободах и т.д. Как отмечала профессор политологии Каирского университета, член Египетского совета по международным делам Нурихан Эль-Шейх, «это был тот момент, когда разные политические и общественные силы объединились, требуя «перемен», но, не имея четкого общего понимания того, в чем именно эти желанные перемены должны заключаться. Вместо «весны» и процветания, арабский мир погрузился в мрачную зиму. «Исламистские» политические силы, в частности организация «Братьев-мусульман», вышли на первый план в силу своей большей организованности»¹²⁹.

Неудача как насеристско-баасистского государственного социализма, так и навязанных Западом моделей демократии, привела определенную категорию активной части населения к выводу, что первопричина бед – отступление от принципов ислама, а ключ к решению многочисленных проблем – восстановление

¹²⁸ Ланда Р.Г. Социально-политические и идейные корни современных переворотов в арабском мире // «Арабский кризис и его международные последствия/ Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев.– М.: ЛЕНАНД, 2014.–С. 11.

¹²⁹ Эль-Шейх Н. Арабский мир: неопределённость после «весны» // Россия в глобальной политике, 8 сентября 2017. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/arabskij-mir-neopredelyonnost-posle-vesny/> (дата обращения: 20.11.2019).

этих принципов¹³⁰. Как отмечал И.В. Следзевский, факторы легитимности (или нелегитимности) и стабильности (или нестабильности) правящих режимов Ближнего Востока из сферы господства идеологии арабизма в последние годы стали все более заметно перемещаться в более широкое и неустойчивое пространство «исламизма»¹³¹.

Ислам и стал одним из ключевых факторов, объединяющих не только арабский мир, но и весь «Расширенный Ближний Восток», хотя определенная часть населения и исповедует христианство. «Достижению арабского единства, – утверждал министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал, – мешает, прежде всего, недооценка значения ислама для арабов, недопонимание ими значения единства как наилучшего способа противодействовать вызовам, которые история бросила их независимости и развитию»¹³².

Особенность ислама состоит в том, что он представляет собой религиозно-политическую вероисповедную систему. Во многих из рассматриваемых нами стран ислам является государственной религией, даже государственной идеологией. Аятолла Хомейни прямо заявлял, что «ислам является политико-религиозным учением, в котором политику дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику» и «в исламе больше политических предписаний, чем религиозных». Для мусульман, утверждал аятолла, «политическая деятельность является религиозной обязанностью», «исламская религия носит политический характер, все в ней связано с политикой, даже богослужение»¹³³. В работе «Раскрытие тайн», опубликованной в 1940 году, Хомейни предметно обосновывалось право исламских богословов-законоведов (факихов) на управление важнейшими сферами жизнедеятельности людей. Светские власти обязаны подчиняться указаниям улемов, которым должна

¹³⁰ См.: *Мирский Г.* Цивилизация бедных // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/civilizaciya-bednyh.html> (дата обращения: 20.11.2019).

¹³¹ *Следзевский И.В.* Нарастание геополитического кризиса в регионе Большого Ближнего Востока // «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ.ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 179.

¹³² Социальная структура, развития общественной мысли. Восток мир в начале третьего тысячелетия // ИНТУИТ. URL: <http://www.intuit.ru/studies/courses/3579/821/lecture/29234?page=6> (дата обращения: 20.11.2019).

¹³³ Изречения, афоризмы и наставления великого вождя Исламской революции имама Хомейни (да упокоит Аллах его душу). – Тегеран: Издательство произведений имама Хомейни. Междунар. отд., 1995. – С. 17.

принадлежать вся полнота реальной власти. Не может быть иных законов, кроме законов шариата. Образцом государственно-правового устройства он считал мусульманскую общину времен Пророка Мухаммеда. Все эти и подобные рассуждения можно свести к следующему весьма лапидарному изречению самого имама: «Ислам – это политика и только политика. Все остальное – вторично».

Как любая радикальная идеология, «исламизм» обеспечивает свою жизнеспособность и расширяет свое влияние среди населения путем экспансии. Об этом свидетельствует, в частности, «исламская» концепция мирового порядка. Эта концепция, как уже отмечалось, исходит из деления современного мира на «умму» – мусульманскую общину, под которой понимается сообщество верующих мусульман, выделяемого от остального человечества. Или же различаются «Дар аль-Ислам», то есть мир ислама, в котором действует исламская форма правления, и «Дар аль-Харб», то есть мир войны, под которым понимаются все государства, которые могут представлять угрозу миру ислама. Выделяется также «Дар ас-Сулх» (мир договора о мире), состоящий из государств, в которых власть сосредоточена в руках невраждебных правителей, которые примирились с существованием мира ислама.

Главную цель интеграционных проектов «исламисты» видят в формировании новой модели «исламского государства» – халифата, в возрождении панисламизма как единственно верной, данной самим Богом идеи преобразования мирового сообщества на путях его исламизации. Ислам между тем, и это нужно подчеркнуть как принципиальный момент, далеко не всегда принимает какие-либо агрессивные формы¹³⁴. Как отмечает Е.Ж. Назаров, «призыв к исламскому единству направлен на то, чтобы переплавить исламские арабские государства в более обширные объединения, назначение которых – консолидировать мусульман в рамках современных обществ под сенью ислама и таким путем добиться тесной координации между исламскими странами,

¹³⁴ В этом плане заметную активность проявляет Исламский комитет – международная исламская политическая организация, созданная в 1993 г. в качестве исламского идеологического центра на Всемирном исламском конгрессе в Хартуме (Судан).

устранить, по возможности мирными средствами, разногласия и споры в соответствии с учением ислама, обеспечить сотрудничество с мировым сообществом, в особенности в том, что касается ограждения человечества от ядерного оружия жестоких войн, внести вклад в создание гуманного общества на благо всего человечества»¹³⁵.

Заключение, которое делают известные исследователи Востока В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов, вполне справедливо: «Вредно и ошибочно приписывать исламскому миру якобы присущую ему нетерпимость и неприятие свободы. Если обратиться к мусульманскому историческому наследию, то нельзя не вспомнить о тех поразительных проявлениях свободомыслия и терпимости, которые существовали в нем на протяжении многих веков. Именно их надо считать существом этой цивилизации, а не ту воинственность, которая сегодня проявилась в ней как реакция на несправедливость и дискриминацию»¹³⁶.

Как раз эти сущностные особенности ислама открывают перед Российской Федерацией возможности заинтересованного диалога и с влиятельными мусульманскими международными организациями и структурами (Организация исламского сотрудничества, ИСЕСКО – исламский аналог ЮНЕСКО и др.), и с правительствами исламских государств, объективно заинтересованными в утверждении нового миропорядка. Возникают возможности найти общий язык здесь и по целому ряду вопросов с руководством отдельных политических движений и организаций.

Нужно отметить, вместе с тем, что политическое пространство мира ислама является далеко не однородным. Все более заметную роль начинает играть так называемый «политический исламизм», в рядах приверженцев которого ключевое место занимает ваххабизм. Под этим собирательным названием объединяется целый ряд разнородных группировок, выдвигающих, как правило, крайне радикальные, экстремистские идеи и проекты общественно-

¹³⁵ Назаров Е.Ж. Становление исламской концепции солидарности и миропорядка // Научная библиотека Челябинского государственного университета. URL: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_SPSAS/fulltexts/ZhdanovNB_11-29.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

¹³⁶ Международные отношения и мировая политика. Учебно-методический комплекс. – С.313.

политического устройства. Для этих группировок характерно не только отвержение различных светских идейно-политических конструкций, но и самого традиционного ислама, как он исповедуется подавляющим большинством мусульман современного мира, в том числе «Расширенного Ближнего Востока» и так называемого «Мусульманского севера». Представителей этих группировок совершенно обоснованно называют фундаменталистами, поскольку они выступают за «чистоту» веры, для чего призывают «возвратиться к истокам», то есть к тому, как, по их представлениям, ислам трактовался его основателями.

Современный ваххабизм не един, в нем имеются относительно умеренные и радикальные фундаменталистские течения. С одной стороны, он является государственной религией Саудовской Аравии и Катара, которые жестко борются с неудобными им течениями, вписываясь, тем не менее, в системы современного межкультурного (тем более – межгосударственного) диалога, с другой стороны, ряд его течений служат идейно-политической и конфессиональной основой экстремистских и террористических группировок.

В настоящее время действует множество фундаменталистских (впрочем, заметно различающихся друг от друга по степени своего радикализма) группировок, называемых по-разному: «Братья-мусульмане», «Джихад» и «Исламская группа», «Мусульмане», «Партия исламского освобождения», «Международный фронт борьбы против евреев и крестоносцев» и многие другие. По своему влиянию, радикализму и масштабности осуществляемых акций центральное место среди них занимает «Аль-Каида», ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусра», «Джайш аль-Ислам» и др. В установках этих крайних течений джихад трактуется как «священная война» против иноверцев, а также и против иных – «неверных», к числу которых могут принадлежать и те мусульмане, которых сторонники этих учений считают отступниками от истинной веры. Различные ответвления салафизма стали идейно-политической и конфессиональной основой радикальных экстремистских организаций, группировок, движений международного «исламистского» терроризма. Для них священным стал лозунг:

«Бог – наша цель, Пророк – наш руководитель, Коран – наша конституция, джихад – наш путь, смерть во имя Бога – наше высшее стремление»¹³⁷.

Главную свою цель фундаменталисты видят в завоевании господствующих позиций в самих мусульманских государствах. В ваххабизме нашли законченное выражение идеи и установки панисламизма, сформулированные еще в XIX веке С. Джамаль ад-Дином Аль-Афгани. Аль-Афгани выступал за формирование «религиозно-политического союза мусульманских народов», «единение мира ислама (Дар Аль-ислам) в единую мощную группировку» на основе принципов Корана¹³⁸. Вместе с тем, исламский фундаментализм склонен распространить свое влияние на другие страны и народы, более того, муссируется и идея создания всемирного исламского халифата. Показательны, в частности, слова саудовского шейха М. А. Аль-Кариги, приписывавшего Пророку утверждение: «мусульмане завоюют Индию, а также Константинополь и Рим, где находится Ватикан. Мусульмане завоевали Персию и Византию, они дошли до Индии и границ Китая. Ислам покорит также Рим в недалеком будущем»¹³⁹.

Идеи создания исламского халифата и исламизма в целом могут принимать различные свои воплощения. Так, в истории XX века одним из важнейших этапов реализации принципов последнего стала Исламская революция в Иране 1979 года. «Победа революции под исламскими лозунгами в Иране и установление режима, при котором власть оказалась в руках мусульманского духовенства, строительство государства по исламской модели, конфронтация нового иранского режима с США и провозглашение им курса во внешней политике на формирование «исламского миропорядка», – отмечал В.Е. Донцов, – все это произвело большое впечатление на широкие массы в других мусульманских странах, заметно оживив интерес к исламу, особенно среди молодежи. Во всем мусульманском мире и даже за его пределами резко возросла активность движений, получивших на Западе название фундаменталистских или интегристских. В мусульманских странах эти

¹³⁷ Цит. по: Сердеров Р.М. Роль политического ислама на Северном Кавказе // Власть, 2014, №3, –С. 165.

¹³⁸ Приведено по: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка.–М.: Международные отношения, 2003.–С. 11.

¹³⁹ Приведено по: Сбудется ли пророчество Магомета? // Финансовый контроль. 2003. № 2.

движения, наиболее примером которых в новейшее время считаются организации «Хезболла» в Ливане, «Исламский фронт спасения» в Алжире, «Аль-Гамаа аль-Исламия» в Египте и др., обычно относят к «политическому исламу», а их участников называют чаще «исламистами»¹⁴⁰.

В Иране даже были созданы специальные органы, такие как, например, Управление исламских освободительных движений при Корпусе стражей Исламской революции. В обращении к иранским дипломатам в январе 1981 года Хомейни говорил: «Вы должны активно работать, чтобы экспортировать нашу революцию туда, где вы находитесь. Экспорт революции означает, прежде всего, приход к власти обездоленных и устранение антинародных правительств»¹⁴¹. В этом русле и в наши дни Иран, при всех возможных оговорках, по-прежнему продолжает идти в фарватере хомейнистской идеологии. Характерно, в частности, недавнее заявление командующего Корпусом Стражей Исламской Революции генерал-майора Али Джафери: «Мы привержены идеям исламской революции, и наши цели определены четко. Наш дух Джихада непоколебим, и мы используем всю свою силу и умения для всеобщей победы идей революции... 200 тысяч вооруженных бойцов в 5 странах, преданные идеям иранской революции, готовят почву для появления пророка Махди. Наши люди в Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане и Йемене в готовом состоянии ждут указаний»¹⁴².

В целом, можно утверждать, что проведение ИРИ политики экспорта иранской исламской революции оказало серьезное влияние на расклад сил в регионе Ближнего и Среднего Востока, в частности в таких странах, как Ливан, Афганистан и некоторые другие. В то же время эта политика носила достаточно ограниченный характер, так как в основном затронула те страны, где имелись

¹⁴⁰ Донцов В.Е. Ислам в международных отношениях // Дипломатический ежегодник. 1997.С. 62–89.

¹⁴¹ Роль Исламской Республики Иран в формировании современной системы регионального исламского фундаментализма на Ближнем и Среднем Востоке. Available: URL: https://knowledge.allbest.ru/political/2c0a65625b3ac68a4d53a89421316d36_2.html (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁴² Иранские Стражи Исламской Революции намерены ускорить приход Махди // IslamNews. URL: <http://www.islamnews.ru/news-iranskie-strazhej-islamskoj-revoljucii-namereny-uskorit-prihod-maxdi/> (дата обращения: 20.01.2020).

большие шиитские общины, была нестабильной политической обстановкой или велась гражданская война¹⁴³.

Тем не менее, экспортируя революцию, Ирану удалось существенным способом обезопасить собственный политический режим от внутренних потрясений, получить контроль над некоторыми отдельными районами Ближнего и Среднего Востока.

Вместе с тем, экспорт революции, особенно в первые годы, поставил Иран в достаточно сложное положение. Как отмечал И.В. Следзевский, это обусловило «начало внутриисламского геополитического и идеологического конфликта, обусловленного попытками Ирана использовать шиитов для укрепления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Признаками усиления геополитической неустойчивости и неопределенности в регионе стало формирование в начале 1980-х годов вокруг Ирака антииранской коалиции из большинства арабских государств (исключая Сирию)»¹⁴⁴.

Страна оказалась в изоляции как со стороны значительной части мусульманского мира, в основном суннитского, так и со стороны стран Запада. В целом в этой связи следует признать политику экспорта (именно – экспорта) иранской революции больше неудачной, чем успешной, как по своим причинам, так и по своим последствиям. И, пожалуй, больших результатов в распространении панисламистских идей достигли все же некоторые суннитские государства. Расширился и вектор их деятельности, причем во многом в отношении крайне чувствительной для России проблемы.

В постсоветский период одним из важных объектов экспорта панисламизма стали новые независимые государства Центральной Азии, национальные республики Северного Кавказа (и, в определенной степени, Приволжья) с преимущественно мусульманским населением, а также Азербайджан. В этих

¹⁴³ В ряде стран влияние ислама на политической арене стало приобретать тенденцию к ослаблению. Речь может идти, в частности, о Египте, где к власти 30 июня 2013 года пришел авторитарный режим Ас-Сиси, или же о Тунисе, где «исламистская» партия «Ан-Нахда» (Партия возрождения) в мае 2016 года приняла решение об отделении своей религиозной деятельности от политической.

¹⁴⁴ Следзевский И.В. Нарастание геополитического кризиса в регионе Большого Ближнего Востока // «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ.ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 179.

регионах было создано множество мусульманских благотворительных, просветительских, культурных и иных организаций, пунктов пропаганды, бесплатных религиозных учебных заведений. Большими тиражами выпускалась религиозная литература на доступных читателям языках, которая также распространялась бесплатно. Важнейшей формой пропаганды стала работа с паломниками и пропаганда принципов веры через специально созданные сети информационных центров. Одним из приоритетных направлений такой деятельности стала подготовка духовенства из числа молодежи (российской в том числе) в зарубежных религиозных центрах.

Не замалчивая значимость благотворительной составляющей, следует отметить, вместе с тем, что оборотной стороной и результатом такой политики стало усиление идеологического влияния исламистских организаций на соответствующих пространствах, во многих случаях – воздействия на кадровую политику, на решение ключевых вопросов экономического и политического развития. Все это существенно повлияло на возможности усиления здесь деятельности исламистских организаций прямо экстремистской и даже террористической направленности.

О ваххабизме в проблемном аспекте на южных рубежах России активно заговорили в связи с войной в Чеченской Республике в 1994 – 1996 годах, куда вместе с наемниками устремились и религиозные проповедники из исламских стран. Наиболее крупные отряды ваххабитов находились под командованием известных религиозных экстремистов, иностранных граждан Хаттаба и Фатхи, которые прибыли в Дагестан еще в 1993-1994 годах, осев в Кадарской зоне. С началом боевых действий в 1995-1996 годах они перебрались на территорию Чеченской Республики.

Одним из первых иностранных проповедников ваххабитского течения в регионе стал выходец из Иордании американский гражданин Фатхи, за плечами которого был опыт участия в афганской войне против советских войск. Впервые он появился в Дагестане, где давал уроки нового учения, привлекая молодежь в свои кружки не только религиозными призывами, но и материально

заинтересовывая их. Многие воспитанники в последующем стали полевыми командирами так называемых «шариатских батальонов и полков» в Чеченской Республике Ичкерия. Таким стал, в частности, «бригадный генерал» (1996 г.) Газимагомед Гимринский, депутат народного собрания Республики Дагестан, осуществлявший связь между Шамилем Басаевым и Хаттабом (убит в 2007 году своим подельником). Можно в этой связи назвать и Раббани Халилова, лакца, одного из самых жестоких и одиозных главарей НВФ, групп, в основном состоящих из дагестанцев переселенческого Новолакского района (ликвидирован в районе Нового Сулака, Кизильюртовского района Республики Дагестан в 2007 году в результате спецоперации ФСБ России). Пройдя идеологическую подготовку у Фатхи и других проповедников, подразделения переходили в подчинение Хаттаба (настоящее имя Самир Салех Абдалла аль-Сувайлем, прозвище «черный араб», ликвидирован ФСБ России в 2002 году), занимавшегося изначально вопросами военной подготовки новоиспеченных «исламистов» на военных базах, созданных на территории Дагестана и Чеченской Республики Ичкерия. У него они обучались разведывательно-диверсионному делу. Часть выпускников направлялась для дальнейшей учебы в Афганистан и Пакистан, часть получала практику в условиях республик и регионов Северного Кавказа.

Для реализации своих планов Хаттаб создал сначала в Дагестане (1994 – 1999 гг. Карамахи, Чабанмахи – Кадарская зона), а затем в 1997 – 1999 гг. и в Чечне несколько специализированных лагерей по подготовке профессиональных бойцов. Каждый из этих лагерей имел свое название и свой профиль деятельности. В них осуществлялась интенсивная идеологическая и военная подготовка молодежи. Шли постоянные круглосуточные занятия с ежедневной боевой стрельбой, «слушателей» отлично кормили, обеспечивали всем необходимым. Они располагали достаточным количеством оружия. После «сдачи экзаменов», заключающихся в диверсиях против воинских частей, милиции или транспорта, боевики возвращались в свои города и села и начинали

активно вербовать новые партии рекрутов для отправки на обучение, а заодно и распространять ваххабизм среди земляков.

Одновременно в данных лагерях обучались около сотни «слушателей» по осуществлению интенсивной идеологической и военной подготовки местной молодежи для террористической деятельности против официальных властей. Их деятельность стала фактором, серьезно дестабилизировавшим социальную и политическую ситуацию на Северном Кавказе. При непосредственном участии многих из них разворачивалась внутриэлитная и межклановая борьба в Дагестане, Чечне и других национальных республиках региона. В интервью газете «Аль-Каф» в апреле 1998 года Хаттаб не без хвастовства заявил: «С помощью Аллаха мы ввергнем Россию в такое же состояние, в каком находится нынешняя Чечня... Мы не успокоимся до тех пор, пока на пике Кремля не взойдет черное победное знамя джихада»¹⁴⁵.

Безусловно, роль политического «исламизма», тем более «исламизма» в целом, даже в самых негативных его проявлениях нельзя сводить только к целям реализации религиозно-политических целей и установок. Помимо чисто конфессиональных и идеолого-политических, многие мусульманские страны преследуют также и свои сугубо экономические интересы. Именно их заинтересованность в доступе к богатым природным месторождениям и скрывается под идеологическим камуфляжем создания «единого исламского мира». Здесь нефтедобывающие государства выступают как не последние субъекты нефтяной и трубопроводной дипломатии. В этой связи неслучайным представляется то, что многие конфликты происходят в нефтеносных районах. Осуждая на словах некоторые из этих конфликтов, власти, особенно некоторые неправительственные движения и организации мусульманских стран, даже Организация Исламской конференции, поддерживают экстремистов материальными и финансовыми средствами, а также так называемыми

¹⁴⁵ Цит. по: *Добаев И.П.* Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Кавказе // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/16852/> (дата обращения: 20.01.2020).

«добровольцами». Эта экономическая составляющая в полной мере проявляет себя и в отношении постсоветского пространства.

Ислам, таким образом, и особенно «политический исламизм», активно используются в большой геополитической игре. Это проявляется и в практике рекрутирования молодежи субъектов Российской Федерации с преобладающим мусульманским населением и новых независимых государств Центральной Азии в «исламистские» террористические бандформирования Ближнего Востока. Так, группировка «Катаиб аль-Мухаджирин» состоит преимущественно из выходцев из названных российских республик и центральноазиатских государств. Значительная их часть примкнула к «Джебхат ан-Нусре» и «Исламскому государству». На словах как самостоятельная действует террористическая группировка, возглавляемая Салахудином аш-Шишани (этнический чеченец, гражданин Грузии Маргошвили),

Одной из весьма опасных террористических группировок на российском Северном Кавказе считался «Имарат Кавказ». В апреле 2015 года ФСБ ликвидировала главаря этого образования А. Кебедова (этнического аварца), тем самым нанеся ему (образованию) довольно ощутимый удар. Но еще в 2014 году Абу А.М. Агачаульский (этнический кумык) и А.М. Кадарский (этнический даргинец) дали байат (присягу) главарю ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади. В результате его сторонники перешли в подчинение «Исламскому государству». После этого «Имарат Кавказ» стал отделением «Исламского государства». Соответственно, в регионе боевики стали получать дополнительные ресурсы, возможности влияния, вербовки новых сторонников. Уже 23 июня 2015 года в Сети появилось заявление «пресс-секретаря» «Исламского государства» Абу Мухаммада аль-Аднани о создании на Северном Кавказе «Виляята Кавказ» в качестве филиала «Исламского государства».

Важно учесть, что в сложившихся на Ближнем Востоке условиях ИГИЛ заняло свою нишу, превзойдя по влиянию в мусульманском мире Аль-Каиду и Талибан. Широкое территориальное присутствие в Ираке и Сирии дали возможность ИГИЛ выйти за рамки обычной террористической организации. С

ИГИЛ объединились свыше тридцати так называемых «исламистских» экстремистских группировок по всему миру, действующих, в том числе, на Северном Кавказе и других регионах Российской Федерации и в Центральной Азии.

«Исламское государство» претендует на все территории, где проживают мусульмане, в том числе на территории российского Северного Кавказа. Так называемый «Всемирный халифат» объявил Россию своим врагом и объектом экспорта исламской революции. В рядах ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусры» и других террористических организаций на всем Ближнем Востоке, в том числе Сирии воюют многие выходцы из России и постсоветских государств.

Этими факторами во многом объясняется введение Россией в Сирию своих ВКС. Российский политик В. Никонов поэтому и заявил вполне определенно: «Наша главная цель в Сирии – это удостовериться в том, что наши граждане, которые отправились туда, никогда не вернуться... Вмешательство России на Ближнем Востоке – вопрос защиты нашей собственной безопасности»¹⁴⁶.

По данным, представленным ФСБ России, Генеральным штабом Вооруженных сил Российской Федерации, в ближневосточных странах, прежде всего, в Сирии, находились четыре тысячи выходцев из России и пять тысяч – из постсоветских государств. В этом плане, по мнению А. Топалова, главной угрозой национальной безопасности страны стал не «изрядно потрепанный и практически полностью добитый усилиями ФСБ и прочих ведомств «Имарат Кавказ», а его отросток в составе «Исламского государства». Часть из воюющих в ИГ в любом случае рано или поздно вернется в Россию, просочившись через оставшиеся бреши. За ними неминуемо придут новые ресурсы, новые потоки оружия, новые боевые единицы и новые теракты. Причем на этот раз ждать «простых» захватов заложников и подрывов машин не стоит, помня о градусе безумия действий ИГ»¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Mathews O., Moore J., Sharkov D. How Russia Became the Middle East's New Power Broker // Nesweek, February 9, 2017.

¹⁴⁷ Топалов А. «Исламское государство» превращается в главную угрозу для России // Газета «Взгляд». URL: <https://vz.ru/society/2015/6/25/752581.html> (дата обращения: 20.01.2020).

Разумеется, в борьбе с «исламистским» терроризмом в различных его формах и проявлениях Россия мобилизует не только сугубо военно-силовые формы, методы, средства борьбы, но также «мягкую силу», те или иные инструменты которые в данной сфере приобретают всевозрастающее значение. Если успехи военно-силовых средств, как свидетельствуют разгром экстремистских и террористических банд российской армией и силами местных ополченцев в Чечне и Дагестане и результаты участия военно-космических сил России в Сирии, не вызывают никаких сомнений, то в противостоянии террористическому подполью в идеологической и конфессиональной сферах предстоит решить еще немало серьезных задач.

Тем не менее, и в этой сфере Россия смогла достаточно успешно действовать как в северокавказских республиках, так и на Ближнем Востоке. Весьма положительно следует оценивать, в частности, усилия государственных властей и духовенства традиционного российского ислама на пути разработки собственной трактовки исламских ценностей и установок, а также создания российских духовных учебных заведения подготовки кадров духовенства, что уже радикально сократило число выезжающих за рубеж за получением сана духовника.

И в целом, можно отметить, что в диверсификации форм борьбы с международным терроризмом и особенно по мере военного разгрома его террористических группировок гуманитарные методы противодействия ему будут приобретать все большее значение.

2.3. Суннитско-шиитское противостояние в геополитических реалиях Ближнего Востока¹⁴⁸

В настоящей главе мы основное внимание уделяем тем сюжетам, которые являются своего рода «сквозными» для всего Большого Ближнего Востока и в меньшей мере ориентированными на анализ ситуации в отдельных государствах. Среди таких сюжетов одно из центральных мест занимает, несомненно, проблема суннитско-шиитского противостояния. Эта проблема для нас существенно важна и тем, что здесь наглядно проявляют себя особенности политической субъектности региона, когда активными участниками противостояния выступают акторы в лице как государств Большого Ближнего Востока, так и соответствующие структуры религиозно-политического толка.

Для правильного понимания рассматриваемой проблемы важно подчеркнуть еще раз, что ислам, равно как и христианство, является сверхнациональной по своей природе и назначению вероисповедной системой. Как уже отмечалось выше, для него все верующие, независимо от племенной, этнической, национальной принадлежности являются членами единой мусульманской уммы. В то же время нельзя игнорировать и то обстоятельство, что в исламе существует множество направлений. В настоящее время их насчитывается больше семи десятков. Иначе говоря, как отмечает К.С. Гаджиев, «в самом исламе

¹⁴⁸ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2019 – № 4. Т. 21. – С. 687-705; *Ханалиев Н.У.* Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке // PolitBook. – 2019 – № 1 – С. 154-168; *Ханалиев Н.У.* О перспективах политического единства монархий Персидского залива // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2019 – № 6 Т. 27 – С. 309-317.

обнаруживается весьма широкий спектр оттенков, различий, расхождений, нередко выливающихся в открытые противоречия и даже противоборство. И это не удивительно, если учесть, что в действительности не только конкретный народ принимает ту или иную вероисповедную систему, но последняя также приспосабливается к социокультурным и ментальным характеристикам соответствующего народа»¹⁴⁹.

Именно в этом контексте следует понимать суннитско-шиитское противостояние в регионе, корнящееся в глубокой древности и начавшееся чуть ли не со дня смерти пророка Мухаммеда. Суннитско-ваххабитская Саудовская Аравия и шиитский Иран составляют как бы два противоположных полюса в противостоянии между двумя ответвлениями ислама. Саудовцы представляют борьбу против Ирана как один из важнейших факторов общеарабской солидарности. Об остроте конфессионального конфликта свидетельствует то, что еще в 1927 году в ваххабитской Саудовской Аравии король обнародовал фетву, в соответствии с которой шииты, проживающие в королевстве, должны были либо принять суннизм (ваххабизм), либо покинуть страну. А те, которые остались и сохранили свою веру, оказались лишенными гражданских прав. И, несмотря на это, о серьезности ситуации здесь свидетельствует то, что в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века в Саудовской Аравии произошли массовые выступления шиитов против политики властей за свои права¹⁵⁰. Напряженность сохраняется и по сей день.

Важно учесть, что подавляющее большинство мусульман исповедует суннитскую версию ислама. Так, шииты составляют менее 10 % мусульман во всем мире, в то время как 90 % – сунниты (Ахль ас-Сунна – люди сунны). При этом шииты занимают ведущие или значительные позиции во властной системе Ирана, Ирака, Ливана, Йемена. Ирак считается родиной шиизма. На его территории находятся основные святыни шиитов, прославляющие двенадцать имамов. Это приверженцы иснаашаритского шиизма, являющегося

¹⁴⁹ Гаджиев К.С. Геополитика.–М.: ЮРАЙТ, 2015.–С. 328.

¹⁵⁰ Подцероб А.Б. Шиитско-суннитское противостояние в Ираке // Институт Ближнего Востока, 11 января, 2007.URL: <http://www.iimes.ru/?p=5360> (дата обращения: 20.01.2020).

государственной религией в Иране и отличающегося от шиизма исмаилитов и зейдитов. На иракской территории расположены гробница Имама Али, а также целый ряд шиитских медресе и духовных семинарий в городе Неджеф, гробница Имама Хусейна в городе Кербела¹⁵¹. В Афганистане шииты составляют от 15 до 19 процентов населения страны. Это хазарейцы (в большинстве своем шииты-имамиты, а также отдельные группы исмаилитов), часть чараймаков и фарсиваны. Шиизм исповедуют народность балти, проживающая в Северной Индии и Пакистане, буриши и ряд пуштунских племен и т.д.¹⁵²

Серьезным толчком к обострению шиитско-суннитского противостояния стала Исламская революция 1979 года в Иране. Хотя Исламской Республике Иран в целом не удалось распространить революцию на другие страны региона, тем не менее, хомейнистские взгляды в той или иной форме были заимствованы движением «Хезболла» в Ливане, отчасти иракскими шиитами. В целом одним из последствий Исламской революции стал рост религиозного и национального самосознания шиитов. Это привело к заметному обострению борьбы между суннитским и шиитским фундаментализмом. В значительной степени данное обстоятельство было связано с тем, что в проекте аятоллы Хомейни в качестве одной из главных целей было провозглашено радикальное переустройство общества под лозунгом защиты обездоленных, в силу чего немалое место уделялось социально-экономическим проблемам. Что касается суннитского фундаментализма ваххабитского толка Саудовской Аравии, то он изначально носил и продолжает носить консервативно-охранительный характер, которому чужды подобные взгляды.

Постепенно сформировались два противоположных полюса шиитско-суннитского противостояния. Поскольку в шести монархиях Персидского залива значительную часть населения (в Бахрейне даже заметное большинство) составляют приверженцы шиизма, у руководства Саудовской Аравии возникли

¹⁵¹ ShiaIslam.British Encyclopedia. London, 1997.Vol. 10.; Кузнецов А.А. Конфессиональная поляризация в постаддамовском Ираке и проблемы суннитско-шиитских отношений // Исламоведение.2016. № 1. С. 25–26.

¹⁵² Чмеленко Ю. Кто разжигает войну между шиитами и суннитами // Информационно-аналитическое агентство Посольский Приказ. URL: <http://www.posprikaz.ru/2014/06/kto-razzhigaet-voynu-mezhdu-shiitami-i-sunnitami/> (дата обращения: 20.01.2020).

опасения, что революционный дух распространится на регион, на лидерство в котором претендуют саудиты. Эти монархии, наряду с рядом других суннитских государств, проявляют обеспокоенность угрозой появления в регионе так называемой «шиитской дуги» – Ирана, Ирака, Сирии и Ливана. Иранский режим, установленный после исламской революции 1979 года, основывался на идее о несовместимости монархической политической системы и ислама. Утверждая, что «монархия чужда Исламу, Ислам и монархия взаимно исключают друг друга», вождь исламской революции аятолла Хомейни затронул и Запад, подчеркивая, что Саудовский ваххабизм – это «американская версия ислама»¹⁵³. Что касается Ирака, то Саддам Хусейн так же воспринял Исламскую революцию как серьезную угрозу своему режиму¹⁵⁴.

Стимулом к обострению шиитско-суннитского противостояния стала американская агрессия против Ирака 2003 года, которая привела к более или менее существенным изменениям в балансе геополитических сил между шиитами и суннитами. В этой связи уместно напомнить, что при авторитарном режиме Саддама Хусейна (1968 – 2003 гг.), хотя правившая в стране партия «Баас» декларировала равенство всех народов и религиозных общин страны, доминирующее положение во властной системе занимали представители суннитов, которые составляют 20 % населения Ирака. Хотя надо отметить, что при этом шииты составляли около половины партии «Баас». Их представители занимали заметные позиции в ее руководстве. Так, в разное время пост министра нефти и спикера парламента страны занимал Саадун Хаммади, пост министра информации и культуры – Латиф Нуссейф Джасем. Важно, однако, учесть другое: реальную власть осуществляли армия и другие силовые структуры. Среди руководителей вооруженных сил и спецслужб Ирака, по мнению ряда специалистов, не было ни одного шиита, хотя такая оценка, возможно, не соответствует действительности. Как бы то ни было, остается фактом, что в

¹⁵³Furtig H. Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy // Middle East Journal. 2007. № 4. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-1418116381/conflict-and-cooperation-in-the-persian-gulf-the> (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁵⁴Rosen N. Aftermath. Following bloodshed of American wars in the Middle East. – N.Y.: Nation Books, 2006. – P. 28–32.

руководстве вооруженных сил и спецслужб господствующие позиции занимали представители суннитской общины¹⁵⁵. И в целом: осуществлялся довольно жесткий контроль над шиитскими партиями, чтобы не допустить их усиления.

В 1980 году саддамовский режим казнил пользовавшегося большим авторитетом среди шиитов автора книг «Фальсафатуна» («Наша философия») и «Иктисадунa» («Наша экономика») аятоллу Мухаммеда Бакир ас-Садра. Немаловажное значение для недовольства шиитов режимом Саддама Хусейна имела и жесткая расправа Багдада с ними в вооруженном восстании в южных провинциях Ирака в 1991 году, в результате которого, по имеющимся (возможно, преувеличенным) данным, погибли 90 тыс. человек. Некоторые авторы не без оснований считают, что толчком к восстанию послужило обращение тогдашнего президента США Дж. Буша-ст. в марте 1991 года, после поражения Ирака в войне, к народу этой страны с призывом свергнуть режим С. Хусейна. В результате восстания возникла реальная угроза возникновения на юге Ирака сепаратистского движения и даже самостоятельного шиитского государства. Можно утверждать, что одной из причин ирако-иранской войны стала поддержка новым режимом Исламской Республики Иран иракских шиитов.

Как известно, и в сирийском конфликте Иран поддержал своего союзника – представителя алавитов, формально причисленных ИРИ и ливанским движением Хизбалла к шиитам, Башира Асада. Соответственно, Саудовская Аравия совместно с другими монархиями Персидского залива заняла сторону оппозиционных Дамаску сил. Хотя глубинные причины сирийского конфликта лежали совсем не только в этой области, свою роль фактор шиитско-суннитского противостояния сыграл.

Достаточно существенное влияние на политическую ситуацию в регионе оказывает конфессиональный состав населения монархий Персидского залива. Так, значительная часть населения в государствах региона составляют шииты: в

¹⁵⁵ *Андайк Р.Дж.* Саддам Хусейн. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999.–С. 224.

Бахрейне – 65–75 %, Кувейте и Дубае – 30 %, в Абу-Даби – 20 % населения¹⁵⁶, Саудовской Аравии – от 10 до 15 %. Правящие династии здесь, однако, – сунниты. Поэтому неудивительно, что в этих монархиях не редкостью являются протестные выступления шиитов с требованиями повышения их политико-правового статуса. В этом контексте интерес представляет то, что на парламентских выборах 25 ноября 2006 году в Бахрейне шиитская исламская партия завоевала 17 из 41 места в парламенте¹⁵⁷.

Активность шиитов в борьбе за свои права заметно возросли с началом так называемой «арабской весны» в 2011 году. Одним из косвенных проявлений шиитско-суннитской конфронтации стала война в Йемене, где в открытой форме столкнулись интересы Ирана и Саудовской Аравии. Особую остроту суннитско-шиитское противостояние приобрело в условиях «Арабской войны» и особенно сирийской войны. Катар и Саудовская Аравия, которые инициировали требование к Башару Асаду отказаться от власти, и ряд других монархий Персидского залива вышли из миссии наблюдателей ЛАГ. Заявив, что они добьются своих целей другими средствами, они стали оказывать финансовую и иную помощь ряду террористических группировок, воюющих против режима Асада. Показательно и то, что антиправительственные выступления шиитского большинства в Бахрейне в марте 2011 года с требованиями демократических реформ были подавлены с помощью саудовской армии.

По замечанию В.С. Яхьи, «сложились две военно-конфессиональные линии противодействия: первая – это «шиитская дуга» государств и территорий, включающая Иран, Ирак, часть Сирии с находящимися у власти почти столетия алавитами, близкими к шиитам, шиито-населенные районы Бахрейна (большинство населения) и Йемена (значительная часть населения, включая его доминирующие племена), восточную провинцию аль-Хаса в

¹⁵⁶ *Aliiev A.A.* «National» and «religious» in the system of interstate relations between Iran and Iraq in the 20th century. – Moscow: INION, 2006. – P. 287.

¹⁵⁷ *Манукян Д.А.* Вопросы безопасности региона Персидского залива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2009. № 4. – С. 160–168.

Саудовской Аравии, а также север и ряд других районов Ливана»¹⁵⁸. На противоположной позиции – Саудовская Аравия (Эр-Рияд разорвал в 2016 году дипломатические отношения с Тегераном), вокруг которой в той или иной форме и степени стремится консолидироваться большинство монархий Персидского залива, а также некоторые другие арабские государства, населенные преимущественно суннитами.

Образование шиитской дуги Иран – Ирак – Сирия – Ливан, стремление Ирана усилить свое влияние в монархиях Персидского залива, в которых шииты составляют значительную часть населения, убедили саудитов в том, что Тегеран стремится окружить королевство «шиитским поясом». Возможно, их вмешательство в сирийский конфликт не в последнюю очередь определялось и стремлением создать в Сирии противовес Ирану путем консолидации идеологически близких к ним «исламистских» формирований, воюющих против властей Дамаска.

Подчеркнем еще раз: не совсем корректно сводить противоречия и конфликты между шиитами и суннитами в целом и Саудовской Аравией и Ираном в частности исключительно к религиозным корням. Здесь речь идет, прежде всего, о претензиях обеих сторон на гегемонию в регионе. Поэтому шиитско-суннитское противостояние, представляющее, казалось бы, сугубо внутриконфессиональный конфликт, необходимо рассматривать с учетом геополитических притязаний вовлеченных в это противостояние сил.

Как не без оснований отмечал бахрейнский адвокат Шейх Майтам Аль-Салман, «есть силы, которые разжигают огонь религиозной вражды, чтобы отхватить большой кусок пирога»¹⁵⁹. По мнению российской исследовательницы М.Д. Мохаммад, «суннитско-шиитское противостояние, охватившее в течение последних тридцати лет Ближний Восток, давно вышло за пределы конфессионального конфликта и приобрело ярко выраженную геополитическую

¹⁵⁸ Ягья В.С. «Арабская весна» в контексте глобализации и регионализации мировой политики // «Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ.ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. –М.: ЛЕНАНД, 2014.–С. 189.

¹⁵⁹ Goldstein N. Religion and the State (Global Issues).–New York: Facts on File, 2010.–P. 47.

коннотацию. Поэтому не следует принимать сектантские разногласия между двумя странами в качестве ключевого фактора, определяющего политику, проводимую непримиримыми соперниками, это лишь один из инструментов в большой игре геополитического маневрирования»¹⁶⁰.

С этими аргументами нельзя не согласиться, поскольку идеи шиитско-суннитского противостояния используются заинтересованными сторонами для обоснования борьбы за власть как внутри соответствующих стран, так и на региональном уровне. Как отмечает американский аналитик М. Линч, «арабские самовластные правители, особенно из тех стран Персидского залива, где имеется значительное шиитское население, находят в шиитско-суннитской напряженности весьма удобный и полезный способ для отказа в легитимности своим шиитским гражданам с их политическими требованиями. Шиитов Саудовской Аравии, проживающих в Восточной провинции королевства, а также шиитское большинство в Бахрейне, которое пытается протестовать против своего бесправия, постоянно демонизируют, называя пятой колонной Ирана, потому что это выгодно правящим режимам»¹⁶¹.

Тем не менее, большинство сколь-нибудь серьезных проблем Ближнего Востока связаны с шиитско-суннитским противостоянием, поскольку оно проявляется и в основе большинства противоречий (особенно в страновых своих измерениях) социально-экономического, территориального, политического и иного уровней. К примеру, в Сирии протестное движение против правительства, начавшееся в 2011 году, по справедливому замечанию В.В. Наумкина, «было порождено социальным недовольством после пятилетней засухи, которая выбросила массу обедневшего сельского населения в города. В Ираке одним из факторов перерастания конфликта в острую фазу послужило ущемление прав суннитского меньшинства правительством шиитского большинства, которое, в свою очередь, подвергалось дискриминации в период правления Саддама

¹⁶⁰ Мохаммад М.Д. Саудовская Аравия Иран: анализ основных факторов соперничества // Политэкс.2014. Т. 10. № 4.–С. 201–202.

¹⁶¹ Lynch M. TheWarfortheArabWorld // ForeignPolicy, May 23, 2013. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/05/23/the-war-for-the-arab-world/>(дата обращения: 20.01.2020).

Хусейна. Похожие мотивы в Ливии двигали племенами Киренаики, поднявшими мятеж против гегемонии Триполитании. В Йемене конфликтность продолжает подпитываться большим числом различных дихотомий по родоплеменным, квазикастовым, региональным и иным пересекающимся линиям. Бахрейн является примером существования классической бинарной оппозиции (сунниты – шииты)»¹⁶².

Своеобразным подтверждением этому тезису является то, что не меньшую, а в каких-то аспектах, возможно, еще более серьезную роль играют противоречия и конфликты в самом суннитском мире. К примеру, нельзя сказать, что в суннитских Египте и Тунисе, тем более, Ливии, царят стабильность и мир. «Исламистские» движения в буквальном смысле раскололи суннитскую часть арабского мира. «Подъем «исламистских» движений после восстаний в арабском мире и особенно открытое проявление салафитских тенденций с нездоровыми антишиитскими предрассудками, – отмечал профессор политологии Университета Джорджа Вашингтона М. Линч, – несомненно придали межконфессиональному противостоянию в регионе новые черты. Но это ничто по сравнению с тем, как такие тенденции повлияли на внутрисуннитскую политику. «Братья-мусульмане» и салафиты вцепились друг другу в глотки в Египте, а тунисская партия «Ан-Нахда» начала суровые преследования своих соперников из числа салафитов»¹⁶³.

В этом межконфессиональном конфликте, продолжил далее М. Линч, «затушевываются, а не раскрываются самые важные линии конфликта на новом Ближнем Востоке. Облик и характер наступающей эпохи будут определяться соперничеством между внутренними претендентами на власть (в основном это сунниты) в тех странах, которые находятся на переходном этапе и где царит сплошная неопределенность, а также между претендентами на мантию регионального арабского лидерства (это тоже будут в основном сунниты). Выступления против шиитов могут гарантировать суннитам единство ничуть не больше, чем панарабизм в 1950-е годы обеспечил арабское единство. На самом

¹⁶² Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). – М.: ИВРАН, 2015. – С. 30–31.

¹⁶³ Lynch M. The War for the Arab World // Foreign Policy, May 23, 2013. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/05/23/the-war-for-the-arab-world/> (дата обращения: 20.01.2020).

деле, если жестокая междоусобная борьба между арабскими режимами в годы правления египетского президента Гамалы Абдель Насера о чем-то и говорит, то о том, что соперничество между «суннитскими» режимами и политическими движениями будет нарастать все активнее, когда этот межконфессиональный сюжет начнет претворяться на практике»¹⁶⁴.

На международном уровне корни противоречий и конфликтов в регионе в значительной степени лежат в стремлении добиться приемлемого для соответствующих государств геополитического статуса. Нельзя отрицать сугубо конфессиональный аспект противоречий между Ираном и Саудовской Аравией. Однако при непредвзятом анализе взаимоотношений этих двух государств приходит вполне четкое осознание того, что споры вокруг предпочтительности шиизма и суннизма порой используются в поиске дополнительных аргументов для обоснования геополитических притязаний каждой их сторон и внешними великими державами, желающими влиять на регион доступными им методами. В этом контексте вполне многозначительными оказываются слова, сказанные в свое время аятоллой Хомейни: «Вражда между суннитами и шиитами – это заговор Запада. Раздор между нами выгоден только врагам ислама. Тот, кто не понимает этого, – тот не суннит и не шиит»¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Чем шииты отличаются от суннитов // Rambler. URL: <https://news.rambler.ru/other/38881694-chem-sunnity-otlichayutsya-ot-shiitov/> (дата обращения: 20.11.2019).

2.4. Курдский вопрос в Ближневосточном регионе¹⁶⁶

Курдский вопрос, хотя в непосредственном своем выражении затрагивает только четыре страны региона, справедливо относить также к числу «сквозных» проблем, поскольку он весьма существенно сказывается на всей ситуации в ареале «Расширенного Ближнего Востока». В этом контексте нельзя забывать о многонациональном составе населения целого ряда государств региона. Речь в нашем случае идет, прежде всего, о положении разбросанного по всему региону и даже по всему миру курдского народа, от решения проблем которого в значительной степени зависят социально-политическая стабильность и мир в ближневосточных странах.

Курдский вопрос выдвигается на передний план при каждом обострении положения во всем ближневосточном регионе. В последние годы в силу тех изменений, которые происходят как в мире в целом, так и на «Расширенном Ближнем Востоке», имеет место тенденция к заметному росту требований курдского народа об автономии, в некоторых случаях – вплоть до предоставления права на создание независимого государства.

Курды являются одним из древнейших народов Ближнего Востока и ерупнейшим в мире народом, лишенном своей государственности. В современном

¹⁶⁶ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Россия, Иран, Китай: вопросы совместимости интересов // Вопросы политологии. – 2020 – № 4(56). Т. 10 – С. 1197-1205; *Ханалиев Н.У.* Особенности американо-иранских отношений на современном этапе. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 187-198; *Ханалиев Н.У.* Курдский вопрос: исторический экскурс // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2017 – № 4 Т. 25 – С. 150-154; *Ханалиев, Н.У.* О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана / *Н.У. Ханалиев* // Вестник Московского государственного областного университета) (электронный журнал). – 2018. – № 1. – С. 103-117.

мире курды занимают компактную территорию, разделенную между Турцией, Сирией, Ираком и Ираном. Эту территорию традиционно называют Курдистаном. В трех из названных стран курды составляют крупнейшее национальное меньшинство (Турция – 20 млн., Ирак – 7 млн., Сирия – 3 млн.); в Иране (7 млн.) по численности нацменьшинств их превосходят только этнические азербайджанцы. Согласно разным данным, в настоящее время в мире насчитывается от 30 до 40 млн. курдов. Подавляющее их большинство (75 %) исповедуют ислам суннитского толка, остальные – мусульмане-шииты и алавиты, есть также христиане. Определенная часть курдов называет себя приверженцами доисламской веры – йезидизма.

Как известно, согласно Севрскому договору 1920 года, заключенному по итогам Первой мировой войны и распада Османской империи, первоначально предусматривалось создание независимого курдского государства на территориях их компактного проживания в бывшей Османской империи, исторически населенных этим древним народом. Однако в силу комплекса факторов такое государство не было создано. Курдистан был разделен, и руководители вновь образованных государств, как и преемница Оттоманской империи Турция, заняли в отношении какой-либо самостоятельности курдов резко отрицательную позицию.. «Руководители Турецкой Республики, начиная с Мустафы Кемаля Ататюрка и кончая Реджепом Тайипом Эрдоганом,- отмечает Д. Добров, – категорически отказывались признать права курдского народа на идентичность или хотя бы культурную автономию. В кемалистской Турции язык и этническая принадлежность курдов отрицались, их даже называли «горными турками»¹⁶⁷.

Значимость курдского вопроса во многом определяется тем фактом, что Курдистан богат природными ресурсами. Речь идет, прежде всего, о нефтяных районах Иракского Курдистана – Киркуке, Ханекине, в Иране – это пространства под Керманшахом, в треугольнике сирийской и турецкой территорий – это Гарзан – Гермик – Раман. При этом курдские районы всех названных четырех стран

¹⁶⁷ Добров Д. Курды бросают вызов турецкому государству // РИА Новости, 18.02.2016. URL: <https://ria.ru/20160218/1376715448.html> (дата обращения: 20.01.2020).

отличаются более низким уровнем (в сравнении с другими регионами их государственной принадлежности) социального, экономического, культурного развития.

С самого исчезновения Османской империи курдский народ начал вести борьбу за независимость и создание собственного национального государства. Достижению этой цели по понятным причинам всеми силами препятствовали и препятствуют власти и Турции, и Ирака, и Ирана, и Сирии. Трудности решения вопроса усугубляет и внутрикурдский фактор – существование множества разнообразных течений, организаций, политических партий, зачастую преследующих разные, противоречащие друг другу интересы, конфликтующие между собой по ключевым вопросам о судьбах и перспективах курдского народа, отношениях с государствообразующими народами стран проживания, формах и путях достижения автономии или независимой государственности. Немаловажное значение имеет и сохранение тех или иных архаичных традиций, племенного партикуляризма, сословных и династических приверженностей, вождистских притязаний тех или иных кланов, клиентелизма, патернализма, которые в совокупности стимулирует политическую неустойчивость и междоусобные распри.

Особенно широкие масштабы борьба курдов за независимость приняла в Турции и Ираке. Ключевую роль в движении курдов в этих странах играют политические партии общекурдского уровня: Демократическая партия Курдистана (ДПК) Ирака во главе с Масудом Барзани и Рабочая Партия Курдистана (РПК) в Турции, лидером которой считается Абдулла Оджалан, который ныне отбывает пожизненный срок тюремного заключения.

В Турции эта борьба начала активизироваться в 60-х – 70-х годах прошлого века. Следует отметить, что с самого начала образования этой страны как независимого национального государства ее руководство проводило политику непризнания курдов как самостоятельного этноса, наделив их, как уже отмечалось, названием «тау-тюрок», то есть «горные турки». Были подвергнуты запрету их язык, культура, право на обучение на родном языке. Строго карались

требования курдов соблюдать их законные права, обвиняя их при этом в «курдизме», радикализме, нарушении конституции и законов Турции, сепаратизме и т.п. Этим объясняется постоянно растущая активизация протестных выступлений курдских организаций, и к началу 1980-х годов стало возможным фиксировать массовый переход наиболее радикальных из них к насильственным действиям, зачастую осуществляющихся с применением террористических актов. На одну из первых ролей выдвинулась подпольная Рабочая партия Курдистана марксистской ориентации, основанная этническим курдом, студентом одного из вузов Анкары Абдуллой Оджаланом. Влияние партийной пропаганды ощутили на себе курды, проживающие и в западных странах. По некоторым данным, не меньше одной трети лиц турецкого происхождения, проживающих в Германии, составляют этнические курды. При этом считается, что из них десятки тысяч являются сторонниками Абдуллы Оджалана¹⁶⁸.

Со своей стороны, власти Турции ужесточили репрессии против курдского населения. Были созданы специальные подразделения- «коммандос», чинившие беспощадные расправы не только над недовольными, но и над мирным населением. Преследуя отступавших курдских партизан, эти коммандос начали осуществлять рейды на территорию соседнего Северного Ирака.

И это в условиях, когда идейный вождь радикального крыла курдского движения Абдулла Оджалан выступал (сохраняя эту позицию и в наши дни) против провозглашения полной независимости Курдистана. С его точки зрения, курдам необходимо добиваться больше автономии внутри тех государств, где они компактно проживают (Ирак, Иран, Турция и Сирия)¹⁶⁹.

В Иране курдская проблема не так остра, как в трех других государствах с курдским населением. В этой стране представители курдов занимают довольно высокие посты в структурах государственной власти. Так, этническим курдом

¹⁶⁸ *Добров Д.* Курды бросают вызов турецкому государству // РИА Новости, 18.02.2016. URL: <https://ria.ru/20160218/1376715448.html> (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁶⁹ *Рыбин А.* Референдум, который взорвет Ирак // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/06/19_a_10727693.shtml (дата обращения: 20.01.2020).

считается влиятельный религиозный и государственный деятель, председатель Совета Стражей конституции с 1988 года аятолла шейх Ахмад Джаннати. В его полномочия входит контроль за соответствием законодательства страны догмам ислама и за утверждением кандидатов на различных выборах. Одновременно он входит в состав Совета по целесообразности, Совета экспертов и Высший совет национальной безопасности Ирана. По имеющимся данным, он имеет влияние на многих политических и государственных деятелей ИРИ, таких, например, как экс-президент Махмуд Ахмадинежад, председатель Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Шамхани, других должностных лиц в вооруженных силах и Корпусе стражей Исламской революции (КСИР). Этническим курдом был также главком спецназа «Кодс» КСИР генерал-майор Кассем Сулеймани, убитый американскими спецназовцами по приказу президента США в багдадском аэропорту 3 января 2020 года. Вместе с тем, радикальные курдские движения в Иране подвергаются жесточайшим репрессиям, включая смертные приговоры за сепаратистскую деятельность.

Генерал-майор Ирана Сефев, излагая официальную иранскую позицию в отношении курдов вообще, охарактеризовал референдум в Иракском Курдистане (об этом ниже) как не имеющий объективных оснований, и заявил об отсутствии внутренних глубинных причин антагонизма, о том, что референдум «является, с одной стороны, следствием ненасытной алчности и амбиций главы автономии Масуда Барзани, а с другой – поддержки иностранцами всех попыток сионистов, американцев и ряда арабских государств обострить трения в регионе Иракского Курдистана»¹⁷⁰.

Стратегические установки трех других стран Большого Ближнего Востока с обширными курдскими анклавами существенно иные, хотя в главном – в отношении независимости курдов выдерживается единая линия. Политика Турции в отношении курдского движения почти открыто поддерживается руководством Ирака, поскольку там собственные проблемы, связанные с

¹⁷⁰ Цит. по: *Шакарян С.* Курдский фактор в вопросах внутренней безопасности Ирана// Regnum, 30 января 2018. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2832856.html> (дата обращения: 20.02.2020).

опасностями обострения курдского вопроса. Что касается Сирии, у нее менее однозначная позиция: некоторое время сирийское руководство поддерживало А. Оджалана и даже предоставило ему политическое убежище; приют в Сирии нашли и сотни тысяч турецких курдов, преследовавшихся в Турции. После прихода к власти в Турции Р. Эрдогана сирийско-турецкие противоречия были разрешены в рамках соглашения в Адане, после чего Сирия прекратила поддержку турецких курдов. В принципе ни одна из четырех стран с курдским населением не заинтересована в появлении вблизи своих границ территорий, где могли бы вольготно себя чувствовать курдские боевики. Об этом свидетельствует так называемый «казус Оджалана». Под давлением Анкары в конце октября 1998 года Дамаск лишил Оджалана права политического убежища. После скитаний по разным странам Оджалан был схвачен турецкими спецслужбами, осужден и приговорен в июне 1999 к смертной казни, впоследствии под давлением мирового сообщества замененной пожизненным заключением.

При этом следует, однако, и подчеркнуть, что в последние полтора-два десятилетия власти Ирака, Ирана и Сирии, учитывая требования активной части курдов, начали определенную либерализацию законодательства по соответствующим вопросам.

Особо важное значение в этом контексте имеет то, что в силу комплекса внутренних и внешних факторов и руководство Турции стало сознавать, что одними только репрессиями невозможно прекратить длящуюся уже несколько десятилетий войну с курдами. Анкара, которая вплоть до конца XX века не признавала сам факт существования на своей территории курдского меньшинства, начала (во многом под давлением вооруженного сопротивления курдов) идти на некоторые уступки. Речь идет, в частности, о признании законных прав курдов на защиту и дальнейшее развитие своей культуры, использование языка в общественной жизни, участие в политической жизни, в том числе президентских, парламентских и местных выборах, и т.д.

Так, в начале 2000-х годов были разрешены радио- и телепередачи на курдском языке. С августа 2002 года под давлением Евросоюза курдский язык

был допущен и в сферу образования. Серьезные уступки курдам были продолжены после прихода к власти Партии справедливости Р.Т. Эрдогана в 2003 году. Был объявлен курс на прекращение турецко-курдского противостояния, разработана и декларирована специальная государственная программа, предусматривающая в течение пяти лет выделить на экономическое развитие юго-восточного региона страны, населенного преимущественно курдами, порядка \$11–12 млрд. Курды, которым еще недавно запрещалось говорить на родном языке, получили свою печать, радио и телевидение на родном языке¹⁷¹.

При этом, тем не менее, было бы преждевременно говорить об отказе турецкого руководства от репрессивных мер против курдского движения за любые формы автономии, не говоря уже о создании независимого государства. Более того после 2011 года, когда обострилась политическая ситуация в Сирии, стала все отчетливее проявляться тенденция к ужесточению политики Анкары в курдском вопросе. Показательно, что на парламентских выборах, состоявшихся в июне 2015 года, прокурдская Народно-демократическая партия (НДП) получила около 13 % голосов и вошла в парламент. Однако недовольному таким результатом Эрдогану удалось провести 1 ноября того же года досрочные выборы, на которых позиции НДП значительно ослабли, и Эрдогану удалось восстановить контроль над меджлисом.

Особое значение имел теракт в турецком городе Суруч 20 июля 2015 года, который совершил студент-«исламист», связанный с ИГИЛ. Это стало дополнительным стимулом к обострению отношений между Турцией и Рабочей партией Курдистана. Последняя, однако, возложила ответственность за этот теракт на правящий режим Турции, который, по ее мнению, организовал его для оправдания атаки на курдов как в самой Турции, так и на севере Сирии. И действительно, 24 июля того же года авиация Турции начала бомбардировки позиций сил курдской народной самообороны (YPG) и ИГИЛ в Сирии и Ираке.

¹⁷¹Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции (1986–1995). –М.: ИВ РАН, 2001; Курдское движение в новое и новейшее время. М.: Наука, 1987; Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время.–М.: Наука, 1991.

Одновременно полиция провела массовые аресты активистов курдского движения. В результате протестных акций курдов Анкара объявила о прекращении перемирия и переговоров с Рабочей партией Курдистана. Верховный суд Турции начал расследование деятельности НДП и ее руководителя С. Демирташа по обвинению в терроризме.

Вопрос остается непроясненным до конца и по сей день. Курдская сторона, обвиняя турецкие власти в организации теракта в Суруче и последовавших за ним авиаударах по курдским позициям, ссылается на то, что оба эти события произошли через месяц после того, как в июне силы курдской самообороны заняли стратегически важный город Тель-Абьяд на севере Сирии. Значимость данной акции определялась тем, что был перерезан основной путь, по которому из Турции шли подкрепления отрядам ИГИЛ в провинции Ракка. Поскольку еще до этого в январе отряды курдской самообороны захватили другой пограничный город – Кобане, под контроль курдских формирований перешла полоса территории в 400 км вдоль границы с Турцией. Под их контролем оказались автономные кантоны Африн, Кобане и Джазира. Разумеется, Турцию не устраивало такое развитие событий и потеря контроля над приграничной территорией Сирии, что отразилось и на общей ее позиции в отношении курдского вопроса.

В Ираке ситуация развивалась в целом по схожему сценарию, хотя и с некоторыми серьезными отличиями. Иракским курдам чуть ранее открылись более благоприятные, чем своим соплеменникам в других странах, возможности для приобретения того или иного уровня автономии и даже независимости от Багдада. В соответствии с законом, принятым 11 марта 1974 года, Багдад изъявил согласие на формирование Курдского автономного района Курдистан. Курдам были предоставлены определенные гарантии местного самоуправления, некоторые социальные и гражданские права, право использовать свой родной язык и т.д. Однако в действительности автономия оставалась во многом урезанной, поскольку решающее слово при решении жизненно важных для

региона вопросов принадлежало уполномоченным Багдадом чиновникам и их местным марионеткам.

После установления в стране единоличной диктатуры Саддама Хусейна в 1979 уступки Багдада Курдистану были сведены практически к нулю. После свержения режима курды потребовали практической реализации ст. 58 Временной конституции Ирака и ст. 40 Постоянной конституции, предусматривающих возвращение курдов на территории своего исторического проживания, которые они потеряли в период политики так называемой «арабизации», проводившейся режимом Саддама Хусейна. Статус автономии региона был подтвержден иракской Конституцией 2005 года.

Реальность стала определяться таким образом, что в постсаддамовский период вплоть до референдума за независимость в сентябре 2017 года Курдистан действовал во многом как самостоятельное государство, как бы не принимая во внимание позицию Багдада. Курдская автономия достигла довольно заметной экономической, культурной и административной самостоятельности. Она, как справедливо отмечал С. Иванов, характеризуя этот период, имеет «собственные флаг, гимн, конституцию, свод региональных законов, президента, правительство, судебные органы, полицию, спецслужбы, вооруженные силы (силы защиты Курдистана (СЗК) «Пешмерга»), осуществляет внешнеэкономическую и внешнеполитическую деятельность. В регионе аккредитовано свыше 35 иностранных дипломатических представительств (консульств)»¹⁷². Курдские военные формирования «Пешмерга» превратились в серьезную силу, стоящую на страже защиты интересов населения региона и способную бороться с экстремистскими и террористическими группировками. Курдистану удалось установить экономические и политические связи с США, европейскими и региональными государствами, особенно с Турцией, и добиться довольно серьезных успехов в экономике и социальной сфере.

¹⁷²Иванов С. Роль и значение курдского фактора в решении ближневосточных проблем // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 8.- С. 32–33.

Прежде всего, можно было фиксировать определенную экономическую самостоятельность в отношениях с Багдадом – ближайшей непосредственной цели курдов. Как выразился в интервью агентству Reuters министр природных ресурсов Курдистана Ашти Хаврами: «Спросите любого курда, и он скажет вам, что его самая большая мечта – независимость. Но на уровне правительства, – главная цель нашей политики – это экономическая независимость. Мы стремимся сами решать проблемы, и у нас достаточно средств для этого»¹⁷³.

Более того, в отношениях режима Барзани и Анкары достаточно показательным, хотя и несколько парадоксальным, выглядит установление определенных связей и в военной сфере. В начале 2014 года на территорию Курдистана с согласия руководства автономии были введены подразделения вооруженных сил Турции численностью около 500 человек для борьбы с непризнающими режим боевиками. В последующем эта численность была доведена до 1700 человек¹⁷⁴, что дало возможность ряду руководителей отрядов курдского движения обвинить М. Барзани в предательстве общего дела.

Ситуация с автономией стала драматически меняться в ходе усилившейся борьбы с ИГИЛ, сумевшего первоначально захватить значительные территории, включая ряд крупных городов, в том числе Мосул. Курдские отряды «Пешмерга» сыграли определенную роль в борьбе с формированиями ИГИЛ, и Курдистан стал претендовать на территории, захваченные «Пешмерга», что существенно обострило отношения с Багдадом.

В этих условиях 25 сентября 2017 года состоялся референдум о независимости Иракского Курдистана. Для его проведения Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ИСК) был сформирован совместный комитет по его подготовке. Они столкнулись, однако, с оппозицией со стороны остальных курдских объединений – движения за

¹⁷³ Как иракские курды нефть продавали. Доступ: IHODL. URL: <https://ru.insider.pro/analytics/2015-11-19/kak-irakskie-kurdy-neft-prodavali/> (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁷⁴ Нельзя не отметить вместе с тем и то, что Турция, устанавливая довольно тесные торгово-экономические и инвестиционные связи особенно в нефтяной сфере, не испрашивая разрешения Багдада, и даже идя на некоторые шаги в военном сотрудничестве с автономией, решительно выступала против создания независимого Иракского Курдистана, при этом даже угрожая военным вмешательством.

перемены «Горран», партий «Исламская группа» и «Исламский союз», которые требовали реализации этого акта через решение курдского парламента, заседания которого не проводились уже два года. Тем не менее, несмотря на внутрикурдские разногласия, экономический кризис в автономии, неразрешенный вопрос о спорных с Багдадом территориях, отсутствие у Эрбиля четкого плана действий после голосования, а также недовольство соседних Турции, Ирана и Сирии, референдум состоялся. Руководство Курдистана декларировало независимость Курдистана.

Мировое сообщество в целом не поддержало этот акт. Министр иностранных дел Ирака М. Дж. Зариф проводил активную политику убеждения его в том, что результаты референдума будут иметь катастрофические последствия для всего ближневосточного региона. Турецкое руководство, которое до тех пор сотрудничало с Эрбилем, довольно резко изменило свою позицию. Президент Турции Р.Т. Эрдоган пригрозил Иракскому Курдистану нефтяным эмбарго и голодом. Госдепартамент США заявил, что «издержки от проведения такого референдума будут высокими для всех иракцев, включая курдов»¹⁷⁵. Евросоюз вслед за США также выступил против, о чем заявила тогдашний Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини.

Сдержанность проявила и Россия. Министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил: Россия последовательно выступает «за то, чтобы Багдад и Эрбиль решали эти и другие вопросы на основе компромисса и взаимоприемлемых договоренностей через политический диалог»¹⁷⁶.

Показательно, что само руководство Курдистана после референдума поспешило выступить с разъяснениями о том, что проведение референдума не означает, что уже завтра Курдистан будет провозглашен независимым государством. Как заявил М. Барзани, «референдум проводится не для того, чтобы расчертить границы. После проведения голосования мы готовы начать

¹⁷⁵ Басисини А. Эрдоган пригрозил голодом и нефтяным эмбарго Иракскому Курдистану // Lenta. URL: <https://lenta.ru/news/2017/09/26/erdogan/> (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁷⁶ Цит. по: Субботин И. Курдам не дают оформить развод с Багдадом // Независимая газета, 7 сентября 2017. URL: http://www.ng.ru/world/2017-09-07/1_7068_kurds.html (дата обращения: 20.01.2020).

длинный процесс диалога с Багдадом, дать ему необходимое время – один, два года – для того, чтобы найти формулу добрососедства»¹⁷⁷. Верховный суд Ирака, тем не менее, принял решение о незаконности референдума, и Багдад осуществил военную операцию по осуществлению контроля над Киркуком, который формально не входит в состав Курдской автономии, но имел курдского губернатора и в военном отношении контролировался курдскими отрядами пешмерга. Результатом военной операции стал полный переход Киркука под административное и военное управление федерального правительства Ирака.

Реальность состоит в том, что многие политические силы современного мира совершенно справедливо симпатизируют требованиям, устремлениям многострадального курдского народа. Но сложность и даже трагизм ситуации состоит в том, что решение о формальной независимости сегодня, во взрывоопасном регионе, чревато серьезнейшими и непредсказуемыми катаклизмами для всего Ближнего Востока. Всякий этнический передел, как известно, несет в себе вызовы и угрозы, которые могут легко (а в случае с курдским вопросом, это очевидно) перекинуться на сопредельные страны.

Курдский вопрос не исчезает с повестки дня политических реалий «Расширенного Ближнего Востока». Превратившись в значимых игроков в сирийском конфликте, курды в районах их компактного проживания, особенно на приграничных с Турцией территориях, объективно стали угрозой территориальной целостности Сирии (целенаправленные действия сирийских курдов по созданию курдской автономии на севере Сирии – в Рожаве). Они смыкаются с курдским населением самой Турции, проживающим в юго-восточных районах страны, и требующим для себя автономного статуса. Ситуация остается более чем сложной и после референдума в Ираке. С повестки дня не снимается вопрос и о едином Курдистане: или, во всяком случае, о каких-то единых действиях курдских организаций и из взаимной поддержки в масштабах всего региона.

¹⁷⁷ Аксенов С. Курдистан преподнес Кремлю еще одну головоломку // Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/181991/>(датаобращения: 20.01.2020).

Такое сотрудничество, вместе с тем, на данном этапе представляется более чем проблемным. Курдские политические организации крайне разнородны; причем стратегические разногласия существуют не только в аспекте их межкланового взаимодействия, но проявляются и на уровне каждой конкретной страны. Движения, претендующие на роль лидерства в курдском ареале в целом, жестко соперничают между собой, их идеологические представления остаются во многом крайне архаичными, выбор политических союзников в большой мере определяется соображениями сиюминутного плана. Возникают ситуации, когда деятельность курдских группировок в большей или меньшей степени начинает вписываться в общую линию Вашингтона, нацеленную на усиление хаотизации рениона.

Курдский вопрос, таким образом, остается тугим узлом, который еще предстоит долго и терпеливо распутывать. Вместе с тем, его острота в очередной раз свидетельствует, с одной стороны, о неурядицах современного миропорядка, о его отторжении в сознании курдов, с другой, о том, что потребности утверждения многополярного мира в своем решении будут во многом определяться неоднородностью действующих политических акторов, сложными задачами встраивания их в общую логику переустройства мира на новых началах.

2.5. Место и роль ИГИЛ в политических конфликтах на «Расширенном Ближнем Востоке»¹⁷⁸

В «Концепции внешней политики Российской Федерации» констатируется, что «качественно новый характер глобальная террористическая угроза приобрела с появлением международной террористической организации «Исламское государство» и подобных ей объединений, поднявших на невиданный уровень жестокости, претендующих на создание собственного государственного образования и усиливающих свое влияние на территории от Атлантического побережья до Пакистана»¹⁷⁹.

История и важнейшие факторы появления этой квазигосударственной организации, ее целей и задач довольно подробно исследованы в отечественной политической науке. В настоящей диссертации представляется достаточным ограничиться лишь некоторыми аспектами, которые могут пролить дополнительный свет на исследуемые в данной работе проблемы.

В отличие от Аль-Каиды и других террористических организаций и группировок ИГИЛ претендовало на обладание некоторыми атрибутами

¹⁷⁸ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке. *Власть*. 2017. Т. 25. № 9. С. 143-152; *Ханалиев Н.У.* Противостояния на Ближнем Востоке // *PolitBook*. – 2019 – № 1 – С. 154-168; *Ханалиев Н.У.* Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке // *PolitBook*. – 2019 – № 1 – С. 154-168; *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2017. № 1 (36). С. 150-159; *Ханалиев Н.У.* Россия как альтернативный США актор на Ближнем Востоке. *Вопросы политологии*. 2018. № 3 (31). С. 92-103; *Ханалиев Н.У.* Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центральноазиатский регион. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205-225.

¹⁷⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) //МИД России. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 20.01.2020).

государственной организации. Констатируя эту особенность, Ф.М. Ильминская отмечает: ИГИЛ «добывает, перерабатывает и экспортирует нефть, импортирует стратегические товары, выстраивает собственную моральную и ценностную систему со своими правилами и регулированием внутреннего управления трудовыми отношениями, применяя при этом те методы воздействия, которые сочтет нужными. В их числе продажа в рабство захваченных в плен противников, которых «сбывают» на невольничьих рынках, а также массовые религиозные преследования»¹⁸⁰. Определенную часть средств ИГИЛ получает с помощью криминала, контрабанды и вымогательства. Если для Аль-Каиды с характерной для нее рассеянной структурой, которая, по словам французского политолога Ф. Ансея, «подобна гидре» и «перемещается в зависимости от окружающих условий и возможностей»¹⁸¹, в случае с ИГИЛ ситуация иная: «Исламское государство» располагало собственными органами управления, собственной спецслужбой (Совет по безопасности и разведке), более или менее четко сформулированной политической программой, осуществляло определенную социальную политику, вынашивало цели формирования халифата для объединения мусульман-арабов. Самое главное состоит в том, что ИГИЛ предлагало достаточно связную и целенаправленно внедряемую идеологию.

Возможно, для приобретения государственно-властных атрибутов немаловажную роль сыграло то, что часть командования (шуры) ИГИЛ составили бывшие кадровые офицеры армии Саддама Хусейна, имеющие значительный опыт военной и государственной службы. Его лидер Абу-Бакр Аль-Багдади закончил Исламский университет в Багдаде, служил офицером полиции. Определенную роль сыграло и то, что в 2008 – 2009 годах из американских тюрем было выпущено большое количество офицеров армии Саддама Хусейна. Возможные расчеты на их вписание в сложившиеся к тому времени государственные структуры Ирака себя не оправдали. Постепенно

¹⁸⁰ *Ильминская М.Ф.* Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия политология, 2014, №4. – С.15-23.

¹⁸¹ *Кобзев А.* Чемпионы по джихаду // Lenta.ru. 2014. 7 июля. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/07/07/isilstory/> (дата обращения 24.10.2017).

ИГИЛ «стал полностью внесистемным образованием, не подчиняющимся внешним силам»¹⁸².

Характерно, что ИГИЛ первоначальный акцент сделал на шиитско-суннитское противостояние. Главари «Исламского государства» объявили шиитов неверующими или вероотступниками и объявили своей целью «разрушить нынешнюю шиитскую дугу, состоящую из Ливана, Сирии и Ирака и протянувшуюся от Средиземного моря до Персидского залива, и начать строительство на этой сакральной для мусульманских фундаменталистов территории нового суннитского Халифата»¹⁸³. В свою очередь, иракские шииты создали собственные «эскадроны смерти», которые стали бесчинствовать в суннитских районах.

С учетом этого фактора становится понятным, почему серьезную роль в появлении ИГИЛ сыграли (при поддержке США) религиозно-политические круги Саудовской Аравии и Катара. Рассматривая его в качестве противовеса иранской экспансии, они оказывали ему серьезную финансовую, материальную, политическую поддержку, способствовали снабжению его оружием. На поверку, однако, существование и деятельность ИГИЛ оказались со временем весьма ощутимой угрозой самому государству саудитов. Поэтому неудивительно, что в средствах массовой информации Саудовской Аравии через достаточно короткий срок стали появляться материалы, в которых констатировалось, что «ИГИЛ представляет собой серьезную угрозу для королевства»¹⁸⁴.

О возможностях ИГИЛ свидетельствуют его первоначальные успехи, когда его вооруженные формирования сумели за достаточно короткий период захватить обширные территории Ирака, в том числе провинций Найнава, Дияла, Салахеддин и Анбар, а также самый крупный после Багдада город Мосул. Они на тот момент встречали и поддержку значительной части населения: в

¹⁸² Кузнецов А.А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО Университета. 2015, №41(2). – С. 185.

¹⁸³ Cockburn P. The Sunnis rise again: Uprising in Syria emboldens Iraq's minority community. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/>.

¹⁸⁴ Кузнецов А.А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО Университета 2015, №41(2), –С. 185.

некоторых регионах и населенных пунктах игиловцев встречали как освободителей.

ИГИЛ с самого начала стало отрешиваться от его определения как террористической структуры. Оно стало позиционировать себя как борца за веру, за свободу, справедливость и отмщение. Строя свою работу на пропаганде преимуществ всемирного исламского халифата, как «нового свободного и справедливого общества», «Исламское государство» провозглашало, что оно «за общество равных возможностей, устранение любых сословных барьеров и за примат принципа справедливости в любой сфере социальных отношений. Свою террористическую деятельность игиловцы преподносили как «великую суннитскую революцию», «суннитское освободительное восстание»¹⁸⁵.

Примечательно, что руководство ИГИЛ оказалось способным достаточно оперативно расставлять новые акценты в своей пропагандистской деятельности. Так, оно активно пыталось использовать социальные и экономические неурядицы, опираясь на факты очевидной неспособности властей справиться с ними, недовольство и разочарование людей создавшимся положением, ослабление хватки правоохранительных органов и служб национальной безопасности.

Даже прямое насилие и массовый террор игиловцы стремились подать в соответствующей упаковке. Как не без оснований констатировал французский исследователь А. де Валль, война, которую, ведут «исламисты», «по меньшей мере, настолько же психологическая и информационная, насколько военная и террористическая. Чрезвычайную маркетинговую эффективность поставленных ими ужасающих сцен нельзя списать на одно лишь безумие. Дело в том, что подобная стратегия запугивания не раз помогала радикальным «исламистам» ИГ захватывать города и деревни в Сирии и Ираке без единого выстрела. Одна из главных целей ИГИЛ состоит в том, чтобы заставить говорить о себе с помощью

¹⁸⁵ Манойло А.В. «Мягкая сила» террористов // Россия и мусульманский мир, 2017, №3. – С. 139.

такого мощнейшего катализатора как социальные сети, которые работают по принципу вирусного распространения информации и вуйеризма»¹⁸⁶.

Можно констатировать в целом, что ИГИЛ, особенно первоначально, с помощью самых различных методов сумело достаточно эффективно канализировать накопившийся в регионе взрывной потенциал и для расширения социальной базы своего движения, и для пополнения отрядов своих боевиков. Более того, оно оказалось способным в определенной мере соединить, казалось бы, несоединяемое. Уместно в этой связи привести такую оценку его М.Ф. Ильминской: «Уникальность феномена ИГИЛ состоит в том, что, по сути основанная на религиозном фанатизме, организация сумела консолидировать в своих рядах «исламистов» и баасистов. Причем, баасизм – это светская идеология с ее изначально широкой ориентированностью на арабский мир, основной целью которой выступает призыв к возрождению арабской национальности. То есть это старый арабский национализм, который был еще характерен для Г. Насера, С. Хусейна, Х. Асада, но который показал свою неэффективность»¹⁸⁷.

ИГИЛ, таким образом, сумело, используя накопившиеся противоречия, обеспечить себе не только достаточно широкую социальную поддержку, но даже известную консолидацию политических сил и группировок. Особо следует выделить его ориентацию на молодежь. К началу 3-его десятилетия нашего века численность населения арабских стран в возрасте 14–25 лет достигла 52,7 % от общего его состава. Значительная часть молодежи страдает от отсутствия перспектив профессионального роста и даже прямой безработицы, низкой оплаты труда, попрания их гражданских прав. Надо отметить при этом, что это те категории людей, многие из которых обладают дипломами о высшем и среднем образовании, полученными, как правило, на Западе¹⁸⁸. В то же время уровень безработицы среди молодежи достигает 50 %, и для решения этой

¹⁸⁶ *Валль А. дель.* Чтобы дать отпор ИГ, нужно понять его стратегию. URL: <http://inosmi.ru/world/20141214/224899926.html> (дата обращения 24.10.2017).

¹⁸⁷ *Ильминская М.Ф.* Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология», 2014, № 4.–С.15-23.

¹⁸⁸ Там же.

проблемы арабским странам требуется создать не менее 60 млн новых рабочих мест. Игнорирование молодежной политики правящими кругами ближневосточных стран делает неудивительным то, что арабская молодежь и становится основной движущей силой протестных движений, в том числе, «поставщиком боевиков» для разного рода радикальных, экстремистских, террористических группировок.

В задачу настоящего параграфа не входит анализ конкретного хода борьбы с боевиками, тем более, что отчасти эта проблема будет отражена нами в материалах, связанных с «сирийским узлом», и в других частях работы. Ограничимся лишь следующими соображениями.

На сегодня можно зафиксировать определенно, что, в конечном счете, и в Сирии, и в Ираке ИГИЛ и ряд ключевых террористических группировок потерпели военное поражение. Решающую роль в этом сыграло радикальное изменение позиций населения в сторону неприятия ИГИЛ, военная помощь России законному сирийскому правительству. Свое значение имел также развязанный боевиками террор и против своих реальных и предполагаемых врагов, противоречия и реальные конфликты между ними (например, между ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра», которая декларировала о своей принадлежности к «Аль-Каиде»). Нам важно отметить, что боевики были вынуждены перегруппироваться и искать новые места дислокации (главарь ИГИЛ Аль-Багдади призвал участников банд укрыться в труднодоступных местностях Сирии и Ирака и попытаться там реорганизоваться и набраться сил для борьбы с законными властями) и, что, очевидно, самое немаловажное, поменять формы и средства своей террористической деятельности.

В этом плане совершенно некорректным будет рассматривать поражение ключевых объединений и группировок террористов концом терроризма и борьбы с ним. Даже если чисто гипотетически допустить полное исчезновение ныне действующих экстремистских и террористических группировок, идеология, идейно-политические установки, которыми руководствовались ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и другие радикально-экстремистские организации, никуда не исчезли.

Они сохраняют еще значительную притягательность для определенной части населения не только «Расширенного Ближнего Востока», но и субъектов Российской Федерации с преобладающим мусульманским населением, а также новых независимых государств Центральной Азии. А это уже непосредственно входит в сферу национальной безопасности России. Более того, обоснованным будет заключить, что эти группировки существенно изменяют организационные принципы, формы и направления деятельности. Следует, в частности, ожидать перехода к использованию в большей мере тактики диверсионных и партизанских действий. Можно ожидать, что проснутся и так называемые «спящие ячейки» террористов и т.д., станут более изощренными методы идеологического воздействия.

И, действительно, сегодня наблюдается все более заметная тенденция к рассредоточению боевиков по территории не только Ближнего Востока, но и государств других регионов. Вытесняемые из Ирака и Сирии участники террористических формирований с семьями ищут убежища как в соседних, так и более отдаленных странах. Речь идет, например, о граничащей с Сирией Иордании, где, по некоторым данным, обосновались несколько тысяч боевиков.

Если до «арабской весны» в построениях главарей террористических группировок территориальный охват желаемого им халифата ограничивался «Расширенным Ближним Востоком» (с изначальной проекцией, впрочем, на части постсоветского пространства), то сегодня можно увидеть группы боевиков, которые избрали местом своего пребывания Малайзию, Индонезию, Мьянму, Бангладеш, Филиппины, Бруней. Один из многочисленных примеров их деятельности приводит английский аналитик В. Маллет: «охотящиеся за иностранцами вооруженные люди убили японского специалиста по сельскому хозяйству на севере Бангладеш и итальянского сотрудника организации помощи в столице Дакке. 24 мусульманина-шиита стали жертвами взрыва бомбы в Пакистане. В Индонезии в торговом центре Джакарты в ходе нападения на кафе «Starbucks» расстреляны восемь человек. В популярном индуистском храме

в Бангкоке сработало взрывное устройство, в результате чего погибло 20 человек, в том числе пятеро китайских туристов»¹⁸⁹.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, населенном мусульманами-уйгурами (10 млн. чел.), действует группировка «Исламское движение Восточного Туркестана»; в Пакистане – организации «Лашкар-е-Джангви», «Джаиш-е-Мухаммад», «Техрик-е Талибан Пакистан»; в Афганистане – «Талибан», к настоящему моменту уже захвативший власть в стране, «Сеть Хаккани», «Исламское движение Узбекистана»; в Индии – «Индийские муджахеддины»; в Бангладеш – «Джамаат уль-Муджахеддин», «Ансарулла Бангла Тим»; в Таиланде – «Национальный революционный фронт»; в Индонезии – «Джемаа Исламия», «Моджахеды Восточной Индонезии»; в Малайзии – «Катиба Нусантара»; на Филиппинах – «Абу Сайяф», «Исламский фронт освобождения морю» и т.д.

В контексте задач настоящей диссертации, оттеняющих, в том числе, и вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, особое внимание в анализе следует обратить внимание на страны Центральной Азии¹⁹⁰, населенные преимущественно народами, исповедующими ислам – Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан. В настоящее время террористы рассматривают государства Центральной Азии в качестве одной из самых перспективных баз для пополнения своих рядов и одного из главных направлений распространения радикальной, экстремистской идеологии под флагом политизированного «исламизма». Весьма удобным для них является то, что три из них граничат с Афганистаном, к ним непосредственно примыкает и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, с заметно активизирующимися здесь экстремистскими группировками.

Особую опасность для государств Центральной Азии (равно, разумеется, как и для Кавказа и других субъектов Российской Федерации с преобладающим

¹⁸⁹ MalletV. Terror: The globalization of extremism // Financial times, February 1, 2016. URL: <https://www.ft.com/content/a181bbda-c8e1-11e5-be0b-b7ece4e953a0> (датаобращения: 20.01.2020).

¹⁹⁰ Естественно, что говоря о постсоветском пространстве, нельзя никоим образом исключать ситуацию на Кавказе, что мы, однако, здесь выносим за скобки, так как соответствующий материал дается нами в других разделах работы.

мусульманским населением, да и всей страны в целом) представляет возвращение с Ближнего Востока участников незаконных вооруженных формирований. При определенных условиях они могут стать угрозой социальной и политической стабильности Российской Федерации и соответствующих государств Центральной Азии. ФСБ России не исключает, в частности, возможность привлечения к террористической деятельности так называемых «черных вдов», возвращаемых с Ближнего Востока. Заметно усиливаются попытки внедрения эмиссаров ИГИЛ по существующим миграционным каналам, а также через иностранных студентов, обучающихся в вузах России и постсоветских государств. Активизируется работа по формированию в странах Центральной Азии и России пособнической базы и «спящих ячеек», распространение среди граждан радикальной исламской идеологии и их склонение к участию во «всемирном джихаде». И эта активизация, как, в частности, показали январские события в Казахстане, уже начинает получать зримые свои воплощения.

Можно отметить, что распространение идей радикального панисламизма в заметных масштабах осуществляется через масс-медиа. Распространение террористической идеологии в большей степени организуется в сети «Интернет», в том числе на национальных языках народов региона (к примеру: в Таджикистане для вербовки активно используется радиостанция «Zello», в Узбекистане Telegram канал организации «Джамаатат-Таухидваль-Джихад»). В России помимо Интернет идеологи радикальных учений исламской направленности осуществляют «обработку» трудовых мигрантов на нелегальных молельных площадках в местах их компактного проживания.

Принципиально важно выделить то, что так называемые «джихадисты» получают значительно большую питательную среду в странах и регионах с нестабильной политической обстановкой и серьезными экономическими неурядицами. Огромное значение приобретает раскол внутри политических элит. Эмиссары ИГИЛ и других террористических организаций умело раскручивают напряженность, устанавливая при этом тесное взаимодействие с криминальными

и оппозиционными кругами, заинтересованными в дестабилизации обстановки¹⁹¹.

Мотивы вступления на путь религиозного экстремизма у новоиспеченных адептов могут быть различными. Можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых, жители центральноазиатского региона, которые в той или иной форме симпатизируют идеям ИГИЛ, – это, в большинстве своем, молодежь, которая в условиях безработицы и отсутствия действенных социальных лифтов разочарована в действиях власти и видит в исламе возможность обрести утешение, объяснение экономических, бытовых и иных трудностей. Идеи террористов привлекают не столько «желающих повоевать», сколько, прежде всего тех, у кого вызывают симпатию их религиозные и идеологические установки – то, как экстремисты идеализируют жизнь по шариату, обещая справедливость, мир и счастье, чего зачастую не хватает в реальной действительности.

Вступление граждан центральноазиатских стран в ряды боевиков обуславливается, в первую очередь, кризисными явлениями в экономике, разбалансировкой политической сферы. Коррупционированность и криминализация властных структур в регионе, отмечает координатор Евразийского центра им. Л. Гумилёва в Кыргызстане В. Синько, привела к нарушению правового поля, препятствию развития экономики в целом, ухудшению общественно-политической обстановки в обществе. В Кыргызстане 2,1 млн. человек (38 % населения) находится за чертой бедности, из них 66 % являются жителями сельской местности. Отсутствие работы и незанятость молодежи, нерешенность социально-бытовых проблем приводят к росту в ее среде правонарушений, пополняя, тем самым, ряды преступников¹⁹². Народ Кыргызстана, по мнению В. Синько, все видит, но молчит. Между тем представители религиозных организаций, в том числе и экстремистских, пользуются нерадивостью и

¹⁹¹ ИГИЛ на пороге Центральноазиатских республик // Центр Льва Гумилева. Доступ: <https://www.gumilev-center.ru/igil-na-poroge-centralnoaziatskikh-respublik/>

¹⁹² Синько В. ИГИЛ на пороге Центральноазиатских республик // Центр Льва Гумилева. Доступ: <https://www.gumilev-center.ru/i>

коррупцированностью чиновников, расписывают все прелести участия в так называемом «джихаде мусульман», установления шариата и построения Халифата.

Высокий уровень коррупции, клановость, сращивание власти и бизнеса, зачастую криминального, существенно снижают общественное доверие к институтам государства в странах Центральной Азии. Это ведет к повышению протестного потенциала населения и росту популярности «политического ислама», спекулирующего на общественном запросе равенства и справедливости.

Проблема усугубляется тем, что некоторые религиозные деятели в центральноазиатских государства почти открыто симпатизируют радикальным «исламистам». Так, в Киргизии некоторые имамы на местах активно поддерживают идеи «Хизб-ут-Тахрира» и «Таблиги Джамаат». У последней организации, признанной в России и ряде других государств СНГ террористической, оказалось даже немало влиятельных адептов среди членов высшего руководства страны и первых лиц Духовного управления мусульман Киргизии, включая самого Муфтия. В Киргизии «Таблиги Джамаат» не является запрещенной: в декабре 2015 года действовавший тогда президент Киргизии А.Ш. Атамбаев заявил, что «от введения запрета в соседних странах это религиозное течение никуда не исчезло, радикалов тоже меньше не стало запрет – это путь в никуда». Сейчас главное – это путь контроля¹⁹³.

Задачи борьбы с терроризмом, конечно же, не снимаются: на территории Киргизии была, в частности, ликвидирована крупная киргизско-казахстанская ячейка ИГИЛ, которая планировала совершить теракты во время мусульманского праздника Ураза-байрам, а также осуществить налет на российскую авиабазу с целью завладения оружием¹⁹⁴. Это, вместе с тем, не снимает вопроса о значении и действенности духовно-идеологической работы.

¹⁹³ Алмазбек Атамбаев: Запретить – легче всего. Запрет – это путь в никуда [Электронный ресурс]// информационное агентство «Avesta»–Режим доступа: <http://avesta.tj/2015/12/24/almazbek-atambaev-zapretit-legche-vsego-zapret-eto-put-v-nikuda/> (дата обращения: 24.12.2015 г.).

¹⁹⁴ Ликвидированные в Киргизии боевики были членами ИГ [Электронный ресурс]// информационное агентство «РИА-новости»–Режим доступа: <https://ria.ru/20150717/1134330323.html> (дата обращения: 17.07.2015 г.).

Можно, очевидно, поставить вопрос и о неблагополучии в сфере национальных отношений, да и региональной политики. По подсчетам А.Э. Яшлавского, около 70 % выехавших в Сирию граждан Киргизии относятся к числу этнических узбеков, преимущественно из южных регионов республики – Ошской, Баткенской, Джалал-Абадской областей. Около 20 % составляют киргизы, также преимущественно из числа проживающих на юге страны. С точки зрения демографических показателей, это преимущественно мужчины, в большинстве случаев до 30 лет¹⁹⁵

Согласно данным информационного агентства «Кавказский геополитический клуб», около 50 % случаев вербовки происходит на территории России (что не может не настораживать) и Турции, куда люди выезжают на заработки и в незнакомой среде попадают в подпольные молельные дома. Еще около 30 % устанавливают контакт с радикалами через социальные ресурсы в интернете, 15 % – в мечетях Киргизии, 5 % в ходе религиозного обучения за рубежом¹⁹⁶.

Основной организацией-посредником является «Джамаат Таблиг», активно участвующая в распространении радикальной идеологии в Центральной Азии. Через лидеров этой организации устанавливаются непосредственные контакты с террористическими группами за рубежом. Это, прежде всего, «Исламское Движение Туркестана», «Союз Исламский Джихад», «Фронт ан-Нусра», а также незаконные вооруженные формирования «Катибат аль-Имам Бухари» и «Жаннат Ошиклари», активно ведущие радикально религиозную пропагандистскую деятельность на Юге Киргизии. В последнее время деятельность другой организации – «Хизбут-Тахрир» в стране значительно снижена. Это вызвано снижением, а затем и практически полным отсутствием ее финансирования через неправительственные организации, а также соответствующими совместными действиями России, Киргизии, Таджикистана и

¹⁹⁵ Яшлавский А.Я. Центральная Азия: проблемы возвращения из «горячих точек» сторонников экстремистских группировок // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV).–С. 191-207.

¹⁹⁶ Боевик «ИГ»: киргизский портрет [Электронный ресурс]// информационное агентство «Кавказский геополитический клуб»–Режим доступа: <https://kavkazgeoclub.ru/content/boevik-ig-kirgizskiy-portret> (дата обращения: 19.10.2020 г.).

Узбекистана. Вместе с тем, отмечается рост активности в регионе Турции, которая действует через турецкое религиозное сообщество «Нурджаллар».

Говоря об Узбекистане, можно отметить, что в нем, хотя и в несколько иной форме, прослеживаются те же явления, которые характерны для всех «неблагополучных» стран Центральной Азии. В настоящее время одной из главных угроз национальной безопасности Узбекистана остаются приграничные конфликты и религиозно-радикальное подполье, которое обладает достаточным влиянием в стране. Тем не менее, власти Узбекистана стремятся купировать террористическую угрозу – в Узбекистане, в частности, реализуется перспективный проект по мониторингу проблем, с которыми сталкивается молодежь в Ферганской долине как в зоне нестабильности¹⁹⁷.

Вместе с тем, не может не обратить на себя внимания тот факт, что из всех народов, проживающих в Центральной Азии, именно узбеки сохраняют первенство по числу участников экстремистских группировок, действующих на территории Сирии, Ирака и Йемена. Точное их число узнать практически невозможно, цифры разнятся от нескольких сотен до нескольких тысяч. При этом среди боевиков ИГ очень высок уровень смертности, что еще больше затрудняет подсчеты.

Причины, обуславливающие рост террористических угроз, повторяем, являются общими для всего региона. Хотелось бы, тем не менее, оттенить особо одно обстоятельство, которое, впрочем, для региона также не является исключительным. Несмотря на весьма жесткий режим, в республике сохраняется высокий уровень коррупции среди чиновников и военных, которые зачастую за плату фактически помогают террористам. Так, в июле 2016 года Маргиланский городской суд приговорил подполковника милиции О. Солиева к шести годам лишения свободы за продажу выездных виз, что позволяло завербованным боевикам ИГ отправляться в Сирию и Ирак, чтобы влиться в ряды международного терроризма. Осужденный подполковник возглавлял

¹⁹⁷ *Мальшев Д.В.* Террористическая угроза с постсоветского Юга (Центральная Азия и Кавказ) // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 4. – С. 163-187.

Управление въезда, выезда и гражданства (УВВИГ) при МВД Узбекистана. Следствие доказало, что он брал взятки от вербовщиков ИГ. Дело подполковника оказалось не единственным. Уголовные дела были заведены еще против ряда сотрудников паспортных столов шести районов Ферганской области за взятки при оформлении права выезда из Узбекистана¹⁹⁸.

Эксперты высказывают обоснованное предположение, что подобные примеры – это только видимая часть айсберга, что корни коррупции гораздо глубже, в высокой степени затрагивая высшие эшелоны власти, отягощенные к тому же жесткой клановой борьбой.

Выделяя это обстоятельство как достаточно характерное для всего региона, можно заключить, что преодоление коррупции и разложения сотрудников государственных структур не может не определяться здесь как одно из самых приоритетных в борьбе с международным терроризмом.

Весьма серьезной является ситуация в Таджикистане. В значительной мере это определяется ее общей границей с Афганистаном. Дело не просто в общей нестабильности и вооруженных действий в этой стране, проявивших в самые последние месяцы ярко выраженную тенденцию к предельному обострению, а после захвата власти в стране Талибаном, во многом и непредсказуемой, не только в том, что на территории Афганистана (особенного в северной его части) проживают многие сотни тысяч этнических таджиков, но и в том, что после вооруженного поражения ИГИЛ на Ближнем Востоке именно Афганистан все чаще стал определяться как возможная главная опорная база «джихадизма» (проект «Виляят Хорасан», или «Великий Хорасан», который, наряду с территориями Афганистана, Пакистана, Ирана и других ближневосточных государств, включает также Центральную Азию).

Самой активной международной террористической организацией в Таджикистане является «Хизб-ут-Тахрир» (практически вытесненная, как мы отмечали, из Киргизии). Ее эмиссары развернули широкую свою деятельность

¹⁹⁸ Милиционер в Узбекистане получал взятки за отъезд в Сирию[Электронный ресурс]// информационное агентство «РИА-новости»–Режим доступа: <https://ria.ru/20160708/1461571240.html> (дата обращения: 08.07.2016 г.).

для привлечения в свои ряды не только на территории страны, но и среди мигрантов, работающих в России, их жен на родине, а также заключенных. Вербовка со стороны ИГИЛ проводится весьма активно: число таджиков, воюющих в рядах его формирований, имеет тенденцию к устойчивому росту¹⁹⁹.

Власти Таджикистана находятся в сложном положении. Комплексной и действенной программы борьбы с влиянием экстремистов не создано. Отягощенные общим для стран регионов грузом проблем, коррупции, в том числе, они не полностью могут перекрыть каналы наркотрафика, поступления финансовых средств для террористических целей. Работа по борьбе с терроризмом и нераспространению его на своей территории, безусловно, ведется, но ее масштабы неизбежно будут серьезно расширены. Тем более, что «Талибан» как фактор, провоцирующий нестабильность, в ближайшей перспективе, что вполне очевидно, будет играть в регионе все более заметную роль.

Холодным душем для региона явились недавние столкновения в Казахстане, казалось бы, наиболее развитой и стабильной стране региона. Столкновения, принявшие вооруженный характер и преодоленные только с помощью четкой деятельности сил ОДКБ, вошедших в Казахстан по просьбе правительства и на основе действующих в этой организации уставных положений. Эти события, несомненно, были порождены серьезными внутренними проблемами, размытостью внешнеполитического курса, соперничеством элитных группировок. Мы остановимся на этом более подробно в четвертой главе нашего исследования. В настоящем же параграфе, посвященном анализу деятельности международного терроризма, мы, в силу того что соответствующие материалы только начинают открываться в ходе первых расследований, можем, тем не менее определенно заключить, что эта его роль вполне весома и – еще более определенно, – что продуманная линия борьбы с ним, создание механизмов надежной защиты, выбор надежных ориентиров во

¹⁹⁹Багдасаров С.А. Ближний Восток: вечный конфликт. – М.: Эксмо, 2016.–С. 312.

внешней и внутренней политики в арсенале политического руководства не принимали в республике адекватных своих воплощений.

Все это с необходимостью ставит задачу и серьезного осмысления уроков центральноазиатских «майданов», и – в более широком смысле – реформирования всей политики в регионе.

2.6. Стратегии «демократической революции» как фактор дестабилизации «Расширенного Ближнего Востока»²⁰⁰

Рассматривая в настоящей главе «сквозные» факторы, определяющие конфликтогенный потенциал «Расширенного Ближнего Востока», нельзя обойти молчанием мощнейшее воздействие на политический процесс здесь США и всего блока евроатлантических держав. Острота проблем здесь в громадной степени связана с тем, что реализация приоритетов на этом пространстве связана не только с соответствующими региональными притязаниями. «Расширенный Ближний Восток» является местом, где сталкиваются жизненно важные интересы мировых держав. Вопрос, и это надо отметить как принципиальный момент, следует рассматривать не только в каких-либо геоэкономических и иных его измерениях, непосредственно связанных с ближневосточным узлом, нет, речь идет и о самих принципах современного мирового порядка, о месте и роли в нем ведущих политических сил мира.

Прежде, чем перейти к предметному анализу проблемы, считаем необходимым сделать одну достаточно существенную оговорку. Свои интересы в регионе в большей или меньшей степени имеют все крупные мировые державы.

²⁰⁰ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Особенности американо-иранских отношений на современном этапе. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 187-198; *Ханалиев Н.У.* Северный Кавказ: новый взгляд.–М.: Логос, 2014.–232 с.; *Ханалиев Н.У.* Россия как альтернативный США актор на Ближнем Востоке. Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 92-103; *Ханалиев Н.У.* Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально Азиатский регион. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205-225; *Ханалиев Н.У.* Национальная безопасность России в контексте террористической угрозы региональной безопасности // Информационные войны. – 2020 – № 1(53). – С. 87-90; *Ханалиев Н.У.* Теории международных отношений в стратегии Вашингтона на Большом Ближнем Востоке // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020 – № 2(59). – С. 351-360.

Естественно, что они реализуют их посредством своих политических стратегий, целого комплекса широкомасштабных мер. В каких-то конкретных ситуациях притязания Великобритании или, скажем, Франции могут выступить на одно из центральных мест. В силу допустимого объема работы мы не имеем, однако, возможности специально останавливаться на подобного рода сюжетах. В конечном счете, интересы и стратегии «коллективного Запада» здесь едины. В выявлении его дестабилизирующей роли полагаем допустимым сосредоточить внимание, прежде всего, на позиции Соединенных Штатов Америки, где эти стратегии кристаллизуются и целенаправленно реализуются. Тем более, что, осуществляя политику обеспечения своего лидерства в мире, США открыто заявляют о расширении зон своей ответственности до масштабов планеты, и такая их установка со всей наглядностью проявляет себя на «Расширенном Ближнем Востоке».

Оценивая эти процессы и тенденции один из наиболее известных представителей неоконсерватизма Р. Кейган обосновывает идею, согласно которой Вашингтон должен ориентироваться на создание не просто либерального, а имперского миропорядка, оценивая, конечно же, США как «доброжелательную империю». Несколько в другой редакции примерно такую же позицию отстаивает и Э. Росс, который считает, что, контролируя мировой порядок, Америка претендует на статус мировой империи, Соответственно, утверждает он, новый мировой порядок представляет собой не что иное, как американский порядок. Другими словами, глобализацию следует рассматривать как американизацию современного мира²⁰¹.

В реализации своей политической стратегии на «Расширенном Ближнем Востоке» Вашингтон использует весь спектр методов и приемов, используя в разных сочетаниях многообразные установки – от реализма и неореализма до различных вариантов «мягкой силы» и «гибридных войн». Коль скоро, однако, в последние годы США основывали свою стратегию на «Расширенном Ближнем

²⁰¹Ibid.

Востоке» под флагом «демократической революции», есть смысл подробнее остановиться на этом вопросе.

В основных своих форматах концепция «демократической революции» в значительной мере опирается на постулаты Дж. Ная-младшего о «мягкой силе». Стороной этой стратегии является развязанная сегодня Вашингтоном настоящая «война ценностей». Упирая на значимость прав и свобод человека, политической демократии и т.п., пропаганда США концентрирует усилия на их универсальности при непременном подчеркивании их соответствия американским образцам. В этом контексте интерес представляет совместная программа США и Евросоюза, обнародованная тогдашним заместителем госсекретаря США по политическим вопросам Н. Бёрнсом 15 декабря 2005 года на приеме вашингтонского отдела Европейского института. «Наша общая великая миссия, – декларировалось в программе, – распространение свободы. Мы должны завершить нашу работу в Европе и достичь Украины и России, продвигать наши американо-европейские демократические цели дальше на Восток – в Россию, Украину, Кавказ и Среднюю Азию»²⁰². Естественно, «Расширенный Ближний Восток» входит в зону такой политики самым непосредственным образом.

Серьезными возможностями для продвижения своей стратегии и, тем самым, своего имиджа, Америка располагает. Disney, Apple, Levi's, McDonald's, Starbucks, Facebook, Kardashians и другие бренды имеют непревзойденный глобальный охват. Америка привлекает больше иностранных студентов, чем любая другая страна, США задают темп в сфере цифровых технологий²⁰³. Государственный департамент управляет сетью Education USA, состоящей из 425 центров консультирования иностранных студентов в более чем 175 странах, продвигающих обучение в США. Американские фонды имеют впечатляющий послужной список по выделению миллиардов долларов на важные глобальные цели, такие, в частности, как пожертвования от Фонда Гейтса на поддержку

²⁰² Burns R.N. A Renewed Partnership for Global Engagement. URL: <http://www.state.gov/p/us/rm/2005/58488.html> (датаобращения: 20.11.2019).

²⁰³ MacDonald A. Soft power superpowers Global trends in cultural engagement and influence // British Council, p.29. Available: /Desktop/j119_thought_leadership_global_trends_in_soft_power_web.pdf,

глобальных проблем здравоохранения²⁰⁴, Дж. Сорос известен своей опекой над образовательными стандартами и т.д.

В Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2015 году, четко определяется: «Мы будем лидировать, используя все средства американского могущества. Наше влияние приобретает мощь при комбинировании наших стратегических преимуществ... Сила не является единственным и главным средством деятельности США за рубежом, не всегда она представляет наиболее эффективный ответ на вызовы, с которыми мы сталкиваемся»²⁰⁵. Весьма выразительно и с новыми разворотами эта позиция, все более дополняемая, впрочем, упором на собственно силовую составляющую, подтверждается сегодня многочисленными заявлениями руководства США и характером осуществляемых Западом информационных кампаний в связи с военной операцией Российской Федерации на Украине.

Что, касается ценностной компоненты, то Вашингтон явно просчитывается в своих возможностях. Разделяя общую оценку природы социально-политических и духовных универсалий с точки зрения их методологической и цивилизационной узости (равно, как и практически-политической их несостоятельности), предметно обоснованной в трудах отечественных политологов (И.А. Василенко, В.И. Коваленко, А.С. Панарин, П.А. Цыганков и др.), выделим, в частности, лишь некоторые аспекты, являющиеся сильнейшими раздражителями для исламского мира. Так, еще Б. Обама, декларируя приоритет принципов безусловной защиты и продвижения по всему миру ценностей политической демократии, прав и свобод человека, заявлял при этом, что одной из главных составляющих его внешнеполитической стратегии является защита прав меньшинств, в том числе, представителей сообществ людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Сегодня же, судя по заявлениям президента Дж. Байдена и ведущих членов его команды, вашингтонская

²⁰⁴ Ibid.

²⁰⁵ National Security Strategy. February 2015. Доступ: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf. -

администрация собирается сделать защиту прав таких меньшинств (на основе «политкорректности»)

еще более значимым звеном своей как внутренней, так и внешней политики.

Далеко неслучайно, как констатирует Дж. Йоффе, «хотя сотни миллионов людей во всем мире носят, слушают, едят, пьют, смотрят и танцуют по-американски, они не обязательно отождествляют эти атрибуты в своей повседневной жизни с Америкой»²⁰⁶. Более того, многие «прямо враждебны по отношению к тому, что они считают американским культурным империализмом, рассматривая Америку как угрозу своей идентичности и ценностям»²⁰⁷.

Утверждение американской системы ценностей, вместе с тем, хотя и является составной частью экспорта «демократической революции», выступает далеко не главной ее целью, каковой всегда было и остается утверждение имперских амбиций США на ближневосточном направлении и в мире. Во многом правы те эксперты, по мнению которых, внешняя политика США на «Расширенном Ближнем Востоке» почти полностью определяется преследованием и защитой четырех основных интересов: надежному и постоянному доступу к источникам углеводородных ресурсов; борьбе с появлением новых могущественных игроков, способных на равных тягаться с США, а также региональных государств, претендующих на ведущие позиции в регионе, таких, например, как Турция и Иран; поддержку Израиля; борьбу против международного «исламистского» терроризма. Разумеется, такая оценка имеет право на существование, но, с нашей точки зрения, необходимо (с оговоркой, впрочем, относительно «борьбы с международным терроризмом») добавить главное: Вашингтон преследует в регионе более глобальный круг интересов и целей – сохранение гегемонии США в мировом масштабе.

Другое дело, что эта цель всячески камуфлируется под разными предлогами, и в последние годы это связывается преимущественно с трактовками задач борьбы против международного терроризма.

²⁰⁶ Joffe J. The Perils of Soft Power // The New York Times Magazine. Available: https://www.nytimes.com/2006/05/14/magazine/14wwln_lede.html.

²⁰⁷ Idid.

Рассмотрим в этой связи позицию Соединенных Штатов Америки, декларируемую ею на влиятельных дипломатических площадках мира, и поддерживаемые ими инициативы и меры. Ограничимся только одним примером.

В октябре 2015 года бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун обнародовал решение о подготовке «Плана действий по предотвращению насильственного экстремизма». Принятию данного документа предшествовали Резолюция ГА 68/127 «Мир против насилия и насильственного экстремизма» 2013 года²⁰⁸, Резолюция ГА ООН 68/127 от 18 декабря 2013 года «Мир против насилия и насильственного экстремизма»²⁰⁹ и «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» 2014 года²¹⁰. На основе этих документов был принят План действий по предупреждению насильственного экстремизма 2015 года²¹¹.

В Глобальной контртеррористической стратегии Организация Объединенных Наций предложила «государствам-членам и региональным и субрегиональным организациям рассмотреть возможность разработки национальных и региональных планов действий по предупреждению насильственного экстремизма во всех случаях, когда он создает питательную среду для терроризма, в соответствии с их приоритетами и с учетом в надлежащих случаях Плана действий Генерального секретаря, а также других соответствующих документов»²¹².

Было создано Контртеррористическое управление в качестве главного координационного центра ООН по предупреждению насильственного экстремизма (ПНЭ) и борьбе с ним. Ему предписывалось оказание помощи и

²⁰⁸ Резолюция ГА 68/127 «Мир против насилия и насильственного экстремизма» 2013 года. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/456/03/PDF/N1345603.pdf?OpenElement>.

²⁰⁹ Резолюция ГА ООН 68/127 от 18 декабря 2013 года «Мир против насилия и насильственного экстремизма». Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/447/09/PDF/N1344709.pdf?OpenElement>.

²¹⁰ Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций 2014 года. Доступ: <https://infopedia.su/21xfe71.html>.

²¹¹ Доклад Генерального Секретаря от 24 декабря 2015 г. «План действий по предупреждению насильственного экстремизма» <<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/22/PDF/N1545622.pdf?OpenElement>

²¹² Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций 2014 года. Доступ: <https://infopedia.su/21xfe71.html>.

содействия государствам-членам Организации в разработке и определении потребностей в реализации национальных и региональных планов действий по ПНЭ.

При всей важности поставленных вопросов концепцией ПНЭ, инициированной США, во многих случаях, однако, достаточно заметно подразумевалась подмена стержневых понятий, попытка растворить антитеррор в аморфной задаче «противодействия насильственному экстремизму». И самое главное, в рамках концепции действия террористов и экстремистов сводились преимущественно к мотивам вынужденного сопротивления «репрессивным режимам», нарушающих права человека, лежащих на «оси зла» и своим существованием представляющих угрозу международной стабильности. Другими словами во внешне привлекательной оболочке Вашингтоном проводилась четкая линия на подрыв государственного суверенитета – важнейшего принципа международных отношений.

Российская сторона изначально заявляла об опасениях относительно того, что план и заложенные в нем идеи могут быть использованы для оправдания вмешательства во внутренние дела государств, дестабилизации и смещения неудобных правительств под предлогом продвижения успешного международного опыта в области борьбы с экстремизмом и за права человека. В своем выступлении на совещании глав спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России С. Лавров заявил, что «Запад, продвигая концепцию «противодействия насильственному экстремизму», готов оправдать вывод экстремистов из-под уголовной ответственности под предлогом поддержки гражданского общества в борьбе с авторитарными режимами»²¹³.

При этом Россия акцентировала внимание на необходимости отражения во всех антиэкстремистских международно-правовых документах ведущей и

²¹³ Лавров: Запад оправдывает экстремистов под предлогом борьбы с авторитарными режимами. 7 ноября 2018. Доступ: <https://riafan.ru/1118472-zapad-opravdyvaet-ekstremistov-pod-predlogom-borby-s-avtoritarnymi-rezhimami-lavrov>

определяющей роли государств и их компетентных органов в антитерроре при активном и эффективном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Как показали последующие события, использование широкого поля ПНЭ дает США и их союзникам возможность продвигать идею, согласно которой основными причинами экстремистских настроений и действий являются «политика репрессивных режимов» и «массовые и систематические нарушения прав человека» со стороны весьма избирательно составленного ими перечня государств. И уже со времен период президентства Дж. Буша-младшего открытым принципом внешней политики США на «Расширенном Ближнем Востоке» стало «противодействие через изоляцию» неудобных Вашингтону политических режимов, а не через необходимое взаимодействие с ними. При этом, естественно, полностью игнорировался фактор радикализации политических и общественных настроений в результате произвольного внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Несмотря на то, что нынешнее руководство США ассоциирует концепцию ПНЭ с наследием бывшего президента Б. Обамы, проекты под эгидой ПНЭ активно реализуются в странах Большого Ближнего Востока по линии ряда международных организаций (ООН, ОБСЕ и ЕС)²¹⁴. Число этих проектов в регионе постоянно растет. Наиболее масштабными из них являются: финансируемая Евросоюзом региональная программа «Усиление устойчивости к насильственному экстремизму в Азии» (порядка \$10 млн.)²¹⁵ и финансируемая Японией программа «Укрепление устойчивости населения и региональное сотрудничество в области противодействия насильственному экстремизму» (порядка \$7 млн.)²¹⁶.

Исполнительными и координирующими структурами по этим программам выступают подразделения ООН и ОБСЕ, а также Центр по противодействию

²¹⁴ *Антюхова Е.А.* «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки // Национальный интерес. 2016.–Т. 27. № 3.–С. 147-167.

²¹⁵ ЕС потратит в РК \$10 млн на усиление устойчивости к насильственному экстремизму в Азии // [Электронный ресурс]. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=44544&lang=2 (дата обращения: 20.18.2019).

²¹⁶ ПРООН запускает финансируемый Японией проект по предотвращению насильственного экстремизма в ЦА // [Электронный ресурс]. <http://ctc-rk.kz/html> (дата обращения: 23.02.2019).

насильственному экстремизму «Хедая» (Абу-Даби, Объединенные Арабские Эмираты) во взаимодействии с различными гражданскими институтами, фондами, неправительственными организациями, действующими, как правило, в обход государства и соответствующих компетентных органов.

Под видом распространения опыта в антиэкстремистской сфере (обучения «профилактике экстремизма», «недопущения авторитаризма и репрессивной политики правительств», «продвижения демократии и прав человека») создаются условия для вмешательства во внутренние дела государств – вплоть до провоцирования «цветных революций». Россию в этой связи особо беспокоит все более энергичное использование западными государствами многосторонних форматов для продвижения концепции «противодействия насильственному экстремизму» в странах Центральной Азии. В этом регионе с 2015 года стали реализовываться многочисленные высокобюджетные проекты Программы развития ООН, Управления ООН по наркотикам и преступности и ОБСЕ и т.п. по данной проблематике. Данные программы в значительной степени являют замаскированные сценарии вмешательства во внутренние дела центральноазиатских государств и организацию на их платформах «цветных революций», имеющих своим неизбежным следствием рост экстремизма и терроризма.

Россия неоднократно заостряла внимание на том, что в нынешнем виде концепция ПНЭ, не уважающая в должной мере ведущую роль государств в борьбе с экстремизмом и терроризмом на своих территориях, способна становиться геополитическим инструментом вмешательства во внутренние дела государств, поддержания экстремистских настроений и дестабилизации неугодных режимов. Вывод антиэкстремистской работы из межгосударственного формата и закрепляемое в этих рамках право отдельных «международных партнерств» выставлять тем или иным государствам оценки соответствия антитеррористическим стандартам и на этом основании «помогать» им выполнять некие нормативы «должного правления и демократии» расшатывают универсальные механизмы международного права. Концепция ПНЭ потенциально оправдывает вмешательство во внутренние дела государств –

вплоть до провоцирования «цветных революций», создает механизмы оправдания многих террористических группировок, а, тем самым, и терроризма в целом.

Последние события в Афганистане позволяют высказаться о концепции ПНЭ (и о ряде других подобных концепций) еще резче. Можно обоснованно предположить, что в условиях вынужденного вывода американских войск из ряда стран региона Вашингтон в большей степени усилит свою деятельность на тех направлениях, которые подпитывают, в первую очередь, эрозийные процессы внутри самих стран «Расширенного Ближнего Востока». Цель – устранение неудобных ему режимов – остается прежней, и ставка на оппозицию, включая деятельность самых крайних группировок, будет с высокой степенью вероятности использоваться еще более интенсивно. Фактом, в этой связи, является то, что некоторые террористические организации и были выпестованы США и их региональными союзниками.

Большим упрощением, однако, было бы думать, что стратегия «демократической революции» сводилась к упору на преимущественное использование «мягкой силы». США всегда использовали все доступные инструменты для ведения дел с зарубежными странами, и сегодня они продолжают следовать формуле своего президента начала XX века Теодора Рузвельта: «говорить мягко и держать наготове большую дубинку»... Для достижения своих целей он использовал жесткую экономическую и военную мощь в сочетании со значительными активами» мягкой силы»²¹⁷.

Говоря об использовании США «мягкой» и «жесткой» силы на «Расширенном Ближнем Востоке», можно со всей определенностью констатировать, что здесь до самого последнего момента «жесткая» сила явно преобладала над «мягкой». Провозгласив наступление «новой внешней политики», президент Дж. Буш-младший в своей речи 6 ноября 2003 года объявил ее целью продвижение «глобальной демократической революции». Самое главное

²¹⁷ MacDonald A. Cit. op.

здесь однако в том, что ее началом он объявил развязанную им в марте того же года войну против Ирака²¹⁸.

Как бы обосновывая эту «новую внешнюю политику», сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Либерман и вместе с ними члены палаты представителей Т. Лантос и Ф. Вулф внесли в Конгресс законопроект «Закон о распространении демократии и демократических ценностей в недемократических странах»²¹⁹.

Наиболее откровенно в отношении целей «демократической революции» высказывались, как правило, представители неоконсервативного лагеря. Об этом и заявил определенно один из ведущих неоконсервативных аналитиков Ч. Краутхаммер: после победы Америки и установления демократия в Ираке мишенью для демократизации должны стать другие арабские страны.²²⁰ Более того, неоконсервативы И. Кристал и Л.Ф. Кеплан в своей книге «Война за Ирак» писали: «Миссия начинается в Багдаде, но им не завершается. Речь идет не просто об Ираке. Речь идет даже не о будущем Ближнего Востока и войны с террором. Речь идет о той роли, которую Соединенным Штатам суждено играть в XXI веке»²²¹.

Показательно, что в своем стремлении «распространения демократии и демократических ценностей» США считали себя вправе использовать любые методы²²². Так, обосновывая политику «системного сдерживания» и даже «стратегического сдерживания» по военно-политической, экономической и идеолого-политической линии терроризма, государственный секретарь в администрации Д. Трампа М. Помпео прямо оправдывал акты по сути государственного терроризма со стороны самих Соединенных Штатов. Агентство Reuters распространило его заявление от 13 января 2021 года, в котором он вполне откровенно выразился о целях убийства командующего спецподразделением

²¹⁸ Приведено по: *Попов О.* Американский «Закон о распространении демократии» и «цветные революции» // Православие. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5175.html> (дата обращения: 20.02.2020).

²¹⁹ Там же.

²²⁰ *Krauthammer Ch.* The Neoconservative Convergence // Commentary, 2013, Vol. 129, №1, p.25

²²¹ Цит. по: *Жижек С.* Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // Логос.2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2003/1/vojna-v-irake-v-chem-zaklyuchaetsya-podlinnaya-opasnost.html> (дата обращения: 20.02.2020).

²²² Можно вспомнить в этой связи о знаменитой пробирке с «отравляющими веществами», послужившую поводом для американского вторжения в Ирак. Можно вспомнить и о поддержке США «Белых касок» специализирующейся на явно фэйковой информации и др.

«Аль-Кудс» Корпуса Стражей Исламской революции Касема Сулеймани, совершенного годом ранее, подчеркнув, что этот акт был совершен «в рамках более широкой стратегии сдерживания вызовов со стороны американских противников, которая также относится и к Ирану, и к Китаю, и к России»²²³. Хотя в тот момент США, как подчеркнул Помпео, использовали принцип сильной позиции против Ирана, такая же политика будет проведена в отношении всех врагов США: «Важность сдерживания не ограничивается Ираном. Во всех случаях мы должны сдерживать врагов, чтобы защитить свободу. В этом весь смысл работы..., направленной на то, чтобы сделать нашу армию самой сильной, какой она когда-либо была»²²⁴. И акцент на военно-силовую составляющую, как и показали войны в Ираке и Ливии, остается существенным, даже с учетом вывода американских войск из Афганистана и Ирака, компонентом «демократической революции».

В опубликованных автором настоящей диссертации монографиях достаточно подробно анализируется ход и характер политических и силовых акций Соединенных Штатов и их союзников в Ливии, Ираке, Афганистане, их позиции в арабо-израильском противостоянии и др. В представляемом тексте мы считаем поэтому возможным остановиться на фиксации лишь следующих моментов.

При констатации главного – целенаправленной политики утверждения своего доминирования в регионе нужно, конечно же, учитывать те зигзаги и противоречия, которые заметно выражают себя в конкретном ее воплощении, особенно заметном при смене в США президентской администрации (отношение американской политической элиты к ядерной сделке с Ираном, палестинская проблема, присутствие или сокращение – или даже вывод – американских вооруженных сил из стран региона и др.).

Сравним для примера позиции Б. Обамы и Д. Трампа. В своей, получившей широкий резонанс, каирской речи в июне 2009 года Обама обещал осуществить кардинальный пересмотр американской политики в регионе: «Я приехал сюда в

²²³ Цит. по: *Шакарянц С.* Иран, Россия и Китай формируют события на Ближнем Востоке // Regnum.URL: <https://regnum.ru/news/polit/2832856.html>(дата обращения: 20.02.2020)..

²²⁴ Цит. по: Там же.

Каир для того, чтобы попытаться открыть новую страницу во взаимоотношениях между Соединенными Штатами и живущими по всему миру мусульманами на основе общих интересов и уважения друг к другу, а также на основе того неоспоримого факта, что Америка и ислам не являются взаимоисключающими понятиями, и поэтому им нет нужды соперничать. Наоборот, у них есть точки соприкосновения и общие принципы – принципы справедливости и прогресса, терпимости и уважения чести и достоинства всех людей на Земле»²²⁵. В его президентство, при том, что во все сложных ситуациях симпатии США однозначно склонялись в сторону Израиля, начали как бы проглядываться определенные изменения в сторону признания законности некоторых требований палестинцев.

При президентстве Д. Трампа маятник американской дипломатии качнулся в обратную сторону. Вашингтон однозначно и открыто занял сторону Израиля²²⁶. Об этом свидетельствует целый ряд решений Трампа, на которые не пошел ни один из предыдущих президентов США. Как известно, Трамп перенес американское посольство из Тель-Авива в Иерусалим, который был признан единой столицей Израиля, тем самым нанеся жесткий удар по интересам Палестины.

Более того, он распорядился закрыть представительство Организации освобождения Палестины (ООП) в Вашингтоне, мотивировав это решение тем, что в 1987 году Конгресс США объявил Палестинскую национальную администрацию и саму ООП террористическими организациями (Следует, впрочем, отметить, что власти США каждые 6 месяцев приостанавливали это решение). Администрация Трампа прекратила сотрудничество с Ближневосточным агентством ООН по помощи палестинским беженцам и заявила о прекращении прямой помощи палестинцам. Руководителю национальной

²²⁵ Полный текст выступления Барака Обамы в Каире. Доступ: https://www.newsru.co.il/mideast/05jun2009/obama_text_103.html

²²⁶ По-видимому, как бы неожиданный односторонний выход Вашингтона из ядерного соглашения с Ираном, в частности, помимо всех остальных причин, был связан и с произраильской политикой. Дело в том, что Иран с самого начала выступал как открытый сторонник Палестины, и, возможно, свое решение по этой стране, Трамп считал дополнительным подарком руководству Израиля.

администрации Палестины М. Аббасу ничего не оставалось иного, кроме как заявить, что приняв решение о переносе своего посольства в Иерусалим, США «отказываются от своей роли миротворца в конфликте между Израилем и палестинцами»²²⁷, что делает невозможным сохранение всяких связей Палестины с американским консульством в Иерусалиме. В этих условиях Аббас ожидаемо обратился к России и 12 февраля 2018 года на переговорах с В.В. Путиным в Москве он официально объявил об отказе Вашингтону в роли посредника в переговорах с Израилем. В подобной атмосфере, определил он, «мы заявляем, что, начиная с нынешнего момента, мы отказываемся в каком-либо виде сотрудничать с американцами в их статусе посредника»²²⁸. Естественным представляется то, что Россия согласилась предоставить свою площадку для начала переговоров между Израилем и Палестиной.

Нет сомнений в том, что своей политикой в отношении израильско-палестинского конфликта Вашингтон подготовил почву для дальнейшего обострения ситуации в регионе. Об этом свидетельствуют очередное палестино-израильское противостояние весной 2021 года и последующие вспышки, принявшие уже вполне регулярный характер.

Ряд аналитиков обратили внимание и на решение Трампа вывести американские войска из удерживаемых курдами северных районов Сирии, которое многими не без основания было воспринято как игнорирование со стороны американского руководства интересов курдов и как ненадежность американских обещаний о поддержке движения народов за свободу. Так, комментируя этот шаг Трампа, президент Совета по международным отношениям Р. Хаас заявил: «Это некрасиво... Это нелиберально во всех смыслах этого

²²⁷ *Mackinnon M.* Russia sees opening to play power broker in Middle East and beyond // *The Globe and mail*, January 31, 2018. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019).

²²⁸ *Минин Д.М.* Аббас в Москве официально лишает США роли посредника в ближневосточном урегулировании // Фонд Стратегической Культуры, 13.02.2018. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/02/13/abbas-v-moskve-oficialno-lishaet-ssha-rol-i-posrednika-v-blizhnevostochnom-uregulirovanii-45593.html> (дата обращения: 20.01.2020).

слова»²²⁹. И уже настоящий взрыв (об этом ниже) вызвал вывод американских войск из Афганистана.

Дело не только в том, что ненадежность, непредсказуемость и недоговороспособность США в вопросах международной политики обуславливает рост неустойчивости в регионе, и даже не в том, что такая их позиция так или иначе влечет за собой усиление антиамериканских настроений, в том числе, среди, казалось бы, достаточно лояльной клиентеллы, но и в том, что все это находит отражение во внутривнутриполитических разборках внутри самих Соединенных Штатов.

Вот только несколько оценок внешней политики США, в том числе и на ближневосточном направлении. Г. Киссинджер: «Именно при ведении «горячих» войн Америка обнаружила, что ей трудно соотнести цель с возможностями. Только в одной из пяти войн, которые вела Америка после Второй мировой войны (Корея, Вьетнам, первая война в Персидском заливе, Ирак и Афганистан), а именно в первой войне в Персидском заливе во время президентства Джорджа Буша-старшего, Америка добилась поставленных целей, не вызвав при этом резких внутривнутриполитических разногласий»²³⁰. Обозреватель американского издания «The Hill» Дж. Койл: по сравнению с 1991 годом, когда состоялась первая война в регионе Персидского залива, в результате которой превосходство США на Расширенном Ближнем Востоке достигло своей высшей точки, Америка заметно утратила свое влияние на мировые процессы²³¹. Бывший сотрудник ЦРУ Г. Фуллер: «Москва обыграла США во всех аспектах геополитической игры начиная с 11 сентября 2001 года. В то же время влияние США падает как в относительном, так и в абсолютном смысле»²³².

²²⁹ *Apps P.* Has the post-American Middle East arrived? // The Japan Times, October 18, 2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2019/10/18/commentary/world-commentary/post-american-middle-east-arrived/#.XocINigzaUk> (дата обращения: 20.11.2019).

²³⁰ *Киссинджер Г.* Мировой порядок.- М.: ASTPublishers, 2015–С. 427.

²³¹ *Coyle J.* The difference between the Cold War and today's hot peace // The Hill, June 11, 2019. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/468969-the-difference-between-the-cold-war-and-todays-hot-peace> (дата обращения: 20.01.2020).

²³² Цит. по: *Кузнецов А.А.* Американские эксперты о ближневосточной политике США и России // Институт Ближнего Востока, 13 декабря, 2017. URL: <http://www.iimes.ru/?p=39849> (дата обращения: 20.11.2019).

Можно говорить и о серьезных подвижках в общественном сознании Запада в целом. Устранив путем военного вмешательства режимы М. Каддафи и С. Хусейна, содействуя кровавому противостоянию в Сирии и ряде других стран «Расширенного Ближнего Востока», что вызвало миллионные потоки беженцев в страны Европы²³³, США и их союзники спровоцировали и серьезнейший кризис внутри самого западного сообщества. Налицо рост националистических настроений (подчас самого крайнего толка), крах широко разрекламированной в свое время концепции мультикультурализма. Проповедуемая толерантность рушится под напором исламофобских идей²³⁴.

Своего рода исламофобским манифестом стала книга итальянской журналистки О. Фаллачи «Ярость и гордость», опубликованная сразу после событий 11 сентября 2001 года²³⁵. Особую популярность такие взгляды получили после серии карикатур на ислам и Пророка Мухаммеда в ряде журналов и средств массовой информации западных стран. Новыми гранями актуальности обернулись известные идеи американского политолога С. Хантингтона: XXI столетие – «это век мусульманских войн». «Мусульмане борются друг против друга, а также против немусульман намного чаще, чем народы, принадлежащие к другим цивилизациям. Войны мусульман...могут перерасти в глобальное столкновение цивилизаций между исламом и Западом, а также между исламом и остальными»²³⁶.

И все же, как ни соблазнительно было бы говорить о провалах американской дипломатии и внешней политики, мы полагаем, что принятие этой позиции означало бы поддаться крайне опасной иллюзии. Постараемся подтвердить этот

²³³ К слову, по данным информационно-аналитического агентства «ЕАД», в 2017-2018 гг. в Европу вернулось более 1800 боевиков, воевавших в составе террористических формирований в Сирии и Ираке, что в два раза больше аналогичных цифр для центральноазиатских республик бывшего СССР (Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/23/>).

²³⁴ Английский исследователь профессор Г. Конуэй, который возглавил проект «Исламофобия – вызов для всех», на основе разработок которого в 1997 году был опубликован доклад под тем же названием, определил этот феномен как «боязнь ислама и ненависть к мусульманам, присущие СМИ всех уровней и распространенные во всех слоях общества». (Islamophobia: A Challenge for Us All.1997 // RunnymedeTrust.URL: [https://www.runnymedetrust.org/companies/17/74/Islamophobia-A-Challenge-for-Us\)-All.html](https://www.runnymedetrust.org/companies/17/74/Islamophobia-A-Challenge-for-Us)-All.html) (датаобращения: 20.11.2019).

²³⁵ Фаллачи О. Ярость и гордость. - М.:Вагриус, 2005.

²³⁶ Newsweek, January 2002.

тезис анализом как бы «американского исхода», прежде всего, вывода вооруженных сил США из Ирака и Афганистана, подаваемых мировой общественности как конституирующий момент всей политики Соединенных Штатов при президентстве Дж. Байдена.

Действительно, с одной стороны многие американские аналитики стали активно включать в свои прогнозы рассуждения о «постамериканском» и даже «постзападном» Большом Ближнем Востоке»²³⁷. Что, однако, на деле стоит за подобного рода констатациями (в их интерпретации, разумеется)?

Осознавая, что США не под силу справиться с множеством проблем региона, число которых с появлением новых реалий и вызовов постоянно растет, администрация Дж. Байдена стремится «оптимизировать» собственные издержки вовлечения в эту насыщенную конфликтами зону²³⁸. После развязывания войны в Ираке – далеко не популярной в глазах многих американцев и мировой общественности Вашингтону, оправдывая агрессию, для восстановления и поддержания своего имиджа пришлось потратить колоссальные суммы, сопоставимые с собственно военными расходами.

Безусловно, после вывода войск следует ожидать существенного наращивания и использования «мягкой силы», активизации пропагандистской машины в дискредитации неудобных США режимов с целью взорвать их изнутри силами радикальной оппозиции. Соединенные Штаты остаются могущественной экономико-технологической имперской державой, и они будут использовать все соответствующие возможности для поддержания своего доминирования.

Вашингтон, тем не менее, продолжает осуществлять и свое мощное военное присутствие в странах «Расширенного Ближнего Востока». Военные базы США сохраняются в Турции (Инджирлик), Бахрейне, Катаре, Кувейте, Омане, ОАЭ, Джибути, Египте, Йемене, Иордании, Марокко.

²³⁷ Steyn M. Post-Western Middle East//SteynOnline, February 23, 2011. URL: <https://www.steynonline.com/3756/the-post-western-middle-east>(дата обращения: 20.11.2019).

²³⁸ Как изменится политика США на Ближнем Востоке после прихода в Белый дом Джо Байдена //Коммерсант [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4565238#id1972704>

США не намерены оставить этот важный регион, который служит своего рода плацдармом геополитической игры против России и Китая, объявленных в стратегии национальной безопасности США главными врагами своей страны. По данным Heritage Foundation, Соединенные Штаты содержат около 45 000 военнослужащих на Ближнем Востоке, в основном на базах в странах Персидского залива, включая Катар, Бахрейн и Объединенные Арабские Эмираты. В обращении к форуму региональных лидеров в Бахрейне в октябре 2018 года министр обороны США Дж. Мэттис главной своей целью поставил задачу развеять представление о том, что Соединенные Штаты уходят из региона и что Россия может вмешаться, чтобы заменить их. «Я ясно даю понять, что присутствие России в регионе не может заменить давних, устойчивых и прозрачных США... Мы собираемся и дальше оставаться здесь и никоим образом не уходим от этого»²³⁹.

И все-таки, главное, с нашей точки зрения, даже не в сохранении военного присутствия. В рассуждениях об «американском исходе», провалах политики США на «Расширенном Ближнем Востоке», их очевидной неспособности создать, к примеру, в том же Афганистане не демократическое даже, но сколь-нибудь жизнеспособное правительство, преобладающей чаще всего звучит нота их неудачи, неоправданности их расчетов. Такие констатации отчасти справедливы, но только отчасти. «Расширенный Ближний Восток», конечно же, остается зоной политических интересов США. Но они уже не в силах осуществлять свою гегемонию прежними способами по всему миру. Осознавая растущую роль Китая, очевидное, в частности, обострение в самом ближайшем будущем проблемы Тайваня, Вашингтон предпочитает сосредоточить свои ресурсы на непосредственно опасных для него направлениях. Свидетельство тому – сколачивание нового военного блока (США, Великобритания, Австралия) в Тихоокеанском регионе, на создание которого они пошли даже при прямом игнорировании интересов Франции. Главные свои усилия в настоящий момент они сосредоточивают против России, не просто нагнетая обстановку вокруг

²³⁹ *Sly L.* In the Middle East, Russia is back.—The Washington post, December 5, 2018.

Украины, но доходя в этой политике до прямой истерии и открытой военной (поставка вооружений и др.) поддержки. Какая роль в этих условиях отводится «Расширенному Ближнему Востоку»?

Есть необходимость в этой связи серьезно осмыслить утверждение известного американского политолога, основателя организации «Strategic Forecasting Inc» (Stratfor), близкой к ЦРУ, Дж. Фридмана, который писал: «Вторгаясь в исламский мир, Америка не ставила перед собой цели победить. Было даже не ясно, что именно будет означать победу. Целью США было просто разрушить исламский мир и настроить входящие в него страны друг против друга, чтобы исламская империя больше никогда не возникла. США не обязательно выигрывать войны, в их задачи входит планомерное разрушение всех систем жизнеобеспечения противника и тем самым лишение его возможности накопить достаточно сил, чтобы соперничать с Америкой»²⁴⁰.

Теряя свою лидирующую роль в условиях все более размываемых контуров столь желанного ими однополярного мира, США стремятся создать обстановку «управляемого хаоса», где они еще могут получить свои дивиденды. И такую политику они проводят вполне целенаправленно и небезрезультативно.

Подчеркнем еще раз, что речь при этом идет не только об ослаблении исламского мира. Политика Соединенных Штатов на «Расширенном Ближнем Востоке» не ограничивается только собственно региональными своими измерениями. Обстановка хаоса, которую они насаждают в регионах не в последнюю очередь нацелена на создание нестабильности в странах, непосредственно граничащих с Российской Федерацией. Собственно само создание концепции Большого Ближнего Востока с расширением его до Кавказа и Центральной Азии включительно эту цель подразумевало достаточно недвусмысленно, хотя она и вуалировалась лозунгами «демократической революции». Противодестствие такой политике Вашингтона на пространствах «Расширенного Ближнего Востока» и прилегающих к нему регионов, следовательно, непосредственно входит в круг задач по обеспечению национальной безопасности России.

²⁴⁰Friedman G. The Next 100 years: A Forecast for the 21st century.- N.Y., 2009.

Выводы по главе 2

«Расширенный Ближний Восток» занимает особое место в глобальной политике. Это средоточие мировых транспортных путей, регион, обладающий громадными ресурсами, серьезными геополитическими и геоэкономическими возможностями. В то же время «Расширенный Ближний Восток» это огромное пространство, которое населяют многие народы со своими национальными и религиозными предпочтениями, культурными традициями, создавшие государства с различными политическими режимами, имеющими заметные отличия в уровне своего экономического развития и уровне жизни населения.

Политические процессы, происходящие здесь, имеют далеко не региональные только свои измерения. В современном глобализирующемся мире «Расширенный Ближний Восток» не может не быть объектом самого пристального внимания со стороны ведущих мировых держав, осуществляющих в регионе активную политику. В этом качестве на его пространствах особо остро проявляются общемировые противоречия, находящие свое выражение в «гибридных войнах», вспышках международного терроризма и др. Все это, помноженное на глубочайшие внутренние коллизии, делает регион одним из самых взрывоопасных на планете.

«В последние годы, – отмечается в монографии российских ученых, – конфликты на Ближнем Востоке все больше приобретают гибридный характер, сочетая межгосударственные «официальные» столкновения с гражданской войной. Значительная часть конфликтов асимметрична, поскольку стороны обладают разными возможностями и потенциалами – государствам противостоят отдельные группы и движения, использующие собственные методы нанесения

ущерба, включая терроризм. Особую роль играет внешнее военное вмешательство, чаще всего не вписанное в рамки международного права»²⁴¹.

Внутренними неурядицами охвачена практически каждая страна региона. Вместе с тем, выделяются узлы напряжения, которые носят достаточно общий характер или, во всяком случае, оказывают серьезное воздействие на политическую обстановку в какой-либо группе стран.

Свой анализ мы начали с различных вариантов «арабизма», включая «панарабизм»/«арабский национализм». Это неслучайно. На политической карте Расширенного Ближнего Востока наличествуют 23 страны, население которых говорит в основном на арабском языке, имеет общие культурные и религиозные корни. Естественно, что в этих условиях многие арабские мыслители и политики пытались активно использовать идеи «панарабизма» с целью эффективного ответа на общие угрозы и вызовы и в политической практике осуществляли неоднократные попытки объединения ряда государств в единое целое или, во всяком случае, запуска интеграционных процессов в экономических связях и торговле. Сыграв свою достаточно заметную роль в период обретения национальной независимости и становления самостоятельных государств, «панарабизм» в последующем развитии под давлением существенных различий в политическом устройстве и целях, внешнеполитических интересах и приоритетах оказался неспособным стать конституирующим ядром «арабской нации». Следует заметить, однако, что в ряде отношений, связанных, в частности и по преимуществу, в основном с внешним давлением (фактор Израиля, к примеру), идея арабской солидарности может выйти на весьма значимые места в консолидации арабских государств.

Громадную роль на всем Расширенном Ближнем Востоке играет исламский фактор. Его исповедует подавляющая часть населения. Традиционный ислам способен внести существенный вклад в укрепление мира и добрососедства, развитие плодотворного межкультурного диалога. В условиях

²⁴¹Звягельская И.Д., В.А. Кузнецов В.А., Сухов Н.В. (научный руководитель Наумкин В.В.). Ближний Восток: от конфликтов к стабильности // Россия в глобальной политике, 14 марта 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/blizhnij-vostok-ot-konfliktov-k-stabilnosti/> (дата обращения: 20.11.2019).

возрастающего давления со стороны Запада, а также под влиянием груза острейших экономических и политических проблем в мусульманском ареале, ислам с его обращением к обездоленным оказался способным сыграть серьезную мобилизирующую роль в привлечении под свое знамя миллионов сторонников. Огромное значение имела Исламская революция в Иране. В ходе обостряющегося противостояния в исламском мире получили, вместе с тем, свои импульсы и крайне радикализированные течения, выступающие под флагом джихада и ориентирующиеся преимущественно на экстремистские и открыто террористические методы борьбы. Идеи политического ислама и в определенной степени «исламского халифата» стали находить свое воплощение и в странах Центральной Азии, и в регионе российского Северного Кавказа. Вопрос, таким образом, стал перемещаться в непосредственную сферу национальной безопасности России.

Существенно осложняющим динамику политических процессов на «Расширенном Ближнем Востоке» фактором является суннитско-шиитское противостояние. Это противостояние имеет давние исторические корни, но сегодня оно приобрело новые черты. Это уже не борьба просто двух религиозных конфессий, это борьба групп стран за политическое доминирование в регионе. Фактор суннитско-шиитского противостояния серьезно сказывается на идее солидарности мусульманского мира и в этом качестве активно подогревается США и их союзниками.

«Сквозной», хотя и отчасти (поскольку наиболее болезненно она проявляет себя лишь в ряде стран), проблемой для стран «Расширенного Ближнего Востока» выступает и курдский вопрос. 45 миллионов курдов лишены своей государственности. Дело осложняется еще и тем, что подавляющая их часть проживает компактно на землях исторического, но не признанного Курдистана, разделенного ныне между четырьмя государствами. Ущемляемые в своих правах курды уже давно ведут борьбу под лозунгами автономии или даже прямой независимости. Это вступает в прямое противоречие с принципом территориальной целостности, который активно отстаивают заинтересованные

государства – Турция, Иран, Ирак и Сирия. Вместе с тем, страны региона, равно как и Соединенные Штаты, активно разыгрывают курдскую карту для достижения своих конкретных интересов. Вопрос вряд ли может получить решение в ближайшей обозримой перспективе. Гипотетическое обретение независимости курдами (даже какой-либо их частью) в реальных исторических условиях способно еще больше накалить обстановку в и без того взрывоопасном регионе. Оптимальным путем (и эту позицию разделяет руководство Российской Федерации) видится постепенное предоставление курдам все более широкой автономии, права на действенное местное самоуправление с одновременным обеспечением их реального участия в общегражданских процессах.

Безусловно, самой болезненной проблемой всего «Расширенного Ближнего Востока» (да и мира в целом) является всплеск международного терроризма. Рожденные неурядицами жестких (а, подчас, и прямо деспотических) политических режимов, подкрепленные хаосом «арабской весны» террористические группировки в регионе сумели создать для себя достаточно широкую социальную базу, осуществить масштабные атаки на правительства и даже претендовать на создание самостоятельного исламского государства. Потерпев (с действенной помощью России) военное поражение и вытесняемые из района боевых действий Ирака и Сирии, они стремятся сегодня расширить географию своего присутствия, активно совершенствуют формы и методы своей деятельности. В число своих противников международный терроризм включает не только страны Атлантического альянса, но и Россию, что по-прежнему делает борьбу с ним одной из самых главных задач по обеспечению национальной безопасности страны.

Крайним упрощением было бы сводить причины и характер кризисных ситуаций на «Расширенном Ближнем Востоке» лишь к сложным социально-экономическим и политическим обстоятельствам в странах региона, религиозным противостоянием и др. Огромное значение имеют и внешнеполитические факторы, прежде всего, геополитические и геоэкономические амбиции США и их союзников. Под флагом

«демократической революции» Соединенные Штаты проводят активную политику свержения неудобных им режимов, используя при этом самые многообразные средства. В их арсенале приемы и методы «мягкой силы» при явном акценте на использование двойных стандартов, различного рода фейковой информации и нечистоплотной дипломатической игры. В этом их арсенале и приемы «жесткой силы», которую они применяют при каждом возможном случае. Атлантический альянс проводит политику по разложению существующего международного права, возрождению политики однополярного мира. Их цель – не только страны «Расширенного Ближнего Востока», но Россия и Китай. США не удастся создать в ходе экспорта «демократической революции» стабильные (да и просто жизнеспособные) политические режимы. Это, впрочем, и не является их главной задачей, основным содержанием которой была и остается политика сокрушения и сдерживания актуальных и потенциальных геополитических соперников, утверждение ситуации «управляемого хаоса» в мире.

Сложность обстановки на Расширенном Ближнем Востоке, наличие здесь клубка острейших противоречий делают особо значимыми внешнеполитические задачи России в регионе, осуществление здесь филигранной и выверенной политики.

Глава 3. Государства «Расширенного Ближнего Востока» в системе геополитических и внутривполитических интересов и приоритетов

Цивилизационная парадигма, по преимуществу использованная нами в предыдущей главе, позволила конкретизировать характер и особенности некоторых транснациональных начал «Расширенного Ближнего Востока», связанных с религиозными и национальными/националистическими представлениями. Эти представления и установки осваиваются движениями и организациями, что привносит существенное многообразие в состояние в регионе политической субъектности, специфику применяемых соответствующими политическими акторами избираемых им стратегий. Данная парадигма, вместе с тем, полного представления о характере политических процессов на Расширенном Ближнем Востоке дать не в состоянии. Основными акторами международных отношений продолжают оставаться государства и международные институты, и к анализу стратегий государств региона, их позиций в отношении современного миропорядка мы и приступаем в настоящей главе.

Считаем необходимым, вместе с тем, дать некоторое сопровождающее разъяснение.

Избранная автором тема, сам материал, вводимый нами в анализ, крайне объемны. Часть важных (иногда – крайне важных) проблем нам пришлось по необходимости опустить (или, в лучшем случае, дать фрагментарно). Автор диссертации отдает отчет в том, что это не могло не сопровождаться достаточно серьезными издержками. Так, ситуацию на «Расширенном Ближнем Востоке»

невозможно оценить в полном объеме вне фактора Израиля. Арабо-израильское (и не только – есть еще и Иран) противостояние в конфликтно-генном плане буквально пронизывает все сферы жизнедеятельности на Ближнем Востоке. Специальный анализ этого вопроса потребовал бы, однако, по меньшей мере, удвоения объема настоящей работы. Мы поэтому в рассмотрении были вынуждены ограничиться характеристикой процессов, протекающих в исключительно «исламском» ареале, оговариваясь, тем не менее, что остроту политических процессов здесь можно во всей глубине осмыслить только в случае ее помноженности на израильский фактор.

Другой, столь же вынужденной и столь же существенной, издержкой является вынесение в диссертации за скобки анализа политической ситуации в такой влиятельной стране Ближнего Востока, как Египет (проблема нами отчасти затронута только в аспекте «панарабизма»), в таких горячих точках, как Сомали, Йемен, тем более, Ливия. Ирак, с нашей точки зрения, вообще заслуживает отдельного разговора, ибо эта страна после вывода американских войск и досрочных выборов осени 2021 года с высокой степенью вероятности может (наряду с Афганистаном) стать эпицентром происходящих на «Расширенном Ближнем Востоке» событий.

Мы полагаем, однако, что и представленный материал дает основание о характере происходящих в регионе процессов, основных узлах напряжения здесь, определения Россией своих стратегических приоритетов. Некоторым извиняющим обстоятельством может служить и то, что в публикациях автора ближневосточная тематика представлена в более полных своих измерениях.

3.1. Сирийский узел в Ближневосточном конфликте²⁴²

Свой анализ политической ситуации в страновых измерениях «Расширенного Ближнего Востока» мы начинаем с Сирии. В значительной степени это определяется тем, что в силу своего географического положения, исторического наследия, этноконфессионального состава и других факторов Сирия занимает одно из ключевых мест во всем ближневосточном регионе. Здесь оказались переплетены в сложнейший, весьма трудно развязываемый узел множество проблем, характерных для многих стран региона. Гражданская война в Сирии стала своего рода лакмусовой бумагой регионального раскола арабского мира и в более широком смысле многонационального и многоконфессионального «Расширенного Ближнего Востока».

Заслуживают внимания распространенные трактовки причин гражданской войны, которые многие аналитики, особенно в США, ожидаемо связывают с российским экспансионизмом. Так, довольно частыми являются утверждения о том, что в основе сирийского конфликта лежит углеродно-трубопроводный фактор. Рассуждения осуществляются по следующей цепочке: в 2009 году президент Сирии Башар Асад отверг предложение о прокладке по территории этой страны газопровода Катар – Саудовская Аравия – Иордания – Сирия – Турция в Европу. Далее делается вывод, что реализация этого проекта нанесла бы серьезный удар по позициям российского экспорта газа (и это несмотря на то,

²⁴² При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 1 (36). С. 150-159; *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке. Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 143-152; *Ханалиев Н.У.* «Белые каски» или белые маски? // Вестник Российской нации. – 2018 – № 6(64). – С. 87-96.

что большинством серьезных специалистов, хорошо разбирающихся в этой сфере, такие оценки отвергаются). Из такой постановки вопроса делается вполне определенные заключения о причастности России к событиям 15 марта 2011 года в Сирии, которые послужили началом широкомасштабной военно-политической катастрофы в этой стране. Осуществляется целенаправленная подборка и других подобных объяснительных конструкторов.

В основе сирийского конфликта, конечно же, лежит множество более серьезных факторов, порожденных, с одной стороны, внутривосточными условиями самой Сирии и ее отношениями с региональными государствами, прежде всего, с Израилем, Турцией, Ираном, монархиями Персидского залива. С другой стороны, речь должна идти и о геополитических притязаниях стран НАТО, в первую очередь США. Можно в этой связи обратить внимание на откровенное заявление бывшего заместителя министра финансов США в администрации Р. Рейгана П.К. Робертса: «Мы стремимся свергнуть Каддафи в Ливии и Асада в Сирии, потому что хотим очистить Средиземное море от Китая и России»²⁴³.

Средиземноморский бассейн омывает побережье Южной Европы, Средней Азии и Ближнего Востока. Он имеет выход через Гибралтар в Атлантический Океан, через Суэцкий канал – в Индийский океан. Сирия, как и Ливия, занимают значительную часть средиземноморского побережья. Естественно, Запад в попытках обеспечить свою гегемонию в этом столь важном с геополитической точки зрения регионе не может не учитывать этот фактор. К тому же на сирийском побережье Россия имеет военно-морскую базу, которая обеспечивает ее присутствие в акватории Средиземного моря, что, в свою очередь, не может устраивать Запад. Не устраивает Запад и российская авиабаза Хмеймим.

Как отмечает Д. Тренин, «война в Сирии – не локальный конфликт. От ее исхода зависит не только будущее самой Сирии, но и расклад сил на Ближнем и Среднем Востоке, перспектива борьбы с международным терроризмом и в

²⁴³US risks war with China and Russia. Interview with Dr. Paul Craig Roberts, former assistant secretary to US Treasury, Panama City //MaxPark, Apr 26, 2011. URL: <https://maxpark.com/user/3312574000/content/725020>(дата обращения: 20.01.2020).

известной степени формирующийся мировой порядок. Понимание причин войны в Сирии, интересов, целей и стратегий ее основных участников, логика военных действий и дипломатических ходов крайне важно для определения вектора развития системы международных отношений в регионе и в мире в целом»²⁴⁴.

Политика Запада в отношении к Сирии представляет собой одно из множества звеньев цепи конфликтов, вызванных стратегией экспорта «демократической революции». Особенность сирийской ситуации состоит в том, что Сирии, не без помощи России, удалось выстоять. Несмотря на усилия как отдельных региональных, так и ряда мировых держав во главе с США, попытки сместить президента страны потерпели неудачу.

С самого начала сирийского кризиса Запад в целом и США в частности использовали уже не раз опробованный на «Расширенном Ближнем Востоке» сценарий. Они обрушились с резкой критикой на политический режим в стране и лично на президента Башира Асада. Возложив вину всецело на него и требуя от него немедленного ухода с поста президента страны, они прекратили все виды сотрудничества с этой страной.

В марте 2011 года в Сирии начались антиправительственные народные демонстрации, сопровождавшиеся вооруженными нападениями на представителей властей. Уже летом того же года демонстрации приобрели массовый характер, активизировались незаконные вооруженные формирования. США при этом сами приложили руку к появлению в стране террористических организаций; значительная часть территории Сирии очень быстро превратилась в зону вооруженного конфликта. Официальным властям Сирии стали противостоять боевики различных незаконных вооруженных формирований, в том числе ассоциированных с «Аль-Каидой» и «Исламским государством». «Джихадистские» группировки как более сильные, организованные и мотивированные стали со временем подминать или поглощать разрозненные вооруженные отряды светской оппозиции.

²⁴⁴ Тренин Д. Портрет сирийской войны // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/portret-sirijskoj-vojni/> (дата обращения: 20.01.2020).

В политической аналитике сирийский конфликт часто справедливо характеризуется как «многослойный пирог», в который вовлечено множество противоречивых интересов как отдельно взятых государств, так блоков и группировок, играющих свою роль. В их числе, прежде всего, США и НАТО, Турция, монархии Персидского залива, главным образом Саудовская Аравия и Катар, Иран и, наконец, Россия. В результате, по некоторым оценкам, в Сирии имеет место не одна, а несколько (семь и даже больше), одновременно накладывающихся друг на друга войн. Это войны: сирийских боевиков против режима Башара Асада; различных группировок сирийских боевиков друг с другом; их, в свою очередь, с курдами, а также одновременно с ИГИЛ; коалиции десятков государств (во главе с США) с ИГИЛ; коалиции Ирана и Турции во главе с Россией против ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусры» и других террористических групп; естественно, самой Сирии при поддержке России со всеми террористическими группировками и др.²⁴⁵.

Естественно, что большой интерес представляют позиции ведущих (мировых и региональных) государств в сирийском вопросе, те политические стратегии, которые ими используются.

Обращает на себя внимание фактическая отстраненность от сирийского кризиса руководства как Евросоюза в целом, так и ведущих государств Европы. В отличие от США, они (во многом, возможно, после резкой критики их действий в других конфликтах на Ближнем Востоке) демонстрируют явное нежелание выработать сколько-нибудь активную общую политику в отношении сирийского конфликта.

У региональных держав «Расширенного Ближнего Востока» позиция иная. Победа сирийской оппозиции, особенно ее террористического фланга, крайне невыгодна, в частности, Ирану, поскольку он потерял бы своего главного союзника на Ближнем Востоке. В то же время США и Израиль получили бы возможность нанести с территории Сирии воздушные удары по территории

²⁴⁵ Стенин А. Сирийский узел: все против всех // AntiterrorToday. Доступ: <http://antiterrortoday.com/glavnoe-segodnya/sobytiya-v-sirii/10530-sirijskij-uzel-vse-protiv-vsekh>

Ирана. Тем более, администрация президента Д. Трампа вышла из ядерного соглашения с Ираном и заявила о намерении наложить на него новые санкции, причем, ситуация и при Дж. Байдене остается крайне неопределенной. Свою роль играет и фактор Израиля. Эти обстоятельства не могут не тревожить и Турцию. В результате определяется достаточно парадоксальная ситуация некоторого сближения позиций вечных противников в регионе – Ирана и Турции, которые вошли в Астанинский процесс вместе с Россией, сыгравший одну из ключевых ролей в борьбе против террористических группировок. Это сближение нашло свое политическое выражение в организации в Астане переговоров руководства Сирии и умеренной сирийской оппозиции, которые стали весомым дополнением к женевским переговорам по данному вопросу.

Особое значение сирийский конфликт и его результаты имеют для России. 30 сентября 2015 года Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации единогласно проголосовал за принятие Постановления об использовании Вооруженных сил России за пределами Российской Федерации. Соответствующее обращение на рассмотрение Совета Федерации внес Президент России В.В. Путин. Речь шла об использовании российских воздушно-космических сил для поддержки правительственных войск Сирии в борьбе против ИГИЛ. Основной задачей была определена борьба с терроризмом и поддержка легитимной власти Сирии в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Ранее глава Сирии Б. Асад обратился к руководству России с просьбой об оказании военной помощи. В результате самолеты российских воздушно-космических сил приступили к проведению воздушной операции с нанесением точечных ударов по наземным целям, военной технике, узлам связи, транспортным средствам, складам оружия, боеприпасов и горюче-смазочных материалов, принадлежащих террористам ИГИЛ. Оценивая эти шаги, В.В. Путин констатировал: «Россия, как это не раз бывало в истории, внесла главный, решающий вклад в разгром преступной силы, бросившей вызов всей цивилизации, в уничтожение террористической армии варварской диктатуры, которая сеяла смерть и разрушения, стирала с лица земли больницы, школы,

мечети, церкви, памятники истории и культуры, стремилась превратить Сирию и сопредельные государства в плацдарм для глобальной агрессии, целью которой являлась и является и наша страна»²⁴⁶.

Главная цель вмешательства России в сирийский конфликт состоит в обеспечении ключевого приоритета национальной безопасности России, заключающегося в разгроме международного терроризма. Оно преследует также цель предотвратить для этой страны участь, которую испытал на себе целый ряд стран Ближнего Востока и Северной Африки в результате стратегии экспорта «демократической революции» и «арабской весны», а также агрессивных войн, развязанных Западом во главе с США.

Одновременно военная операция была призвана реализовать еще одну весьма важную, но публично необъявленную цель: восстановить положительный имидж страны в глазах народов региона, практически утерянный с распадом СССР. Вмешательство России в сирийский конфликт, введение в эту страну Воздушно-космических сил, расширение и активизация военно-морской базы в Тартусе и авиабазы в Хмеймим в условиях утверждения многополярного мира служат, во-первых, доказательством серьезности намерений и усилий России не только в Сирии, но и во всем ближневосточном регионе, во-вторых, тестом ее способности демонстрировать свой статус великой военно-политической державы, способной защищать свои жизненно важные национальные интересы и обеспечить свою национальную безопасность в конкуренции с другими державами. Эта операция стала своего рода символическим ответом руководства России на высказывания о России как «державе регионального масштаба», неспособной серьезно влиять на ситуацию в мире и неизбежном крахе таких ее попыток, как во время ввода частей ВКС тогдашний президент США вполне определенно заявлял об этом, а его министр обороны Э. Картер предрекал Москве чуть ли не катастрофу.

²⁴⁶ Путин: Россия внесла решающий вклад в разгром террористов в Сирии // Комсомольская правда, 28 декабря 2017.

На деле ситуация оказалось иной. Английский специалист по Ближнему Востоку Дж. Брэдли, выделив и цели Атлантического блока («Лишить Россию ее единственной средиземноморской военно-морской базы в сирийском Тартусе, создать буфер между Ираном и его ливанской марионеткой «Хезболлой», чтобы разорвать антиизраильскую шиитскую ось и оттеснить Иран на обочину, усилив позиции наших союзников-суннитов»), констатировал, что как раз именно «циничная, – как он выразился, – попытка Запада установить в Дамаске суннитский режим» закончилась полным провалом»²⁴⁷.

Действия России в Сирии были продиктованы не только соображениями поддержки дружественного режима, она, безусловно, руководствовалась и самыми широкими задачами по обеспечению своей национальной безопасности в глобальном мире, в том числе и соображениями необходимого военного присутствия в ключевых точках. В этом смысле для нее не последнее значение имеет сохранение своей военно-воздушной базы в Хмеймиме и пункта базирования военно-морского флота в Средиземном море в Тартусе. В поддержке Б. Асада заинтересован и Иран, получая тем самым возможность сохранить дугу Тегеран – Багдад – Дамаск – Бейрут. Что касается Турции, то она преследует, прежде всего, цель нейтрализации любых возможностей создания курдской автономии в Сирии, тем более независимого государства сирийских курдов.

Сохранение у власти действующего президента Б. Асада можно считать серьезным успехом России. Как отметил М. Васильев, «Россия доказала миру свою способность проводить стратегические операции с применением военно-воздушных и морских сил на значительном удалении от своих границ, с использованием авиации дальнего действия, оснащенной как бомбами, так и высокоточными крылатыми ракетами»²⁴⁸. Об обоснованности такой оценки свидетельствует то, что политики Запада, которые ранее выступали за

²⁴⁷ Bradley J.R. How Putin came to rule the Middle East // The Spectator, October 7, 2001. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019).

²⁴⁸ Васильев М. Геополитика Ближнего Востока. Итоги 2017 года // GEOPOLITICA.RU, 30.12.2017. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-blizhnego-vostoka-itogi-2017-goda> (дата обращения: 20.01.2020).

отстранение Б. Асада от власти как неперемного условия решения сирийской проблемы, оказались вынужденными отказаться или, во всяком случае, быть более сдержанными в своих требованиях. Так, к примеру, провозгласив политику «прагматичного реализма», Б. Джонсон заявил, что отставка Асада «не является предварительным условием, а частью переходного периода»²⁴⁹.

В конце августа 2017 года изменило свою позицию правительство Иордании. За этой страной последовали ОАЭ и Бахрейн, восстановившие дипломатические отношения с Сирией. Как отметил М. Чулов в статье, опубликованной в газете TheGuardian, такое развитие событий стало «погребальным звоном для оппозиции»²⁵⁰.

Для правильного понимания позиций России в сирийском конфликте, как мы видим, важно учесть то, что этот конфликт, наряду с другими его аспектами, во многом представляет собой результат геополитического противостояния Запада с остальным миром, прежде всего с вернувшейся в регион «Расширенного Ближнего Востока» Российской Федерацией. Сирийский узел – это одно из звеньев цепи конфликтов, порожденных агрессивной политикой Вашингтона в регионе.

С точки зрения приоритетов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации значимость военной операции в Сирии в непосредственном своем выражении определяется необходимостью борьбы с международным терроризмом в лице ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусры» и других террористических организаций и объединений. Сирийские вооруженные силы, поддерживаемые российской авиацией и консультируемые на земле российскими военными советниками, к настоящему времени добились внушительных успехов, освободив от террористов значительную часть территории, тем самым защитив саму сирийскую государственность.

²⁴⁹ *Steele J.* If ending Syria's war means accepting Assad and Russia have won, so be it // Guardian, September 21, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/sep/21/syria-war-russia-assad-western-proxies>(дата обращения: 20.01.2020).

²⁵⁰ *Chulov M.* Victory for Assad looks increasingly likely as world loses interest in Syria // The Guardian, August 31, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/31/victory-for-assad-looks-increasingly-likely-as-world-loses-interest-in-syria>(дата обращения: 20.01.2020).

Как и в Ираке, речь не может идти об окончательном искоренении терроризма и утверждении политической стабильности в стране. Кроме того, сирийские курды, партии и объединения которых играют одну из ключевых ролей в борьбе с террористическими группировками, но сохраняют противоречия с сирийским правительством, вносят дополнительную неопределенность в перспективы сирийской государственности. При этом правительство, со своей стороны, принимает меры для урегулирования отношений с соответствующими партиями и организациями, в той или иной степени учитывая их жизненно важные интересы.

Вмешательство России в сирийский конфликт спасло режим Башара Асада и защитило само существование единого сирийского государства. Благодаря этому акту России оказались сорваны планы по абсолютному доминированию США на Ближнем Востоке. Как отмечали О. Мэттьюз, Дж. Мур, Д. Шарков, бывшая в течение последних трех десятилетий на периферии ближневосточной политики Россия вновь вернула себе статус крупного игрока в регионе. «В последние полгода (после освобождения Алеппо – *прим. авт.*), – писали они, – эта страна изменила ход гражданской войны в Сирии и взяла под свой контроль процесс достижения мира, установила тесные отношения с авторитарным лидером Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом и активно обхаживала таких традиционных союзников США, как Египет, Саудовская Аравия и даже Израиль»²⁵¹. Этот успех способствовал дальнейшему укреплению связей России с Ираном. Именно договоренность этих трех государств сделала возможным начало переговорного процесса в Астане.

За период операции ВКС в Сирии Россия стала ключевым игроком в решении проблем, стоящих перед этим стратегически важным регионом, не в последнюю очередь гарантом сохранения государственного единства Сирии. «Закончилась эпоха, в которой интересовались тем, что думает Вашингтон, – писал в 2018 году М. Маккиннон, – по крайней мере, в Сирии, где российские

²⁵¹Mathews O., Moore J., Sharkov D. How Russia Became the Middle East's New Power Broker // Nesweek, February 9, 2017.

военно-воздушные силы впечатляющим образом изменили ход войны в пользу г-на Асада»²⁵².

Сирийский узел императивно поднимает вопрос о необходимости коренного пересмотра западными странами, в первую очередь, США и Евросоюзом, своей политики в отношении России. Как показал провал тех целей, которые вынашивались при разработке и реализации стратегии экспорта в Сирию «демократической революции», без России этот узел, невозможно «разрубить». Сирийский политический деятель и автор книги «Возвращение России в Сирию» Ранда Кассис (активно участвующая в урегулировании сирийского кризиса) констатировала, что «любому разумному наблюдателю совершенно ясно, что никакое политическое решение в Сирии невозможно без России, вне зависимости от того, нравится ли это ему или нет, за Россию он или против нее. У нее на руках имеется множество козырей в отличие от Франции, Европы, Турции и всех прочих, у кого за плечами колониальное или империалистическое прошлое»²⁵³.

Серьезное значение, вместе с тем, имеет позиция руководства США, отношения которых с Россией со времен президентства Б.Х. Обамы и позже при всех усилиях не удалось ввести в нормальное русло, в том числе, к сожалению, и в непосредственной борьбе с террористическими группировками. Хотя представители американской администрации не переставали говорить, что США и Россия являются естественными союзниками в борьбе с терроризмом и очевидным местом для начала такого сотрудничества должна стать Сирия и борьба с ИГИЛ, а Д. Трамп прямо заявлял, что «с Россией лучше ладить, чем не ладить»²⁵⁴, на стратегическом уровне взаимопонимания не достигнуто. Более того, очевидные успехи России на сирийском направлении, снижении здесь влияния США во многом обусловили ту крайнюю резкость, которую Вашингтон

²⁵²*Mackinnon M.* Russia sees opening to play power broker in Middle East and beyond // *The Globe and Mail*, February 2, 2018. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/russia-sees-opening-to-play-power-broker-in-middle-east-and-beyond/article37824966/> (дата обращения: 20.11.2019).

²⁵³Le retour de la Russie au Proche et Moyen-Orient: rencontre avec Randa Kassis, actrice majeure de la politique syrienne // *Atlantico*, 2 mars 2018.

²⁵⁴*Galupo S.* How Russia is using «counterterrorism» to sucker Trump // *The Week*, February 10, 2017.

стал проявлять в других точках (Украина, прежде всего) с целью демонстрации своей мощи в осуществлении антироссийских акций.

Примечательно, вместе с тем, что, при всех существующих серьезных противоречиях между Россией и США, в срезе тактического военного взаимодействия можно было говорить о некоторых позитивных подвижках в ареале «Расширенного Ближнего Востока». На уровне военного руководства, хотя и со многими трениями, предпринимались и продолжают предприниматься необходимые меры, чтобы избежать столкновения вооруженных сил двух стран, особенно в воздушном пространстве. Следует позитивно оценить и то, что за кулисами встречи «Большой двадцатки» в Гамбурге в июле 2017 года В.В. Путин и Д. Трамп пришли к согласию о демилитаризации района-треугольника, где проходят государственные границы между Иорданией, Израилем и Сирией. Можно, вместе с тем, прогнозировать, что в связи с последними событиями существующие необходимые контакты будут предельно минимизированы.

В любом случае основные противоречия между США и Россией в ближневосточном регионе никоим образом не сняты, тем более не парализовано и отказа Вашингтона от основных целей «демократической революции», ближайшей целью которой в Сирии остается устранение Б. Асада, ответственного, по мнению США, «за крупнейшую гуманитарную катастрофу 21 века»²⁵⁵. Политическое взаимодействие с сирийским правительством, полагают американские эксперты и политики, отдалит от США союзников на Ближнем Востоке, прежде всего, монархии Персидского залива, и будет идти наперекор одному из главных приоритетов внешней политики США – активному противостоянию Ирану.

Для правильного понимания перспектив разрешения рассматриваемой проблемы, средств и путей, с помощью которых можно было бы разрубить сирийский узел, важно учесть, как именно выглядят контуры будущего этой расколотовой страны в представлениях различных конфликтующих между собой

²⁵⁵ Brands H., Kahl C. The Strategic suicide of aligning with Russia in Syria // Foreign policy, February 7, 2017.

группировок страны, а также методы осуществления этого противоборства, в том числе и после завершения активной фазы борьбы с терроризмом.

В этом контексте интерес представляют материалы международной научно-практической конференции, организованной Институтом Востоковедения РАН, состоявшейся в конце октября 2016 года в Москве. В ее работе приняли участие российские и зарубежные специалисты по Ближнему Востоку, а также представители Сирии. На конференции в центре внимания стоял широкий круг вопросов, касающихся хода и перспектив разрешения гражданской войны в стране. Весьма интересные мысли были высказаны директором компании «Conflicts Forum» по вопросам реализации проектов и связям с общественностью Эшли Бёрн, которая сконцентрировала внимание на проблеме современной информационной войны. Проанализировав положение в Сирии, она пришла к выводу, что конфликт в будущем может происходить между «мастерами» информации и её жертвами. По ее мнению, нынешние политтехнологи стремятся изобразить противоположную сторону абсолютным злом, с которым ни о чем невозможно договориться. Именно поэтому было вновь реанимировано обвинение Башара Асада в использовании химического оружия против сторонников оппозиции. В этой кампании активное участие приняла, как известно, организация «Белые каски», выступающая за гуманитарную интервенцию и распространившая информацию о мнимой бомбежке российской и сирийской авиацией школы в Идлибе. Поэтому в сирийском противостоянии важен не только учет административного и политического аспектов, но и психологическая сторона²⁵⁶.

Существенным фактором, вносящим неопределенность в будущее Сирии, являются курды, которые стремятся, по меньшей мере, к автономии. Превратившись в одного из ключевых игроков в сирийском конфликте, курды в районах их компактного проживания, особенно на приграничных с Турцией территориях, стали объективно угрозой ее территориальной целостности. Они

²⁵⁶Звягельская И.Д. Будущее Сирии: возможные варианты. / «НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ И БУДУЩЕЕ СИРИИ». Международная конференция. М., 2016. _ С. .30-32.

смыкаются с курдским населением Турции, проживающим в юго-восточных ее районах и также требующих для себя автономного статуса. В этом вопросе для турецких курдов примером служат описанный нами ранее референдум в Иракском Курдистане 25 сентября 2017 года и целенаправленные действия сирийских курдов по созданию курдской автономии на севере Сирии – Рожавы. Понятна настороженность властей Турции в этом отношении.

Следует отметить осторожность и известную взвешенность сирийского правительства в решении курдского вопроса в стране. Как отмечал министр иностранных дел Сирии Валид аль-Муаллем, сирийские курды «хотят своеобразную форму самоуправления в границах Сирийской Арабской Республики, это можно обсудить на переговорах, путем диалога. Когда мы покончим с ИГ, то сможем сесть за стол переговоров с нашими гражданами-курдами и прийти к взаимопониманию относительно будущего»²⁵⁷. С самого начала сирийского конфликта Дамаск предоставил курдским «Отрядам народной самообороны» (YPG) возможность укрепиться в сирийском Курдистане. Одним из факторов такой политики, возможно, является стремление оказать давление на Турцию.

В этой связи следует особо выделить позицию США. В целом планам Вашингтона в их политике всемерного ослабления правительства Асада в определенной степени близка политика тех курдских группировок, которые ставят своей целью добиться самой широкой автономии. Известная поддержка сирийских курдов рождает, однако серьезные проблемы для США в другом отношении и, прежде всего, речь здесь должна идти о Турции.

Турция однозначно оценивает действия США как помощь курдским «террористам» и «сепаратистам». Именно этими обстоятельствами определяется, в частности, решение Анкары о поддержке Свободной сирийской армии в самом конце ноября 2016 года на территории провинции Алеппо – военная операция «Щит Евфрата» (Firat Kalkanı). Целью операции было объявлено очищение

²⁵⁷ Дамаск готов обсудить вопрос курдского самоуправления в Сирии после победы над ИГ. 26.09.2017. Доступ: <https://riafan.ru/980217>

приграничных с Турцией территорий Сирии от курдов. В результате операции турецкие военные предотвратили объединение курдских кантонов Джазира и Кобани на северо-востоке с кантоном Африн на северо-западе Сирии. Такая позиция турецкого руководства во многом определяется тем, что оно считает «Демократический союз» сирийских курдов частью Рабочей партии Курдистана (РПК), рассматриваемой Анкарой как террористической организации.

Дополнительным стимулом ухудшения отношений между США и Турцией по вопросам, связанным с политикой на Ближнем Востоке, стала операция турецких вооруженных сил под названием «Оливковая ветвь» в январе 2018 года против курдских «Отрядов народной самообороны» (YPG) в приграничном Турции кантоне Африн на северо-западе Сирии. Ополченцы YPG входят в состав крупного альянса «Сирийских демократических сил» (SDF), поддерживаемого США. В ходе борьбы против ИГИЛ под контролем курдов оказалась фактически четверть территории Сирии, что серьезно стало беспокоить Анкару. По официальной версии главная цель этой операции состояла в очищении региона от террористических группировок, в числе которых были названы Рабочая партия Курдистана, партия «Демократический союз», Отряды народной самообороны и ИГИЛ.

Все это несколько не свидетельствует, однако, что цели Россия и Турции в Сирии едины. В то время как Россия, в частности, наложила вето на проекты резолюции ООН, осуждающие действия президента Башара Асада и сирийского правительства, Турция выступила с активной поддержкой сирийской оппозиции, в том числе и тех группировок, которые в России признаны террористическими. В октябре 2012 года в Анкаре был даже принудительно посажен российский пассажирский самолет, следующий по маршруту Москва-Дамаск. Турецкие власти обвинили пилотов лайнера в перевозке оружия, однако вскоре (предлог был явно надуман) были вынуждены отпустить их.

Обозначив события в Сирии, в том числе, и «внутренней проблемой» Турции, Анкара первоначально открыто поддержала оппозицию, выступавшую за смещение Б. Асада, снабжала военные формирования оппозиции оружием.

Вынашивались планы свержения правительства и создания в Сирии протурецкого режима происламистской ориентации.

До образования треугольника Росси – Иран – Турция (о чем речь пойдет в главе 4) Турция разрешала или же закрывала глаза на пересечение своих границ так называемыми «добровольцами» из других стран, в том числе, из России и постсоветского пространства к «джихадистам» в Сирию и Ирак. По имеющимся данным, в Турции и Иордании были открыты лагеря по подготовке боевиков, направлявшихся в Сирию. Более того, в ходе операции «Оливковая ветвь», проводившейся против курдских подразделений на севере Сирии, Турция вынашивала и планы отторжения части сирийской территории с целью ее последующего присоединения. И в последующем, несмотря на существенные изменения политики Турции в отношении сирийского режима, контакты со значительными сегментами оппозиции Анкара продолжала сохранять и укреплять.

Несмотря на противоречащие цели, политика Турции во многом объективно совпадает с действиями США. В сирийском конфликте Вашингтон изначально стал всячески препятствовать возвращению Дамаском контроля над всей территорией Сирии. Оценивая действия США, 16 февраля 2018 года министр иностранных дел России С.В. Лавров в интервью «EuroNews вполне определенно констатировал: США стремятся к тому, чтобы «навсегда поселиться в Сирии со своими вооруженными силами». США «ведут дело к тому, чтобы огромный кусок сирийской территории обособить от остальной страны в нарушение суверенитета и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики, создают там какие-то квазиместные органы власти, всячески пытаются создать там какое-то автономное образование, опираясь на курдов»²⁵⁸.

Вашингтон целенаправленно стремится воспрепятствовать политическому урегулированию ситуации в Сирии, при этом разыгрывая и курдскую карту, и стимулируя противоречия между Турцией и Ираном, Ираном и Саудовской

²⁵⁸ Цит. по: Касс А. Лавров: США решили обособить от Сирии огромный кусок. Доступ: <https://vz.ru/news/2018/2/16/908731.html>

Аравией, и в целом суннитско-шиитское противостояние. США поддерживают «Свободную сирийскую армию», а его союзники – Саудовская Аравия, Катар и другие монархии Персидского залива оказывают прямую или косвенную финансовую помощь таким «исламистским» вооруженным формированиям, как «Ахрар аш-Шам», «Аль-Джабхат аль-Исламия», «Джайш аль-Ислам».

Западные страны, прежде всего, США и региональные спонсоры оппозиционных организаций и радикальных группировок, прежде всего, в лице монархий Персидского залива фактически продолжали вести против Дамаска гибридную войну, которая строится на сочетании «мягкой» и «жесткой» силы. Широко используются фейковые новости, «постправда», осуществляется подборка и освещение специально подготовленных псевдособытий.

С начала кризиса в 2011 году в Сирии были созданы десятки разного рода гуманитарных неправительственных организаций, декларирующих своей целью помощь людям, пострадавшим от военных действий, выполняя функции пожарных, врачей, спасателей и т.д. Наибольшую известность среди них поучила организация «Сирийская гражданская оборона», которая стала известна под названием «Белые каски».

Группы или команды «добровольцев-спасателей» в Сирии впервые появились в 2012 году на территориях, подконтрольных разного рода оппозиционным, в том числе террористическим, группировкам не без содействия сил и стран, прежде всего, монархий Персидского залива, заинтересованных в смене власти Башара Асада. Со временем эти команды стали получать финансовую и материальную помощь от целого ряда стран Европы, США, Японии и, не в последнюю очередь, Катара, а также некоторых неправительственных организаций, таких, например, как «Mayday Rescue». Последняя была основана выпускником Королевской военной академии в Сандхёрсте, бывшим офицером британской армии с впечатляющим послужным списком Джеймсом Ле Межурером. Он принимал участие в различных конфликтах, в том числе в Боснии и Косово, Ираке, Ливане, Палестине, был

наемником в группе частной военной фирмы «Олива», тесно связанной с небезызвестной ЧВК «Blackwater Academy».

В 2014 году под его руководством различные группировки были объединены в организацию «Сирийская гражданская оборона» (СГО) или «Белые каски». К финансовой, материальной, политической, идеологической, информационной и иной помощи этой организации (помимо вышеперечисленных государств) подключились Германия, Нидерланды, Дания, Новая Зеландия и др. Крупнейшим донором «Белых касок» стало Агентство международного развития США (US Agency for International Development, USAID).

Что касается конкретных сумм финансовой помощи, то точную их цифру установить вряд ли возможно. Считается, согласно экспертным оценкам, что с 2013 года Вашингтон предоставил «Белым каскам» более \$33 млн., а Нидерланды – более 70 млн. евро. Приведенные здесь цифры носят условный характер, поскольку учитываются лишь официальные данные. Как считают осведомленные аналитики, с учетом неофициальных финансовых вливаний от разного рода спонсоров эта сумма может быть значительно выше.

Руководители «Белых касок» все обвинения в сотрудничестве с террористическими организациями и какими бы то ни было государствами отвергают. Как утверждал Дж. Ле Межурер в интервью Би-би-си в 2014 году, источники финансирования никак не отражаются на деятельности организации. Он пытался убедить в том, что «Белые каски» «нейтральны, беспристрастны, они спасают любого, кто в этом нуждается»²⁵⁹.

В ходе военных действий «Белые каски» превратились в организацию со своей собственной символикой, униформой, финансовыми ресурсами, транспортными средствами. Считается, что в отдельные периоды она располагала более чем ста центрами, разбросанными по всей стране, включая Алеппо, Идлиб, Латакию, Хомс, Хаму, даже Дамаск. В ее рядах в те или иные

²⁵⁹Вендик Ю. (Русская служба Би-би-си). Кто такие сирийские "Белые каски" и почему вокруг них столько споров? 17 апреля 2018. Доступ: <https://www.bbc.com/russian/features-43787135>.

периоды насчитывалось три и более тысяч человек, ангажированных и по меркам ближневосточного региона достаточно хорошо оплачиваемых. Так, по признанию главы турецкого офиса «Белые каски» Аммара Альсалмо, каждый член организации за свою деятельность получает 150 долл. в месяц.

«Белые каски» позиционируют себя как «невооруженная и нейтральная» организация. «Мы действуем нейтрально, непредвзято и для всех сирийцев»²⁶⁰, – заявляют они и объявляют своим девизом: «Спасти одну жизнь – значит спасти человечество». На Западе «Белые каски» подаются как единственная эффективная организация, спасающая сирийцев от последствий гуманитарного кризиса.

О масштабах поддержки, которую Запад оказывает «Белым каскам», свидетельствует то, что они были номинированы на Нобелевскую премию мира 2016 года²⁶¹. Была начата кампания под названием «Нобелевская премия мира "Белым каскам"». Хотя эти усилия не увенчались успехом, в том же году за свою деятельность по спасению людей в зоне сирийского конфликта они получили так называемую альтернативную Нобелевскую премию²⁶².

Нельзя отрицать, что «Белые каски» во многих случаях действительно занимаются помощью гражданам Сирии, пострадавшим от авиаударов и других военных действий. Однако на основе анализа их деятельности можно сделать вывод, что в ней отчетливо прослеживается двойное дно, которое имеет не менее важное значение, нежели гуманитарная помощь.

Организация «Белые каски» открыто выступает как сторона в сирийском конфликте против режима Башара Асада. По имеющимся данным, члены организации в подавляющем своем большинстве составляют сирийцы с тех территорий и из тех слоев населения, с которых начались выступления против официальных властей Дамаска. Обращает на себя внимание то, что «Белые каски» действуют исключительно на территориях, занимаемых противниками

²⁶⁰ Syria civil defence. The White helmets. URL: <http://syriacivildefense.org/>

²⁶¹ «Белые каски» Сирии спасли тысячи жизней. Теперь их номинируют на Нобелевскую премию мира // GlobalVoices, 18 Август 2016. URL: <https://ru.globalvoices.org/2016/08/18/52362/> (датаобращения: 25.01.2020).

²⁶² Сирийские «Белые каски», кто они? // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/сирийские-белые-каска-кто-они/a-37433928>(дата обращения: 25.01.2020).

Дамаска, в том числе, террористическими группировками типа «Аль-Каиды», ИГИЛ, «Джебхат Ан-Нусра» и др.²⁶³ Один из лидеров «Джебхат ан-Нусры» Абдулла Мухайсини в своем интервью прямо заявил о роли «Белых касок»: «Я не называю их Сирийской гражданской обороной, я называю их моджахедами в гражданском. Они настоящие моджахеда, ничем не отличающиеся от тех, кто воюет в траншеях или в бомбовозах. Между ними нет разницы, и пусть Аллах вознаградит их. Они яростно сражаются»²⁶⁴.

Эта организация однозначно представляет собой инструмент легитимации если не всех, то части террористических группировок, во всяком случае, тех, кого западные страны считают умеренной оппозицией. В этом направлении она играет свою роль в идеолого-информационной подготовке и осуществлении тех или иных военных операций как коалиции, организованной западными странами во главе с США, так и региональными суннитскими государствами. Почти все действия и акции, в том числе постановочные видео о химических атаках, были направлены именно против официального Дамаска.

В пределах своих возможностей «Белые каски» ведут информационно-идеологическую войну против союзников Башара Асада в лице России, Ирана, «Хезболлы», изображая их главными виновниками сирийской трагедии²⁶⁵.

Имеется множество фактов, свидетельствующих об использовании членами «Белых касок» фейковых видеоклипов с детьми, якобы ставшими жертвами химической атаки мирных жителей со стороны сирийской авиации. Можно сослаться, в частности, на постановочное видео, обнародованное 7 апреля 2018 года и призванное доказать скомпонованный «факт» применения правительственными войсками химического оружия в городе Дума.

²⁶³ Syria conflict: White Helmets evacuated by Israel // BBC, 22 July 2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-44915099> (дата обращения: 25.01.2020).

²⁶⁴ «Белые каски» – мошенники от «умеренной» оппозиции в Сирии // Русский Пульс. URL: <https://russianpulse.ru/continentalist/2016/10/28/1579090-span-class-dquo-8220i> (дата обращения: 10.10.2018).

²⁶⁵ Показательны рассуждения члена руководства «Белых касок» Аммара аль-Салмо, который в интервью телевизионной и радиовещательной корпорации Би-би-си в апреле 2018 года утверждал, что Башар Асад и Россия «отрицают каждое из массовых убийств, которые они совершили в Сирии. Они стремятся убивать нас на местах, они стремятся оклеветать нас в прессе путем троллинга и пропаганды» (См.: Вендик Ю. Кто такие сирийские «Белые каски» и почему вокруг них столько споров? // ВВС, 17 апреля 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43787135> (дата обращения: 25.01.2020)).

Министерство обороны Российской Федерации, собрав неопровержимые факты, смогло доказать постановочный характер этой операции.

Можно привести и другие примеры вбрасывания «Белыми касками» в информационное пространство «фейковых» новостей:

- Еще до начала контртеррористической операции ВКС России в Сирии в октябре 2015 года «Белые каски» организовали на палестинских территориях на Западном берегу р. Иордан подготовку новостей о «жертвах ударов российских военных».

- В сентябре 2016 года гуманитарные организации предложили эвакуацию девочки из Алеппо, которая писала в «Твиттере» о «зверствах режима». Однако выяснилось, что под видом девочки записи в «Твиттере» вел англоязычный активист «Белых касок». Группа активистов «Белых касок», снимавших «репортаж» об «окровавленной девочке из Алеппо» была задержана в декабре 2016 года египетскими полицейскими в Порт-Саиде²⁶⁶;

- В конце апреля – начале мая 2017 года сотрудники «Белых касок» и «Аль-Джазиры» готовили репортаж о якобы «химической атаке сирийского режима» в деревне Саракиб (провинция Идлиб), которой не было²⁶⁷.

Сама организация в некоторых случаях признавала и оправдывала потребность в распространении таких «постановочных новостей» аргументами о необходимости «привлечения внимания мировой общественности к страданиям простых сирийцев»²⁶⁸. Показательно, что члены «Сирийской гражданской обороны» всякий раз оказываются на месте разных происшествий, терактов, бомбардировок в момент их совершения с профессионально составленными видеоматериалами о зверствах кровавого, как они заявляют, режима Башара Асада. Правозащитные организации и большинство средств массовой

²⁶⁶ «Окровавленная девочка» попала на постановочных кадрах из Алеппо, Pravda.ru, 20.12.2016, <https://www.pravda.ru/news/world/20-12-2016/1320680-fake-0/>

²⁶⁷ Source: Al Jazeera stages fake news clip alleging new Syrian chemical weapons attack, 4 May 2017, <https://www.google.ru/amp/tass.com/world/944612/amp>

«БК» и «Аль-Джазира» вывезли более 50 детей и несколько семей ВПЛ, в т.ч. в Саракиб, для инсценировки на площади мечети Биляль – известно, что из морга Идлиба исчезло несколько десятков детских трупов.

²⁶⁸ Fake News Alert: CNN finally admits «White Helmets» staged fake video, Tony Cartalucci, 27 February 2017, <http://www.globalresearch.ca/fake-news-alert-cnn-finally-admits-white-helmets-staged-fake-video/555916>;

информации западных стран широкомасштабно тиражируют эти и подобные им сообщения в трактовке, мало отличающейся от аргументов представителей «Сирийской гражданской обороны»²⁶⁹.

Некоторые такие репортажи вбрасываются через «Белых касок» откровенно террористическими группировками. На это указывал, в частности, журналист американской газеты «Бостон Глоуб» С. Кизнер. По его данным, 16 марта 2015 года некий «Сарминский координационный комитет» предоставил «Белым каскам» якобы обличающие сирийское правительство видеоматериалы, которые были раскручены американской телекомпанией «Си-Эн-Эн». Затем, однако, выяснилось, что этот комитет связан с «Аль-Каидой». Таким образом, отметил С. Кизнер, американское теленовостное агентство выступило в качестве исполнителя заказа о продвижении в международное общественное мнение пропаганды «Аль-Каиды»²⁷⁰.

Эксперты представительства Всемирной организации здравоохранения в Дамаске, прямо заявили, что «Белые каски» совместно с неправительственными организациями «Врачи без границ» и т.н. «Сирийско-американским медицинским обществом» занимаются дезинформацией и информационными подлогами на контролируемых НВФ территориях Сирии, включая подготовку лживых сюжетов о «разрушенных больницах Алеппо», «массовом голоде» осажденных районов. Точную характеристику «Белых касок» дала официальный представитель МИД Российской Федерации М. Захарова предложив обозначить

²⁶⁹ Например, в марте 2016 года крупнейшая международная правозащитная организация «Amnesty International», созданная в Великобритании в 1961 году, на основе информации, полученной от «Белых касок», обвинила Дамаск и Москву в атаках на больницы и другие медицинские учреждения якобы с целью «расчистить путь для наземного наступления на север Алеппо». Как утверждали представители этой организации, на севере Сирии действуют семь тайных тюрем, среди заключенных которых есть дети до восьми лет. Ко всем к ним, по их словам, «применяются пытки и казни, оправдываемые требованиями исламского права» (Amnesty International опубликовала доклад о тюрьмах исламистов в Сирии, где пытаются взрослых и детей // NEWS, 19 декабря 2013. URL: <https://www.newsru.com/world/19dec2013/pytki.html> (дата обращения: 25.01.2020). В феврале 2017 года эта организация опубликовала доклад, в котором обвинила официальные власти Сирии в массовых внесудебных казнях в 2011–2015 гг. в тюрьме «Сайедная». Без каких-либо убедительных данных утверждалось, что там было повешено более 13 тысяч человек (Разжигатели войны и защитники террористов: что известно о работе Amnesty International // RuPosters, 21 февраля 2017. URL: <https://ruposters.ru/news/21-02-2017/razzhigateli-vojny-i-zashhitniki-terroristov> (дата обращения: 25.01.2020)²⁶⁹.

²⁷⁰ Congratulations to al-Qaeda and Syrian jihadists for the #Oscar given to a film about their PR outfit, the White Helmets, @stephenkinzer, 27 February 2017; The media are misleading the public on Syria, Stephen Kinzer, 18 February 2016, <https://www.bostonglobe.com/opinion/2016/02/18/the-media-are-misleading-public-syria/8YB75otYirPzUCnlwaVtcK/story.html>

их «Белыми масками», скрывающими свое лицо, а на самом деле «оказавшимися иностранными агентами, которые работали на территории Сирии в антисирийских интересах и в интересах других стран за огромные деньги»²⁷¹.

Поражение, которое сирийские вооруженные силы при активной помощи воздушно-космических сил России нанесли террористическим группировкам, освободив большую часть территории Сирии, не могли не отразиться на численности боевиков, их духе, сплоченности, что позволяет говорить о существенном ослаблении масштабов террористической деятельности и деятельности их пособников. Соответственно, у зарубежных спонсоров этой деятельности постепенно возникают настроения в пользу пересмотра поддержки ряда оппозиционных группировок и организаций., в частности, и стратегии использования «Белых касок», и сомнения в целесообразности их дальнейшего финансирования. Эти настроения, впрочем, являясь достаточно показательными, не становятся доминирующими. Более того, события самого последнего времени свидетельствуют об усилении внимания США к методам «гибридной войны». Уместен даже вывод о том, что методы гибридной войны, связанные с распространением фейковых новостей и пр., явились для них своеобразной репетицией той их дезинформационной деятельности, которые они масштабно развернули в наши дни в связи с ситуацией на Украине.

Возвращаясь к теме параграфа, можно заключить, что сирийский узел, далеко не развязан. Многие сотни тысяч сирийцев пополнили ряды беженцев. Региональные державы преследуют подчас расходящиеся цели, поддерживая соперничающие между собой группировки. Так, «Ахрар аш-Шам» поддерживают Турция и Катар, а «Джайш аль-Ислам» – Саудовская Аравия. Нет полного согласия между Россией и Ираном, с одной стороны, и Турцией, с другой, что выливается иногда в достаточно серьезные коллизии. Особое значение имеет состояние деградации российско-американских отношений.

²⁷¹ Шимаев Р., Чурсина М. Террористы или волонтеры: какие цели преследуют «Белые каски» в Сирии // RT, 5 августа 2018. URL: <https://russian.rt.com/world/article/542492-belye-kaski-deyatelnost-siriya> (дата обращения: 20.01.2020).

Плюс к этому, отсутствие воли у мирового сообщества положить конец сирийскому кризису.

И все же, заключая, можно сделать вывод о том, что сирийские события стали знаковыми в современной системе международных отношений. Серьезный удар нанесен международному терроризму. Подвергаемое «коллективным Западом» жесточайшему прессу, сохранилось у власти законное правительство. В Сирии обозначились перспективы для необходимого конституционного процесса. Россия вернулась на Ближний Восток, знаменуя тем самым крах политики одностороннего диктата, доминирующей в международных отношениях до недавнего времени.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Кафедра российской политики

На правах рукописи

ХАНАЛИЕВ НУРАДИН УМАРПАШАЕВИЧ

**«РАСШИРЕННЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО
МИРОПОРЯДКА: ОСНОВНЫЕ АКТОРЫ, СТРАТЕГИИ,
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора политических наук

ТОМ II

Научные консультанты:

Доктор философских наук, профессор
Коваленко Валерий Иванович

Доктор политических наук, профессор Василенко Ирина Алексеевна

Москва – 2022

Оглавление Тома II

3.2. Стратегические ориентиры Турции в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока	3
3.3. Стратегические ориентиры Ирана в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока	24
3.4. Проблемы взаимодействия монархий Персидского залива.....	48
3.5. Афганский фактор как вызов национальной безопасности России и как элемент воздействия на ситуацию на «Расширенном Ближнем Востоке»	60
Выводы по главе 3	79
Глава 4. Россия и «Расширенный Ближний Восток» в системе современных геополитических конфигураций	82
4.1. Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран».....	84
4.2. Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Китай – Ближний Восток».....	98
4.3. Центральная Азия в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва » через призму приоритетов национальной безопасности России	109
Выводы по главе 4.....	142
Заключение	146
Библиография	153

3.2. Стратегические ориентиры Турции в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока²⁷²

Турция, контролируя черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, занимает исключительно важное стратегическое положение в регионе «Расширенного Ближнего Востока». После Второй мировой войны в силу комплекса геополитических факторов она заняла положение форпоста западного мира на южном фланге НАТО. На территории этой страны располагается крупнейшая военно-воздушная база Атлантического альянса «Инджирлик». Как отмечает сотрудник стамбульского Центра экономических и внешнеполитических исследований (EDAM) Дж. Касапоглу, в рамках НАТО Турция в Восточном Средиземноморье и Черном море «является ключевым игроком, она имеет здесь особые национальные интересы и способна проецировать значительную силу»²⁷³. Турция имеет для НАТО большое значение и в плане формирования Совместной целевой группы Сил высокой степени готовности (VJTF), которой отводится значимая роль в «гибридных войнах» и, как провозглашается, в борьбе с угрозами

²⁷² При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Ханалиев Н.У. Россия как альтернативный США актор на Ближнем Востоке. Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 92-103; Ханалиев Н.У. О некоторых особенностях политики США в Центральной Азии. Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50). С. 2185-2194; Ханалиев Н.У. Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центральноазиатский регион. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205-225; Ханалиев Н.У. Россия, Китай, Иран: вопросы совместимости интересов. Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 4 (56). С. 1197-1205; Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке. Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 143-152; Ханалиев Н.У. Россия как альтернативный США актор на Ближнем Востоке. Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 92-103; Ханалиев Н.У. Треугольник "Россия – Турция – Иран" в контексте стратегии США на Ближнем Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». Т. 21, №1. 2019. – 66-77 с.

²⁷³ Kasapoğlu C. Türk-Rus ilişkilerinin düzeltilmesi çabaları ve NATO: İki kanadın hikayesi ve jeopolitik // Anadolu Ajansı, 15.08.2016. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz-haber/turk-rus-iliskilerinin-duzeltilmesi-cabaları-ve-nato-iki-kanadın-hikayesi-ve-jeopolitik/628910> (дата обращения: 20.01.2020).

химического и биологического оружия, а также с «исламистскими» террористическими группами.

Обладая выгодным геополитическим положением, Турция является одним из самых динамично развивающихся государств современного мира. За последние два-три десятилетия она добилась заметных успехов на пути социально-экономического развития. Ключевую роль в этом сыграл приход к власти в 2002 году умеренной «исламистской» Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Тайипа Эрдогана, которая получила популярность на волне экономического кризиса 2001 года и через год победила на парламентских выборах. Это позволило Эрдогану приступить к реформам, направленным на либерализацию экономики и постепенное расширение роли ислама в обществе (к примеру, в 2007 году был отменен запрет на ношение хиджаба в университетах).

Турецкая внешнеполитическая идеология, как декларируется в ее основополагающих документах, традиционно базируется «на принципах евроатлантизма, добрососедства, укрепления экономических связей с соседями»²⁷⁴. Эта модель предусматривала постепенное усиление ее региональной роли, поддержание хороших отношений со всеми сопредельными государствами, в том числе с Израилем и курс на вступление в Евросоюз.

Вместе с тем, внешняя политика Турции достаточно заметно эволюционирует. Турция, которая в течение всего послевоенного периода уделяла главное внимание странам Запада, поставила своей целью добиться статуса ключевого игрока на всем «Расширенном Ближнем Востоке». Переключив в значительной степени внимание на этот регион, Партия справедливости и развития начала расширять связи с соседними арабскими государствами, прежде всего, с Ираком и монархиями Персидского залива, по формуле «ноль проблем с соседями», предложенной бывшим до августа 2014 года премьер-министром страны Ахметом Давутоглу. Мировой финансово-экономический кризис и «арабская весна» привели к тому, что турецкое руководство активизировало свою

²⁷⁴ Аватков В.А., Иванова Н.А. Россия и Турция: противостояние идеологий // Свободная мысль. – 2012. – №9-10. – С. 189.

региональную политику. Стала все более заметно усиливаться тенденция к расширению деятельности турецких компаний в этих государствах. Показательно, что в Турции начали издаваться арабоязычные средства массовой информации. Предпринимаются и попытки изображать Т.Р.Эрдогана как защитника всех мусульман. Тем самым стали вноситься и существенные коррективы в отношения Турции с Западом. Как отмечает Е. Чулковская, «начиная со словесной перепалки с президентом Израиля Шимоном Пересом на форуме в Давосе в 2010 году турецкий лидер не упускает возможности обрушиться с критикой на власти Израиля, страны ЕС, США и многих других. Он выступает против притеснения мусульман, роста исламофобии и так далее»²⁷⁵.

Начало этого процесса было заметно еще во время войны в секторе Газа в 2008 году, когда премьер-министр Эрдоган прямо обвинил израильского президента Шимона Переса в непропорциональном применении насилия в отношении мирного населения²⁷⁶. А после того, как израильский спецназ взял штурмом идущую в Газу «Флотилию свободы» 31 мая 2010 года, отношения между двумя странами были понижены до уровня дипломатического представительства вторым секретарем, а перспективное военно-техническое сотрудничество было свернуто.

Таким образом, в последние годы Турция перестала играть роль произраильской силы. Это свидетельствует об отступлении от базовой внешнеполитической концепции «ноль проблем с соседями» и прекращении существования (или, во всяком случае, его заметном ослаблении) турецко-израильского союза, который ряд исследователей считали ключевым для региональной стабильности.

Эрдоган ищет плотного сотрудничества с рядом арабских стран, и отчасти ему это удастся. Так, Турция и Катар придерживаются близких позиций по целому ряду региональных проблем, таких как сирийский кризис, военный

²⁷⁵ Чулковская Е. Амбиции и просчеты. Куда завела Турцию ее политика на Ближнем Востоке // Иносми, 17.09.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170917/240302638.html> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁷⁶ Берг И.С. Антиизраильская политика в контексте неоосманских амбиций: мнения немецких и турецких экспертов // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/23-01-12d.htm> (дата обращения: 20.01.2020).

переворот в Египте в 2013 году, поддержка движения «Братья-мусульмане» и ХАМАС и др. Турция проявляет повышенный интерес к катарским инвестициям. В 2015 – 2017 годах Катар приобрел в Турции ряд крупных компаний и банков, в том числе ONB Finansbank, Abank, Digitürk, BMC, Boyer. Что касается Турции, то ее компании участвуют в реализации в Катаре около 130 проектов стоимостью 4,4 млрд долл.

Показательно, что, когда в июне 2017 года ряд арабских стран по инициативе Саудовской Аравии приняли решение о блокаде Катара и разрыве с Дохой дипломатических отношений, Анкара немедленно заявила о решимости поддержать эмират. Следует отметить, что в этой стране размещена единственная военная база Турции на Ближнем Востоке, соглашение о котором было подписано двумя сторонами в 2014 году. Турецкий парламент в срочном порядке ратифицировал два соглашения с Дохой, предусматривающие посылку в Катар турецких войск для обучения тамошних военных.

По-настоящему новый импульс турецкой внешнеполитической активности придала «арабская весна». Реджеп Тайип Эрдоган одним из первых призвал президента Египта Хосни Мубарака уйти в отставку, именно в Стамбуле стала базироваться штаб-квартира сирийской оппозиции. В мае 2011 года в Стамбуле была проведена IV Конференция ООН по наименее развитым странам, в которой приняли участие представители 192 стран-членов ООН, 50 глав государств²⁷⁷.

Одновременно стали накапливаться проблемы в американо-турецких отношениях. Серьезным фактором, стимулировавшим обострение отношений между США и Турцией, стала попытка государственного переворота в Турции летом 2016 года, в причастности к которой Анкара обвинила Вашингтон. Во взаимоотношениях со странами Европейского Союза сильнейшим раздражителем стала проблема беженцев.

Турция и США по-разному оценивают ситуацию в Ираке. Об этом свидетельствует и то, что Анкара не дала согласие на использование

²⁷⁷Четвертая Конференция Организации Объединенных Наций по наименее развитым странам (НРС-IV). Стамбул, 9-13 мая 2011 года // PreventionWeb.URL: <https://www.preventionweb.net/files/resolutions/N1132949.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

американцами своей территории для вторжения американских войск в Ирак во время агрессии США и Великобритании в эту страну в марте 2003 года.

Двух традиционных союзников на «Расширенном Ближнем Востоке» в большой степени разделяет курдский вопрос, имеющий ключевое значение для Турции. Если Вашингтон с самого начала гражданской войны в Сирии с целью ослабления Асада поддерживал курдов, добивавшихся автономии, и шел на тесные контакты с их руководством, которое связано с Рабочей партией Курдистана, (интересно при этом то, что и Турция, и США считают ее террористической организацией), то Турция, наоборот, в буквальном смысле начала войну с ними.

Показательно в этом смысле замечание турецкого аналитика М.Х. Джашына: Вмешательство в сирийский конфликт США привело к дестабилизации ситуации, а одним из факторов, поспоривших Эрдогана с США, стала поддержка Вашингтоном сирийских курдов. Ему вторит другой турецкий аналитик О. Еничери: Если США «нацелены на создание единого независимого Курдистана по оси «Сирия – Ирак – Турция» на путях федерализации этой страны, то Турция выступает за унитарную Сирию».

Курдский вопрос, как нетрудно заметить, начинает касаться уже и самих фундаментальных оснований миропорядка на «Расширенном Ближнем Востоке». О. Еничери так и заключает: «Обеспечение территориальной целостности Сирии должно быть стратегической целью Турции», которую можно обеспечить «только в сотрудничестве с Асадом. И только в этом случае она сможет получить поддержку России. Разум велит именно это»²⁷⁸.

Турецкая военно-политическая экспансия за пределы своих государственных границ при решении курдского вопроса (в аспекте борьбы Турции против объявленных ею террористическими боевых отрядов Рабочей партии Курдистана, РПК) отнюдь не ограничивается сирийской территорией. Еще более интенсивно проводятся вооруженные рейды турецкой армии по преследованию отрядов РПК

²⁷⁸ *Yeniçeri Ö.* Türkiye Suriye’de ne yapmalı? // *Yeni*, 23.05.2017. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/turkiye-suriyede-ne-yapmalı-42890yу.htm>(дата обращения: 20.01.2020).

на иракской территории. В течение последних пяти лет таких рейдов было не менее семи, правда, в отличие от Сирии, с захватом лишь небольшого участка иракской территории вдоль турецкой границы.

Последняя военная операция Турции на территории Ирака была начата в апреле 2022 года. По своей интенсивности и охвату она носит беспрецедентный характер. Руководит ей лично министр обороны Хулуси Анкар. Операция преследует цель окончательного разгрома отрядов РПК. Иракское правительство выразило Турции протест. Реакция стран Запада, однако, была практически нулевой по контрасту с их реакцией на военную операцию России на Украине.²⁷⁹

Разумеется, не только курдский вопрос служит яблоком раздора между США и Турцией. Одним из факторов обострения противоречий между двумя странами стало введение Вашингтоном санкций в результате задержания и удержания турецкими властями в течение длительного времени под домашним арестом американского пастора Э. Брансона. Речь идет не просто о личной судьбе гражданина США, эту акцию Анкары эксперты небезосновательно связывают с отказом Вашингтона экстрадировать влиятельного турецкого религиозного деятеля и оппозиционера Ф. Гюлена, которого Р.Т.Эрдоган обвиняет в попытке организации государственного переворота.

Эрдоган резко отрицательно отреагировал и на решение президента США Д. Трампа о переносе столицы Израиля в Иерусалим. Камнем преткновения в спорах и дискуссиях между Турцией и США стало также приобретение Анкарой российского зенитно-ракетного комплекс С-400. Такие примеры можно было бы продолжить, но, полагаем, мы уже имеем базу для вполне определенного вывода. «Есть основания предполагать, – пишет С. Тарасов, – что... в этом сложном, необычном и беспрецедентном по историческим меркам геополитическом уравнении с участием внешних «тяжеловесов», Москвы и Вашингтона, а также Анкары и Тегерана, претендующими на особую роль на Ближнем Востоке, именно Турция становится «камнем на дороге», о которой США стали постоянно

²⁷⁹ Турция начала новую военную операцию против боевиков РПК в Ираке. Известия, 18 апреля 2022 г. <https://iz.ru/1322149/2022-04-18/turtciia-nachala-novuiu-voennuiu-operatciu-protiv-boevikov-rpk-v-irake>

спотыкаться»²⁸⁰. Как бы то ни было, определенное охлаждение отношений между двумя союзниками по НАТО толкает Турцию на сближение с Россией и Ираном по целому ряду довольно существенных проблем Ближнего Востока.

Значимы и другие обстоятельства. Согласно имеющимся данным, в том числе результатам опросов общественного мнения, одним из результатов смены ориентиров турецкого руководства по отношению к США становится рост среди населения антиамериканских и антизападных настроений, разочарования политикой интеграции в ЕС. В результате в определенной мере снижается нацеленность Турции на принадлежность к НАТО, на вступление в Евросоюз при одновременной разработке независимой от США политической стратегии. Это тем более важно оттенить, ибо на протяжении всего периода после Второй мировой войны Турция служила важным плацдармом НАТО против СССР и России.

О состоянии взаимоотношений США и Турции наглядное представление можно составить, если учесть, к примеру, срыв предполагавшейся встречи между Трампом и Эрдоганом в сентябре 2019 года на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. По мнению экспертов, срыв встречи был вызван тем, что ряд положений выступления президента Турции на сессии Генеральной Ассамблеи не понравились американскому руководству. Без сколько-нибудь значимых результатов завершились и переговоры двух лидеров, состоявшихся 13 ноября 2019 года. Камнем преткновения на этих переговорах стала решимость Анкары не уступать в вопросе о закупке российской ЗРК С-400. Серьезное раздражение Вашингтона вызывает хотя и вполне двусмысленная, но все-таки заметно отличающаяся от ее союзников по НАТО позиция Турции в отношении украинского кризиса.

Вместе с тем, значение всех подобных коллизий переоценивать не следует. При всех демаршах и конкретных политических шагах, в совокупности свидетельствующих о существенных сдвигах в геополитических ориентациях, и,

²⁸⁰ Тарасов С. Санкции США сближают Россию, Турцию и Иран//Regnum: Информационное агентство. URL: <https://regnum.ru/news/2457027.html>(дата обращения: 20.11.2019).

несмотря на порой довольно резкие высказывания Р.Т. Эрдогана в адрес своих традиционных союзников, Турция, тем не менее, продолжает сохранять связи с США, Евросоюзом, членство в НАТО. Как отмечают В.А. Аватков и А.И. Сбитнева, «перспектива ее выхода из НАТО не соответствует интересам ни одной из сторон. Турция не видит реальных альтернатив НАТО, а страны Запада не намерены выводить из зоны своего влияния страну, геополитически выгодное положение которой позволяет им укрепляться на пространстве Ближнего и Среднего Востока, контролируя его. Негативными (для Запада) последствиями выхода Турции из НАТО стали бы ослабление Альянса, усиление сближения с Россией. Поэтому периодические выражения взаимного недовольства остаются лишь словами – кардинальных перемен в среднесрочной перспективе не предвидится»²⁸¹.

Ситуация, как бы то ни было, продолжает оставаться крайне турбулентной. И это касается не только взаимоотношений страны с США. Отношения Турции с Евросоюзом также нельзя назвать безоблачными. В ноябре 2016 года Европарламент принял резолюцию в пользу замораживания процесса вступления Турции в ЕС, что, естественно, ведет к дальнейшему охлаждению ее отношений со всем Западом в целом. Эта тема довольно обстоятельно освещена в отечественном востоковедении. Можно, в качестве примера, характеризующего степень напряженности этих отношений, сослаться на заседание Совета ассоциации ЕС – Турция, состоявшемся в 2019 году. На этом заседании Анкаре были предъявлены обвинения в нарушении прав человека, претензии на несоответствие турецкой судебной системы европейским стандартам. Несколько позже Турцию призвали прекратить буровые работы, которые она стала проводить в исключительной экономической зоне и континентальном шельфе Кипра. Неудивительно, что Турция, как бы в отместку, напомнила европейцам о возможности открытия мигрантам своих границ на территории стран Евросоюза.

²⁸¹ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. // Свободная мысль, 2020, №2. – С. 115.

Считаем необходимым, тем не менее, еще раз определенно подчеркнуть, что было бы преждевременно и не совсем корректно полагать, что Турция в конечном счете может порвать многолетние союзнические отношения с США и Западом в целом и способна выйти из НАТО. Не следует также слишком оптимистически оценивать контакты Анкары с Москвой. Нельзя забывать об одном из крупнейших кризисов между двумя странами, когда 24 ноября 2015 года военно-воздушными силами Турции был сбит российский самолет Су-24, принимавший участие в операции в Сирии. Открыто антироссийский характер носит участие Турции в провокационных действиях НАТО в Черном море, ее позиция в отношении Крыма. Более того, поставкой беспилотников на Украину Анкара подтвердила свою солидарность с другими членами НАТО, прежде всего, США. Весьма двойственный (а в ряде отношений – и двусмысленный) характер носят ее действия в связи с военной операцией России в этой стране.

Турция ведет свою игру. Как отмечает турецкая журналистка В. Озер, «Турция осуществляет глубокую «стратегическую регулировку», выстраивая весьма тонкий баланс между США, западным союзом и Россией. С одной стороны, Турция говорит Москве: «Не считай, что я у тебя в кармане». С другой стороны, говорит Вашингтону: «Не упускай меня», давая понять, что она выступает за сохранение стратегического союза»²⁸².

Турция вполне определенно стремится заявить о себе как о сильной региональной державе, способной проводить свою амбициозную политику не только в регионе, но и с более дальним прицелом. С учетом существующих геополитических раскладов эта политика не может не быть непротиворечивой и предсказуемой. Вместе с тем, с точки зрения политической элиты страны она по-прежнему остается последовательной, имея целью утверждение ею своего особого места в системе существующего миропорядка.

Как бы то ни было, очевидно, что в последние полтора с лишним десятилетия внешнеполитическая ориентация страны существенно трансформируется. Не

²⁸² Özer V. Stratejikayar // Milliyet, 28.11.2018. URL: <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/verda-ozer/stratejik-ayar-2785685>(датаобращения: 20.01.2020).

отказываясь от идеи вступления в Евросоюз и оставаясь членом НАТО и союзником США, Турция стремится к развитию отношений и с другими государствами. Что касается «Расширенного Ближнего Востока», то можно определенно заключить, что Анкара резко активизирует свою региональную политику, стремясь утвердиться в бывших владениях Османской империи, охваченных политическим кризисом.

Естественно, что для Российской Федерации главным здесь выступает вопрос о характере существующих двусторонних отношений, осуществлении совместных мер по всем возможным направлениям. Безусловно, что даже на возникших платформах существующего сотрудничества для России Турция остается довольно сложным, крайне проблемным партнером. Российско-турецкие отношения переживают периоды подъема и острых противоречий, порой доходящих до серьезных конфликтов, грозящих даже угрозой их разрыва. Скорее всего, такая ситуация будет сохраняться и в дальнейшем.

В Турции постоянно подогреваются страхи и недоверие в отношении России со стороны разного рода сил, выступающих против ослабления связей Анкары с НАТО и, прежде всего, с США, а также тех, которые никак не могут избавиться от исторических обид. Серьезные разногласия между двумя странами возникают в оценке целого ряда событий на Ближнем Востоке. Трудности и противоречия интересов России и Турции проявляются в Сирии. Крайне осложняющими обстоятельствами оборачивается политика Турции уже и не на ближневосточном направлении (Украина, Крым и др.).

Турецкая модель не стала эталоном для ближневосточных стран, о чем говорит провал так называемой «арабской весны». Путаницу в политику Анкары внесла история с попытками Иракского Курдистана в сентябре 2017 года объявить независимость от Ирака. Показательно, что Анкара как бы продолжает входить в коалицию, возглавляемую США, и в то же время поддерживает усилия России и Ирана в их борьбе с ИГИЛ. Ее, в то же время, неоднократно и не без оснований обвиняли в поддержке «Джебхат-ан-Нусры». Более того, Турция поддержала ракетный удар США, Франции и Великобритании в апреле 2018 года

по авиабазе Сирии под надуманным предлогом о химической атаке правительственных сил Сирии против боевиков. Естественно, что заметную неопределенность в позиции Турции вносят также осуществляемые ею военные действия против сирийских курдов, которые активно участвуют в боевых действиях против террористических группировок.

15 марта 2017 года власти Турции приостановили выдачу лицензий на беспошлинный ввоз из России в страну пшеницы, кукурузы, подсолнечного шрота и масла, хотя вскоре эти ограничения были и отменены. Турция, как уже отмечалось, резко выступает против признания присоединения Крыма к России. Безусловно, такая позиция во многом определяется и электоральными соображениями. В Турции проживают около трех миллионов крымских татар, позицию которых на разного рода выборах, особенно президентских и парламентских, власти не могут игнорировать. Тем не менее, это не просто и не только электоральная тактика, Турцией эта политика проводится вполне последовательно. Так, 8 июня 2018 года, выступая перед членами ассоциации культуры и помощи крымским татарам в Анкаре, глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу даже раскритиковал европейские страны, начавшие «забывать» про Крым, в очередной раз напомнив при этом, что Турция не признает Крым российской территорией. Эрдоган осенью 2021 года подтвердил эту позицию в крайне резкой форме, публично заявив о непризнании парламентских выборов на крымской территории. И такого рода обострения возникают систематически.

Как известно, в результате инцидента 24 ноября 2015 года, когда турецкая авиация сбила российский самолет (командир экипажа О. Пешков погиб во время приземления на парашюте в результате обстрела с земли незаконными вооруженными формированиями) российско-турецкие отношения оказались на грани разрыва. Особенно сильный удар взаимоотношениям двух стран был нанесен убийством 19 декабря 2016 года посла России в Турции А. Карлова в Центре современного искусства Анкары на открытии российской фотовыставки. По данным «Reuters», преступником оказался бывший сотрудник спецподразделения полиции Турции.

Тем не менее, в конечном счете, два государства даже в этих крайних обстоятельствах сумели договориться по целому ряду ключевых вопросов, интересующих обе стороны. Этому способствовали различные факторы, в частности, роль России в поддержке Р. Эрдогана во время попытки государственного переворота 16 июля 2016 года, резкое ухудшение отношений этой страны с государствами-членами Евросоюза и США и другие связанные с ними события.

Создавшаяся ситуация подтолкнула руководство Турции в целом и лично президента Р. Эрдогана принести извинения России за сбитый самолет. Анкара проявила готовность установить новую стратегическую ось с Россией в военно-политической и энергетической сфере. В августе 2016 года президент Турции Р.. Эрдоган совершил визит в Санкт-Петербург для встречи с В.В. Путиным, в ходе которого был начат процесс нормализации российско-турецких политических и торгово-экономических отношений. В октябре того же года состоялся ответный визит Путина в Стамбул на Всемирный энергетический конгресс. В результате начался процесс восстановления и развития нормальных политических и торгово-экономических отношений между двумя государствами, сопровождающийся, однако, периодическими сбоями.

В целом можно согласиться с сотрудником Университета Мармара Э. Эрсенем, по мнению которого, «Турция вынуждена поддерживать взаимопонимания с Россией не потому, что она желает их, а потому, что нуждается в них. Если бы у нее были нормальные отношения с Европой и Америкой, ее связи с Россией не имели бы такого значения». Речь при этом идет и об учете энергетического фактора. И хотя, как считает Эрсен, «новая энергетическая взаимозависимость более выгодна России» Турция также извлекает для себя определенную стратегическую выгоду²⁸³.

Именно благодаря нормализации отношений с Россией Турция в общем и целом прекратила, во всяком случае официально, поддержку ИГИЛ. О масштабе и

²⁸³Minoui D. En visite en Turquie, Poutine scelle un rapprochement stratégique avec Erdogan //Le Figaro, 9 Janvier 2020. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/en-visite-en-turquie-poutine-scelle-un-rapprochement-strategique-avec-erdogan-20200108> (дата обращения: 20.01.2020).

состоянии взаимоотношений двух государств свидетельствует череда встреч и телефонных разговоров между В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом.

Начиная с 2004 года состоялись более 30 встреч между президентами и премьер-министрами двух стран. Только в 2017 году, начиная с 10 марта, когда в Москве состоялось заседание российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня, Путин и Эрдоган встретились семь раз. В дальнейшем количество этих встреч только увеличивалось, что определяется расширяющимися связями двух стран в различных сферах общественной жизни, прежде всего, в сфере торгово-экономических отношений, в которых ключевое место занимает обеспечение Турции углеводородными ресурсами. Важно учесть, что в обеспечении Турции энергоресурсами Россия занимает первое место (55 %), Иран – второе, в то время как родственной ей Азербайджан – третье, несмотря на нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

Состояние российско-турецких отношений имеет ключевое значение для реализации ряда энергетических проектов России. Речь идет, в частности, о проектах, связанных со строительством газотранспортных трубопроводов. К настоящему времени построены две ветки газопровода «Турецкий поток» мощностью по 15 млрд. м³ газа в год каждая. Одна ветка предназначена для самой Турции, а вторая – для экспорта газа в страны Южной Европы. В результате Турция превращается в энергетический транзитный узел региона. На южном побережье Турции «Росатомом» возобновлено строительство АЭС «Аккую». Постепенно начал расти в Турции прерванный (хотя и осложненный привходящими обстоятельствами масштабной пандемии) ежегодный поток отдыхающих миллионов россиян, приносящих солидный доход в государственный бюджет страны. Поток, который, очевидно, будет заметно возрастать в связи с осложняющимися проблемами отдыха российских граждан во многих курортных зонах мира.

Особый интерес представляет решение Турции – члена НАТО – о покупке российских комплексов противовоздушной обороны С-400, против чего решительно выступают США и другие члены НАТО. Турция, в отличие от всех

стран НАТО, не стала поддерживать санкции, введенные в результате провокации с отравлением Скрипалей в Солсбери в марте 2018 года. Вместе с тем, можно лишь отчасти поддержать тезис, высказываемый некоторыми экспертами: «В подходах к весьма болезненным для России вопросам турецкое руководство проявляет здравый прагматизм, особенно примечательный на фоне позиций европейских стран и даже некоторых партнеров-друзей России по ЕАЭС и ОДКБ»²⁸⁴. Украинский кризис, в частности, в очередной раз свидетельствует, что проблема выглядит не столь однозначной.

В сфере торгово-экономических отношений ситуация выглядит более определенной. Неприятие в Анкаре вызывают формы нарастающей санкционной борьбы против России. Важно учесть, что Турция проявляет интерес к расширению торгово-экономических связей с ЕАЭС, который, в свою очередь, ведет переговоры о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с Ираном, Египтом, Индией и Сингапуром. Проблема создания ЗСТ с Россией упирается в то, что, как указывает эксперт РИСИ В. Холодков, «заключать любые соглашения о зоне свободной торговли с третьими странами мы имеем право только от ЕАЭС и после согласования со всеми странами союза». И в данном вопросе стремление Турции получает отпор со стороны Армении. Тем самым чисто торгово-экономическая проблема приобретает политическую окраску.

С учетом противоречий и разногласий, существующих между двумя государствами, не следует все же делать вывод о перспективах выстраивания достаточно плотных взаимоотношений между Россией и Турцией по целому ряду стратегических направлений; говорить о некоем «сверхпрочном характере» этих взаимоотношений также не приходится.

Суть внешнеполитической стратегии Анкары, независимо от конкретного курса в отношениях с Западом в целом, Россией, Китаем, состоит в реализации ее главной цели – превращения Турции в ведущую региональную державу

²⁸⁴ *Мальшева Д.Б.* Турция и Иран в южном пограничье России: проблемы взаимовлияния // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». URL: <https://vroanalytics.com/2015/06/20/>(дата обращения: 20.01.2020).

«Расширенного Ближнего Востока», рассматриваемого ею в качестве трамплина для укрепления своих позиций на глобальном уровне.

В этой связи следуют особо выделить тенденцию использования Анкарой в своей политической стратегии турецкого имперского национализма, сформулированного еще основателем государства Мустафой Кемалем Ататюрком.

После победы Партии справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом на выборах 2002 года идеология «неосманизма» (Neo-Osmanlicilik) начала занимать одно из центральных мест во внутренней и внешней политике этой страны. Можно утверждать даже, что неосманизм стал своего рода неофициальной идеологией государства. Эта идеология нацеливает Турцию на обретение собственного ближневосточного, а также балканского, кавказского, центральноазиатского измерений²⁸⁵.

Этот тренд обозначил относительный отход от идеологии Ататюрка, принципы которой известны как «шесть стрел», куда входят республиканское устройство государства, светское государство, народность, вестернизация, этатизм и национализм. Эти базовые принципы окончательно были закреплены в конституции 1937 года, однако не все из них остаются незыблемыми.

Хотя статья 136 турецкой Конституции, которая была принята в 1982 году, предписывает, что Управление по религиозным делам (Diyanet) должно функционировать, во-первых, на принципах секуляризма, а во-вторых – способствовать национальному единству, вместе с тем в идеологии неосманизма замечаются некоторые подвижки. Показательным, в частности, является его позиционирование в отношении к исламу. В период ранней республики турецкое руководство одобряло французские методы секуляризации и стремилось заменить религию светским национализмом. В этом смысле интерес представляет то, что в стране со времен основателя Турецкой Республики Ататюрка радикальные течения в исламе находились под запретом. Вплоть до 1991 года в Уголовном

²⁸⁵Мальшева Д.Б. Там же.

кодексе Турции оставалась в силе статья 163, согласно которой было запрещено использование ислама в политических целях.

В то же время важно учесть, что отношения между светской властью и исламом характеризовались достаточной гибкостью. Ислам служил значимым фактором сплочения единой турецкой нации и дополнял, по замечанию Гюнтера Сойферта ²⁸⁶, космологическим измерением светский патриотизм. Это естественным образом обеспечивало его привилегированное положение.

После 2002 года к власти стали активно привлекаться к люди с религиозным образованием. И хотя ситуация продолжает оставаться достаточно сложной (один из видных турецких исламских теоретиков современности и член парламента от правящей партии профессор Мехмет Айдын констатирует даже наличие сохраняющегося раскола между светским государством и консервативно настроенным населением), власти начинают осознавать, что решение проблем современности невозможно без вовлечения в политические процессы широкого круга граждан и гражданских объединений. В этих условиях религия видится ими способной стать своеобразной моральной скрепой, связывающей политическую элиту и нацию.

Предполагается при этом, что и теология должна модернизироваться с учетом требований современного общества. Для такой модернизации, как считает Айдын, теологическим факультетам и Управлению по религиозным делам должна быть предоставлена автономия для свободного интеллектуального поиска. В качестве альтернативы секуляризации на основе жесткого отделения религиозных институтов от государства предлагается модель построения современного общества, гарантирующего гражданам все базовые права и свободы, с сохранением религиозного компонента и даже с повышением его веса и значимости в обществе.

В рамках нового взгляда на теологические вопросы Управление по религиозным делам провело в 2002 году широкие слушания о роли и месте

²⁸⁶Seufert G. Religion: nation-building instrument of the state or factor of civil society? // Turkey beyond nationalism. London; New York: I.B. Tauris, 2006. P. 136.

женщины в обществе. По результатам этих слушаний теологи пришли к выводу, что мужчины и женщины онтологически равны, несут равное наказание за свои грехи и имеют равные шансы на спасение. В то же время было подчеркнуто, что ряд положений Корана не имеет вневременного значения, так как он был послан людям в определенную эпоху и не может не нести отпечаток той эпохи. Таким образом, было официально заявлено, что светская модернизация может оказать благотворное влияние на религию, если не будет противопоставлять религиозные институты государственным.

Новые тенденции в политической жизни Турции были обусловлены целым комплексом факторов. Во-первых, возникла необходимость внести корректировки в традиционный кемализм, который демонстрировал свое неизменно скептическое настроение по отношению к религии, в то время как большая часть населения Турции продолжала оставаться верующими мусульманами. Во-вторых, речь шла и о стремлении убедить Евросоюз, куда Турция стремится вступить, в том, что исламские ценности не противоречат европейским и тем самым и в глазах населения «Расширенного Ближнего Востока» предстать в качестве защитника всего мусульманского мира.

В последние годы (примерно полтора десятилетия) можно, таким образом, достаточно четко выявить «ограниченное ослабление» традиционной государственной парадигмы Турецкой республики. С одной стороны, на этот процесс существенное влияние оказывает экономическая либерализация, а с другой – усиливается роль ислама в обществе. В Турции во всевозрастающей степени проявляется тенденция к трансформации в сторону исламизации и сохранению в новых формах авторитарных тенденций той модели турецкого режима, которая была установлена Кемалем Ататюрком.

В главном все же осью неоосманизма остается его геополитическая составляющая, где сплетаются воедино пантюркистские и панисламистские установки.

Для России и постсоветского пространства геополитические амбиции неоосманизма могут стать серьезной угрозой для ее национальной безопасности.

Действительно, одним из результатов распада СССР и появления новых независимых государств с тюрко-язычным населением стало как бы второе рождение в определенных кругах интеллектуальной и политической элиты идей пантюркизма, предусматривающая объединение тюрко-язычных народов в тюркское государственное образование – Туран. Политическая и интеллектуальная элита, руководство Турции ставили и продолжают ставить своей целью вдохнуть новую жизнь в традиционную идею пантюркизма и единения тюркского мира. Эти свои выводы они проецируют и на тюркские народы постсоветского пространства.

Заметные очертания политика в этом направлении приняла еще при президенте Т. Озале (1989–1993), который выступил вдохновителем проекта создания единого политико-экономического пространства тюркских государств, своего рода «содружества тюрко-язычных государств» Евразии. В начале 1992 года при министерстве иностранных дел Турции было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТІКА). Действуют организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), Тюркская Парламентская ассамблея, Совет старейшин и Тюркская Ассамблея. Немаловажное значение придается саммитам тюрко-язычных государств, которые начали регулярно проводиться с 1993 году. Особенно активно Турция действует в азербайджанском направлении, на котором она добилась наиболее значимых успехов, особенно при президенте А. Эльчибее. Турция остается самым решительным сторонником Азербайджана по карабахскому вопросу. Свое присутствие и влияние Турция существенно усилила в Аджарии. Предметом пристального внимания в растущей степени становятся страны Центральной Азии.

В 2010 году в Стамбуле был создан Совет сотрудничества тюрко-язычных государств в составе Турции, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Киргизии, призванный решать энергетические и экономические проблемы. На IV саммите Совета, состоявшемся в июне 2014 года в турецком городе Бодрум, были обсуждены проблемы транспортировки каспийских углеводородов в

Европу, а также подписана декларация «Тюркский совет – современный Шелковый путь».

В январе 2013 года по инициативе Турции учреждена «Евразийская ассоциация правоохранительных органов с военным статусом» в составе Турции, Азербайджана, Кыргызстана и Казахстана, которая должна, согласно своим уставным положениям, расширить сотрудничество между ними в вопросах, касающихся противодействия организованной преступности, терроризму и контрабандной деятельности, активности радикальных «исламистских» групп.

Для постсоветских государств с преобладающим мусульманским населением привлекательность Турции обусловлена ее имиджем как государства, в котором преобладает светская по своим системообразующим характеристикам форма государственного устройства с элементами политической демократии и умеренным тарикатом ислама, хотя в последние годы режим Эрдогана демонстрирует крен в сторону исламизации страны. Представляя собой пример перехода от империи к национальному государству и последовательной европеизации, с одной стороны, и развитой исламской страны, имеющей потенциал к экспансии, с другой стороны, Турция, по расчетам ее политической элиты, может служить привлекательной моделью для политических элит тех народов и государств, которые в настоящее время испытывают трудности в выборе собственного пути развития.

Естественно, что такая политика не может не затрагивать национальные интересы России в целом и задачи обеспечения ее национальной безопасности в частности. Турецкая модель, подкрепляемая идеями пантюркизма и в растущей степени – панисламизма, может быть использована в качестве «мягкой силы» против России в случае обострения международной обстановки. Главной проблемой является, безусловно, проблема Крыма, но не только.

Так, в России, в Казани, действует турецкое генеральное консульство, причем Татарстан активно развивает с Турцией двусторонние торгово-экономические связи. Стоит упомянуть и о том, что летом 2017 года в столице Татарстана прошел ряд митингов, организатором которых выступила организация

татарской молодежи «Азатлык», которая ставит целью выход Татарстана из состава Российской Федерации. Анкара, прямо вмешиваясь во внутренние дела России, выразила резкое недовольство предстоящей отменой поста Президента этой республики. В турецкой прессе остаются частыми выпады против политики российского руководства в отношении ряда исламских организаций радикальной направленности.

В целом, однако, у тюрко-язычных народов России эти установки, в конечном счете, ожидаемой пантюркистами масштабной реакции не находят. В центральноазиатских республиках ситуация является более сложной. Достаточно отметить, что во время недавних кризисных событий в Казахстане в общественном сознании части политической и интеллектуальной элиты присутствовали соображения привлечь для подавления беспорядков силы не ОДКБ, но Турции, хотя никакими положениями соответствующих межправительственных соглашений такие возможности не предусматриваются.

Заключая, можно отметить, что Турция целенаправленно проводит политику усиления своего влияния на «Расширенном Ближнем Востоке». Отказавшись от бывшего ее одностороннего «евроцентризма», все большее внимание она стала уделять странам региона, усиливая здесь свое экономическое и, где это только возможно, и военное присутствие. Анкара лавирует в системе противостояния мировых держав. Она сохраняет свои связи с США и НАТО, по-прежнему стремится вступить в Евросоюз, хотя и всячески (вплоть до самых резких форм) пытается демонстрировать свою самостоятельную линию. Во влиятельных кругах в стране продолжают поддерживаться модифицированные идеи пантюркизма, которые они стремятся распространить в ареале всего тюрко-язычного населения, включая соответствующие территории России и постсоветского пространства. Повернувшись к политике «умеренного исламизма», Турция стремится выдать себя за защитника всего мусульманского мира.

Турция в то же время стремится развивать активные отношения с Россией, взаимовыгодные для обеих сторон. Российская Федерация укрепляет экономические и иные связи с Турцией, во многих случаях осуществляя и

совместные действия в борьбе с международным терроризмом. Россия отдает, вместе с тем, полный отчет в том, что цель Анкары – превращение страны в ведущую региональную державу, в более дальней перспективе – обеспечение своего лидерства во всем тюркоязычном и даже мусульманском мире в целом, и любые союзы для нее имеют значение только в этих измерениях.

Характеризуя позиции Турции в аспекте проблем утверждения многополярного мира, мы можем зафиксировать, что, с одной стороны, она выступает примером государства, испытывающего не только острейшую потребность в утверждении такой модели, но стремящегося со своих позиций активно воплотить ее в политические реалии; с другой стороны – ее политические амбиции свидетельствуют и о том, что предстоит еще напряженная деятельность по утверждению должных параметров нового миропорядка, обеспечивающих реализацию его объективных преимуществ, гарантий стабильности в международных отношениях.

3.3. Стратегические ориентиры Ирана в геополитических реалиях Ближнего и Среднего Востока²⁸⁷

Исламская Республика Иран (ИРИ) – одно из самых влиятельных государств Расширенного Ближнего Востока. Дипломатические контакты России с Персией берут начало в XVI веке. Иран занимает весьма выгодное геополитическое положение на перекрестке Кавказа, Центральной Азии, Прикаспийского региона и Южной Азии. У ИРИ через Персидский залив есть выход к открытым морям, прежде всего, к Индийскому океану, соответственно, к мировым рынкам, в первую очередь, энергоносителей. Ирану принадлежит южный участок акватории Каспийского моря, он граничит при этом с Азербайджаном и Арменией на Южном Кавказе и Туркменией в Центральной Азии. Тем самым Иран подпирает центральноазиатский и южно-кавказский участок южного «подбрюшья» Российской Федерации.

Иран граничит с Афганистаном и Пакистаном, имеет довольно удобные пути доступа в Индию, Китай, и страны АСЕАН, что сулит ему возможность подключиться к инициативе «Один пояс – один путь». Иран с населением почти в 85 млн чел. представляет собой значимую составляющую мировой экономики,

²⁸⁷ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Ханалиев Н.У. Треугольник "Россия – Турция – Иран" в контексте стратегии США на Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». Т. 21, №1. 2019. – 66-77 с; Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке. Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 143-152; Ханалиев Н.У. Россия как альтернативный США актер на Ближнем Востоке // Вопросы политологии. – 2018. – № 3(31). – С. 92-103; Ханалиев Н.У. Россия, Иран, Китай: вопросы совместимости интересов // Вопросы политологии. – 2020. – № 4(56). Т. 10. – С. 1197-1205; Ханалиев Н.У. Особенности Америко-Иранских отношений на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 1. – С. 187-198; Ханалиев Н.У. Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально Азиатский регион. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205-225.

занимая 25 место среди крупнейших экономик мира. Он располагает крупными углеводородными ресурсами: на его долю приходится 10 % доказанных мировых запасов нефти и 15 % запасов природного газа²⁸⁸. Иран является членом ОПЭК, решения которой оказывают серьезное влияние на мировые цены на энергоносители.

Важно учесть также, что Иран является центром мирового шиизма. Тегеран, наряду с Турцией и Саудовской Аравией, обладает самыми мощными в регионе вооруженными силами, опирающимися и на идеологизированные шиитские группировки, члены которых готовы отдать жизнь за «идеалы Исламской революции». Практическим воплощением таких группировок выступают ударные подразделения вооруженных сил в лице Стражей Исламской революции.

Исламская Республика Иран представляет собой многонациональное государство с преобладающим шиитским населением. Помимо множества других народов, здесь проживают около полумиллиона армян и, по разным данным, от 10 до 20 млн. азербайджанцев, которые так или иначе связаны с Арменией и Азербайджаном соответственно, а также с Россией.

Взаимоотношения между Россией и Ираном прошли весьма сложный и тернистый путь формирования и развития. 20 мая 1920 года правительства РСФСР и Персии обменялись нотами о взаимном признании. После распада СССР 25 декабря 1991 года Иран выразил готовность продолжать отношения с Россией как государством-преемником СССР. Он входит в число стран, которые стремятся установить и расширить добрососедские отношения с Россией.

Значимость Ирана определяется тем фактом, что он занимает одно из самых ключевых мест в раскладе геополитических сил на Большом Ближнем Востоке. Как отмечали участники дискуссии о перспективах развития кризиса вокруг иранской ядерной программы, организованной Советом по внешней и оборонной политике, Центром исследований постиндустриального общества и журналом

²⁸⁸ 40 лет Исламской Республике Иран: (Коллективная монография) / Отв. ред. М. С. Каменева, И. Е. Федорова // Арабаджян З.А., Бехештипур Х., Гладкова Е.Л., Дружиловский С.Б., Дунаева Е.В., Евсеев В.В., Каменева М.С., Карасова Т.А., Мамедова Н.М., Мохагег А., Мирмусави С.А., Обухова А.Н., Полищук А.И., Сажин В.И., Талатчян Ю.А., Федорова И.Е., Хагигат С.С., Юртаев В.И. Ин-т востоковедения РАН.–М.: ИВ РАН, 2020.–358 с.

«Россия в глобальной политике» при участии Московского центра Карнеги, с ситуацией вокруг Ирана связаны такие существенные проблемы мировой политики, как «борьба с терроризмом и государствами, которые его поддерживают, противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ), перспективы демократизации Большого Ближнего Востока и возможность модернизации ислама, столкновение противоположных подходов к решению международных кризисов – силового, проповедуемого значительной частью нынешней администрации США, и эволюционного, за который выступают большинство стран Европы и Россия». Участники дискуссии подчеркнули, что вся эта ситуация «принципиальным образом повлияет на будущее не только самой страны, но и всего взрывоопасного региона, простирающегося от Средиземного моря до Индийского океана. От того, как разрешится эта коллизия, в значительной степени зависит, каким путем пойдет вся мировая политика»²⁸⁹.

В этой связи особого внимания заслуживает позиция руководства США в отношении Ирана.

Начиная с Исламской революции 1979 года, которая нанесла огромный ущерб международному имиджу США, Вашингтон был нацелен на смещение пришедшего тогда к власти режима. Эта установка приобретала временами особо жесткие формы. Противостояние двух государств при этом не могло не принимать глобальных измерений.

Не ставя целью анализ всех перипетий американо-иранских отношений, выделим лишь блок проблем, связанных судьбами Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) или Иранского ядерного соглашения, заключенного между шестью странами – Россией, Китаем, США, Великобританией, Францией и Германией в 2015 году. Это соглашение, предусматривающее ограничение ядерных разработок Тегерана в обмен на отмену санкций СБ ООН, США и ЕС, было достигнуто в результате весьма трудного переговорного процесса и мировым сообществом было вполне обоснованно воспринято как весьма позитивный шаг на пути ограничения распространения ядерного оружия.

²⁸⁹Исмагилов С.И., Суслов Д. Иранский тест для великих держав // Россия в глобальной политике. 2004. № 1.

Так, посол Германии в Вашингтоне П. Виттиг при констатации: «Мы по-прежнему очень реалистичны в отношении проблемной роли Ирана в регионе», совершенно определенно заявлял в то же время: «Ядерное соглашение помогает в значительной степени предотвратить получение Ираном ядерного оружия»²⁹⁰. В июне 2017 года бывший тогда министром иностранных дел ФРГ З. Габриэль также оценивал соглашение как «большой знак надежды» и «историческое окно» для возобновления связей. По имеющимся данным в СМИ, ряд высокопоставленных чиновников структур безопасности Израиля, которые в целом выступали против шагов президента Б.Х. Обамы в сторону Тегерана, заключили, что соглашение открывает перспективы определенной разрядки в регионе. Даже представители правящей династии Саудовской Аравии, которые на предварительных переговорах выражали сильнейшие сомнения, вынуждены были позже (при сохранении полной враждебности к Ирану в целом) в этом конкретном вопросе также во многом пересмотреть свою позицию.

Да и многие авторитетные американские эксперты высказывались вполне недвусмысленно У.Дж. Бернс и Дж. Салливен, активно участвовавшие в подготовке и принятии ядерного соглашения, писали: «Мы живем не в идеальном мире. Дипломатия требует идти на весьма неудобные компромиссы. И ядерное соглашение с Ираном представляет собой лучшую из возможных альтернатив. Она лишает Иран инструментов для создания бомбы, в значительной мере и на долгий срок сокращает его ядерную программу и предполагает беспрецедентно жесткий контроль со стороны международного сообщества»²⁹¹.

8 мая 2018 года Президент США Д. Трамп, как известно, анонсировал односторонний выход США из соглашения. В качестве главного аргумента в обоснование своего решения Трамп приводил обвинение в адрес Ирана как «террористического государства номер один», не «уважающего США». С такой

²⁹⁰ *Tharoor I.* The U.S. and Iran are heading toward crisis // The Washington post, July 19, 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/>(дата обращения: 20.01.2020).

²⁹¹ *Burns W.J. and Sullivan J.* The Smart Way to Get Tough with Iran // The New York Times, September 21, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/21/opinion/iran-trump-nuclear-deal-.html>(дата обращения: 20.01.2020).

же риторикой выступил, будучи главой Пентагона, Дж. Мэттис, который также определил Иран в качестве одного из главных спонсоров терроризма²⁹².

Трамп вернул уже снятые Обамой санкции против Ирана, развернув одновременно широкомасштабную кампанию по принуждению своих союзников и других государств к продолжению режима санкций. Более того, Белый дом начал раунд новых санкций с целью свести к нулю доходы Ирана от экспорта нефти. Ряд ведущих иранских банков был отключен от системы SWIFT.

Вводя режим санкций, администрация США довольно резко противопоставила себя всему шиитскому миру, в отношении к которому ее предшественники стремились проводить более тонкую политику, демонстрируя тем самым больший поворот в сторону суннитской части арабского мира. Французский аналитик Э. Юссон выделяет несколько факторов такого поворота: «Прежде всего, Д. Трамп хочет стабильности доллара: ему проще добиться этого с помощью резервов Аравийского полуострова (он может контролировать их), чем с помощью ресурсов Ирана, которые неподконтрольны Америке с 1978 года. Далее, президент США стремится любой ценой сохранить контроль над морями, что отвечает старой геополитической теории Маккиндера о противостоянии континентальной и морской державы. В такой перспективе для Д. Трампа опять-таки интереснее контролировать Аравийский полуостров, чем идти на компромисс с Ираном. Здесь ему также совершенно необходимо не допустить сближения Ирана с Турцией, поскольку та будет идти против Израиля»²⁹³.

Такие объяснения заслуживают, конечно же, своего внимания, но на деле зигзаги государственной политики США в отношении Ирана нужно искать в более глубокой плоскости. И об этом откровенно говорят сами государственные деятели Соединенных Штатов. Объясняя санкции, тогдашний госсекретарь М. Помпео констатировал: «Наша конечная цель – убедить режим отказаться от их

²⁹² Иранский вопрос: новая угроза отношениям России и США // ВФМ,6 февраля 2017. URL: <https://www.bfm.ru/news/345914> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁹³ *Pinate IJ.-B., HussonE.* La planète est-elle plus instable que jamais maintenant qu'il n'y a plus de gendarme du monde évident?// Atlantico, 28 février 2019. URL: <https://www.atlantico.fr/decryptage/3567061/la-planete-est-elle-plus-instable-que-jamais-maintenant-qu-il-n-y-a-plus-de-gendarme-du-monde-evident--jean-bernard-pinatel-edouard-husson> (дата обращения: 20.01.2020).

нынешнего революционного курса. У иранского режима есть выбор – либо развернуть на 180 градусов свой курс и действовать как нормальная страна, либо увидеть развал экономики»²⁹⁴, «самые жесткие санкции, когда-либо вводимые, заставят Иран изменить свое поведение на международной арене»²⁹⁵. «Я в высокой степени уверен, что санкции, которые будут возобновлены, возымеют желаемый эффект, направленный на изменение иранским режимом своего поведения»²⁹⁶. Сам же Д. Трамп, оправдывая свои решения, прямо заявлял что санкции «уже оказывают разрушительное воздействие на иранскую экономику»²⁹⁷.

Угрозы в адрес Ирана Д. Трамп совмещал с предложениями начать переговоры о заключении нового договора, разумеется, на условиях США. «Вашингтон предъявляет к Ирану довольно широкий спектр требований, среди которых открытие его ядерной программы для МАГАТЭ, предоставление ему неограниченного доступа к ядерным разработкам, «прекращение обогащения урана, полный отказ от переработки плутония и закрытие тяжеловодного ядерного реактора»²⁹⁸. США требовали также полного отказа Ирана от производства баллистических ракет, вывода всех иранских вооруженных формирований с территории Сирии и т.д.

Неукоснительное выполнение этих требований, как того требовало руководство США, означало бы фактический отказ Тегерана от программы мирного атома. Но это только часть задачи. На деле речь шла о том, чтобы изменить внешнеполитический курс Ирана и в конечном счете сменить существующий в стране политический режим, или, иначе говоря, о требовании безоговорочной капитуляции Исламской Республики Иран перед США.

²⁹⁴Приведено по: День X: США ввели санкции против Ирана. Минфин США опубликовал список санкций против Ирана // Газета.ru, 05.11.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml (дата обращения: 20.01.2020).

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Асатрян Г. США подталкивают Иран к полному краху // Гражданин Созидатель, 5 ноября 2018. URL: <http://www.grso.ru/articles/ssha-podtalkivayut-iran-k.html> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁹⁷ Американские санкции против Ирана вступили в силу // РИА Новости, 05.11.2018. URL: <https://ria.ru/world/20181105/1532137186.html> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁹⁸ День X: США ввели санкции против Ирана. Минфин США опубликовал список санкций против Ирана // Газета.ru, 05.11.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml (дата обращения: 20.01.2020).

Более того Вашингтон потребовал ввести санкции также против тех стран и компаний, которые будут вести дела с Ираном. С неприкрытыми угрозами выступил, в частности, тогдашний министр финансов США С. Мнучин: «Если физлицо или предприятие будет участвовать в транзакциях, которые нарушают санкционный режим, то мы будем вводить санкции против активности, направленной на преодоление санкций. Вы увидите одно из самых быстрых решений о включении в санкционный лист.»²⁹⁹.

Действия администрации Трампа не вызвали однозначной поддержки даже в Соединенных Штатах. Как отмечал президент Национального иранско-американского совета по нормализации отношений между США и Ираном Т. Парси, «вместо того, чтобы вести диалог с Тегераном для разрешения оставшихся споров, как это сделал каждый из наших европейских союзников, администрация Трампа выбрала эскалацию напряженности и отказ от возможностей прийти к взаимопониманию»³⁰⁰. Можно предположить даже, что в неизбрании Трампа на второй президентский срок выход из ядерного соглашения сыграл свою определенную роль.

Но настоящим провалом для Вашингтона стало практически полное неприятие его позиции ведущими западными державами. Следовать политике США отказались ведущие государства Евросоюза – Германия, Франция, Великобритания («евротройка»), сохраняя свое участие в ядерной сделке с Ираном. Чтобы преодолеть технические трудности, они запустили «Инструмент поддержки торговых расчетов» (Instrument for Supporting Trade Exchanges – INSTEX) и «Механизм специального назначения» (Special Purpose Vehicle – SPV), с помощью намереваются продолжить взаимовыгодные торгово-экономические отношения с Ираном, прежде всего, в энергетической сфере и экспорте в эту страну своих товаров. На этом пути они оказались вынуждены перевести

²⁹⁹ Минфин США опубликовал список санкций против Ирана // Газета.ru, 05.11.2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/05_a_12047923.shtml (дата обращения: 20.01.2020). Отчасти эти угрозы действовали. Так, польский нефтяной концерн «Orlen» отказался от покупки иранской нефти, в результате ее импорт из Ирана сократился на 34% – до 2,13 млн (Асатрян Г. США подталкивают Иран к полному краху // Гражданин Созидатель, 5 ноября 2018. URL: <http://www.grso.ru/articles/ssha-podtalkivayut-iran-k.html> (дата обращения: 20.01.2020).. Индия также приняла решение о некотором сокращении импорта иранской нефти.

³⁰⁰Ibid.

взаиморасчеты с ИРИ с американских долларов на евро, тем самым минуя финансовую систему США и избегая американских санкций³⁰¹.

На политическом уровне высказывания были еще более резкими. Президент Франции Э. Макрон в своем выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2018 года заявил: «Принимая односторонние решения, наши американские союзники помыкают нами, и этот подход привел напрямую к изоляции и конфликтам в ущерб каждому»³⁰². Комментируя эти реалии, сотрудница Европейского совета по международным отношениям Э. Геранмайе совершенно справедливо отметила существование «четкого разделения между направлением европейцев и американцев в отношении Ирана. Европейцы встали на путь сближения. США выбирают политику изоляционизма и сдерживания»³⁰³. А У.Дж. Бернс и Дж. Салливен, давая оценку такой политики Соединенных Штатов, заявили, что она «превращает Вашингтон – а вовсе не Тегеран – в дипломатического отщепенца и лишает наших партнеров желания придерживаться жесткой позиции по отношению к Ирану в будущем»³⁰⁴.

Меры, принятые рядом государств-членов Евросоюза для сохранения торгово-экономических связей с Ираном, были восприняты Вашингтоном крайне негативно. На Ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2018 года государственный секретарь США М. Помпео выразил свою «обеспокоенность и глубокое разочарование» их действиями: «Это одна из самых контрпродуктивных мер для регионального и глобального мира и безопасности, какую только можно себе представить»³⁰⁵. Серьезная озабоченность, в частности, была высказана складыванием нового платежного механизма. Его введение в нефтяной сфере, как

³⁰¹ Оценивая значимость принятия данного механизма, 31 января министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас заявил: «Этот шаг делает очевидным, что мы также идем своим путем, решительным и единым путем в рамках Европейского союза – даже если другие придерживаются иной точки зрения» (Бунт против Трампа: Европа не сдала Иран // Газета. Ru, 1 февраля 2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/02/01_a_12158413.shtml (дата обращения: 20.01.2020)).³⁰¹

³⁰² World upside down as EU and Russia unite against US //EUObserver,26.09.2018. URL: <https://euobserver.com/foreign/142953> (дата обращения: 20.01.2020).

³⁰³ Ibid.

³⁰⁴ Burns W.J. and Sullivan J. The Smart Way to Get Tough with Iran // The New York Times, September 21, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/21/opinion/iran-trump-nuclear-deal-.html> (дата обращения: 20.01.2020).

³⁰⁵ EU, China and Russia in move to sidestep US sanctions on Iran. Special Purpose Vehicle aims to keep Iran in 2015 nuclear deal with barter system //The Guardian, September 26, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/26/eu-china-and-russia-in-move-to-sidestep-us-sanctions-on-iran> (дата обращения: 20.01.2020).

заявил один из сотрудников администрации бывшего президента США Обамы Дж. Бланк, «в долгосрочной перспективе положит начало деградации санкционной власти США»³⁰⁶. Естественно, что со стороны США последовало предупреждение: «Европейские банки и компании, принимающие участие в специальной инициативе Евросоюза по защите торговли с Ираном, окажутся под угрозой вторичных американских санкций»³⁰⁷. Была оглашена инициатива проведения в Варшаве 13-14 февраля 2019 года конференции по Ближнему Востоку

Симптоматично, что государства-члены Евросоюза, за исключением Польши, весьма прохладно отнеслись к этой инициативе, отметив, что она «несет опасность разрушения европейского единства»³⁰⁸. В Кремле тем более заявили, что Россия не согласна с оценкой, которую Вашингтон дал Ирану, и подчеркнули, что Москва дорожит партнерскими отношениями с этой страной. Обосновывая свое решение не участвовать в варшавской конференции, представитель МИД Российской Федерации М. Захарова заявила, что на ней «речь идет о попытке сплотить кого получится на антииранской основе, создать предпосылки к окончательному слову «Совместного всеобъемлющего плана действий» по иранской ядерной программе, перенаправить усилия по сирийскому и йеменскому урегулированию в антииранское русло». В заявлении МИД России констатировалось также, что «у участников не будет возможности влиять на содержание итоговых решений форума, которые, как заявили сопредседатели – США и Польша³⁰⁹, – будут оформлены в виде их собственного «резюме», не подлежащего обсуждению»³¹⁰. Вместо таких односторонних подходов,

³⁰⁶ Ibid.

³⁰⁷ «Антииранский цирк» в Варшаве: США делают из Польши разрушителя ЕС? // Вся Правда. URL: <http://allpravda.info/antiiranskiy-tsirk-vvarshave-ssha-delayut-izpolshi-razrushitelyaes-76648.html> (дата обращения: 20.01.2020).

³⁰⁸ Глава дипломатии Евросоюза Ф. Могерини предпочла участвовать в сессии ассамблеи Африканского союза, состоявшейся в Аддис-Абебе 10–11 февраля, т.е. за два дня до конференции в Варшаве.

³⁰⁹ Руководство Ирана довольно резко осудило действия Варшавы. В частности, была отменена «Неделя польского кино», которая должна была пройти в Иране 27 января–1 февраля. Была аннулирована договоренность о сотрудничестве между Тегеранским музеем современного искусства и посольством Польши в ИРИ.

³¹⁰ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с инициативой проведения в Варшаве 13-14 февраля 2019 г. конференции по Ближнему Востоку // Министерство иностранных дел России. URL: <https://www.voltairenet.org/article204906.html> (дата обращения: 20.01.2020).

отмечалось в заявлении, Москва предлагает коллективные действия заинтересованных сторон по поиску консенсусных компромиссных решений, направленных «на снижение конфронтации и урегулирование всех имеющихся проблем политико-дипломатическими методами на основе международного права и при центральной роли ООН»³¹¹.

Понятно, что в таких условиях и духовное руководство страны, и правительство Ирана обоснованно заключили, что любые переговоры с США на условиях последних не имеют смысла. Президент страны Х. Рухани, по сообщению новостного агентства «Tasnim», 7 марта 2019 года поставил условием начала переговоров по ядерной программе возвращение руководства США в рамки Иранской ядерной сделки, отмену в полном объеме от санкционного режима, отказ от враждебной политики по отношению к Исламской Республике³¹².

Стойкость иранской дипломатии заслуживает особой оценки, имея в виду то, что политика США, особенно санкции, оказывает, конечно же, весьма серьезное влияние на экономику и, соответственно, на социальную сферу и внутривнутриполитическое положение в стране. О масштабности проблем говорит, например, тот факт, что с апреля 2018 года за короткий период времени упал в два раза курс динара, заметно ускорился рост цен и безработицы, целая группа стран и международных корпораций отказалась покупать иранскую нефть. Санкции существенно осложнили положение правительства, что повлекло за собой выход из него нескольких влиятельных должностных лиц. На позициях реформаторского крыла негативно отражаются неблагоприятное положение в сфере безопасности, социальная и политическая нестабильность, террористические акты, при том, что силовой блок подчиняется большей частью не правительству, а верховному духовному руководителю страны. Существенным фактором осложнения внутривнутриполитической ситуации в стране служат подрывная

³¹¹ Там же.

³¹² Рухани: Если США хотят переговоров с Ираном, пусть вернутся к СВПД// Империя, 7 марта 2019. URL: <http://www.imperianews.com/details/a1a3023a-de40-e911-80fc-020c5d00406e> (дата обращения: 20.01.2020).

работа некоторых оппозиционных сил, а также действия разного рода террористических группировок³¹³.

Перед Ираном стоят множество теснейшим образом взаимосвязанных и взаимно стимулирующих друг друга и весьма трудно разрешимых проблем внутривластного и внешнеполитического характера.

Безусловно, одним из главных приоритетов для Тегерана является восстановление сколь-нибудь взаимоприемлемых соглашений с Вашингтоном. Последние заявления о ядерном соглашении Дж. Байдена могут внушать осторожный оптимизм, хотя речь вряд ли пойдет о простом возврате к прежним условиям. Предстоит, скорее всего, достаточно напряженный торг, в котором Ирану еще предстоит отстаивать свои позиции. Пользуясь разногласиями европейских стран с Соединенными Штатами, Тегеран будет, несомненно, наращивать усилия на этом направлении. В Иране, впрочем, с учетом режима сохраняющихся еще санкций, нет уверенности в стабильности и надежности таких отношений. Показательно, что в преддверии ожидаемых переговоров с Западом, верховный духовный руководитель ИРИ Хаменеи призвал правительство страны быть осторожным в отношениях не только с Соединенными Штатами, но и с Европой, чтобы «не быть обманутым ею и не создать проблемы для Ирана»³¹⁴.

В любом случае можно заключить, что близорукая политика Вашингтона резко усилила антиамериканские настроения в стране, способствовала политической мобилизации населения в борьбе против американского диктата. В этом плане весьма показательной является реакция Тегерана на начавшиеся

³¹³ Речь, в частности, идет о террористических актах 7 июня 2017 года в Тегеране, в сентябре 2018 года в городе Ахваз. Особенно резонансным стал подрыв 13 февраля 2019 года террористом-смертником за рулем заминированного автомобиля рядом с автобусом Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в провинции (остане) Систан и Белуджистан. По сообщению агентства «IRNA», жертвами террористической атаки, за которую ответственность на себя взяла суннитская экстремистская группировка «Джейш аль-Адль», стали 27 человек. Показательно, что иранские власти заявили о причастности к этому теракту американских спецслужб. Командующий воздушно-космическими войсками КСИР генерал А. Хаджи заде выступил с угрозами в адрес США, утверждая, что целый ряд американских военных баз в Катаре, Объединенных Арабских Эмиратах, Афганистане и другие военные объекты находятся в поле досягаемости иранских баллистических ракет, способных с точностью поразить цели в радиусе 700 километров.

³¹⁴ Иранские консерваторы атакуют реформистский кабинет: Рухани держит удар//EADaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/03/01/iranskie-konservatory-atakuyut-reformistskiy-kabinet-rouhani-derzhit-udar> (дата обращения: 20.01.2020).

заигрывания с ним США после известных решений правительства России об изменении расчетов в валите в энергетической сфере. Какие-то частные преференции Иран, очевидно, из сложившейся ситуации постарается извлечь, но говорить о сколь-нибудь принципиальных подвижках ни в политике Ирана, ни в политике США говорить не приходится.

В контексте задач настоящей диссертации представляется важным фиксация, прежде всего, следующего обстоятельства. Санкции (и вообще все шаги) американской администрации в отношении Ирана, размещения этой страны на «оси зла», объявления его главным противником США в ареале «Расширенного Ближнего Востока» в реалиях практической политики оборачиваются тем, что в этом регионе именно эта страна становится наиболее последовательным противником модели однополярного мира под главенством Соединенных Штатов Америки, утверждения своей достойной роли в новом миропорядке.

Согласно принятой в 2005 году 20-ти летней стратегии развития Иран стремится стать лидером Ближнего и Среднего Востока и выйти на передовые позиции в экономической, научной и культурной сферах деятельности. Как заявил руководитель комитета по разработке государственной политики в этой сфере М. Резан: «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизациеобразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях»³¹⁵. Как примечательную черту можно особо отметить, что при это широко используется риторика и идеи паншиитского единства, что, в частности, достаточно эффективно использовалось для мобилизации сил иракских, афганских, ливанских и пакистанских шиитов в поддержке иранских военных формирований в Сирии. Обосновывая этот курс, Верховный лидер Ирана С.А. Хаменеи в сентябре 2014 года объяснил силу региональной политики Ирана исламом, персидским языком и шиитским

³¹⁵ «Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии» в сборнике «Возможность изменения ситуации в Афганистане». – М: Изд. ИДВ РАН 2011 г., 87 с.

мазхабом ислама. С его слов, именно эти три вещи обеспечивают «стратегическую глубину иранских региональных позиций».

Серьезные усилия Тегеран направляет на сохранение и расширение торгово-экономических отношений со своими соседями. В качестве примера можно сослаться на его политику в отношениях с соседним Ираком. Пример, тем более показательный, так как эти отношения в течение последних десятилетий неоднократно омрачались серьезными столкновениями. Речь в новых условиях идет, прежде всего, о попытках убедить Багдад в необходимости перейти во взаимных расчетах в торговле на евро или же на национальные валюты³¹⁶. И Ирак вопреки давлению Вашингтона твердо придерживается позиции не отказываться от торговли с Ираном. Следует отметить, что объем торговли между двумя странами достигает многих миллиардов долларов.

Багдад, испытывающий дефицит электроэнергии, заинтересован и в иранском природном газе. В настоящее время Иран поставляет газ по 270-километровому газопроводу в некоторые пригороды Багдада, на электростанцию «аль-Мансурия», а также по отдельному газопроводу в Басру. Важно учесть и то, что руководство Ирака выступает против американских санкций против Ирана. Это при всем том, что Вашингтон, стремясь к обострению отношений соседей с Тегераном, требует от правительства А.А. Махди разорвать отношения с ИРИ в энергетической сфере. Махди отвергал подобные требования даже с учетом нередких угроз о том, что американские войска останутся в Ираке «навсегда» для того, чтобы «проследить за Тегераном».

Иран стремится распространить зону своего влияния не только на пространствах Ближнего Востока. Современная его политика в Центральной Азии базируется на идее культурной общности региона, пропаганде необходимости культурного возрождения, на котором должна базироваться истинная независимость государства. Этническая близость Ирана с Таджикистаном (обе

³¹⁶ Это подтвердил советник премьер-министра Ирака А.Х. Мустафа, выделив особо, что на встрече с делегацией иранского центрального банка, посетившей Багдад в феврале 2019 года, обсуждалась «идея перехода во взаимных расчетах с доллара на евро». Предполагается также возможность взаиморасчетов с помощью иракских динаров (См.: Мануков С. Багдад не намерен соблюдать американские санкции против Ирана // Ekspert Online, 21 февраля 2019. URL: <http://expert.ru/2019/02/21/irak-ne-nameren-soblyudat-sanktsii-protiv-irana/> (дата обращения: 20.01.2020)..

нации персидского происхождения) является основой особых отношений этих двух стран. Иран пытается объединить ираноязычные государства региона: Афганистан, Иран и Таджикистан в единое экономическое и культурное пространство. С этой целью было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству с центром в Кабуле. При этом было подчеркнуто, что «безопасность Афганистана и Таджикистана зависит от Ирана, а безопасность Ирана – от безопасности в этих странах»³¹⁷. Особую озабоченность Тегерана в настоящее время вызывает возможность возникновения «цветных» революций в соседних с ним государствах. Скорее всего, необходимость противодействия этим явлениям будет определять приоритетные направления его внешнеполитической деятельности в Центральной Азии в ближайшем будущем.

Самое главное, однако, в том, что у Ирана имеются серьезные партнеры в лице Москвы и Пекина. Китай открыто поддерживает Иран в его противостоянии агрессивной политике Вашингтона. В вопросе о выходе США из иранского ядерного соглашения Пекин вслед за Москвой безоговорочно поддержал Исламскую Республику Иран. На Восточном экономическом Форуме-2019 Пекин подписал с ней 25-летний договор о стратегическом сотрудничестве. Согласно договору, Китай обязывается покупать иранскую нефть по гарантированным ценам, инвестируя при этом в экономику ИРИ 400 млрд долларов, из которых 70 %, или 280 млрд, – в энергетический сектор³¹⁸.

В рамках задач настоящего исследования особо внимания заслуживают отношения Ирана с Российской Федерацией. Хотя они были и в ряде отношений остаются непростыми, к сегодняшнему дню они выходят на уровень стратегического партнерства.

После распада СССР периоды активного диалога между двумя странами, как отмечает Н.А. Филин, «сменялись продолжительными паузами, подписание многомиллиардных контрактов сменялось обвинением обеих сторон в

³¹⁷ «Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии» // «Возможность изменения ситуации в Афганистане» – М: Изд. ИДВ РАН 2011 г. – С. 87.

³¹⁸ Шабалдина Ю. Китай во время ВЭФ-2019 нанес уничтожающий удар по политике США // РИА ФАН, 09 сентября 2019. URL: <https://riafan.ru/1210675> (дата обращения: 20.01.2020).

невыполнении взятых на себя обязательств и обещаний. Геополитические интересы при этом превалировали над экономическими»³¹⁹.

Одним из важных шагов в развитии взаимоотношений между двумя государствами стало подписание в Москве 12 марта 2001 года Президентом РФ В.В. Путиным и Президентом ИРИ С.М. Хатами Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между двумя государствами (вступил в силу 5 апреля 2002 года). Как отмечалось в ст. 1 Договора, «Российская Федерация и Исламская Республика Иран как дружественные государства строят отношения между собой на основе суверенного равенства, сотрудничества, взаимного доверия, уважения суверенитета, территориальной целостности и независимости, невмешательства во внутренние дела друг друга»³²⁰. В ст. 5 констатируется согласие сторон на создание благоприятных юридических, экономических, финансовых и коммерческих условий для «двусторонней и многосторонней деятельности и совместных капиталовложений на территориях друг друга и в третьих странах»³²¹. Две договаривающиеся стороны предоставляют друг другу в торгово-экономической сфере режим наибольшего благоприятствования. Создается постоянная российско-иранская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству и тесному сотрудничеству банков двух государств. В ст. 6 Договора предусматривается «содействие развитию долгосрочных и взаимовыгодных связей в целях реализации совместных проектов в области транспорта, энергетики, включая мирное использование атомной энергии и строительство атомных электростанций, промышленности, науки и техники, сельского хозяйства и здравоохранения»³²².

И это сотрудничество реализуется. Так, в ноябре 2017 года вступили в силу соглашения о выделении Ирану российских госкредитов на общую сумму 2,2 млрд евро под финансирование строительства ТЭС «Серик» на берегу

³¹⁹ *Филин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н.* Российско-иранские отношения на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия «Международные отношения». 2016. № 4.–С. 678.

³²⁰ Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран 12 марта 2001 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3290> (дата обращения: 20.01.2020).

³²¹ Там же.

³²² Там же.

Персидского залива и электрификацию железных дорог на севере Ирана на участке Гармсар – Инче Бурун (протяженность – 495 км).

Россия активно участвует в решении проблемы иранской ядерной программы. Речь идет, конечно же, о поддержке «мирного атома».

Еще 1992 году был согласован вопрос о строительстве атомной станции в Бушере, с обязательствами России предоставления необходимого оборудования и подготовки иранских специалистов-атомщиков при иранском финансировании. Более того, в ноябре 2014 года между Россией и Ираном был подписан новый пакет соглашений на строительство в этой стране еще восьми атомных энергоблоков. В октябре 2017 года дан старт работам на площадке второй очереди АЭС «Бушер».

Данное направление контактов является одной из перспективных отраслей двусторонней кооперации в области энергетики. В то же время, с 2006 года Россия вместе с США, Китаем и тремя странами Евросоюза (Францией, Германией и Великобританией) составляет так называемую «шестерку» стран, в задачу которой входит недопущение использования Ираном ее ядерной программы в военных целях. Важно учесть, что Москва по определению не может согласиться с обладанием Тегераном ядерного оружия, поскольку, как образно выражаются некоторые эксперты, США «весьма далеко, а Россия рядом».

Крупнейшим успехом дипломатии России в составе «шестерки» следует считать заключение 14 июля 2015 года в Вене, после более 10 лет переговоров, уже упомянутого нами выше соглашения по ядерной программе Ирана. В соответствии с соглашением, Иран получил возможность развивать программу обогащения урана в мирных целях под строжайшим контролем МАГАТЭ. В то же время оно предусматривало прекращение Ираном обогащения урана выше 5 % и доступ МАГАТЭ к ядерным объектам в Натанзе и Фордо в обмен на облегчение режима санкций. Тем самым Иран присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия и согласился на контроль Международного агентства по атомной энергии. По этому вопросу в «Концепции внешней политики Российской Федерации» констатируется: «Россия проводит линию на

всестороннее развитие сотрудничества с Исламской Республикой Иран, а также добивается последовательной реализации всеобъемлющей договоренности по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы на основе резолюции Совета Безопасности ООН 2231 от 20 июля 2015 года, соответствующих решений Совета управляющих МАГАТЭ и оказывает этому процессу всестороннее содействие»³²³.

Россия не поддержала в мае 2018 года решение по необоснованным предложениям Администрации Президента США о выходе из совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, а также восстановление американских санкций в отношении Ирана. Москва предпринимает активные политико-дипломатические шаги в целях сохранения СВПД без США с обеспечением законных интересов, в том числе экономических, всех оставшихся участников сделки.

России понимает позицию Ирана по отношению к Западу в целом и США в частности. Одна из главных стратегических целей Ирана состоит в противодействии усилению влияния в регионе нерегиональных держав, прежде всего, США, а также Израиля. Оценивая эту позицию, Ю.Л. Дургарян, отмечает: «Современный Иран – единственная страна, на практике доказавшая, что она может выжить, сохранить свою самобытность и контроль над собственными природными ресурсами в условиях беспрецедентного многолетнего давления со стороны Соединенных Штатов и их западных и восточных союзников»³²⁴.

Иран является крупнейшим покупателем российского вооружения. Хотя присоединившись к санкциям ООН, Россия вынуждена была на определенный период остановить поставку этой стране уже оплаченных систем противовоздушной обороны зенитно-ракетного комплекса С-300, но по достижении договоренности по иранской ядерной программе Россией это

³²³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД России. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 20.01.2020).

³²⁴ Дургарян Ю.Л. Армяно-иранские отношения и разрешение карабахского конфликта. // Южно-российское обозрение Выпуск 22. Иранский мир и юг России: прошлое и современные перспективы. Сборник научных статей Ростов-на-Дону, 2004.–С. 163–164.

соглашение было реализовано. Россия продала Ирану комплекс С-300 и продолжает переговоры о поставках зенитно-ракетного комплекса С-400.

Российские нефтяные компании, такие как «Лукойл», «Роснефть», «Газпром», заинтересованы в инвестировании в энергетический сектор этой страны. Россия заинтересована также в том, чтобы энергетическая политика Ирана не шла вразрез с ее интересами, особенно в выборе им маршрутов трубопроводов для экспорта нефти и газа, в том числе нефтегазодобывающих стран Каспийского региона и Центральной Азии. Россия и Иран единым фронтом выступают против транскаспийских трубопроводных проектов, поддерживаемых США. «Газпром» проявляет пристальный интерес к проекту трубопровода Иран – Пакистан – Индия. В этом русле важное значение придается месторождению «Южный Парс», который рассматривается Тегераном как главный источник сырья для производства СПГ для экспорта на европейские и азиатские рынки.

«Газпром» ведет переговоры с правительством ИРИ об инвестиционном участии в разработке месторождений «Северный Парс» и «Фарзад-Б». Добываемый в этих месторождениях газ планируется экспортировать в Пакистан и Индию. В свою очередь, дочерняя компания «Газпрома» «Газпром нефть» подписала с Национальной иранской нефтяной компанией меморандум о разработке двух нефтяных месторождений. Аналогичные договоренности с Тегераном заключены российскими компаниями «Зарубежнефть» и «Татнефть». Следует отметить также подписание министерством энергетики России с Ираном контракта о закупке российским «Промсырьеимпортом» по 100 000 баррелей иранской нефти-сырца в сутки.

Важное значение имеют результаты визита президента Ирана Хасана Рухани в Москву и его переговоров с президентом Российской Федерации В.В. Путиным в марте 2017 года. В центре внимания переговоров президентов стояли вопросы расширения торгово-экономических и инвестиционных связей. Речь шла о реализации крупных проектов в сфере энергетики и транспортной инфраструктуры. В ходе визита было подписано множество документов по сотрудничеству, в частности по линии «Росатома», РЖД и «Газпрома»:

меморандум между РЖД и Иранскими железными дорогами о стратегическом сотрудничестве по электрификации железных дорог; контракт между Российской Федерацией и Ираном об электрификации железнодорожного участка Гармсар – Инче Бурун и поставке российского оборудования и локомотивов, стоимость которого оценивается в 1,2 млрд евро и т.д.³²⁵

На переговорах затрагивался вопрос о противодействии радикальному «исламизму» и борьбе с террористическими группировками. Как отмечалось в совместном заявлении Рухани и Путина, оба государства «настаивают на необходимости всемирного противодействия идеям такфиризма (радикальное направление в исламе) как основному стимулу, подталкивающему молодежь в сторону террористических группировок»³²⁶.

Следует отметить, что 17 мая 2018 года подписано временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли ЕАЭС – Иран, которое в перспективе развития отношений должно привести к росту торговли между странами. Подобного рода договоренности были подтверждены и развиты в ходе последующих визитов, и такой формат взаимодействия стал принимать системный характер.

Фиксируя достаточно устойчивое развитие экономических и научно-технических связей, более осторожным, с нашей точки зрения, следует быть в оценке иных уровней взаимодействия. Надо прямо признать, что для России Иран в геополитическом плане – это довольно проблемный союзник. В значительной мере это можно объяснить непростыми историческими обстоятельствами. Как отмечает иранский исследователь Хамид Ширзад, наблюдающееся негативное отношение иранцев к России «сложилось исторически по двум обстоятельствам – первое, это ошибки политики Сталина в иранском Азербайджане, второе – политика Советского Союза за пределами Ирана, которая также воспринималась

³²⁵ Встреча В. Путина с Президентом Ирана Х. Рухани // Aftershock, 28.03.2017. URL: <https://aftershock.news/?q=node/503042&full> (дата обращения: 20.01.2020); Визит Роухани: Россия и Иран продвигаются к стратегическому партнерству // РИА Новости, 28.03.2017. URL: <https://ria.ru/politics/20170328/1490994692.html> (дата обращения: 20.01.2020).

³²⁶ Визит Роухани: Россия и Иран продвигаются к стратегическому партнерству // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20170328/1490994692.html> (дата обращения: 20.01.2020).

иранцами негативно»³²⁷.

Проблема в действительности имеет более давние корни. Она оформлялась в течение всей истории взаимоотношений двух стран, о чем, в частности, свидетельствует множество войн, которые не могли не отразиться на восприятии народами двух стран друг друга. В отношениях между государствами окончательно не ушла в прошлое историческая память, отягощенная конфликтами, войнами, геополитическими амбициями, территориальными претензиями друг к другу.

И в наши дни две стороны по-разному представляют себе решение тех или иных региональных и мировых проблем. Все эти вопросы представляют серьезный научный и политический интерес. Во втором разделе главы второй настоящей диссертации мы имели достаточную возможность остановиться на характеристике, в частности, идей «исламизма» в его различных ипостасях, импульс которому в современных условиях во многом задается именно Ираном. В настоящем же разделе нам важно подчеркнуть, что при всех противоречиях в силу комплекса факторов преобладающей и важной и для России, и для Исламской Республики Иран в последние десятилетия стала тенденция поиска приемлемых путей и форм установления взаимовыгодного сотрудничества.

Хотя Иран заявляет о приверженности защите и продвижению исламских ценностей, и эта защита принимает подчас крайние формы, в реальной политике он отдает предпочтение, тем более в отношении России³²⁸, прагматическому подходу, призванному защищать национальные интересы. Так, в вопросах, касавшихся конфликтов на Северном Кавказе, Иран занимал в целом конструктивную позицию. На официальном уровне его руководство поддержало Россию в двух чеченских войнах, в борьбе с терроризмом и сепаратизмом. Это вполне объяснимо, если учесть, что у Ирана как многонационального государства имеются собственные проблемы, связанные с арабами, курдами, белуджами и

³²⁷ Цит. по: *Филин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н.* Российско-иранские отношения на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2016. № 4. – С. 682.

³²⁸ Деятельность экстремистских исламистских группировок на территории России и центральноазиатских республик санкционируется и спонсируется преимущественно ИГИЛ и другими террористическими организациями, с большинством из которых Иран проводит активную борьбу.

особенно с азербайджанским национальным меньшинством. Хотя Тегеран не собирается признавать независимость Абхазии и Южной Осетии, он занял нейтральную позицию по отношению к пятидневной российско-грузинской войне в августе 2008 года.

Иран активно участвует в сирийском конфликте, на наиболее важных направлениях тесно сотрудничая с Россией. Безусловно, и с точки зрения форм такого участия, и целевых установок не могут не наблюдаться определенные различия. Преподаватель Университета Лион-2 и научный сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Фабрис Баланш, пытаясь определить цели и действия России и Ирана в Сирии, писал: «Россия активно работает в сфере авиации, артиллерии и технической помощи. Иранцы, в свою очередь, направляют военных консультантов для подготовки вооруженных отрядов или же действуют посредством «Хезболлы», которая руководит военизированными сирийскими организациями. Иран организует отправку хазарейцев (нашедшие на его территории прибежище афганские шииты) и иракских шиитских отрядов. В то же время Тегеран не может претендовать на сравнимую с российской роль в дипломатической сфере, поскольку является *persona non grata* на международном уровне»³²⁹.

С нашей точки зрения, главное все-таки в другом. Иран – шиитское государство. Суннитско-шиитское же противостояние, как мы уже имели возможность отметить, это один из самых серьезных факторов остроты ситуации на Большом Ближнем Востоке. Значимость этого фактора существенно возросла в результате американо-английской агрессии 2003 года в Ираке, которая, во-первых, привела к усилению шиитского компонента в ближневосточном противостоянии, во-вторых, что не менее важно, объективно выдвинула Иран на еще более значимое место в регионе. значительно усилила позиции Ирана как одного из влиятельных игроков в регионе.

³²⁹Приведено по: *Nadjar S. Fabrice Balanche: « Poutine s'est rendu indispensable dans la région grâce au Golan //Actualité Juive, 1 Octobre 2017.URL: <http://www.actuj.com/2017-09/moyen-orient-monde/5695-fabrice-balanche-poutine-s-est-rendu-indispensable-dans-la-region-grace-au-golan>(дата обращения: 20.01.2020).*

Это имело своим результатом сближение Ирака с Ираном. Речь идет о том, что, отстранив от власти режим Саддама Хусейна, основанный по преимуществу на суннитском меньшинстве, и способствовав переходу реальной власти в руки представителей шиитского меньшинства, Вашингтон, по сути, создал условия для усиления позиций своего заклятого врага в лице Ирана как в самом Ираке, так и в ближневосточном регионе в целом. Усиление Ирана стало одной из причин обострения шиито-суннитского противостояния, прежде всего, противостояния между ним и Саудовской Аравией, которая пытается вернуть Ирак в «арабскую семью»³³⁰.

Ситуация и по сей день остается крайне сложной. 30 апреля 2018 года международная коалиция во главе с США по борьбе с ИГИЛ на торжественной церемонии заявила о завершении миссии в Ираке. Шиитско-суннитские распри, однако, не прекратились. Мы уже отмечали серьезность и неоднозначность положения, возникшего в результате референдума о независимости Иракского Курдистана 25 сентября 2017 года. И сегодня некоторые аналитики говорят о распаде Ирака на так называемые «Шиитстан», «Суннитстан» и Курдистан как вполне вероятной возможности.

Российская Федерация, разумеется, не склонна сводить объяснения и разрешение ближневосточных конфликтов к суннитско-шиитским разборкам. В своей внешней политике Россия проводит целенаправленную политику по достижению в регионе баланса интересов различных этнических и конфессиональных сообществ. Москва активно развивает взаимовыгодные добрососедские отношения с такими суннитскими государствами, как Египет, Иордания, намечаются позитивные тенденции на пути налаживания отношений и с Персидскими монархиями, прежде всего, с Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими эмиратами.

И все же, несмотря на различие по многим позициям, можно говорить об установлении между Россией и Ираном отношений тесного партнерства. Одним

³³⁰ Цит. по: *Беленькая М., Тарасенко П.* Ирак готовят к жизни после «Исламского государства» // Коммерсант, 12.05.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3627645> (дата обращения: 20.01.2020).

из важнейших факторов, способствующих сближению двух стран, стала агрессивная политика США на всем Большом Ближнем Востоке в целом и в отношении самого Ирана в частности. Иран вносит свой серьезный вклад в борьбу с ИГИЛ и другими террористическими группировками. Он активно противостоит модели однополярного мира и твердо отстаивает свое право на независимое существование³³¹.

Показательна позиция, высказанная послом Тегерана в Москве Мехди Санаи в приветственном выступлении на международной конференции «Российско-иранское сотрудничество: состояние и перспективы». Констатировав то, что в создавшихся в настоящее время в мире и на Ближнем Востоке условиях оба государства «сталкиваются с общими вызовами и угрозами и в то же время получают разнообразные и широкие возможности для плодотворного взаимодействия в области политики и в сфере обеспечения безопасности», он заявил, что сотрудничество двух стран в решении таких острых и жизненно важных вопросов, как противоречия и конфликты на Кавказе и в Центральной Азии, проблемы Каспийского моря и энергоресурсов, ситуация в Афганистане, борьба с контрабандой наркотиков, борьба с терроризмом, противодействие расширению НАТО на Восток, ситуация на Ближнем Востоке и др., «при наличии политической воли на высшем уровне руководства двух стран может вывести отношения Ирана и Российской Федерации на уровень стратегических»³³².

К сегодняшнему дню, в условиях усиливающейся международной напряженности, об усилении стратегического взаимодействия двух стран можно говорить с еще большей определенностью. Переговоры в Кремле Х. Рухани и В. Путина в декабре 2021 года продемонстрировали полное единство государств в отношении геополитических ситуаций современности и, более того, готовность к совместному противодействию возникающих угроз, попыткам США сохранить свой диктат на международной арене. Намечены конкретные шаги и по

³³¹ Последствия американо-иранской конфронтации для России: анализ факторов риска (2021 г.): Доклад № 69 / [А. Дивсалар, П.А. Картунов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – 36 с

³³² Санаи М. Ирано-российское сотрудничество: текущее состояние и будущие перспективы // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы. Сб. статей. М.: ИВ РАН, 2015.– С. 12.

сотрудничеству в экономических отношениях, сотрудничеству в сфере культуры и, самое главное, подтверждено полное единство взглядов в отношении многополярного мира, необходимости скоординированных действий в этом направлении. Причем, в условиях крайней международной напряженности последних месяцев это было выражено в совершенно четких и однозначных формулировках.

Россия, в этой связи, и далее будет настойчиво работать над развитием взаимовыгодных отношений в таких сферах, как атомная энергетика, разработка нефтегазовых месторождений, строительство инфраструктурных объектов, поставка вооружений и др., отстаивать свою ключевую роль в реализации Соглашения о ядерной программе Ирана. В формате треугольника «Россия – Турция – Иран» страна будет укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом, в разрешении сирийского узла. Эти отношения, согласно договоренностям, Россия будет развивать не только на двусторонней основе, но и в многосторонних форматах, прежде всего, в ООН и ШОС, где при содействии России предоставлению Ирану был предоставлен статус наблюдателя. Взаимодействие с Ираном является важным условием обеспечения национальных интересов страны, укрепления стабильности в Закавказье и Центральной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке и в мире в целом. Можно заключить тем самым, что к сегодняшнему дню начинают обрисовываться перспективы перевода отношений России и Ирана не просто на стратегический, но в ряде отношений – и на союзнический уровень.

3.4. Проблемы взаимодействия монархий Персидского залива³³³

Монархии Персидского залива занимают особое место в ареале «Расширенного Ближнего Востока». Это страны с весьма высоким уровнем благосостояния, имеющие во многом почти полное совпадение своих основных религиозных установок, представлений о государственном устройстве и т.п. Вместе с тем, как показывают особенно наглядно события последних лет, они также имеют значительный конфликтогенный потенциал, характерной чертой которого в заметной степени начинает выступать проявление его не только в сфере внешнеполитических разногласий с другими странами региона (это всегда было достаточно заметным), но и в отношениях друг с другом. Введение соответствующего параграфа в настоящую главу с учетом этих обстоятельств представляется поэтому весьма уместным в анализе действующих на «Расширенном Ближнем Востоке» политических акторов и применяемых ими стратегий. Этот анализ правомерно начать с Королевства Саудовской Аравии (КСА).

³³³ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Ханалиев Н.У. Теории международных отношений в стратегии Вашингтона на Большом Ближнем Востоке // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – № 2(59). – С. 351-360; Ханалиев Н.У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99; Ханалиев Н.У. Треугольник "Россия – Турция – Иран" в контексте стратегии США на Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». Т. 21, №1. 2019. – 66-77 с.; Ханалиев Н.У. Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99; Ханалиев Н.У. Россия как альтернативный США актор на Ближнем Востоке // Вопросы политологии. – 2018. – № 3(31). – С. 92-103; Ханалиев Н.У. О перспективах политического единства монархий Персидского залива // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2019. – № 6. Т. 27. – С. 309-317.

Саудовская Аравия в течение достаточно продолжительного исторического времени стремится к безальтернативному первенству на Ближнем Востоке и к духовному лидерству в исламском мире. На ее территории находятся основные исламские святыни, два ключевых символа веры ислама – «Заповедная», или «Запретная», мечеть с Каабой в Мекке и мечеть Пророка Мухаммеда в Медине. Глава королевского Дома саудитов в 1986 году и присвоил себе поэтому титул «Хранителя Двух Святынь», который в свое время принадлежал халифам.

Важно учесть и то, что сам ислам первоначально сформировался на территории современной Саудовской Аравии. В этой монархии сложилось одно из влиятельных суннитских ответвлений ислама в лице ваххабизма, ставшего государственной религией в самом КСА и Катаре и одновременно идеологической основой ряда экстремистских и террористических исламистских группировок и движений. Саудовская Аравия инвестировала огромные суммы на поддержание ислама в других странах и на продвижение своих политических интересов посредством усиления своего религиозного влияния. Все это позволяет Саудовской Аравии претендовать на статус центра исламского мира.

Вес Саудовской Аравии определяется, конечно же, не только духовно-идеологическими факторами. Королевство обладает одной из самых крупных в регионе армий. В 2018 году расходы Саудовской Аравии на оборону превысили 67 млрд. долл., что составило 8,8 % ВВП государства. По инициативе и под руководством Саудовской Аравии создан Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Хотя организация, во всяком случае, в нынешней ее форме, занимается главным образом экономическими вопросами, в ее рамках созданы совместные вооруженные силы – «Оборонительные Силы Полуострова» («Al-jazeera Forces») со штаб-квартирой в Саудовской Аравии³³⁴.

К тому же Саудовская Аравия обладает солидной экономической мощью, имея на своей территории громадные запасы нефти и газа, что позволяет существенно сглаживать внутренние социальные противоречия. Королевство в своих внешнеполитических стратегических установках в условиях подъема

³³⁴Armed Forces of GCC Countries to Hold Joint Exercises // Khaleej Times. 2007. January 16.

национальных движений на Ближнем Востоке, принимавших в отдельные периоды откровенно антиамериканский характер, следовало в фарватере политики Соединенных Штатов, которые, в свою очередь, обходили молчанием проблему «прав человека», активно используемую ими в отношении авторитарных режимов других государств.

Такая политика, безусловно, ограничивала в определенной степени возможности королевства, сказываясь на качестве ее национального суверенитета. Так, заместитель программного директора Российского совета по международным делам Т.А. Махмутов в работе «Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке» небезосновательно утверждает, что получение, в частности, Саудовской Аравией преференций от американской программы по вооружению «International Military Education and Training» снижает ее позиции в регионе, ограничивая ее самостоятельность в принятии решений³³⁵. В непосредственном выражении такого рода издержки сказывались и на имидже страны, и на ее реальной роли в бурлящем арабском мире.

Саудовская Аравия тем не менее сохраняла и сохраняет сильные свои стратегические позиции в арабских странах и на всем «Расширенном Ближнем Востоке», она продолжает оставаться движущей силой в укреплении «антишиитской дуги», направленной, прежде всего, против Ирана; до возникновения противоречий с Катаром она твердо лидировала в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива. Вместе с тем, проблемы оставались и постепенно накапливались.

Возникшие острые противоречия с Катаром стали свидетельством не только двусторонних трений, но явились выражением более глубинных процессов растущей турбулентности всего региона. Существенное ослабление позиций отдельных ближневосточных государств стало стимулом для вступления в борьбу между собой за региональное лидерство Саудовскую Аравию и Катар. Реализуя свои геополитические амбиции, два этих государства выступили оппонентами в

³³⁵ Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке / Т.А. Махмутов, Р.Ш. Мамедов, О.А. Пылова // РСМД.- М.: НП РСМД, 2019. – С. 540

регенерации духовно-идеологической составляющей общественно-политических процессов на Ближнем Востоке.

Сложившаяся ситуация сформировала новый этап регионального развития. С одной стороны, меняющиеся реалии, позволяли вступить в игру новым политическим акторам, а с другой, – требовали от ближневосточных государств смены парадигм внешней политики и разработки кардинально новых инструментов влияния.

В основе конфликта – ярко выраженная у Катара попытка противодействию гегемонистским амбициям саудитов. Катар – весьма небольшое государство с населением численностью 1,9 млн чел., из которых лишь 12 % составляют коренные жители. Его значимость определяется тем фактом, что по запасам природного газа он занимает третье (после России и Ирана) место в мире. Эта страна является лидером среди азиатских, тем более арабских, государств по уровню ВВП на душу населения. Обладая огромными финансовыми средствами, получаемыми от реализации природного газа на мировых рынках, Катар стремится неуклонно расширять и укреплять свои позиции как на Аравийском полуострове, так и в арабском мире в целом. Благодаря возросшему спросу на природный газ, Катар «увеличил с начала 1990-х годов его экспорт на 500 %, получил в свое распоряжение значительные денежные средства, и капитал этого небольшого эмирата стал уверенно конкурировать на рынках Арабского Востока и Африки с ЕС и Китаем. Запустив мощную, вещающую на весь мир пропагандистскую машину – информационную корпорацию «Аль-Джазира», Катар выдвинулся в число влиятельных игроков на рынке информационных услуг, получив возможность влиять и даже определять общественное мнение арабского мира, формируя его в выгодном для себя направлении»³³⁶. Эмират оказывает финансовую помощь ХАМАС, а также целому ряду «исламистских»

³³⁶ *Мальшева Д.* Монархии Персидского залива и «арабская весна» // *Международная жизнь.* 2012. № 58. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/714> (дата обращения: 20.11.2019). Об обоснованности таких оценок свидетельствует то, что эмирату удалось приобрести известный французский футбольный клуб «Пари Сен-Жермен» (ПСЖ). Его руководству впервые среди арабских стран удалось убедить Международную федерацию футбола (ФИФА) выбрать эту весьма малую страну в качестве хозяйки чемпионата мира по футболу в 2022 году.

экстремистских и террористических группировок и организаций, прежде всего, ваххабитской ориентации.

В регионе, естественно, имеются силы, которые не могут не относиться с опасениями по поводу чрезмерной, на их взгляд, активности эмирата. Это и проявилось в как бы неожиданно разразившемся кризисе в отношениях между Катаром и остальными монархиями Персидского залива (а также рядом других стран). 5 июня 2017 года Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн вместе с Египтом заявили о разрыве дипломатических отношений с этой страной. Несколько позже к ним присоединились Мальдивы, Маврикий и Мавритания. Иордания, Джибути, Сенегал, Нигер и Чад снизили уровень своего представительства в стране. При этом показательно, что две монархии Персидского залива, члены ССАГПЗ – Кувейт и Оман – не захотели порвать с Ираном дипломатические отношения³³⁷.

Поводом к изоляции Катара стали обвинения эмирата в поддержке терроризма и вмешательстве во внутренние дела ряда монархий Залива, прежде всего, инициаторов отмеченного нами разрыва дипломатических отношений. Одной из главных причин данного демарша стало установление эмиратом достаточно тесных взаимоотношений не только с суннитской Турцией, но и с шиитским Ираном³³⁸. В качестве наказания против Катара были избраны экономические санкции и транспортная блокада. Проблема для Катара обострялась тем, что его сухопутная граница полностью контролируется Саудовской Аравией. Его территорию в этом смысле можно считать своего рода «островом», что ставит эту страну в трудное положение в плане обеспечения населения необходимыми товарами жизнедеятельности.

Сложилось довольно странное, на первый взгляд, положение, если учесть, что Катар является единственной после королевства саудитов страной, где

³³⁷ В связи с оценкой «единства» монархий Персидского залива можно обратить внимание и на то, что Маскат, в отличие от остальных членов ССАГПЗ, отказался присоединиться к Саудовской Аравии в войне против Йемена.

³³⁸ Непосредственным поводом для конфликта стало размещение весной 2017 года на сайте Информационного агентства Катара заявления от лица эмира Катара Тамима Аль Тани, в котором он выступил в поддержку «Братьев-мусульман» и призвал к улучшению отношений с Ираном. Катар, впрочем, объяснил появление подобного материала в сети хакерской атакой. Изначально во взломе, как обычно, обвинили Россию. Однако позже, после обнародования США разведанных (на страницах газеты TheWashington Post), было объявлено, что за хакерской атакой стояло правительство Объединенных Арабских Эмиратов – приоритетного партнера Саудовской Аравии.

господствующее место в конфессиональной сфере занимает ваххабизм. К тому же по целому ряду вопросов, касающихся международной политики и «арабской весны», их позиции в целом совпадают. Эти страны с самого начала сирийской войны предпринимали совместные усилия по дестабилизации внутривосточной ситуации в Сирии. Они открыто финансируют оппозиционные Асаду группировки. С началом «арабской весны» Катар «отправил в Ливию своих военных свергать режим полковника М. Каддафи, развернув против последнего самую настоящую пропагандистскую войну и оказав военную и финансовую помощь повстанцам. В Сирии он вместе с Саудовской Аравией выступил в качестве главного кукловода вооруженной сирийской оппозиции»³³⁹. В ноябре 2011 года обе эти страны совместно выступили за приостановление членства Сирии в Лиге арабских государств. Нельзя не отметить и то, что в обоих государствах, которые являются союзниками или клиентами Вашингтона, размещены военные базы США.

Как отмечают некоторые исследователи, Катар, в первую очередь, навлек на себя гнев руководства Саудовской Аравии и, возможно, части членов ССАГПЗ тем, что он оказывает помощь шиитскому движению хуситов в Йемене, с которым Саудовская Аравия, поддерживаемая частью монархий региона, ведет войну. Эр-Рияд, который стремится к достижению ведущей роли в регионе Персидского залива, не устраивает и независимый внешнеполитический курс Дохи, особенно в отношении Ирана и Турции. Этот пример служит наглядным подтверждением высказанного нами ранее положения о том, что трудно преодолимые в регионе противоречия и конфликты возникают не только между шиитами и суннитами, но также и внутри суннизма между разными его мазхабами и даже внутри отдельно взятых мазхабов. Что и подтверждает конфликт Саудовской Аравии и Катара – двух стран, в которых в качестве государственной религии господствующее положение занимает ваххабитская версия суннизма.

³³⁹Фролов А. Арабский пасьянс // Международная жизнь. 2017. № 8.–С. 102–121.

Устами главы МИД Катара Мухаммеда бин Абдулрахмана АльТани руководство этой страны заявило, что у него есть определенные возражения относительно некоторых неприемлемых для него заявлений на саммитах арабских стран в адрес Ирана, созванных по инициативе КСА в мае 2019 года. Аль-Тани фактически обвинил руководителей этих государств в том, что они «приняли политику Соединенных Штатов в отношении Ирана», игнорируя при этом интересы граничащих с ним арабских стран³⁴⁰. Более того, эмир Катара Тамим бен Хамад Аль Тани заявил, что «его страна готова к комплексному развитию отношений с Ираном и сотрудничеству для разрешения проблем исламского мира, который находится в тяжелых условиях»³⁴¹. Более того, Доха и Тегеран восстановили дипломатические отношения, прерванные в 2016 году.

В самом начале января 2020 года, непосредственно после осуществления ВВС США операции по ликвидации в ночь на 3 января в международном аэропорту Багдада командующего силами спецподразделения «Кодс» Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) генерала Касема Сулеймани, министр иностранных дел Катара Мухаммед бин Абдулрахман АльТани совершил визит в Тегеран. Вслед за ним 12 января в столицу ИРИ впервые с момента прихода к власти в 2013 году совершил визит эмир Катара Тамим бен Хамад АльТани, который встретился с президентом Ирана Хасаном Рухани³⁴². Показательно, что Анкара и Исламабад заявили о готовности отправить в помощь Катару свои воинские подразделения.

Вынужденный искать пути преодоления бойкота Катар в отличие от других стран Персидского залива начал расширять импорт из Ирана и Турции, от которых он начинает, в свою очередь, быть достаточно зависимым. Подтверждением тому служит функционирование турецкой военной базы на его

³⁴⁰ Приведено по: Катар остался при своём мнении по Ирану после арабских саммитов в Мекке // EurAsiaDaily, 3 июня 2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/03/katar-ostalsya-pri-svojom-mnenii-po-iranu-posle-arabskih-sammitov-v-mekke>(дата обращения: 20.01.2020).

³⁴¹ Цит. по: Волкова А. Катар планирует сотрудничать с Ираном для разрешения проблем в исламском мире // Planettoday, 26 Июня 2017. URL: <https://planet-today.ru/novosti/v-mire/item/72000>(дата обращения: 20.01.2020).

³⁴² Эмир Катара неожиданно прибыл в Иран // EurAsiaDaily, 12 января 2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/12/emir-katara-neozhidanno-pribyl-v-iran>(дата обращения: 20.01.2020).

территории Катара, причем Турция, используя ситуацию, старательно наращивает здесь свой контингент.

Для целей настоящей диссертации пример этих трений важен тем, что он является еще одним свидетельством того, что модель однополярного мира, против которой на Саудовская Аравия, ни Катар никогда не выступали сколь-нибудь активно, не является гарантией стабильного развития, не устраняет геополитических противоречий, не снижает уровень политических амбиций. Разного рода противоречия территориального, этнонационального, конфессионального, геополитического и иного характера существуют как между самими монархиями Персидского залива, так и каждой из них в отдельности и всех в совокупности с другими государствами «Расширенного Ближнего Востока».

Задачами настоящей диссертации предусматривается не только анализ стратегических ситуаций на «Расширенном Ближнем Востоке», выявление роли и позиций здесь ведущих политических акторов, но и определение стратегических приоритетов России в регионе. Что важного можно выделить в этой связи в отношении монархий Персидского залива и, прежде всего, Саудовской Аравии?

Как справедливо отмечает специалист по геополитике России И. Деланоэ, Россия и Саудовская Аравия «всегда противостояли друг другу, но ситуация на военном и политическом поле в корне изменилась. Для саудитов Москва теперь является уже не проблемой, а составной частью решения. Москва хорошо понимает, что успех любого политического соглашения в Сирии не может быть достигнут без гарантий стран Персидского залива, начиная с Саудовской Аравии. Она хочет также добиться от саудитов прекращения их поддержки «исламистских» террористических групп и членов сирийской оппозиции. Сегодня существует возможность для компромисса»³⁴³.

Начало сближению двух стран, во всяком случае, большему согласованию их позиций, было заложено в результате первого в их истории визита Президента

³⁴³ Цит. по: *Стабилье А.* Азартная игра Путина на Ближнем Востоке создала невероятные альянсы //INOPressa. URL: https://www.inopressa.ru/article/06oct2017/inotheme/alliance_obzor (датаобращения: 20.11.2019).

России в Эр-Рияд в феврале 2007 года. В ходе переговоров с королем этой страны В.В. Путин заявил, что «Россия и Саудовская Аравия должны расцениваться не как конкуренты, а как союзники на мировом рынке энергоресурсов»³⁴⁴. Переговоры между руководителями двух стран были продолжены в ходе ответного визита короля Саудовской Аравии Сальмана Бен Абдель Азиз Ас-Сауда в Москву в октябре 2017 года. Результаты переговоров продемонстрировали, что в условиях стремительных перемен в регионе и мире, на фоне растущих сомнений относительно мирового лидерства США, определенного снижения интереса Вашингтона к региону король Саудовской Аравии стремится «покончить с исторически сложившейся зависимостью его страны от Соединенных Штатов и разнообразить ее международные партнерства и диверсифицировать свои отношения с остальным миром»³⁴⁵. Этот визит свидетельствовал о признании королевством растущего влияния России и изменения ее баланса сил на Ближнем Востоке. Констатируя эти реалии, в «The Wall Street Journal» отмечалось: «Король Салман заявил, что визит показал «совпадающие взгляды» России и Саудовской Аравии по целому ряду региональных и геополитических вопросов»³⁴⁶.

Значимым шагом к сближению Москвы и Эр-Рияда стало требуемое в тот момент решение России о сокращении объемов добычи нефти на 300 тыс. барр. в сутки. Это решение было достигнуто в июне 2017 года в ходе визита вице-премьера Саудовской Аравии кронпринца Мухаммада бин Салмана вместе с министром энергетики королевства Халидом аль-Фалиха на переговорах с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и министром энергетики А. Новаком. Были одобрены шаги для сокращения объемов добычи нефти странами ОПЕК и Россией. Соглашение придало России новый вес на мировых энергетических рынках. На переговорах обсуждались вопросы, касающиеся

³⁴⁴ Путин: Россия и Саудовская Аравия – лидеры по экспорту энергоносителей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/politics/20070212/60573266.html> (дата обращения: 20.11.2019).

³⁴⁵ *Стабиле А.* Азартная игра Путина на Ближнем Востоке создала невероятные альянсы // INOPressa. URL: https://www.inopressa.ru/article/06oct2017/inotheme/alliance_obzor (дата обращения: 20.11.2019).

³⁴⁶ Putin, Saudi King Explore Deeper Cooperation // The Wall Street Journal, October 5, 2017. URL: <https://www.wsj.com/articles/putin-saudi-king-explore-deeper-cooperation-1507224720> (дата обращения: 20.11.2019).

расширения взаимовыгодного сотрудничества двух стран и их участия в совместных нефтяных проектах. Переговоры Путина на Саммите G-20 в Буэнос-Айресе в 2018 году с наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом бен Салманом продемонстрировали готовность к дальнейшему углублению сотрудничества.

Этот момент необходимо выделить особо. Руководство США, как известно, вводя против России все новые санкции, обещало «разорвать в клочья» ее экономику. При этом Соединенные Штаты рассчитывали на безоговорочную поддержку такой политики их союзниками. Реалии утверждающегося многополярного мира показали, однако, иллюзорность подобных расчетов и, в конечном счете, несостоятельность всей конструкции желаемого Америкой миропорядка.

Россия в ответ на все ужесточающиеся западные санкции занялась поиском альтернативных источников финансирования, в том числе, на Ближнем Востоке. Начались, в частности, переговоры России с Объединенными Арабскими Эмиратами о поощрении и взаимной защите капиталовложений, которые стали успешно реализовываться на практике. Одним из удачных примеров сотрудничества в этом направлении стал выкуп в декабре 2016 года «Glencore и Qatar Investment Authority» 19,5 % акций «Роснефти». Сумма сделки оценивается в 10,5 млрд. евро, или 11,3 млрд. долл. По мнению американского аналитика Дж. Хендерсона, «эта сделка буквально цементировала энергетические связи России с Ближним Востоком, а для местных инвесторов послужила сигналом о востребованности их прямых инвестиций в российские активы». Такие компании для России стали новыми источниками капитала и «очередным инструментом наращивания влияния в регионе»³⁴⁷.

На встрече с королем Бахрейна в феврале 2016 года в Сочи руководство России добилось договоренностей с этой страной о налаживании военно-технического сотрудничества. Состоялись встречи В.В. Путина с эмиром Катара

³⁴⁷ Цит. по: *Маром Э.* Война в Сирии: враг моего врага не обязательно мой друг //Иносми. URL:<https://inosmi.ru/politic/20161011/238000318.html> (датаобращения: 20.01.2020).

в январе 2016 года и с королем Бахрейна в феврале 2016 года. Принц Абу-Даби, близкий союзник США, весной 2018 года отклонил приглашение в Вашингтон. Но в июне он приехал в Москву, осуществив седьмую поездку за пять лет, и подписал с Путиным соглашение о «стратегическом партнерстве»³⁴⁸. Интенсивность такого рода соглашений не снижается и в последние месяцы, в сложных условиях нового накала в политике «сдерживания» России, разогреваемого Соединенными Штатами и их союзниками. Более чем показательны то, что страны Персидского залива не присоединились к политике «блокады» России, объявленной Западом в феврале 2022 года и недвусмысленно дали понять, что ни о каком перенаправлении топливно-энергетических потоков, уже завязанных на заключенные ранее контракты) не может идти и речи. Более того, их позиция в отношении России в целом в разгар военной операции на Украине стала выражена настолько выпукло, что редакции «МК» это дало основание озаглавить интервью с видным востоковедом, академиком В.В. Наумкиным как «Арабский тыл Путина»³⁴⁹.

Особую значимость ситуации придает и то, что в геополитических и геоэкономических раскладах на «Расширенном Ближнем Востоке» в целом и в зоне Персидского залива в частности все более активную роль начинает играть Китай, решительно поддерживающий Россию в ее противостоянии диктату в международных отношениях. Новые стратегические ситуации, складывающиеся в регионе, «возвращение» России на «Расширенный Ближний Восток», и не только в те его страны, где сильные ее позиции существовали ранее, но и в те, где они прежде были минимальными, свидетельствуют о том, что в мире возникают новые центры влияния. И хотя применительно к странам Залива говорить об их подключении к перспективам «постаметриканского» миропорядка было бы крайней передержкой, но их меняющиеся стратегические

³⁴⁸ *Sly L.* In the Middle East, Russia is back The Washington post, December 5, 2018.

³⁴⁹ Арабский тыл Путина: Кремль нейтрализовал геополитическое супероружие США // Московский комсомолец, № 28769 от 21 апреля 2022 г.

позиции свидетельствуют о накоплении все больших эрозийных зон в модели отстаиваемого Вашингтоном однополярного мира.

3.5. Афганский фактор как вызов национальной безопасности России и как элемент воздействия на ситуацию на «Расширенном Ближнем Востоке»³⁵⁰

Следует подчеркнуть, как уже указывалось ранее, что Афганистан не входит непосредственно в регион «Расширенного Ближнего Востока», будучи отгороженным от него, прежде всего, Ираном. Вместе с тем, следует отметить, что в ходе афганской войны были установлены теснейшие отношения между радикальными политическими группировками арабских страна и Афганистаном в силу активной политической и финансовой поддержки первыми афганских моджахедов и направления значительного количества арабских боевиков боевиков на помощь афганским исламистам. Немаловажно учесть и то обстоятельство, что политика США в Афганистане увязывалась в единое целое с общими установками американского проекта Большого Ближнего Востока, что и дает нам основание включить данный параграф в настоящее исследование. Целесообразность такого включения обуславливается еще и тем, что, помимо Ирана и Пакистана, Афганистан соприкасается с государствами Центральной Азии, с которыми его к тому же объединяет наличие в стране единых этнических (таджиков, узбеков, туркменов), а это, в силу специфики деятельности международного терроризма, существенно

³⁵⁰ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2019. – № 4. Т. 21. – С. 687-705; *Ханалиев Н.У.* Две стороны китайской экспансии в Центральной Азии (на примере Казахстана). Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 9 (66). С. 2339-2348; *Ханалиев Н.У.* Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центральноазиатский регион. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205-225; *Ханалиев Н.У.* Национальная безопасность России в контексте террористической угрозы региональной безопасности // Информационные войны. – 2020. – № 1(53). – С. 87-90.

обостряет проблемы для национальной безопасности России, которые непосредственно входят в круг задач нашей диссертации.

Серьезнейшие коллизии Афганистана обусловлены как внутренними, так и внешними факторами. Если речь идет о внутренних факторах, нужно указать, в первую очередь, на непрекращающиеся межплеменные, межклановые, этнические и иные противоречия и конфликты, борьбу, которую вел Талибан с другими радикальными группировками и их борьбу между собой, многолетнюю войну одновременно всех их вместе с властями в Кабуле до его захвата талибами, что стало чуть ли не повседневной реальностью этой страны. В этом плане, коль скоро в настоящей главе речь идет, прежде всего, о стратегемах политики соответствующих госуларств, можно отметить, что в последние годы роль центральных властей в политической жизни страны была далеко не доминирующей, и многие политические обстоятельства складывались под воздействием иных политических акторов.

Стабилизирующую роль в стране, как они заявляли, пытались взять на себя Соединенные Штаты, поставив Афганистан практически под полное внешнее управление. Эта политика оказалась безрезультативной, во многом катастрофичной. Б. Обама вывел из Афганистана 120-тысячную группировку военнослужащих США³⁵¹, этот процесс продолжался при президенте Д. Трампе и закончился при нынешнем президенте-демократе Дж. Байдене. Стремительный вывод военного американского контингента из Афганистана, завершающий двадцатилетнюю историю бесславной кампании США в этой стране, стал вынужденным признанием Вашингтона провала попыток укрепить афганскую государственность и добиться национального примирения по его формуле. Надо отметить в то же время, что выводом из страны американских воинских подразделений неопределенность, непрогнозируемость перспектив Афганистана было многократно усилена.

События в Афганистане, принявшие крайне драматический характер, – это проблема не только одной этой страны. Для России главным выступает задача обеспечения ее национальной безопасности. Речь, в первую очередь, поэтому должна

³⁵¹ При этом, Обама выбрал военное вмешательство США в Ливии, приведшее к убийству лидера этой страны Муаммара Каддафи. Гибельные результаты этого решения лауреата Нобелевской премии мира Б. Обамы общеизвестны.

идти о постсоветском пространстве. Заметной внешней угрозой стабильности в центральноазиатских республиках становится усложняющаяся обстановка на севере Афганистана (как, впрочем, и в стране в целом), с которым Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан имеют протяженную границу со сложным для контроля рельефом. Хотя к настоящему времени в государствах Центральной Азии сформированы соответствующая правоохранительная система, службы охраны границ, серьезные проблемы сохраняются. Отчасти это связано с объективными обстоятельствами: для сколько-нибудь надежного контролирования такой протяженной границы необходимы серьезные финансовые, материальные, человеческие и другие ресурсы, что не всегда можно в должной мере обеспечить. Свое значение имеет и рельеф и т.п., что оставляет для заинтересованных зарубежных структур реальные лазейки для проникновения в эти страны. Особого разговора требует и вопрос качества и выверенности и качества руководства центральноазиатских республик в области внутренней и внешней политики.

Об опасности ситуации свидетельствует то, что в Афганистане при общем изменении обстановки усилились вооруженные формирования и в северных провинциях. Особую значимость этому событию придает то, что речь идет о территориях, населенных этническими узбеками, таджиками, туркменами и киргизами и граничащих с тремя центральноазиатскими государствами – Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Основным местом дислокации Талибана до занятия им Кабула и других формирований здесь являлись афганские провинции Кундуз, Тахар, Бадахшан. Отсюда экстремисты перебрасывали (и нет твердых оснований для предположений, что эта переброска прекратится в обозримом будущем) своих эмиссаров в центральноазиатский регион, преимущественно через центральные и восточные районы Таджикистана. Они делали акцент на деятельности в Ферганской долине, Ошской и Джалал-Абадской областях Киргизии, где создавали нелегальные структуры и пытались распространить их влияние на остальные районы Центральной Азии. Эмиссары боевиков привлекают в свои ряды новых сторонников,

налаживают связи с подпольными ячейками «Хизб-ут-Тахрир» в Киргизии и членами запрещенной Партии исламского возрождения Таджикистана³⁵².

Боевики движения Талибан еще до захвата власти в столице регулярно нападали на афганский уезд Нусаи, расположенный около границы с Таджикистаном³⁵³. Хотя руководством Талибана подчеркивалось в тот момент, что его главная цель – не страны Центральной Азии, а, прежде всего, свержение официальных властей Кабула, однозначно можно было, по меньшей мере, утверждать, что его деятельность здесь (равно, как и других экстремистских группировок) была крайне важна в качестве удобного маршрута наркотрафика в Россию и Европу. Это – по меньшей мере. На деле же провоцирование нестабильности обстановки в центральноазиатских республиках со стороны экстремистских афганских группировок продолжало оставаться все это время вполне ощутимым.

Принципиально важно, однако, отметить, что в последние годы начинала постепенно прослеживаться тенденция к некоторым переменам в позиции руководителей Талибана. Во всяком случае, готовясь к захвату власти и понимая, что в этом новом качестве Талибану нужно на новых основаниях утверждать свои международные позиции, многие его представители стали проявлять все большую готовность идти на контакты с Россией, где он запрещен как террористическая организация. И сама Россия многократно пыталась организовать межафганский диалог этой организации с тогдашними официальными властями Кабула. Руководство Российской Федерации отдавало и продолжает отдавать отчет в том, что Талибан – это реальная сила, которая все предшествующие годы контролировала значительные части страны и реально претендовала на власть.

Уже в 2019 году представители Талибана и России собрались в Москве для обсуждения вопросов, связанных с выводом американских войск из Афганистана

³⁵² *Кадомцев А.* Большая игра в Центральной Азии – соперничество продолжается // *Международная жизнь.* 2018. № 10.

³⁵³ Талибы атаковали уезд на таджикско-афганской границе: есть жертвы // *Sputnik.* Доступ: <https://tj.sputniknews.ru/world/20191103/1030155046/>

и достижением мира в стране. Эта встреча состоялась после провала прямых переговоров между США и Талибаном. Следует, как принципиальный момент, подчеркнуть, что ее инициировали не официальные российские дипломаты, а организация под названием «Афганская диаспора в России». В этом мероприятии приняли участие как представители афганской диаспоры в России, так и граждане Афганистана, и самое главное – влиятельные представители основных формирований талибов и видных политиков Афганистана.

Мероприятие стало проявлением действенности российской «мягкой силы» в регионе. В результате усилий России именно она, а не США, стала многими восприниматься в Афганистане как инстанция, в которую и следует обращаться по сложным вопросам, связанным с определением перспектив страны³⁵⁴. Именно так, хотя и достаточно осторожно, еще до вывода американских войск, оценил политику России в афганском вопросе израильский аналитик Ш. Аттас: Россия здесь, отмечал он, с некоторым успехом разрабатывает новый прототип дипломатической «мягкой силы». И такая ее роль становится все более заметной: ощутимо растет число проектов общественной дипломатии, направленных на продвижение глобального имиджа России. В то же время сокращение присутствия США в Афганистане, а также в ряде стран Расширенного Ближнего Востока способствует укреплению позиций России как регионального посредника в установлении мира.

Комментируя итоги межафганских переговоров в Москве, официальный представитель талибов в Катаре Мухаммад Сохаил Шахин заявил, что территория его страны не будет использоваться против России и соседних стран. При этом он положительно оценил роль России в урегулировании положения в Афганистане. Как отмечал Шахин, «роль России очень велика, и поэтому мы участвовали в переговорах в Москве не один раз. Мы благодарны правительству РФ за содействие таким встречам с афганцами. Мы должны работать вместе для

³⁵⁴ *Attias Sh. Russian Soft Power in the Middle East // BESA Center Perspectives Paper, July 26, 2019. Доступ: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2019/07/1229-Russias-New-Soft-Power-in-ME-Attias-final.pdf>*

установления мира в Афганистане, который окажет положительное влияние на весь регион»³⁵⁵.

Такая политика, однако, осуществлялась не без серьезных осложнений и отступлений – и не только в силу специфических установок Талибана. Так, крайне негативной тенденцией стало появление на территории Афганистана еще одного осложняющего фактора – группировок ИГИЛ, которые, как мы уже отмечали, стремятся серьезно расширить зону своего влияния, включив в нее ряд государств Центральной Азии, Иран, Афганистан и Пакистан³⁵⁶. Это усилило возможности для активизации экстремистских движений в целом. По мнению, в частности, корреспондента «Независимой газеты» Г. Джанбаса, несмотря на разнонаправленность идеологических установок движения Талибан и ИГИЛ, их действия по тактическим соображениям могут совпадать в том, что касается переноса факторов нестабильности в глубь Центральной Азии и России³⁵⁷.

Здесь необходимо отметить, что одним из факторов, продолжающих связывать Афганистан со странами «Расширенного Ближнего Востока», является наличие в нем отрядов ИГИЛ и даже усиление их в последнее время, после того, как они потерпели решительное поражение в Сирии и Ираке.

Считаем важным выделить этот момент особо, ибо после прихода талибов к власти эта власть продолжает оставаться неконсолидированной, различные вооруженные группировки и альянсы еще долго будут проявлять себя в политической жизни. Это касается и ИГИЛ, чьи силы, действующие в настоящее время в Афганистане, могут вырасти за счет вербовки новых сторонников, в том числе, – и за счет противников талибов. Другим фактором пополнения отрядов ИГИЛ является приток террористов, отступающих из Сирии и Ирака в результате

³⁵⁵ *Mandraud I., Zerrouky M. Omar Al-Chichani, l'icône djihadiste touchée par une frappe américaine // Le Monde, 10 Mars 2016. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2016/03/10/omar-al-chichani-l-icone-djihadiste-touchee-par-une-frappe-americaine_4879684_3210.html (дата обращения: 20.01.2020).*

³⁵⁶ Это обстоятельство как раз и подчеркивает еще раз целесообразность включения настоящего параграфа в диссертацию по проблемам «Расширенного Ближнего Востока».

³⁵⁷ *Джанбаз Г.* ИГИЛ готовится сменить "Талибан" в афганском джихаде. Доступ: http://www.ng.ru/world/2019-08-26/100_afganistan260819.html.

успешных и эффективных ударов сирийской и иракской армии, а также важной роли России в разгроме террористического квазигосударства³⁵⁸.

Несмотря на определенные потери ИГ в Афганистане, в том числе ликвидацию одного из ее лидеров Санда Хафеза Хана, эта организация продолжает реализовывать стратегию превращения Афганистана в плацдарм для переноса своей террористической деятельности на Центральную Азию, Пакистан, Индию, Китай и Иран. В случае успеха деятельности в последнем, возникнет также угроза возвращения ИГИЛ на территорию «Расширенного Ближнего Востока» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В этой связи обращает на себя внимание то, что сторонники ИГИЛ на момент прихода талибов к власти были выявлены в 25 из 34 афганских провинций. Особенно много их в северных провинциях Афганистана – Фарьябе, Кундузе, Тахаре, Бадахшане, Джаузджане и Сари-Пуле. За последнее время к ИГИЛ примкнул ряд полевых командиров Исламского движения Узбекистана и других «исламистских» группировок. Так, по данным информационно-аналитического агентства «CentralAsiaMonitor», главарь Исламского движения Узбекистана Усмон Гози заявил о прямом присоединении своей террористической организации к боевикам ИГИЛ.

Предметом особой озабоченности является создание ИГИЛ в этих провинциях внушительной сети лагерей по подготовке боевиков, в которых в том числе обучаются выходцы из государств Центральной Азии и граждане России. Террористами реализуются меры по установлению контроля над отдельными участками государственной границы Афганистана с государствами Центральной Азии, для чего осуществляются заходы небольших отрядов боевиков на их территорию для ведения разведки и приобретения связей среди местного населения³⁵⁹.

³⁵⁸ Казанцев А.А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России. М., 2015.

³⁵⁹ Ханалиев Н.У. / О некоторых особенностях политики США в Центральной Азии // Наука сегодня, 2019, №10, с. 2185-2194.

В 2018 году правоохранные органы Республики Таджикистан задержали террористов, готовивших серию терактов на стратегических объектах страны, в том числе против 201-й российской военной базы. Была также пресечена деятельность террористической группировки, члены которой, прошли идеологическую подготовку в лагерях ИГИЛ в Афганистане. Только за 2018 год по обвинению в экстремистской и террористической деятельности в Республике Таджикистан были задержаны более двухсот человек, подозреваемых как члены ИГИЛ, Движения «Салафия» и других террористических группировок, представляющих реальную угрозу для всего региона в целом. И эти цифры не уменьшаются, но, напротив имеют тенденцию к своему росту.

С 2014 по 2017 годы ИГИЛ расширило районы своего присутствия в Афганистане в четыре раза. Так, к концу лета 2017 года их численность увеличилась вдвое и составила от 8 до 11 тыс. человек, что позволяет при необходимости сформировать наступательные группировки на таджикском направлении, узбекском – до 1 тыс. человек, туркменистанском – до 3-4 тыс. человек. После военного поражения в Сирии численность боевиков из ИГИЛ стала все более заметно увеличиваться.

Имеются попытки объединения русскоговорящих боевиков, воюющих в Афганистане, в том числе перебравшихся в страну из Сирии и Ирака, под единым командованием бывших участников террористического бандподполья, действовавшего на Северном Кавказе. При этом лидеры террористов делают ставку не столько на активные боевые действия, сколько на усугубление социально-экономических кризисных явлений в странах Центральной Азии. С помощью пропаганды ИГИЛ рассчитывает подключиться к внутривосточным кризисным процессам в регионе³⁶⁰.

Ситуацию осложняют не снижающаяся обороты идеологическая, пропагандистская и рекрутская деятельность лидеров «террористического

³⁶⁰ Патрушев: террористы ИГИЛ готовят плацдарм для вторжения в Таджикистан // Sputnik. Доступ: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20191218/1030410578/>

интернационала» с использованием информационно-коммуникационных технологий, в первую очередь Интернета и социальных сетей.

Что касается финансовой, технической и иной подпитки ИГИЛ и других террористических группировок, то многократно фиксировались случаи полетов вертолетов без опознавательных знаков, доставляющих оружие и боевиков в различные провинции Афганистана, и это в условиях, когда стала работать новая радарная система контроля воздушного пространства Афганистана, контролируемая в тот момент НАТО³⁶¹..

Таким образом, можно отметить, что понесшая в последнее время значительные потери (по разным данным, оценивается в 3-4 тыс. чел.) группировка ИГИЛ в Афганистане пытается продемонстрировать всем участникам, что ликвидация в октябре 2019 года лидера организации А.Б. аль-Багдади не сказалась на боеспособности группировки и ее настрое продолжать свою подрывную активность в регионе в целом.

Вызывают огромное опасение настойчивые попытки террористов, прежде всего, боевиков ИГИЛ, взять под контроль контрабанду наркотиков через афгано-таджикскую границу. Подобные действия ИГИЛ являются вполне ожидаемыми: для получения финансовых ресурсов задачей боевиков продолжает оставаться содержание наркополей, лабораторий, наркозаводов и обеспечение их непрерывной работы, а также удержание контроля над основными логистическими маршрутами, по которым наркотики поступают в Центральную Азию, Россию и Европу.

Правоохранительные органы Афганистана до захвата власти талибами периодически публиковали сведения об уничтожении маковых полей и задержании производителей наркотиков, однако эта информация не внушает оптимизма. Так, зафиксированное Управлением ООН по наркотикам и преступности сокращение в стране площадей опийного мака на 20 % за 2018-2019 годы, в действительности, по мнению многих экспертов, было связано

³⁶¹ Афганистан получил полный контроль над своим воздушным пространством // Интернет-газета «ZONAKz». Доступ: <https://zonakz.net/2018/08/10/>

исключительно с повлиявшими на урожайность неблагоприятными природными условиями. И хотя одним из первых указов новой власти (Талибана) в Кабуле за производство и торговлю наркотиками устанавливается наказание в виде смертной казни, при разнородности разного рода группировок вряд ли можно увидеть позитивные подвижки в этом направлении в обозримом будущем.

В качестве наиболее вероятных направлений для наступательных действий экстремистов обозначены Ферганская долина через Республику Таджикистан и Бухарская область через Туркменистан. По различным данным, вблизи таджикско-афганской границы насчитывается порядка 15 тыс. различных групп боевиков. Значительной угрозой для Таджикистана остается деятельность террористических организаций: «Исламское движение Узбекистана», «Союз исламского джихада», «Джамаат Ансаруллах», «Хизб-ут-Тахрир» и «Джундаль-Халифат», плацдармом для которых является Афганистан и пограничная с ним часть Пакистана. Происходит концентрация вооруженных бандформирований на афганском берегу р. Пяндж.

Крайне неустойчиво чувствует себя и Туркменистан, который не всегда способен демонстрировать силу и волю и должным образом реагировать на нередкие вылазки как боевиков, так и военных со стороны Афганистана.

Обращают на себя внимание планы экстремистов по созданию на территории Афганистана центральноазиатских «правительств в изгнании». В состав таких «правительств» предполагается включить этнически родственных народам Центральной Азии наиболее одиозных членов радикально-экстремистских группировок.

В этой связи, по мнению директора Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана МГИМО А.А. Казанцева, в нынешней ситуации надежный заслон от афганских угроз, а также в более широком масштабе – от угроз для политической стабильности в регионе, может наиболее эффективно обеспечить российское присутствие в Центральной Азии и деятельность в регионе ОДКБ. Этому

содействует дислокация российских военных объектов в Киргизии и в Таджикистане³⁶².

Рост угроз безопасности на центральноазиатском и афганском направлениях, вызванный миграцией террористов-боевиков из зоны боевых действий в государства их происхождения, значительно повышает роль и значение ОДКБ как международной организации, имеющей реальные военные силы в регионе.

На афганском направлении основными являются военные и специальные методы укрепления границ, создание различного рода поясов безопасности, модернизация вооруженных сил Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана, а также, развитие двустороннего сотрудничества с Узбекистаном и Туркменистаном. Актуальным становится расширение взаимодействия ОДКБ и ШОС в противодействии взаимосвязанным вызовам безопасности, таким как религиозный экстремизм, сепаратизм, терроризм, наркоторговля.

Кроме того, необходимо усиление межгосударственной координации по линии борьбы с нелегальной миграцией как из третьих стран через территорию Центральной Азии, так и из центральноазиатских республик. Это позволит создать надежный механизм противостояния от проникновения международных террористов из Афганистана через Центральную Азию в Россию.

В связи с ростом угрозы на афганском и центральноазиатском направлениях следует отметить, что наряду с военными компонентами требуется усиление организации в сфере борьбы с пропагандой «исламистских» группировок. Идейная борьба с так называемым «радикальным исламизмом» как террористической идеологией в Центральной Азии является не менее важной задачей, чем силовое противодействие международному терроризму. Существенную роль в этом может и должны сыграть образование и просвещение.

³⁶² Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / под. ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева.–М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017.

Как отмечает А.В. Манойло, идеологические установки террористов представляют собой «мягкую силу, поскольку «значительную часть молодых членов этих группировок привело к «джихадистам» увлечение их мировоззренческими установками, ценностями, взглядами на мир и на наиболее острые его проблемы (среди которых самыми серьезными являются проблемы социально-политического неравенства, нищеты, отсутствие социальных лифтов), а также уверенность этих группировок в собственных силах и способности эти проблемы решить. В идеологии всех группировок – и Талибана, и Аль-Каиды, и ИГ, и «Братьев-мусульман», сильно замешанной на «исламизме» и исламском модернизме, активно используются такие понятия, как социальная справедливость, равенство, отсутствие сословных, родовых, племенных различий, братство, взаимопомощь и взаимная поддержка в любом деле (то есть, коллективизм)»³⁶³.

В этом направлении приоритетной задачей сегодня видится в наращивании совместных усилий государств в целях эффективной борьбы с терроризмом и экстремизмом, осуществляющих пропагандистскую и подрывную деятельность в сети «Интернет». Актуально усиление комплексной экспертной работы по «сглаживанию» экстремистских посылов. Всё это может несколько скомпенсировать сложную ситуацию, связанную с «управлением дискурсом и манипуляцией интенцией», на которую экстремисты, зачастую ставят основную ставку в формировании «спящих ячеек» на территории России.

Таким образом, без наличия качественной системной экспертной работы в идеологическом противостоянии на интернет-пространстве, а также без сплоченной работы в военно-политическом секторе силового блока, невозможно рушить планы по сооружению так называемого «Великого Хорасана» и в целом противостоять такой сложной угрозе человечества, как международный терроризм.

³⁶³ Манойло А.В. Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман» // Русская политология – Russian political science? 2016, №1. С. 71.

Следует отметить в связи с этим позицию многих довольно влиятельных кругов – представителей государственной власти, интеллектуальной и политической элиты центральноазиатских государств, которые делали упор на развитие тесных взаимовыгодных торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей с Афганистаном. Как пишет, например, заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований С. Кушкумбаева, «Ташкент стремится решить проблемы не путем блокирования границы с афганской территорией. Наоборот, власти стараются их открыть, чтобы углубить экономические и торговые связи с беспокойным соседом, развивают инфраструктурные объекты. Суть в том, что в решении афганских проблем Узбекистан переориентировался на экономические инструменты»³⁶⁴.

В принципе такая позиция вполне естественна и перспективна, поскольку три страны Центральной Азии – Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан граничат с Афганистаном, в нем проживают представители народов этих стран или родственных им этносов. Но в то же время подобный взгляд не должен заслонять важности и другой задачи – осуществления эффективного контроля над границей. Тем более, что заметно нарастающая в Афганистане военно-политическая турбулентность, приход талибов к власти, имеет весьма неоднозначный характер.

Представленный выше материал сознательно дан нами в достаточно подробном изложении. Казалось бы, на первый план в аналитике должен выйти вопрос о Талибанах, пришедшем к власти в стране. Действительно, такая позиция и понятна, и оправданна. Вместе с тем, как мы считаем, было бы крайним упущением оставить без внимания активную деятельность других террористических группировок здесь. Такая наша позиция подкрепляется отмеченной в начале главы слабостью скреп государственности в Афганистане, ограниченностью в связи с этим возможностей любого центрального правительства, общей мозаичностью политической палитры в стране. Не в

³⁶⁴ ИГ строит халифат в Центральной Азии. Москва бьет тревогу // РИА Новости, 26 сентября 2018. URL: <https://ria.ru/20180926/1529330093.html>(дата обращения: 20.01.2020).

последнюю очередь, сохранение достаточно объемной части, связанной с деятельностью ИГИЛ, обуславливается предположением о возможности обострения его отношений с Талибаном или, во всяком случае, о выстраивании достаточно непростых отношений между двумя этими группировками. Однако, естественно, что изменившиеся обстоятельства (переход власти к талибам в середине августа) требует от нас нового осмысления ситуации и оценки перспектив развития ситуации в Афганистане в новых условиях. И хотя, мы отчетливо осознаем это, время для более обстоятельного и выверенного анализа еще не наступило – новая власть просто не успела в полной мере проявить себя, – диссертационное исследование в обязательном порядке должно включать в себя некоторые обоснованные предположения.

Конечно же, движение Талибан существенно отличается от ИГИЛ. В отличие от последнего оно имело возможность ведения прямых и открытых переговоров с высшим руководством ряда государств, в первую очередь, с Россией и США. Последний (до взятия власти) визит представителей Талибана в Москву состоялся в марте 2021 года, а до этого в «Президент-отеле» делегацию талибов трижды принимал лично глава российского внешнеполитического ведомства Сергей Лавров – в ноябре 2018 года, в феврале и мае 2019 года. Россия в первую очередь учитывает декларируемый руководством Талибана ограниченный радиус его интересов, в чью плоскость входит исключительно утверждение своих позиций во внутренней политике Афганистана.

Уместно в этой связи обратить внимание на инцидент, произошедший вблизи таджикско-афганской границы в провинции Кундуз 22 июня 2021 года, когда более 130 афганских пограничников под натиском Талибана были вынуждены спасаться бегством на территорию Таджикистана. Таджикские пограничники разрешили прорвавшимся через госграницу афганским военным беспрепятственно пройти на территорию страны, создав им коридор безопасности и ожидая при этом атаку со стороны талибов. Однако боевики Талибана, вытеснив афганских пограничников за таджикскую границу, не стали предпринимать попытку преследования с проникновением на территорию

Таджикистана. Этим как бы подтверждаются заверения руководства Талибана о том, что его не интересует прорывы границы в какую-либо страну, талибы заинтересованы в укреплении своего военно-политического статуса только на территории Афганистана. Подобная установка декларируется и в отношении экспорта своей идеологии.

Подчеркиваем еще раз, что это только декларации, но декларации официальные, что и дает возможность России осуществлять прямой диалог с Талибаном как с некой политической силой, составлявшей уже в течение ряда лет реальную конкуренцию действовавшей официальной афганской власти. И перспективы такого диалога в связи с полным выводом американских войск из Афганистана с сентября 2021 года становятся все более реальными. Они уже получили некоторую свою реализацию в последние месяцы. Более того, при определенных, оговоренных Россией условиях, Российская Федерация готова к признанию нового правительства.

Разумеется, говорить о том, что Россия одобряет приход талибов к власти в Афганистане, будет крайне существенным искажением ее позиции. Россия старается вести конструктивный и многогранный диалог со всеми политическими акторами. Такую линию Россия проводит не только по отношению к Афганистану, но и в целом в отношении всех участников международных отношений. В отличие от США, Россия не привыкла вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, а придерживается роли посредника в национальной розни, тем более, если это происходит вблизи ее границ, снижая тем самым угрозы и своей национальной безопасности.

Справедливо тем не менее предположить, что после вывода американских войск из Афганистана вызовы региональной стабильности, исходящие от этой страны, достигнут своего апогея и будут сохраняться еще долгое время. Для США стратегические преимущества в Афганистане ранее были важны для сдерживания Ирана, Китая и России в их интеграционных процессах в виде ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и Китайской инициативы «Один пояс – один путь». Однако после вывода американских войск из Афганистана, которые все же определенным образом

сдерживали накал противостояния, афганская территория может стать ареной еще большего противоборства и тем самым источником формирования новых угроз для национальной безопасности государств Центральной Азии и как следствие России. Это может быть связано далеко не только в возможных гипотезах прорыва границ, а в экспорте целого комплекса нестабильности.

В этой связи возникает необходимость более предметно оценить вывод войск США и коалиции НАТО из страны. Несомненно, для Вашингтона это крупнейшее дипломатическое и в целом внешнеполитическое поражение за последние десятилетия. Афганский синдром вряд ли будет менее продолжительным и болезненным, чем вьетнамский синдром; это отчетливо видно в шквальной критике Дж. Байдена в самой Америке³⁶⁵. Не стоит недооценивать и реакции со стороны нынешних сателлитов США, которые возлагают надежды на всемерную защиту со стороны Вашингтона. Американцы в откровенно циничной форме показали, как мало их волнуют судьбы и жизни их недавних союзников. Следует ожидать многомиллионного потока беженцев – этого сильнейшего раздражителя Европы. Можно заключить даже, что репутационные издержки для США напоминают характер катастрофы. И такого рода фиксации можно было бы продолжать бесконечно долго, и они будут справедливы и обоснованы.

И все же требуется обратить внимание и на другую сторону медали. Мы уже имели возможность выделить в диссертации тезис о том, что в условиях стремительной утраты США своей роли монополиста в международных делах они под флагом «демократической революции» стремятся насадить в мире обстановку «управляемого хаоса». В случае с Афганистаном должной управляемости им достичь не удалось, но обстановка хаоса ими создана. И, наверняка, через определенное время, несколько оправившись от шока, в США будет в новой интерпретации обрабатываться, во-первых, тезис: Без Америки

³⁶⁵ Нагнетание истерии вокруг мнимых планов «нападения» России на Украину продиктовано не в последнюю очередь стремлением властвующей элиты США стряхнуть это состояние, продемонстрировать нации и миру способность Америки эффективно поиграть своими мускулами.

Афганистан обречён. И, во вторых (что еще более важно), обстановка хаоса создана в непосредственной близости от зоны жизненных интересов России.

На настоящий момент талибы заняты утверждением своей власти в Афганистане, у них достаточно задач внутри страны. Но возможных проблем для соседних государств это не исключает. Талибан официально числится ООН в списке террористических организаций. Американцы при своем исходе оставили ему такое количество военной техники, с которым не могут соперничать иные крупные региональные державы. И даже если Талибан сосредоточится на вопросах государственного строительства, свойственные ему методы придется изживать в течение долгого времени.

Хотя и это мыслится если не маловероятным, то, во всяком случае, крайне проблемным. Россия будет предпринимать серьезные дипломатические усилия по налаживанию отношений с Афганистаном, в том числе, и посредством диалога с действующим режимом, демонстрирующим, кстати, свою готовность к такому сотрудничеству. Но Талибан далеко не однороден, и разногласия внутри его течений, даже просто амбиции влиятельных полевых командиров, будут оказывать существенное воздействие на его деятельность. Мы уже отмечали к тому же, что вооруженными отрядами в Афганистане располагает не только Талибан, но и другие террористические группировки, в том числе остающееся достаточно влиятельным ИГИЛ. Здесь также возможны, а, скорее всего, и неизбежны схватки. Маловероятно, что в нынешних условиях игиловцы сложат оружие и откажутся от идей построения всемирного халифата. Подтверждением тому является серия взрывов, прогремевших уже 27 августа 2021 года в Кабуле, то есть в самые первые дни прихода талибов к власти. Точное число жертв террористической атаки неизвестно. Сообщается о 103 погибших и более 1,3 тысячи пострадавших. Примечательно, что после взрыва руководство Талибана уже предприняло в отношении боевиков ИГИЛ некоторые акции. И мы говорим здесь только о первом случае, который, как показали последующие события, стал далеко не единичным.

При этом можно отметить, что если с игиловцами у талибов были и остаются заметные трения, то, к примеру, другая влиятельная террористическая организация «Аль-Каида»Талибан поддерживала всегда, что крайне затрудняет возможности его эволюции в направлении обретения им договороспособности и в любом случае обуславливает рост угроз со стороны международного терроризма.

Нельзя недооценивать также потенциал тех (хотя на данный момент – и немногих) вооруженных частей, которые долгое время сохраняли верность предшествующему правительству и которые сохраняют свои определенные возможности, хотя и функционируя на сегодня в «спящем режиме». Не следует игнорировать и еще одно обстоятельство, которое на данный момент еще не проявлено в полной мере, но должно отчетливо дать знать о себе в обозримом будущем. Талибан, хотя он и пытается придать своему движению всеафганский характер, сохраняет во многих отношениях ярко выраженную пропуштунскую направленность. И северные провинции Афганистана с их преимущественно таджикским и узбекским населением вряд ли согласятся существовать в новом государстве на положении граждан второго сорта, Тем более, что там существуют мощные группировки, имеющие многолетний опыт военных действий – сначала в рядах моджахедов, затем в столкновениях с талибами (сообщения о переходе некоторых руководителей этих группировок на сторону Талибана вряд ли идут дальше некоторых тактических соображений³⁶⁶).

И, наконец, Афганистан – это далеко не конгломерат исключительно экстремистских формирований. Подавляющее большинство афганцев заинтересовано в мирной созидательной деятельности, многие из них вполне светски воспитаны, и для них естественным будет если не активное сопротивление, то, во всяком случае, неприятие утвердившегося в Кабуле режима.

³⁶⁶ Так, Ахмат Шах-младший уже в первые дни после прихода к власти талибов предпринял на севере Афганистана не только серьезные усилия по консолидации антиталибовских сил, но и реально вступил в вооруженные столкновения с ними. И хотя эти группировки в открытых боях потерпели неудачу, избранная ими тактика партизанской войны еще даст о себе знать. Примечательно и другое. За помощью в поставке вооружений Ахмат Шах обратился к блоку западных держав, и данный факт может иметь свои проявления и в центральноазиатских государствах.

Такое состояние хаоса чревато серьезными вызовами не только для Афганистана. Даже принимая во внимание, что сами талибы в обозримой перспективе вряд ли попытаются осуществлять прямое проникновение в соседние страны, под их властью вполне могут расцвести другие радикальные группировки, что вызовет поток беженцев, рост экспорта экстремистской идеологии и лагерей подготовки боевиков, незаконного оборота наркотиков как источника финансирования. Следует ожидать и заметных подвижек в политической активности Пакистана на афганском направлении.

В таких условиях Россия категорически не приемлет какое-либо перемещение военной инфраструктуры США и НАТО, а также сотрудничающих с ними афганцев из ИРА на территорию соседних стран, в первую очередь Центральной Азии, изменения здесь миграционной политики. Поток беженцев из страны, особенно в случае проведения новыми властями откровенно пропуштунской политики, может достичь громадных размеров, и значительная их часть может оказаться на территории сопредельных государств. И политика США и их союзников в области предлагаемого ими решения миграционной проблемы в центральноазиатском регионе постсоветского пространства, в случае даже частичной ее реализации (а это в силу географической близости, этнического фактора и – в определенной степени – обещаемого притока финансовых средств достаточно вероятно), способна сыграть роль бомбы замедленного действия.

В этой связи, государствам-участникам ОДКБ и ШОС необходимо проявить инициативу формирования многостороннего режима для противодействия угрозам со стороны боевиков. В подобном процессе России крайне важно в то же время не ставить «железный занавес» перед Афганистаном, а совместно со своими союзниками шире прибегнуть к тем дипломатическим средствам, которые она так кропотливо развивала долгие годы. Российской дипломатии предстоит долгая и напряженная работа по восстановлению отношений доверия и добрососедства с Афганистаном, которые были таковыми в течение многих лет.

Выводы по главе 3

Сложная система противоречий, характерная для всего «Расширенного Ближнего Востока», естественным образом, хотя и по-разному, проявляет себя в существующих здесь государствах, в политике национальных правительств. Периоды относительной стабильности чередуются со взрывами недовольства, чреватými и на деле приводящие к частым переворотам и даже масштабным гражданским войнам. Резкие измерения принимают в регионе межгосударственные столкновения, заметное влияние в конфликтах имеет религиозная составляющая. И, безусловно, громадную роль в них играет фактор внешнего воздействия, – прежде всего, со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить в регионе свое геополитическое доминирование. Самым тревожным фактом последних лет стал выплеск на «Расширенном Ближнем Востоке» международного терроризма.

Осознавая невозможность освещения в отдельной главе ситуации во всех странах региона, автор диссертации был вынужден осуществить оговоренную ранее их выборку. Дан анализ, во-первых положения, быть может, в самой горячей на сегодня точке Ближнего Востока – Сирии. Во-вторых, – ситуации и позиций не без оснований претендующих на роль ведущих региональных держав – Турции и Ирана. В третьих, мы сочли необходимым особо выделить Афганистан, политическая турбулентность в котором в последние месяцы достигла крайних пределов. И, в четвертых, нам представилось целесообразным остановиться на ситуации в монархиях Персидского залива, как, казалось бы, наиболее благополучных и стабильных странах региона. Выборка, конечно же, не полная, но, как мы полагаем, дающая все же возможность выявить основные узлы

напряжения в регионе и дать анализ стратегем влиятельных здесь участников политического процесса.

Ситуация в Сирии важна для нашего исследования по нескольким основаниям. В ней наиболее полно прослеживается использование методик экспорта «демократической революции», осуществляемой США, – от политики двойных стандартов до пестования самых крайних сил. Пример Сирии важен для нас и тем, что эта страна, политический режим в которой смог устоять в условиях беспрецедентного давления. Страна важна и тем, что именно здесь в наиболее полной форме Россия продемонстрировала свое «возвращение» на «Расширенный Ближний Восток», наглядно показав свои решимость и способности в борьбе с международным терроризмом, в защите своих национальных интересов.

Турция и Иран, введенные нами в анализ, крайне значимы в несколько ином отношении. Это государства, располагающие огромным экономическим потенциалом с серьезными военными возможностями. Государства – со значительными каналами влияния (идеи Турана и исламского фактора) на территории соответствующих ареалов. Но это и государства, решительно отстаивающие независимость в своей внутренней и внешней политике и тем самым бросающие открытый вызов модели однополярного мира.

Выбор нами монархий Персидского залива связан и с тем очевидным обстоятельством, что они обладают огромными финансовыми источниками влияния на ситуацию в регионе, а Саудовская Аравия претендует на лидерство во арабском и шире – во всем мусульманском мире. Наш интерес к этой зоне «Расширенного Ближнего Востока» обусловлен еще и тем, что в имеющихся здесь межгосударственных конфликтах в более чистом виде проявляют себя собственно геоэкономические противоречия, лидерские амбиции и пр., что и нашло свое воплощение в коллизиях между Саудовской Аравией и Катаром. Регион, вместе с тем, показателен еще и тем, что он дает возможность более полно продемонстрировать способности Российской Федерации к диверсификации своей внешней политики, выстраиванию взаимовыгодных отношений с самыми различными партнерами.

Афганистан важен в анализе в силу неухающих и все более обостряющихся здесь столкновений, осложняющихся в последнее время еще и тем, что потерпевшие военное поражение в Сирии и Иране боевики террористических организаций все чаще начинают рассматривать эту страну как территорию значимого своего базирования. Главный фактор здесь – это, безусловно, неоднозначные следствия прихода к власти в Кабуле движения Талибан, включенного на данный момент ООН в список террористических организаций. Уместно отметить также факт прямого соседства Афганистана с постсоветскими странами Центральной Азии, и обострение вызовов и угроз на этом направлении входит непосредственно в сферу национальной безопасности Российской Федерации.

В целом же сложность политической ситуации на «Расширенном Ближнем Востоке», идущие с его территорий вызовы национальной безопасности Российской Федерации определяют повышенное внимание к региону со стороны России, к рассмотрению чего мы и переходим в следующей главе.

Глава 4. Россия и «Расширенный Ближний Восток» в системе современных геополитических конфигураций

В 2021 году в издательстве Московского университета вышла книга «О национально ориентированной теории международных отношений». И это примечательно. Любое исследование международных процессов, мировой политики должно так или иначе сопрягаться с национальными интересами страны, с осмыслением задач и направлений своей внешней политики. «Расширенный Ближний Восток» является узлом пересечения внимания мировых держав, зоной утверждения их геополитических и геоэкономических стремлений. Россия издавна осуществляла плодотворное экономическое, политическое и культурное сотрудничество с государствами и народами региона, не раз оказывала прямую поддержку им в отстаивании своей независимости. В настоящей главе нами и ставится задача выявления основных точек сопряжения России с интересами ближневосточных государств, стратегических приоритетов, принципов и механизмов внешнеполитической стратегии Российской Федерации на этом направлении с учетом выявляющихся здесь новых оснований и вызовов.

Для более предметного рассмотрения проблемы мы избрали формат так называемых геополитических треугольников – понятия, часто встречающегося в современной специальной литературе. Конкретно речь идет о треугольниках «Россия – Турция – Иран», «Россия – Китай – Ближний Восток», «Центральная Азия в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва». Автор отдает отчет в том, что избранный подход, конечно же, не дает исчерпывающего представления о существующих здесь геополитических конфигурациях – реально существующих и

возможных. В изданной нами ранее монографии³⁶⁷ мы имели возможность (помимо обозначенных в диссертации) выделить значение таких геополитических треугольников, как «Россия – США – Китай», «Россия – США – Ближний Восток», «Россия – США – Иран» и др., что в силу требований к объему диссертационного исследования мы были вынуждены здесь опустить. Вместе с тем, мы полагаем, что для задач нашей работы, которые основываются на выделении характерных узлов напряжения на «Расширенном Ближнем Востоке», определении ведущих здесь тенденций и перспектив развития, фокусирование внимания на предложенном нами формате представляется, если не исчерпывающим, то вполне достаточным для необходимых выводов.

³⁶⁷ Ханалиев Н.У. Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. Эволюция баланса сил в борьбе за Большой Ближний Восток. – М.: Университетская книга, 2020. – 519 с.

4.1. Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Турция – Иран»³⁶⁸

Оценивая стратегические ситуации на «Расширенном Ближнем Востоке» правомерно, в первую очередь, выделить возможности совместных действий здесь таких государств, как Россия, Турция и Иран, которые стали получать достаточно заметное воплощение в политической практике, во многом определяя характер текущих здесь политических процессов.

В этой связи можно констатировать, что за последние годы России, Турции и Ирану удалось наладить достаточно эффективное взаимодействие в различных областях, прежде всего, в борьбе с международным терроризмом. Совместными усилиями России, Турции и Ирана удалось добиться коренного перелома обстановки в Сирии, в значительной степени ликвидировать основные очаги сопротивления иГИЛОВЦЕВ, «Джебхат ан-Нусры» и других террористических группировок, а также обеспечить необходимые условия для предметного и заинтересованного межсирийского диалога по вопросам будущего политического устройства.

³⁶⁸ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Россия как альтернативный США актор на Ближнем Востоке. Вопросы политологии. 2018. № 3 (31). С. 92-103; *Ханалиев Н.У.* Россия, Иран, Китай: вопросы совместимости интересов // Вопросы политологии. – 2020. – № 4(56). Т. 10. – С. 1197-1205; *Ханалиев Н.У.* Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99; *Ханалиев Н.У.* Две стороны китайской экспансии в Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – № 9(66). Т. 10. – С. 2339-2348; *Ханалиев Н.У.* Треугольник "Россия – Турция – Иран" в контексте стратегии США на Ближнем Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». Т. 21, №1. 2019. – 66-77 с.; *Ханалиев Н.У.* Особенности американо-иранских отношений на современном этапе. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 187-198.

Показательны в этой связи оценки многих западных аналитиков относительно меняющегося баланса сил в регионе «Расширенного Ближнего Востока». Как отмечает, в частности, профессор Университета Париж-Сорбонна К. Рофер, «в условиях, в которых Европа застряла в попытках одолеть COVID-19, Иран, Турция и Россия продвигают свои пешки (на шахматной доске), чтобы вывести великое евразийское пространство из-под американского господства»³⁶⁹. «Эту стратегическую революцию, – продолжает Рофер, – инициировали два игрока мирового уровня, а именно Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган, которые, прикрываясь доводами о том, что они противостоят друг другу, в действительности играют в одну игру. Такое положение, ставшее постоянным после неудавшегося путча (в Турции) летом 2016 года, подтолкнуло Эрдогана пересмотреть свою стратегию выживания и контрнаступления»³⁷⁰.

Отношения сотрудничества с Турцией по многим ключевым направлениям действительно углубляются, но и противоречия продолжают оставаться значительными. Эти отношения носят двойственный характер, что со всей очевидностью показали условия «арабской весны», и особенно в связи с ситуацией на Украине. У России есть свои вопросы и к Ирану. И, в общем, неслучайно, что в июне 2010 года в Совете безопасности ООН Российская Федерация была вынуждена поддержать ужесточение санкций в отношении Ирана из-за его оговорок в отношении сотрудничества по вопросу о ядерной программе. Через некоторое время, как мы уже отмечали, Москва приостановила реализацию ранее достигнутого соглашения о поставке Ирану комплексов С-300.

Будет справедливо поэтому весьма определенно заявить, что, несмотря на ряд серьезных позитивных сдвигов геополитического масштаба в отношениях между Россией и Турцией (можно сослаться, в частности, на «Турецкий поток», строительство АЭС «Ак-кую» и др.), равно, как и с Ираном, противоречия, порой весьма серьезные, не перестают быть реальностью.

³⁶⁹ *Raufe X. Russie-Turquie-Iran : la tripléte géopolitique qui a réussi à profondément changer notre monde sans que nous réagissions.* // Atlantico 23 novembre 2020 .

³⁷⁰ Ibid.

Речь идет не только о взаимоотношениях России и с Россией. Весьма серьезные разногласия и противоречия регионального и геополитического характера существуют между Ираном и Турцией. Так, если Иран с самого начала поддерживал режим Башара Асада и оказывал финансовую и материальную помощь организации «Хезболла», воевавшей против оппозиционных сил на стороне Дамаска, то Турция в течение долгого периода откровенно вынашивала планы свержения этого режима. Причем, если до начала «арабской весны» Эрдоган и Асад поддерживали достаточно нормальные отношения, то при первых же признаках турбулентности они резко изменились. Более того, Турция вела нескрываемые игры с главарями террористических организаций, в том числе ИГИЛ.

Турцию и Иран объединило, однако, другое, и, не в последнюю очередь, – курдский вопрос. Обе стороны не приемлют возможности реализации планов создания единого Курдистана, а также в том числе создания независимого Курдистана в Ираке, рассматриваемого ими как шаг в направлении единого курдского государства. Уже в ходе первого после Исламской революции 1979 года визита 15 августа 2017 года в Турцию начальника Генштаба Вооруженных сил Ирана М.Х. Багери, в его переговорах с Р.Т. Эрдоганом и начальником Генштаба этой страны Х. Акарком, хотя, как писалось в открытых источниках, стороны договаривались об обмене разведывательными данными и сотрудничестве в борьбе с терроризмом, главной темой закрытых переговоров стал курдский вопрос в Сирии и Ираке.

У России и Ирана вызывают беспокойство пантюркистские притязания турецкого руководства, что воочию обнаружилось в условиях азербайджано-армянского конфликта в сентябре – ноябре 2020 года. В Баку Эрдоган напомнил о «разделенном» Азербайджане, что не могло не вызвать серьезного беспокойства и раздражения в Тегеране. Картина, таким образом, остается крайне противоречивой, и это отмечают все без исключения эксперты³⁷¹.

³⁷¹ «Экономические связи между Турцией и Россией очень ощутимые, а вот стратегическая линия достаточно противоречивая, – подчеркивает, в частности, политолог Эндрю Качинс. – С Ираном у России все наоборот –

И, вместе с тем, при всех названных и целом ряде других точек и линий противоречий, к настоящему моменту вполне определились условия для фиксации своего рода геополитического треугольника «Россия – Турция – Анкара».

Среди факторов, способствующих этому, следует особо выделить политику Запада в целом и США в особенности в отношении ко всему «Расширенному Ближнему Востоку». Как отмечала израильская газета «The Jerusalem Post», «общие интересы, толкающие Москву, Анкару и Тегеран еще к большему сближению, сигнализируют Западу о возможности появления нового союза за пределами сирийской тематики»³⁷².

Сближению трех стран способствовала в значительной мере попытка военного переворота в Турции в июле 2016 года. Показательно, что президент России В.В. Путин стал первым руководителем иностранного государства, который поздравил Эрдогана с разгромом путча военных. Некоторые аналитики много писали даже, что именно российские разведывательные службы предупредили Эрдогана о намечающихся попытках его отстранения от власти.

В стороне от оценки попытки переворота не осталось также руководство Ирана. Так, министр иностранных дел Ирана М.Дж. Зариф отметил в своем Твиттере: «стабильность и демократия в Турции имеют первостепенное значение». Президент Ирана Х. Рухани в телефонном разговоре с Эрдоганом заявил, что попытка переворота дала ему возможность «определить ваших друзей и врагов в стране и за рубежом»³⁷³.

Безусловно, сближению трех государств способствовали причины и более общего порядка. Как справедливо отмечает С. Тарасов, «ослабление влияния США в регионе вынуждает Турцию, даже будучи членом НАТО, и Иран заручиться поддержкой сильного и влиятельного внешнего игрока не только для

стратегически Москва и Тегеран очень часто разделяют похожие позиции. При этом исторически, все три страны всегда, так или иначе, соперничали друг с другом». (Цит. по: *Савченко Ю.* Треугольник Россия-Иран-Турция – кто лишней? 21 Март 2013. Доступ: <https://www.golosameriki.com/a/us-russia-iran-turkey/1625614.html>).

³⁷² Цит. по: *Тарасов С.* Альянс Россия – Турция – Иран может стать кошмаром Запада. 24 марта 2021. Доступ: <https://regnum.ru/news/3222585.html>.

³⁷³ Экономика и геополитика связали в один треугольник Россию, Турцию и Иран // Экономика сегодня, 1 февраля 2018. Доступ: <https://news.rambler.ru/middleeast/39040287-ekonomika-i-geopolitika-svyazali-v-odin-treugolnik-rossi>.

решения местных проблем и выстраивания архитектуры безопасности, но и для активизации торгово-экономического и иного сотрудничества. При этом необходимо работать над созданием, отмечает турецкое правительственное агентство «Anadolu», «мощного механизма, чтобы искать приемлемые общие решения и сохранять баланс интересов»³⁷⁴.

Такая политика начала проявлять себя даже в наиболее чувствительных вопросах, каким, к примеру, несомненно, является Кавказ. Обращает на себя внимание, в частности, то, что как Иран, так и Турция, во многом в силу того, что все большее беспокойство у них стали вызывать набирающие в этих странах силу сепаратистские движения, на официальном уровне не поддержали руководителей сепаратистов в двух чеченских войнах. В 90-х годах прошлого века Иран активно сотрудничал с Россией в деле прекращения гражданской войны в Таджикистане. Постепенно для России открылся путь для продажи Ирану оружия. В результате отказа Западной Германии построить атомную электростанцию в иранском Бушере эту задачу взяла на себя Россия³⁷⁵.

Все три стороны треугольника используют как «жесткую», так и «мягкую силу». Так, об использовании ими жесткой силы свидетельствует участие всех трех стран в военно-силовой операции в Сирии. А во взаимоотношениях друг с другом на первый план выходят расширение и укрепление взаимовыгодных торгово-экономических взаимоотношений, расширение культурных, гуманитарных и иных связей. В этом плане (особенно касательно Турции и в меньшей степени Ирана) важное значение имеет сотрудничество в сфере связей с диаспорами северокавказских народов, переселившихся в страны Ближнего Востока в результате Кавказской войны XIX века.

Интересы стран совпадают, прежде всего, в энергетической сфере. Основными поставщиками для Турции являются Россия и Иран, на долю которых приходится соответственно 60 % и 30 % от общего объема

³⁷⁴ *Tarasov S.* Альянс Россия – Турция – Иран может стать кошмаром Запада. 24 марта 2021. Доступ: <https://regnum.ru/news/3222585.html>.

³⁷⁵ *Rabil R.* Donald Trump is reshaping the Middle East – in Russia's favor // *The Washington Post*, 22/08/2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/made-by-history/wp/2018/08/22/donald-trump-is-reshaping-the-middle-east-in-russias-favor/> (дата обращения: 20.01.2020).

потребляемого газа. Остальные 10 % поступают из Азербайджана. Турция одной из первых стран признала Исламскую Республику Иран. В 2009 году Турция инвестировала почти \$4 млрд. «в разработку иранского газового месторождения «Южный Парс», в котором сосредоточено около 14 триллионов кубометров газа, или 8 % от общемирового объема»³⁷⁶. О значении подобного рода связей говорит то, что на одной из совместных пресс-конференций Эрдоган даже назвал Рухани «братом». На языке Востока это говорит о многом.

В ряде случаев Турция и Иран проводят единую линию в отношении других государств «Расширенного Ближнего Востока». Так, отмечают эксперты: «В июне 2017 года, когда Катар оказался в дипломатической и экономической изоляции, Иран и Турция объединились, чтобы помочь Катару»³⁷⁷.

Если говорить о возможностях обозначенного нами геополитического треугольника, то, несомненно, с наибольшей наглядностью они проявили себя в Сирии. При использовании форм и методов «жесткой» и «мягкой силы» удалось организовать диалог между правительством Сирии и оппозицией. Треугольник, созданный вопреки противодействию США, которых в этом вопросе в той или иной степени поддерживают Евросоюз, Израиль, большинство монархий Персидского залива, стал действенной площадкой для переговоров по насущным проблемам политики в регионе.

Особенностью этого образования является то, что все три его угла представляют игроки с далеко не всегда совпадающими, а зачастую – и противоположными, интересами. Неслучайно многие аналитики оценивают его как «дипломатическое чудо». Интересы здесь пересекаются и одновременно сталкиваются, создавая весьма сложную картину. И хотя сложившийся альянс многие эксперты называют ситуативным, т.е. созданным для решения конкретных проблем, с решением которых исчезнет необходимость и в самом треугольнике, сложность ситуации на Большом Ближнем Востоке и коренные национальные

³⁷⁶ Цит. по: Экономика и геополитика связали в один треугольник Россию, Турцию и Иран // Экономика сегодня, 1 февраля 2018. Доступ: <https://news.rambler.ru/middleeast/39040287-ekonomika-i-geopolitika-svyazali-v-odin-treugolnik-rossi>.

³⁷⁷ Там же.

интересы составляющих треугольник государств говорят в пользу перспектив его достаточной долговечности.

Рассмотрим эти вопросы более подробно.

Одним из самых важных, если не важнейших, скрепов треугольника Россия – Турция – Иран является глубочайшая заинтересованность во взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. Оговариваясь еще раз о цементирующем значении этого основания, считаем возможным вынести в настоящем параграфе этот вопрос за скобки, так как соответствующий материал уже был изложен нами в предшествующих разделах. Сосредоточим поэтому внимание на других аспектах проблемы. Начнем с формата «мягкой силы».

Как известно, в политике, прежде всего, в дипломатической сфере и в общественном сознании ключевое значение во взаимоотношениях между государствами имеет пара: доверие/недоверие. Или, иначе говоря, характер взаимоотношений между ними во многом определяется тем, как они воспринимают друг друга. Ключевое значение здесь имеет имидж государства. Многолетними усилиями западной пропаганды и в Турции, и в Иране складывался имидж России как страны с опасными имперскими амбициями, с жестким авторитарным политическим режимом, подавляющим любое (в том числе, что воспринималось особенно чувствительно, – религиозное) инакомыслие, преследующим оппонентов существующих властей и склонных к жесткой силе во внешней политике. Россия прилагает большие усилия по исправлению такого имиджа не только в Турции и Иране, но и на «Расширенном Ближнем Востоке» в целом. Приведем только некоторые примеры.

Можно выделить в этой связи значимую роль российского телеканала RT в распространении российской повестки дня в регионе. М.А. Сучковым приводятся убедительные данные опросов общественного мнения, согласно которым популярность канала, как считают 37 % опрошенных, определяется тем, что он «представляет альтернативный взгляд на мировые события», 21 % – «имеет [привлекательное] информационное наполнение». RT Arabic оказался, по данным тех же опросов, более популярным, чем транслирующая на арабском

языке «Deutsche Welle», «France 24» и китайский «CCTV Arabic» вместе взятые. По данным «Google Analytics», на которые ссылается Сучков, популярность канала выросла с 2009 года только по 2015 год 26 раз, привлекая в среднем 6,3 млн. пользователей в месяц. «В шести арабских странах – Марокко, Египте, Объединенных Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии, Ираке и Иордании – RT смотрят 6,7 миллиона человек, в то время как его общая аудитория на Ближнем Востоке, в Северной Африке и арабских диаспор в Европе... охватывает более 350 млн. зрителей»³⁷⁸.

Позитивный резонанс вызвало и создание Федерального агентства Россотрудничества по вопросам русской диаспоры. Оно управляет Российскими центрами науки и культуры (РЦНК) в Иордании, Ливане, Сирии, Египте, Марокко, Тунисе и в палестинских регионах. В этом русле немаловажное значение приобретает работа с соотечественниками. Основное внимание уделяется культуре, научному сотрудничеству, изучению русского языка и укреплению связей с русской диаспорой.³⁷⁹

Определенную роль могут играть и российские туристы, которые, хотя и не всегда ведут себя адекватно, но своими поездками вносят существенный вклад в развитие туристических отраслей.

Следует обратить внимание и на еще один канал, который мог бы стать важным инструментом в укреплении связей с ближневосточным регионом. Речь идет о российских мусульманах, из которых ежегодно совершают хадж около 15-20 тысяч человек.

Можно приводить и другие примеры, но нам важно, прежде всего, зафиксировать здесь заметные позитивные подвижки, в том числе, и в сознании молодого поколения Большого Ближнего Востока. Так, результаты ряда опросов общественного мнения показывают, что доля молодых арабов, которые видят в США союзника, упала с 63 % в 2016 году до 35 % в 2020 году. Россия становится все более популярной как главный союзник на Ближнем Востоке, причем 20 %

³⁷⁸ *Suchkov M.A.* Russia turns to soft power in the Middle East || Foreign Policy, April 24, 2015. Available: <http://www.foreignpolicy.ru/en/analyses/russia-turns-to-soft-power-in-the-middle-east/>

³⁷⁹ Ibid.

арабской молодежи считают ее лучшим другом региона за пределами Ближнего Востока и Северной Африки³⁸⁰.

Отмечая значимость культурных, информационных и других контактов для жизнеспособности геополитического треугольника, следует, вместе с тем, особо выделить еще большую значимость других моментов, к числу которых, несомненно, относится совпадение их позиций по целому ряду ключевых вопросов в урегулировании сирийского конфликта. Эта работа осуществляется целенаправленно и в ряде отношений достаточно системно.

Еще в декабре 2016 года в Москве состоялись консультации между министрами иностранных дел и обороны трех стран, на которых была достигнута договоренность о способствовании соглашению между правительством Сирии и оппозицией и готовности стать гарантами его реализации. Под влиянием этого 29 декабря 2016 года правительству Сирии и вооруженной оппозиции удалось прийти к взаимному согласию по данному вопросу. В январе 2017 года при посредничестве трех государств был оформлен так называемый «Астанинский формат» урегулирования сирийского кризиса.

В первом раунде переговоров, состоявшемся в Астане 23–24 января 2017 года, Россия, Иран и Турция достигли договоренности о создании трехсторонней комиссии, призванной осуществить контроль за соблюдением режима прекращения огня в Сирии. Значимость этого раунда состояла в том, что впервые в нем приняли участие представители как официальных властей, так и оппозиции. И хотя прямой диалог между ними тогда не состоялся, немаловажное значение имело начало процесса размежевания «умеренной» и «радикальной» оппозиции.

Уже 6 февраля 2017 года в Астане прошла рабочая встреча совместной группы. На мероприятии впервые присутствовали представители Иордании, которые проинформировали об обстановке на юге Сирии. Под российские и иорданские гарантии к режиму прекращения боевых действий (РПБД) присоединились действующие на юге Сирии вооруженные группы из состава

³⁸⁰ *Attias Sh.* Russian Soft Power in the Middle East // BESA Center Perspectives Paper, July 26, 2019. Доступ: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2019/07/1229-Russias-New-Soft-Power-in-ME-Attias-final.pdf>

«Южного фронта». Представителям Ирана и Турции были также переданы на рассмотрение проекты Положения о Совместной группе, Протокол к Соглашению о механизме фиксации нарушения РПБД и Положение о примирившемся районе.

Во втором раунде переговоров в Астане, состоявшемся 15–16 февраля 2017 года, кроме России, Турции и Ирана, приняли участие делегации правительства Сирии, сирийской оппозиции, представители ООН и стран-наблюдателей в лице США и Иордании. В ходе переговоров был согласован и подписан документ о Совместной группе (с участием представителей России, Ирана и Турции) в качестве трехстороннего механизма контроля и обеспечения полного соблюдения РПБД на территории Сирии, определения всех условий прекращения огня, включая отграничение террористических организаций ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусры» от других антиасадовских группировок вооруженной оппозиции, укрепление мер доверия и решения других задач, способствующих межсирийским переговорам по политическому урегулированию под эгидой ООН.

В третьем раунде переговоров (14–15 марта 2017 г.) обсуждались вопросы укрепления РПБД, мер доверия между сторонами с учетом остро стоящих вопросов о пленных, удерживаемых лицах, разминировании районов, освобожденных от ИГИЛ, или тех, где боевые действия прекратились. Представители групп вооруженной оппозиции встречу бойкотировали.

Дальше состоялись четвертый (3–4 мая 2017 г.), пятый (4–5 июля 2017 г.), шестой (14–16 сентября 2017 г.), седьмой (30–31 октября 2017 г.), восьмой (21–22 декабря 2017 г.) раунды переговоров в Астане. На четвертом раунде был принят Меморандум о создании в Сирии четырех зон деэскалации, главная цель создания которых состояла в постепенном установлении режима прекращения огня на всей территории Сирии. В достигнутых решениях в качестве первоначальной меры зонами деэскалации охватывались: Первая зона – провинция Идлиб на севере Сирии, северо-восточные районы провинции Латакия, западные районы провинции Алеппо и северные районы провинции Хама. Вторая зона – на севере провинции Хомс, третья – восточная Гута около Дамаска, а четвертая – территории на Юге страны, приграничных с Иорданией территориях в

районах провинций Дераа, Сувейда и эль-Кунейтра. Пятый и шестой раунды были посвящены в основном проблемам уточнения границ зон деэскалации, поддержания и правил порядка в них.

Уместно напомнить, что в международном праве отсутствует такое понятие как «зоны деэскалации», в военной сфере оно, однако, используется. Это обстоятельство вызвало споры в Астане. В предложенных документах указанные четыре области были объявлены «зонами снижения напряженности», в то время как сирийская оппозиция, сохраняющая в этих провинциях свое влияние, требовала их определить как «зоны безопасности», стремясь повысить тем самым свою значимость на переговорной площадке. Переговоры шли, таким образом, достаточно непросто, тем более, что и само соглашение о деэскалации было принято вопреки позиции США, которые не желали видеть Иран в качестве одной из сторон его участников.

По итогам седьмого раунда было принято решение о проведении Конгресса сирийского национального диалога (КСНД) в городе Сочи, который должен был быть осуществлен в рамках Женевского процесса под эгидой ООН. В развитие этой договоренности 22 ноября 2017 года в Сочи впервые состоялись трехсторонние переговоры президентов В. Путина, Х. Рухани и Р.Т. Эрдогана при участии глав МИД и министров обороны трех стран. На этих переговорах помимо центрального вопроса – организации Конгресса сирийского национального диалога, обсуждался ряд других важных вопросов (проблема кантона Африн и др.). В восьмом раунде продолжалось обсуждение вопросов, связанных с урегулированием ситуации в Сирии, было принято, в частности, заявление о мерах по разминированию освобожденных населенных пунктов страны.

Именно эти последовательные шаги российского руководства по сближению заинтересованных стран Большого Ближнего Востока подготовили почву для созыва по инициативе руководителей трех названных стран Конгресса национального диалога Сирии в Сочи 29–30 января 2018 года. То, что Конгресс был проведен в Сочи, свидетельствует о растущем влиянии и роли России в этом геополитическом регионе.

В Конгрессе приняли участие более 1500 человек – представители как официальных властей, так и подавляющего большинства проправительственных и оппозиционных организаций и движений, нацменьшинств: курдов, йезидов, друзов и туркоманов. Многие влиятельные оппозиционеры, пользующиеся поддержкой Вашингтона и Эр-Рияда, в Сочи не прибыли.

По итогам Конференции в Сочи была создана конституционная комиссия в составе 150 человек, в которую вошли представители как властей, так и оппозиции. Она призвана разработать проект новой конституции страны, главной целью которой определены пути и формы политического устройства страны, системные и структурные составляющие государственного устройства послевоенной Сирии. Новая конституция должна заменить конституцию Сирии, принятую в 2012 году.

Заключительное коммюнике, принятое на Конференции в Сочи, подтверждает территориальную целостность Сирии, что исключает возможность создания независимого курдского государства.

Работа, начатая в рамках первых раундов Астанинского формата, продолжается сегодня во все более широком политическом пространстве. Особо важное значение после военного поражения боевиков в Сирии приобретают вопросы дальнейшего перспектив развития страны. Мы не говорим здесь об очевидных трудностях восстановления экономики, решении проблемы беженцев и т.п., но лишь о перспективах рассматриваемого нами геополитического треугольника. В этой связи можно выделить ряд существенных обстоятельств.

Первый из них связан с непрекращающимся воздействием на ситуацию в регионе США и их союзников, которые пытаются выстроить новую систему политических альянсов. Как отмечает Г. Лукьянов, «улучшение отношений США с Израилем и Саудовской Аравией вызвано намерением создать новую архитектуру безопасности на Ближнем Востоке с учетом стремления США сократить свои «расходы» в этом регионе. Вашингтон ставит задачу создать такое устройство региона, которое будет в максимальной степени удовлетворять интересам в первую очередь США, во вторую очередь – стран региона, которые

сотрудничают с Америкой, и уже потом – сопредельных «центров», таких как Европейский союз. На этом фоне США беспрецедентно сократили свое участие в разрешении других локальных конфликтов»³⁸¹. И в этой ситуации США будут, безусловно, концентрировать внимание на ослаблении, а, по возможности, и полном демонтаже сотрудничества России, Ирана и Турции.

Не следует игнорировать и поддержку ими еще весьма значимой сирийской оппозиции. Такая работа ведется с высокой степенью интенсивности. Показательно, в частности, что в работе упомянутого нами выше Конгресса национального диалога Сирии отказался принять участие Высший комитет по переговорам, сформированный в 2016 году по инициативе Саудовской Аравии, в состав которого входят движения сирийской оппозиции, представленные в Женеве. Безусловно, оппозиция, в том числе, и вооруженная, на настоящий момент разобщена, для нее характерны постоянные ссоры и противоречия, порой доходящие до вооруженных столкновений, она демонстрирует неспособность договориться внутри себя по важнейшим вопросам стратегии и тактики борьбы с официальным режимом. Но ясно, что со стороны США и их региональных союзников будет проводиться целенаправленная линия на консолидацию оппозиционных сил на антиасадовской платформе. Важно учесть при этом, что и сами члены треугольника имеют разные взгляды по поводу расклада политических сил в стране, и им придется много о чем договариваться в новых условиях.

В перспективе могут возникнуть противоречия относительно зон экономического влияния, соответствующих торговых и иных преференций и другое. Дополнительные и весьма серьезные вопросы ожидаемо встанут и в силу попыток США так или иначе втянуть Турцию и даже Иран в свою санкционную политику против Российской Федерации.

Российская сторона, однако, никогда и не считала, что сотрудничество стран в рамках треугольника будет беспроблемным, как в подходе к решению

³⁸¹ Лукьянов Г. США на Ближнем Востоке: в поисках новой реальности // РСМД, 18 июля 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analitics-and-comments/>(датаобращения: 20.01.2020).

конкретных региональных проблем, так и в отношении утверждения модели многополярного мира в целом, но оно не является и бесперспективным. Для России, Турции и Ирана это сотрудничество определяется их жизненно важными интересами и национальной безопасностью. Оно способствует все более тесному взаимодействию экономических, торговых и культурных взаимосвязей, способствует развитию военно-политического сотрудничества, демонстрирует способность осуществлять масштабные миротворческие акции.

Рассматриваемый нами треугольник является и свидетельством того, что Россия способна выходить на новое качество отношений со странами, которые разделяла с нею многовековая вражда. Является также и знаковым возвращение ее утраченных ранее геополитических позиций.

И последнее. Американский бизнесмен и аналитик Дж. Роджерс дал примечательную оценку политики США на Большом Ближнем Востоке: «В данный момент Америка делает великим Китай. Россия, Китай, Иран и Турция все больше сближаются. Это может быть хорошо для России, для Китая, для Турции, но это вряд ли хорошо для Америки... Мы вредим себе больше, чем кому-либо»³⁸². В данном случае нас интересуют, конечно же, не судьбы Америки. В большом смысле значимым является другое. Появление треугольника «Россия – Турция – Иран», составленного из сторон со столь сложными и во многом противоречивыми интересами, это зримое выражение появления новых центров влияния и тем самым краха модели однополярного мира.

³⁸² Investment guru Rogers: US rift with Turkey 'madness,' time to invest in Turkish assets // Daily Sabah, September 5, 2018. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2018/09/05/investment-guru-rogers-us-rift-with-turkey-madness-time-to-invest-in-turkish-assets> (датаобращения: 20.01.2020).

4.2. Основные характеристики и предназначение геополитического треугольника «Россия – Китай – Ближний Восток»³⁸³

Предыдущий параграф мы завершили цитатой одного из американских экспертов, где он определенно высказался о перспективах Китая. И, надо отметить, что тема КНР начинает уверенно утверждать себя в любых обстоятельных исследованиях по «Расширенному Ближнему Востоку».

В последние годы в Кавказско-Каспийском регионе, на Ближнем Востоке и Центральной Азии Китай проявляет все более нарастающую активность, он становится здесь весьма влиятельным и добивающимся заметных успехов конкурентом заинтересованных стран.

На Ближнем Востоке Россия и Китай осуществляют в целом схожую политику. Они успешно развивают экономическое и культурное сотрудничество со странами региона, оказывают им серьезную политическую и дипломатическую поддержку на государственном уровне, содействие в утверждении их независимого развития, свободного от внешнего диктата. Вместе с тем, в политике двух стран в регионе при общем единстве политических позиций наблюдаются и серьезные отличия. Если Россия с учетом конкретных обстоятельств и обязательств допускает, как об этом свидетельствуют события в

³⁸³ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Ханалиев Н.У. О некоторых особенностях политики США в Центральной Азии. Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50). С. 2185-2194; Ханалиев Н.У. Россия, Китай, Иран: вопросы совместимости интересов. Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 4 (56). С. 1197-1205.

Сирии, прямую военно-политическую поддержку дружественных государств³⁸⁴, Китай сосредотачивает свое внимание преимущественно на экономической сфере и, в целом, на использовании «мягкой силы».

В этом контексте важное значение имеет, прежде всего, обнародованная Пекином в 2013 году инициатива «Один пояс – один путь», где «Расширенному Ближнему Востоку» отводится одно из ключевых мест. Данная инициатива предусматривает осуществление ряда масштабных мероприятий, предусматривающих прокладку сухопутного маршрута через Евразию – Экономический Шелковый путь (SREB) и морского – регион Индийского океана (MSRI). Это огромный регион, в котором проживает более половины населения современного мира и который располагает значительной частью мирового ВВП. В случае реализации данного проекта Китай рассчитывает стать главным стратегическим игроком на этом пространстве по важнейшим вопросам экономического и политического характера, а также международной безопасности.

Еще в 2015 году Министерство иностранных дел и торговли и Национальная комиссия по реформе и развитию Китая опубликовали программный документ под названием «Видения и действия по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века» (Visions and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road). В нем определено пять приоритетных направлений: политическая координация, подключение объектов, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и связи между людьми.

В том же году в Чунцине состоялась встреча делегированных представителей стран Азии и Европы, на которой была представлена структура экономических коридоров «Один пояс – один путь» – шесть коридоров, пролегающих по всей Евразии и региону Индийского океана и непосредственно включающий «Расширенный Ближний Восток». В 2017 году в Пекине состоялся первый Форум

³⁸⁴ В этом ключе уместно обратить внимание, на заключенный между Россией и Саудовской Аравией 23 августа 2021 года договор о военном сотрудничестве. Подобное соглашение можно рассматривать как подтверждение курса Саудовской Аравии на дальнейшее укрепление сотрудничества с Россией.

проекта «Один пояс – один путь», в котором приняли участие делегации из более, чем ста тридцати стран, в том числе двадцать девять глав государств. Проект официально внесен в программу Коммунистической партии Китая. С его успехом связывается внешнеполитический курс страны. Проект ассоциируется с именем его инициатора Си Цзиньпина, что, по меркам восточной дипломатии, еще сильнее повышает его значимость.

Руководители проекта установили соответствующие квоты почти за каждым из государств этого обширного региона, пропагандируя тем самым беспроигрышные стабильные возможности участия в проекте, предусматривая, в том числе, установление необходимых отношений со всеми государствами «Расширенного Ближнего Востока» или, другими словами, возможности осуществления в регионе многовекторной политики.

В январе 2016 года Си Цзиньпин совершил свой первый визит в должности главы Китая на Ближний Восток – сначала в Саудовскую Аравию, где было подписано партнерское соглашение между двумя странами, затем в Тегеран, с которым также было заключено подобное соглашение. По состоянию на нынешний день Китай подписал соглашения о стратегическом партнерстве уже с рядом государств Ближнего Востока и Северной Африки – Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Ираном, Египтом, Алжиром и др. На Ближнем Востоке особенно большой интерес Китай обращает на государства Персидского залива.

Надо отметить большой прагматизм китайского руководства. Так, когда эмир Катара Тамим Аль Тани посетил Пекин в январе 2019 года, и обе стороны согласились углублять сотрудничество на основе соглашения о стратегическом партнерстве, подписанного в 2014 году, Китай фактически обошел молчанием конфликт Катара с Саудовской Аравией. При том, что импорт сжиженного природного газа из Катара в Китай составляет 28 % потребляемого внутри страны СПГ, что имеет немаловажное значение для энергетической безопасности страны, Китай не захотел осложнять свои отношения с другими монархиями Персидского залива – Саудовской Аравией, Бахрейном, ОАЭ, а также с Египтом.

Китай проявляет готовность координировать стратегию развития отношений со всеми арабскими государствами, развивать международное сотрудничество в сферах производства и строительства инфраструктурных объектов, торговли, ядерной энергетики, сельского хозяйства и финансов. Для этого в ходе государственного визита в Египет в 2004 году тогдашнего главы КНР Ху Цзиньтао на встрече с генеральным секретарем Лиги арабских государств Амром Муссой было инициировано создание Форума сотрудничества Китай – Арабские страны (CASCF). Форум рассматривается в качестве многосторонней платформы для Китая и государств-членов Лиги арабских государств с целью обмена мнениями по вопросам сотрудничества в политике, торговле, культуре, технологиях и международных делах. В рамках Форума раз в два года проводится встреча на уровне министров иностранных дел всех государств-членов CASCF. На этих встречах устанавливаются общие цели на следующие два года, а также вопросы, связанные с инициативой «Один пояс – один путь».

Страны «Расширенного Ближнего Востока» проявляют серьезную заинтересованность в развитии отношений с Китаем. Как констатирует Р. Мамедов, «Китай обладает серьезными стратегическими преимуществами в регионе, выступая предпочтительным партнером для государств региона с учетом возможностей Пекина по предоставлению кредитов и развитию экономического взаимодействия. Необходимость защиты и продвижения своих интересов стала требовать реализации политического потенциала, обеспеченного экономической и дипломатической мощью. Кроме того, Ближний Восток является важной составляющей маршрута китайской инициативы Пояса и Пути»³⁸⁵.

В этой связи весьма примечательным выглядит то, что в одном из самых первых внешнеполитических заявлений пришедшего в Афганистане к власти «Талибана» выражались готовность присоединиться к проекту нового Шелкового пути, надежды на китайские инвестиции в восстановление горнорудных

³⁸⁵ Мамедов Р. Перспективы сотрудничества России и Китая на Ближнем Востоке // РСМД, 29 июня 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 20.01.2020).

предприятий и в целом и в целом – желание видеть в Китае своего главного партнера.

В рамках задач настоящего параграфа важно отметить, что Китай к настоящему времени стал главным инвестором на Ближнем Востоке, обойдя США. Китай выделил более \$23 млрд в виде займов, помощи и инвестиций: \$20 млрд в виде займов государствам с потребностями реконструкции, \$3 млрд в виде специальных займов для финансового сектора региона, почти \$150 млн для целей социального развития, \$90 млн. гуманитарной помощи.

КНР, как мы уже отмечали, в своей дипломатии на первое место выдвигает экономические проблемы. Характерно высказывание Посла Китая в CASCФ Ли Чэнвэня: «Ключевые проблемы Ближнего Востока зависят от развития и их решение также нужно искать на путях развития». Министр иностранных дел Китая Ван И также подчеркивал, что для Ближнего Востока «развитие является ключевым фактором и служит основой для решения всех проблем. Что касается арабских стран, то наиболее важной задачей, стоящей перед ними, является национальное развитие и оживление экономики»³⁸⁶. Естественно, что в этом формате определяются и главные цели Пекина в регионе.

Китай преследует цель выстроить цепь стратегически расположенных узлов в Персидском заливе, Аравийском, Красном и Средиземном морях. Одновременно Пекин расширяет связи с неарабскими государствами региона, прежде всего, с Израилем, Турцией и Ираном, которые, так или иначе, связываются, прежде всего, с проектом «Один пояс – один путь». Так, Израиль для него имеет значение и как государство с высоким уровнем экономико-технологического развития, и как дополнительная геостратегическая точка доступа к Средиземному морю. А это делает его потенциально полезным транспортным и логистическим центром, который может уменьшить зависимость Китая от Суэцкого канала. Разумеется, Китай учитывает, при этом и

³⁸⁶ Wang Yi. Gave an Interview to Al Jazeera // Ministry of Foreign Affairs the People's Republic of China, January 9, 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1116509.shtml(дата обращения: 20.01.2020).

определенные сложности, связанные с напряженными отношениями Израиля с соседями.

Турция важна для Пекина как конечный пункт экономического и транспортного «китайско-центрально-западно-азиатского экономического коридора (China-Central West Asia Economic Corridor – CCWAEC), обеспечивающего сухопутный маршрут к Эгейскому морю и греческому порту Пирей, которым владеет Компания «Китайское морское пароходство» (China Ocean Shipping Company – COSCO). В последние годы товарооборот между Китаем и Турцией впечатляюще вырос: с \$2 млрд в 2000 году до почти \$27 млрд в 2018 году и \$15 млрд в виде прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в период между 2005 и 2018 годами³⁸⁷.

При этом у Пекина есть проблемы в отношениях с Турцией. Она стала первым мусульманским государством, которое публично раскритиковало Китай за его политику в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Причем, представитель МИД Турции назвал даже этот акт «большим позором для человечества» («a great shame for humanity»)³⁸⁸. Китай настораживают и амбиции президента Турции Р.Т. Эрдогана стать лидером на Ближнем Востоке, и тесное сближение с этой страной также может создать для Пекина определенные проблемы с руководителями нетюркских государств, особенно тех, которые претендуют на статус региональных лидеров.

Особо следует выделить отношения Китая с Ираном, тем более, что здесь в более явной форме проявляет себя не только экономическая, но и политическая составляющая. Исламская революция 1979 года стала краеугольным камнем в отношениях Ирана и стран Запада во главе с США. Свержение шаха Мохаммеда Резы Пехлеви послужило началом изоляции Ирана, безусловно, сдерживающей развитие страны, которая в течение длительного времени выстраивала политику,

³⁸⁷China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>(дата обращения: 20.01.2020).

³⁸⁸Shih G. After Years of Silence, Turkey Rebukes China for Mass Detention of Muslim Uighurs // Washington Post, February, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/after-years-of-silence-turkey-rebukes-china-for-mass-detention-of-muslim-ughurs/2019/02/10/011c7dd6-2d44-11e9-ac6c-14eea99d5e24_story.html (дата обращения: 20.01.2020).

экономику и международные отношения на ключевом партнерстве с этими странами. В этих условиях, как отмечает Д. Беляков, «Давление, оказываемое в то время США на Россию, Японию, Южную Корею, Индию и Европу по сокращению торговли и инвестиции с Ираном, фактически предоставило китайским компаниям карт-бланш на проникновение на внутренний рынок Ирана и разработку его энергетических ресурсов. Новое руководство Китая (Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, 2003–2013 гг.) отказалось от политики потепления отношений с США и Западом, которой характеризовались годы правления Цзян Цзэминя. Китай также обозначил новую экономическую стратегию «Идти вовне», поощрявшую инвестиции в энергетические и ресурсодобывающие проекты за рубежом. Китайские торговые и инвестиционные связи с Ираном значительно расширились, и к 2007 году Китай стал торговым партнером Ирана номер один»³⁸⁹.

Долговременные отношения Китая с Ираном делают два субъекта мировой политики в центральноазиатском и ближневосточном регионе стратегическими партнерами, что, безусловно, влияет на положение Соединенных Штатов на Ближнем Востоке³⁹⁰. В 2011 году был создан совместный ирано-китайский нефтегазовый комитет, действующий в интересах ускорения реализации совместных проектов и расширения сотрудничества между двумя странами в области энергетики³⁹¹. В том же году Пекин и Тегеран подписали соглашение на \$20 млрд для расширения взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами. В 2014 году общий объем товарооборота между Китаем и Ираном достиг \$51 млрд 85 млн по сравнению с \$29,7 млрд в 2013 году³⁹². Для сравнения отметим, что по итогам 2018 года объем внешней торговли России и Ирана

³⁸⁹ *Беляков Д.* Китайско-иранский альянс СОНАР-2050 // Центр стратегических оценок и прогнозов. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/kitajsko-iranskij-alyans-sonar-2050-8357> (дата обращения: 20.01.2020).

³⁹⁰ *Барановский В.Г.* Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // *Мировая экономика и международные отношения.* 2016. № 7.–С. 5–15.

³⁹¹ *Звягельская И.Д.* Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке // *Контурь глобальных трансформаций.* Политика, экономика, право. 2017.Т. 10. № 2.–С. 106.

³⁹² *Барановский В.Г.* Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // *Мировая экономика и международные отношения.* 2016. № 7.–С. 5–15.

составил \$1,7 млрд, в том числе российский экспорт – \$1,2 млрд и импорт – \$533,1 млн³⁹³.

Китайские инвестиции в Иран в период с 2005 по 2018 год составили более 27 млрд долл. Иран – важный источник импорта энергоресурсов для Китая, поскольку Иран поставлял 11 % китайского импорта нефти в период между 2011 и 2016 годами.³⁹⁴ Между этими двумя странами также были реализованы важные проекты в рамках проекта «Один пояс – один путь», в частности строительство прямой железнодорожной линии из провинции Чжэцзян в Тегеран. Эта линия сократила скорость перевозки грузов на тридцать дней по сравнению с перевозкой между портом Шанхай и Бандар-Аббас³⁹⁵.

Китай понимает в то же время, что тесные двусторонние связи с Ираном, в которых он крайне заинтересован (как и Израиль и Турция, Иран может ограничить возможности проекта «Один пояс – один путь»), не нравятся его многим арабским соседям, осложняя в то же время отношения с Западом. В этих условиях Пекин в ряде случаев осуществляет достаточно серьезное давление в рамках приемлемых для него акций международного сообщества. Так, Китай сыграл свою роль в трудных переговорах со своим несговорчивым партнером накануне ядерного соглашения. Известный аналитик Дж. Гарвер специально выделял эту роль: «Представители Китая дали понять иранским лидерам, что Пекин готов в значительной степени и щедро участвовать в усилиях Ирана в области развития, но при условии положительного разрешения иранской ядерной проблемы»³⁹⁶.

Безусловно, у стран Ближнего Востока вызывают озабоченность условия займов и инвестиций, идущих из Китая, тем более, что примеры, хотя и по другим регионам, дают для этого основания. В этом вопросе показателен, в частности,

³⁹³ Межгосударственные отношения России и Ирана // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190916/1558666903.html> (дата обращения: 20.01.2020).

³⁹⁴ China's Crude Oil Imports from Iran (2011–2016) // Middle East Institute. URL: <https://www.mei.edu/resources/infographic/chinas-crude-oilimports-iran-2011-2016> (дата обращения: 20.01.2020).

³⁹⁵ First Freight Train from China Arrives in Iran in 'Silk Road' Boost // Reuters, February 16, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/uschina-iran-railway-idUSKCN0VP0W8> (дата обращения: 20.01.2020).

³⁹⁶ Garver J. China and the Iran Nuclear Negotiations: Beijing's Mediation Effort // The Red Star & the Crescent: China and The Middle East / ed. by James Reardon-Anderson. London: Hurst and Company, 2018. – P. 124.

пример Шри-Ланки. Получив крупные займы для амбициозных инфраструктурных проектов, эта страна не смогла своевременно обслужить свой долг перед Китаем. В результате China Merchants Port Holdings взяла под контроль порт Хамбантота с арендой на девяносто девять лет. Мальдивы также имеют перед КНР серьезные долговые обязательства: 70 % их национального долга приходится на Китай, а 10 % государственного бюджета направляется на погашение задолженности перед Китаем³⁹⁷. И все же экономическое сотрудничество с Китаем рассматривается государствами региона как наиболее выгодное и перспективное.

С учетом обозначенных самим названием параграфа задач может возникнуть, однако, вопрос (и автор диссертации отчетливо понимает это), допустимо ли говорить о геополитическом треугольнике «Россия – Китай – Ближний Восток», или же есть смысл ограничиться констатацией китайского присутствия в регионе? Тем более, что само по себе это присутствие оказывает огромное воздействие на динамику экономических и политических процессов. Вопрос к тому же усложняется еще и тем, что осуществление Россией и Китаем своей геоэкономической политики в своих конкретных воплощениях нередко вызывает споры и даже прямые трения между ними.

И, тем не менее, мы полагаем, что есть достаточные основания говорить о треугольнике «Россия – Китай – Ближний Восток» как о состоявшейся геополитической реальности. На это есть несколько причин. В настоящее время сотрудничество России и Китая в этих регионах приобрело особую актуальность в связи с новыми вызовами и угрозами в мире. Понятно, что это сотрудничество определяется, прежде всего, четко проводимой ими линией на недопустимость геополитического диктата со стороны внешних центров давления и в целом на утверждение модели многополярного миропорядка. В этом они едины с большинством стран Ближнего и Среднего Востока. Всплеск международного терроризма, характерный для этого региона, осознаваемая Китаем и Россией

³⁹⁷Robert A. Manning, Bharath Gopalaswamy. Is Abdulla Yameen Handing Over the Maldives to China? // ForeignPolicy, March 21, 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/03/21/is-abdulla-yameen-handing-over-the-maldives-to-china/> (дата обращения: 20.01.2020).

подоплека экспорта «демократической революции» (при имеющемся собственном многообразии этноконфессионального состава населения, с которым активно работают экстремистские группировки), наконец, просто близость географических границ с очагами возмущения заставляют оба государства быть особо чувствительными в отношении возникающих угроз. Понятной является и заинтересованность в развитии экономических, торговых и иных отношений.

Можно даже отметить при этом, что возникающие между Россией и Китаем противоречия по поводу тех или иных преференций в регионе не отменяют того факта, что любая из проводимых каждой стороной даже односторонних акций объективно способствует ослаблению их главного геополитического соперника в регионе и в мире в целом – Соединенных Штатов Америки³⁹⁸. Их деятельность на этом направлении объективно способствует движению «Расширенного Ближнего Востока» в сторону «постзападных» его очертаний. При этом в отношении внутривосточных процессов региона оба государства рассматривают имеющиеся возможности исключительно в прагматическом русле, без идеологических наслоений, не затрагивая вопросы внутренней политики государств региона и особенностей их политических режимов.

Что касается третьей стороны рассматриваемого треугольника – стран самого Ближнего Востока, они также крайне заинтересованы во всех видах сотрудничества и с Россией, и с Китаем. Так, ядерная и аэрокосмическая отрасль Ирана, традиционно поддерживаемая Россией, укрепляет позиции Тегерана на Ближнем Востоке и Юго-Западной Азии, а совместные учения с Китаем и соответствующие соглашения с ним расширяют возможности развития современных военных технологий.

Примечательно и то, что в оценке политической ситуации и расклада сил на Ближнем Востоке западные аналитики и средства массовой информации,

³⁹⁸ Практически все эксперты, отмечая все возрастающую зависимость Китая от импорта энергоресурсов с Ближнего Востока, едины в том, что, он почти наверняка попытается заполнить любой вакуум, возникающий в регионе в случае, если США станут сокращать там свое присутствие. Китай давно ожидает грядущих изменений в экономической и политической структуре региона и готовится воспользоваться ими, если для этого возникнут соответствующие условия.

определяя соперников США и их союзников в регионе, чаще всего и оперируют понятием российско-китайского альянса, сопряженного с политикой независимого развития ближневосточных государств.

Россия в своей политике на ближневосточном направлении в отстаивании своих национальных интересов всемерно учитывает возрастание здесь китайского фактора, утверждения стратегического партнерства с этой страной. Речь при этом идет не только о странах этого региона, но и об ареале всего «Расширенного Ближнего Востока» и сопредельных с ним территорий. С особой выразительностью это находит свое воплощение на политических пространствах Центральной Азии.

4.3. Центральная Азия в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва» через призму приоритетов национальной безопасности России³⁹⁹

Избираемый в настоящем параграфе для политического анализа геополитический треугольник «Вашингтон – Пекин – Москва» имеет существенные отличия от рассмотренных нами ранее. Если в первых двух случаях мы имели объективную возможность сосредоточить основное внимание, прежде всего, на точках взаимодействия, сотрудничества сторон, то здесь ярко выражают себя моменты совершенно иного порядка. Интересы Вашингтона в регионе явно противоположны (даже враждебны) интересам России и Китая. Более сложными, чем в других ареалах, представляются и линии взаимодействия Москвы и Пекина, где, с одной стороны, обозначается стремление плотной увязки политических стратегий двух стран в противодействии вызовам со стороны геополитических соперников, международного терроризма и т.п., с другой, – более выпукло проявляются и различные подходы в экономической области, где этим странам, наряду с сотрудничеством, нередко приходится принимать на себя роль прямых конкурентов.

Ситуация осложняется общей нестабильностью в регионе. Стремясь оторвать

³⁹⁹ При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации автора, в которых, согласно «Положению о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова», отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Ханалиев Н.У.* Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центральноазиатский регион. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205-225; *Ханалиев Н.У.* Две стороны китайской экспансии в Центральной Азии (на примере Казахстана). Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 9 (66). С. 2339-2348; *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке. Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 143-152; *Ханалиев Н.У.* О некоторых особенностях политики США в Центральной Азии. Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50). С. 2185-2194.

страны Центральной Азии от России присутствие здесь активно стремятся обозначить США и их союзники. Свое влияние в них пытаются утвердить уже рассмотренные нами Турция и Иран⁴⁰⁰. Центральноазиатские страны являются предметом самого пристального внимания и со стороны международного терроризма.

Особо стоит, конечно же, выделить острейшие внутренние проблемы, связанные со сложностями выстраивания государственности, создания необходимой для этого инфраструктуры, преодоления сложностей духовной жизни. Можно выделить выплески националистических настроений, характерные для молодых государств, впервые обретших или восстановивших давно утраченную независимость. Серьезное значение имеет неустойчивость элит или даже прямой раскол в их среде.

Для правильного понимания положения дел в регионе важно учесть и то, что процесс формирования суверенных государств в Центральной Азии в постсоветский период столкнулся с рядом проблем, и не последней из них является неоднозначность исторически сложившегося территориального межгосударственного размежевания границ центральноазиатских республик. Это привело к появлению здесь многочисленных национальных анклавов и как следствие – к образованию межгосударственных зон социальной, политической и межнациональной нестабильности, что в ряде случаев приводит даже к прямым вооруженным столкновениям. В регионе сохраняются условия для радикализации недовольных слоев населения в связи со сложностями социально-экономической жизни, неотлаженностью во многих случаях государственного аппарата, развитой коррупцией и т.п. Важно учесть также, что у центральноазиатских стран нет сколько-нибудь надёжно контролируемых границ. Естественно, такое положение оказывает серьезное влияние на характер геополитической игры как соответствующих государств самого региона, так и основных мировых и региональных акторов.

⁴⁰⁰ Туркменистан имеет довольно протяженную границу с Ираном, Иран имеет уходящие в далекое прошлое связи и интересы с Таджикистаном. Турция, руководствуясь идеями пантюркизма, вынашивает проекты объединения всех тюркских народов в некое единое тюркское сообщество под названием «Великий Туран».

И, может быть, самое главное состоит в том, что молодые центральноазиатские республики это новые субъекты мировой политики со своими представлениями о национальных интересах и предпочтениях, особенностях государственного и общественного устройства, системе соответствующих союзнических отношений с иными государствами⁴⁰¹.

Мы уже отмечали, что по ряду оснований (и, не в последнюю очередь, в аспекте задач борьбы с международным «исламистским» терроризмом) и «Расширенный Ближний Восток», и Центральная Азия (наряду с российским Северным Кавказом и Южным Кавказом) составляют во многом единое геополитическое пространство. Представляется уместным напомнить, что в России находятся миллионы мигрантов из центральноазиатских стран, и не все они вписываются в российскую жизнь – из их числа нередко рекрутируются и боевики для бандформирований «Расширенного Ближнего Востока». Немаловажное значение имеет то (и об этом в очередной раз необходимо упомянуть особо), что эти страны, в культурном, этнонациональном, конфессиональном, торгово-экономическом планах и территориально теснейшим образом связаны с конфликтогенным Афганистаном, который в последние годы стал служить не только все большим прибежищем для террористических группировок из воюющих стран «Расширенного Ближнего Востока», но и сам, в силу внутренних неурядиц, превратился фактически в страну всеобщего раздора. В случае худшего сценария развития политической ситуации в Афганистане весь регион может превратиться в ареал столь масштабной нестабильности, что это может принять уже не только региональные, но и общемировые измерения.

Разумеется, не только угрозы со стороны международного терроризма обуславливают рассмотрение ситуации в Центральной Азии в ее связке с

⁴⁰¹ Важно при этом учесть, как отмечено в одном из докладов Российского совета по международным делам, что «Центральная Азия традиционно считается местом противостояния великих держав. Именно так она рассматривалась еще в конце XIX века в российско-британской «Большой игре», и такое восприятие стало вновь актуальным после распада Советского Союза, который вывел среднеазиатские республики на международную арену как новые независимые государства... Государства Центральной Азии отнюдь не пассивные акторы и во многих отношениях сами устанавливают правила игры. К тому же им отлично удается играть на противоречиях между внешними игроками» (Кортунов А.В., Ларюэль М. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества: Доклад № 49. Российский совет по международным делам. М, 2019. – С. 6.

проблемами «Расширенного Ближнего Востока». Права, на наш взгляд, И.Д. Звягельская, отстаивая мнение о том, что несмотря на все различия между Ближним Востоком и Центральной Азией, их включение в общие рамки исследования «выглядит достаточно органичным вследствие наличия в обоих регионах общих парадигм развития и схожих проблем»⁴⁰². С учетом момента нестабильности эту же мысль высказывает и А.В. Фролов: «Сегодня многие специалисты относят оба региона к так называемому Большому Ближнему Востоку, другие склонны включать их в «дугу нестабильности». Оба региона также являются составными частями исламского мира»⁴⁰³.

России приходится защищать приоритеты своей национальной безопасности и жизненно важные национальные интересы в центральноазиатском регионе в жесткой конкурентной борьбе. Определяя формат геополитического треугольника через призму взаимоотношений ее с США и Китаем, начнем рассмотрение вопроса с политики Вашингтона.

С появлением в 1904 году работы известного английского географа и политического деятеля Х. Маккиндера «Географическая ось истории» проблемы Евразии стали занимать особое место в мировой науке, прежде всего, в теориях международных отношений и геополитике. По мнению Маккиндера, первоначально в качестве оси мировой истории выделилась Центральная Азия, определенная им как «Серединная земля» (Хартленд). Именно с нее татаро-монголы сумели распространить свое влияние на всю Азию и обширные территории и народы Европы. Из этого тезиса он сделал вывод: «Кто правит Хартлендом, тот господствует над Мировым островом. Кто правит Мировым островом, тот господствует над миром»⁴⁰⁴.

В приближенное к нам время существенную роль в повышении интереса к Евразии и, соответственно, к Центральной Азии, сыграла книга известного американского аналитика Зб. Бжезинского «Великая шахматная доска»,

⁴⁰² Звягельская И.Д. «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении» / И.Д. Звягельская. – М.: Аспект Пресс, – 2018.

⁴⁰³ Фролов А.В. Ближний Восток и Центральная Азия: анатомия конфликтности // Пути к миру и безопасности. 2019. № 2. – С. 112

⁴⁰⁴ Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. New York, 1919.–p. 186.

опубликованная в 1997 году. Американским аналитиком проводилась мысль о том, что после распада Советского Союза определяющей становится задача максимального усиления геополитического плюрализма на постсоветском пространстве. Еще более четко Бжезинский изложил свое видение в следующей формуле: с развалом СССР Евразия превратилась в своего рода «Великую шахматную доску», на которой «впервые в истории неевразийская держава (т.е. США) стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире»⁴⁰⁵. Фактически здесь в несколько завуалированной форме была повторена идея Маккиндера: тот, кто контролирует Евразию, тому принадлежит контроль над всем миром, в великой шахматной игре «главный геополитический приз для Америки – Евразия»⁴⁰⁶.

Политика США в регионе формировалась в соответствии с общей внешнеполитической стратегией Вашингтона, направленной на достижение гегемонии над Евразийским континентом. Как отмечал главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан М. Лаумулин, американская политика в Центральной Азии представляет собой «часть более общей, Евразийской стратегии США, затрагивающей помимо стран Центральной Азии, Каспийского и Кавказского регионов Россию, Афганистан, государства Среднего Востока, Южной Азии и Китая»⁴⁰⁷.

Иначе говоря, стратегия США с самого начала была ориентирована главным образом на постепенное укрепление своих геополитических позиций в этом важном регионе, который мог сыграть ключевую роль в противостоянии России и Китаю. Одна из ключевых первоначальных задач их проекта «Нового Большого Ближнего Востока» состояла в превращении со временем Центральной Азии в самостоятельный регион, отгороженный от влияния России и Китая и

⁴⁰⁵ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. – С. 12

⁴⁰⁶ Там же. – С.–44.

⁴⁰⁷ Лаумулин М. Стратегия и политика США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, №4. – С. 51.

контролируемый Вашингтоном. При этом предполагалось объединение в единое целое Центральной Азии с Афганистаном, а за ним и с Большим Ближним Востоком. Руководство США в тот период было уверено в неспособности России противостоять своим притязаниям. Как отмечает С.А. Николаев, «Центральная Азия уже не воспринималась как «задний двор» России, а приобретала для Вашингтона самостоятельное значение»⁴⁰⁸. Не столь значимым в 90-е годы представлялось ему и влияние в регионе Китая.

Одна из целей США состояла в завоевании контроля над углеводородными ресурсами и маршрутами их транспортировки на мировые рынки в обход Российской Федерации и Ирана. Показательно то, что еще в 1997 году Кавказ и Центральная Азия были объявлены Вашингтоном «зоной жизненно важных интересов США».

Своего рода рубежом, существенно изменившим содержание и характер интереса Вашингтона к региону, стала террористическая атака на США 11 сентября 2001 года. Как известно, это событие стало основной причиной объявления США войны против международного терроризма под названием «Несокрушимая свобода», объектом которой стал Афганистан. До этого, как считает американский политолог Л. Бренер, регион «лежал на периферии глобальной стратегии США, и вопрос об их стратегии в данном регионе не вызывал открытых дискуссий ни в политических, ни в академических кругах, так что разногласия не выходили за рамки относительно сдержанной профессиональной полемики»⁴⁰⁹.

Это соображение Бренера, с нашей точки зрения, можно принять лишь с некоторыми оговорками. Безусловно, возросший интерес Вашингтона к Центральной Азии во многом определялся тем фактом, что с Афганистаном граничат Узбекистан, Туркмения, Таджикистан. Их территории, равно как и территории Казахстана и Киргизии, в силу их географической близости к этой

⁴⁰⁸ Николаев С.А. Внешняя политика США в Центральной Азии: соотношение интересов и ценностей // Международные отношения, 2012, № 1. – С. 69.

⁴⁰⁹ Beehner L. The Rise of the Shanghai Cooperation Organization // Council on Foreign Relations (CFR), 26 June, 2006, Доступ: [<http://www.iiss.org/whats-new/iiss-in-the-press/press-coverage-2006/>].

стране смогли послужить в качестве перевалочных площадок для американских войск и военно-гражданских грузов для дислоцированных в Афганистане войск. И все же изначально преследовалась более глобальная цель – усилить свои позиции в регионе, стать там реальным противовесом России. Рассчитывая на свою безоговорочную победу в Афганистане, США учитывали и немаловажный с геополитической точки зрения факт, что северные пограничные территории страны заселены узбеками, таджиками и туркменами, через которых они надеялись так или иначе воздействовать на молодые постсоветские республики. При этом серьезные усилия они сосредоточили на все более целенаправленной работе в самих постсоветских государствах.

В этом контексте обращает на себя внимание выдвинутая вашингтонскими стратегами идея создания так называемой «Большой Центральной Азии» в качестве своего рода аналога «Большого Ближнего Востока».

Эта идея впервые была сформулирована в статье сотрудника Университета Джонса Хопкинса Ф. Старром, опубликованной в летнем номере журнала «Foreign Affairs» 2005 года⁴¹⁰. В качестве одной из ключевых целей предлагалось «ведение наступательной борьбы против терроризма и создание замкнутых на США инфраструктур безопасности»⁴¹¹. Этим, однако, задачи не ограничивались. Доклад «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки» за 2006 год включал дополнительные положения. В нем подчеркивалась необходимость разработать установки новой стратегии в регионе с упором на «диверсификации источников энергетических ресурсов в мировом масштабе; укреплении безопасности и обеспечении победы в войне против терроризма»⁴¹².

Руководство США, преследуя в регионе свои геополитические цели с помощью силы в стиле реалполитики, не забывало провозглашать и о продвижении ценностей политической демократии, прав и свобод человека, рыночной экономики, используя при этом методы «мягкой» и «умной» силы. При

⁴¹⁰ Статья была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Россия в глобальной политике». См.: *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии // *Россия в глобальной политике*, июль – август 2005, № 4.–С. 72–87.

⁴¹¹ Там же. – С. 76.

⁴¹²The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: WhiteHouse, March 2006. p. 40.

всех возможных оговорок на деле ставилась задача экспорта «демократической революции». В идеале для Вашингтона при благоприятном стечении обстоятельств речь могла идти о «Центральноазиатской весне» по аналогии с «арабской весной» на Ближнем Востоке.

Используя идею Старра, тогдашний госсекретарь при президенте США Дж. Буша-младшего К. Райс в ходе своего визита в Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан в октябре 2005 года заявила о необходимости поиска некоего «коридора реформ» и возможностей объединения предполагаемых «Большой Центральной Азии» и «Большой Южной Азии». Оценивая подобные планы Г. Тулепбергенова совершенно справедливо характеризовала проект «Большой Центральной Азии» как стратегическую матрицу, «используемую США в отношении Центральной Азии, Каспийского региона и Афганистана для управления в нужном ключе геополитической, военно-политической и геоэкономической обстановкой. В данном качестве он служит таким же механизмом геополитического конструирования пространства, как Большой Ближний Восток. Неслучайно оба проекта с теоретической точки зрения органично дополняют друг друга»⁴¹³.

Предложенный проект, помимо прочего, имел своим предназначением блокирование наметившейся тенденции к усилению влияния в регионе начавшейся возрождаться России и набиравшего вес и влияние Китая. Его реализация предполагала оказание всемерной помощи западным корпорациям в освоении углеводородных ресурсов и выборе маршрутов их экспорта на мировые рынки, минуя территорию России. Проект, не в последнюю очередь, имел целью создания плацдарма против Ирана и продвижение своих интересов на Южном Кавказе.

Попытки расширения и укрепления сотрудничества США с центральноазиатскими государствами были продолжены при президенте Б. Обаме. Так, в июле 2015 года заместитель помощника государственного

⁴¹³ Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 1. – С. 85.

секретаря США по Южной и Центральной Азии Г. Эншер совершил визит в Ташкент, в ходе которого принял участие в заседании рабочей группы по безопасности в формате «С5+1» (руководители Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана плюс США). В формальном выражении главное внимание на ней уделялось ситуации в Афганистане и мерах по достижению мира. Было отмечено, что обеспечение мира и безопасности государств Центральной Азии зависит от положения дел в Афганистане. Как отметила пресс-служба МИД Узбекистана, на встрече «состоялся обмен мнениями по вопросам региональной и международной безопасности, в том числе укреплению сотрудничества в противодействии угрозам экстремизма, терроризма, обеспечению безопасности границ»⁴¹⁴. В действительности на встрече поднимался круг и более широких вопросов, что отчетливо стало прослеживаться в ходе последующих контактов, в частности, в ходе визита в регион тогдашнего госсекретаря Дж. Кэрри в ноябре 2015 года. Ключевые вопросы политики Вашингтона в регионе были обсуждены на встрече в формате «С5+1» в узбекском Самарканде. По итогам переговоров была принята так называемая «Самаркандская декларация», в которой был обозначен довольно широкий круг направлений сотрудничества США и стран региона.

Такая линия не прерывалась и при президенте США Д. Трампе. В самом начале февраля 2020 года госсекретарь США М. Помпео совершил визит в Узбекистан и Казахстан и встретился с президентами двух стран Ш. Мирзиёевым и К.-Ж. Токаевым, а также с Н. Назарбаевым.

Особое внимание именно к этим двум странам для Вашингтона обусловлено следующим фактором. Без участия Казахстана и Узбекистана ни один крупный вопрос в регионе решить не удастся. Речь при этом идет не только о дипломатических возможностях. США активно продвигают различные варианты сотрудничества с государствами Центральной Азии в военно-технической сфере.

⁴¹⁴ Цит. по: *Панфилова В. В Центральной Азии снова в Фокусе интересов США // Независимая газета, 24 июля 2018.*

Представляется неслучайным, что совместное заседание руководителя Центрального командования ВС США и начальников штаба армии Афганистана и государств Центральной Азии в феврале 2019 года состоялось в Ташкенте, и по его итогам командующий центральным командованием Вооруженных Сил США генерал Джозеф Вотел выразил надежду, что «стороны смогут выработать стратегию развития и углубления конструктивного партнёрства во имя мира и процветания в регионе»⁴¹⁵.

Вашингтон пытается использовать заинтересованность Узбекистана во внешней финансовой помощи и содействии в области безопасности для вовлечения этой страны в более тесное сотрудничество. На переговорах между США и Узбекистаном был заключен целый ряд соглашений на сумму 4,8 млрд. долл.⁴¹⁶

Особую активность Вашингтон проявляет и в развитии отношений с Казахстаном. Об этом свидетельствует крайне высокий уровень взаимодействия между двумя государствами. Достаточно отметить, что за время своего нахождения на посту президента Казахстана Н. Назарбаев совершил шесть официальных визитов в Вашингтон, в результате которых были достигнуты договоренности по целому ряду ключевых вопросов взаимоотношений между двумя странами. Так, в феврале 1994 года между Вашингтоном и Астаной была подписана «Хартия о демократическом партнерстве», а в ноябре 1997 года «Хартия об экономическом партнерстве». Руководство Казахстана безоговорочно поддержало военную операцию США в Афганистане (можно добавить еще, что из всех центральноазиатских государств Казахстан стал единственной страной, направившей свой военный контингент в Ирак в 2003 году). Между Астаной и Вашингтоном была подписана договоренность на пять лет о сотрудничестве, предусматривавшая поставки Казахстану военной техники, реализацию программ

⁴¹⁵ Командующий Центральным командованием ВС США встретился с лидерами стран ЦА в Ташкенте. Доступ: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2019/02/22/feature-02.

⁴¹⁶ *Кадоццев А.* Большая игра в Центральной Азии – соперничество продолжается // *Международная жизнь*, 2018, № 10.

по обучению его военнослужащих в военных учреждениях США⁴¹⁷. Руководство Казахстана пошло даже на такой шаг, как согласие на создание на своей территории «исследовательских» бактериологических лабораторий.

Разумеется, США не снижают своего внимания в отношении других центральноазиатских государств. Так, в ходе вышеотмеченного визита в регион М. Помпео принял участие в министерской встрече в формате «С5+1», состоявшемся в Ташкенте 3 февраля 2020 года. В ней участвовали министры иностранных дел: Казахстана – М. Тлеуберди, Узбекистана – А. Камилов Киргизии – Ч. Айдарбеков, Таджикистана – С. Мухриддин, Туркменистана – Р. Мередов⁴¹⁸.

В 2020 году Вашингтон обнародовал документ «Стратегия в Центральной Азии». Как в нем отмечается, «тесные отношения и сотрудничество со всеми пятью государствами региона будут способствовать продвижению американских ценностей и противодействию растущему влиянию соседей по региону», то есть России и Китая⁴¹⁹.

В этой связи, касаясь предназначения и целей новой стратегии, заместитель помощника президента США и директор отдела Центральной и Южной Азии в Совете национальной безопасности Л. Кертис подчеркнула необходимость учета тех фундаментальных сдвигов, которые в последние годы происходят в регионе. Под этими сдвигами она имела в виду, прежде всего, рост влияния России и Китая, рассматриваемых как главных врагов США. В данном направлении, выделила эту мысль Кертис, первостепенное значение имеет поддержка Вашингтоном «стремления всех стран Центральной Азии к независимости, суверенитету и территориальной целостности»⁴²⁰. Центральноазиатским странам предписывается всемерное расширение всех форм сотрудничества с США на основе платформы «С5+1». По оценкам экспертов, «во многих аспектах это так

⁴¹⁷ Нурғалиев М. Казахстанско-американское военно-политическое сотрудничество в контексте геополитических интересов США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. №2(50).

⁴¹⁸ Там же..

⁴¹⁹ Цит. по: Что представляет собой новая стратегия США в Центральной Азии. 26 февраля 2020. Доступ: <https://yandex.ru/turbo/s/politinform.su/117881>.

⁴²⁰ Там же.

называемое расширенное сотрудничество сводится к созданию препятствий и противоречий вокруг региональных интеграционных проектов, возглавляемых Россией и Китаем, то есть Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП)⁴²¹.

От попыток остаться в Центральной Азии, более того, расширить там свое присутствие, в том числе военное, не отказалась также администрация президента-демократа США Дж. Байдена. Примечательно, что еще на стадии обдумывания своих планов вывода американских войск из Афганистана, США продекларировали желание передислоцировать выводимые подразделения в центральноазиатские страны, прежде всего, граничащие с этим государством (Переговоры по этому вопросу велись, в частности, в ходе визита в Казахстан спецпредставителя США по примирению в исламской республике З. Халилзад еще в июне 2011 года). Это стремление позже находило свое отражение во время исхода американских войск из Афганистана.

Следует отметить, что Запад в целом и США в особенности предпринимали попытки предложить собственные альтернативы «нового шелкового пути». К примеру, на саммите НАТО, состоявшемся в апреле 2008 года в Бухаресте, руководителям центральноазиатских государств был предложен проект строительства железной дороги по территории Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана, России, Украины, Беларуси, которая должна была соединить страны региона с Европой. Подобный же проект был представлен Вашингтоном в 2011 году.

В последующие годы США представили очередной вариант «Нового Великого шелкового пути», который преследовал более ярко выраженные геополитические замыслы. В этом варианте предусматривалось объединение Афганистана и Центральной Азии с развивающимися странами Южной Азии. При этом за скобки выносились Россия, Китай и Иран – основные конкуренты Америки в регионе. Проект «Нового великого шелкового пути» предполагал

⁴²¹ Там же.

создание транспортного коридора из Юго-Восточной Азии в Европу в обход этих государств.

Проекты Вашингтона остались, однако, на бумаге и потеряли свою актуальность в результате инициативы Пекина, который предложил более масштабный и более перспективный вариант. Тем более, США вряд ли способны найти тот триллион долларов, которые Пекин намерен вложить в реализацию своего проекта.

И это не единственная неудача Соединенных Штатов. Еще задолго до их краха в Афганистане, который, конечно же, станет предметом серьезнейшего осмысления в центральноазиатских республиках, К.С. Гаджиев очень точно фиксировал: Постепенно на «Великой шахматной доске» стали обнаруживаться большие трещины, которые стали результатом, прежде всего, существенного изменения характера и конфигурации геополитических сил на всем Евразийском континенте в целом и в Центральной Азии в особенности⁴²². Этому способствовал целый комплекс факторов, таких как активное возвращение Российской Федерации на геополитическую арену, включая Центральную Азию; усиление мощи и влияния Китая и связанных с этим факторов⁴²³, двойственная природа внешнеполитической стратегии США в регионе; провал агрессивной войны Афганистане и Ираке, стратегии экспорта «демократической революции» и т.д.

Последнее следует выделить особо. Руководители стран региона со временем стали все более осознавать значение оборотной стороны стратегии США, закономерно связывая ее с реальными угрозами как своей власти, так и судьбам и перспективам государственности здесь. Во многом переломными стали уже так называемая «революция тюльпанов» в Киргизии в марте 2005 года и события в узбекском Андижане в мае того же года. В Киргизии «революция» превратилась в

⁴²² Гаджиев К.С. Большие трещины на «Великой шахматной доске» // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, №1. – С. 29-42

⁴²³ Примечательно, к примеру, то, что время отмеченного нами выше визита Помпео на встрече президентом Казахстана с К.-Ж. Токаевым пытался вбить клин между Казахстаном и Китаем. Он, ставя тем самым руководство Казахстана в заведомо неудобное положение, в частности, заявил о необходимости защиты прав этнических казахов, якобы находящихся в «интернированных лагерях» Синцзян-Уйгурского автономного района: «Мы призываем обеспечить безопасное убежище для беженцев из Китая»⁴²³. Как бы дезавуируя Помпео, К.-Ж. Токаев в интервью немецкому изданию Deutsche Welle высказал сомнение в существовании таких лагерей.

настоящий бунт и грабежи, в результате которых был свергнут с своего поста президент Киргизии А. Акаев, считавшийся чуть ли не образцовым либералом. В Узбекистане президент И. Каримов, напротив, укрепил силовые структуры и усилил авторитарные аспекты своей власти. Последовала закономерная реакция, что, в частности, выразилось, прежде всего, в ликвидации американской военной базы в Ханабаде в Андижанской области Узбекистана и в Манасе в Киргизии.

Складывающаяся обстановка вынуждает Америку на словах несколько умерить свои амбиции. Так, Кертис в упомянутом нами уже обращении сформулировала эти позиции так: «Россия традиционно пользовалась огромным влиянием в этом регионе. Мы не рассчитываем на то, что это изменится. Мы не пытаемся соперничать с ней. Мы просто хотим сохранять здесь свое присутствие. Мы хотим предоставить альтернативу для стран региона, чтобы они могли сами определять свое будущее»⁴²⁴.

Такого рода акценты в политике США в Центральной Азии вызывают разные оценки экспертов. Так, Г. Тулепбергенова считает, что «Центральная Азия на определенный период «выпала» из основных приоритетов США, и сегодня политика в регионе является производной от динамики политики Белого дома на ближневосточном, российском, китайском и кавказском направлениях»⁴²⁵. Отчасти принимая этот вывод, мы все же соглашаемся с более определенным, с нашей точки зрения, выводом К.С. Гаджиева: «Образовавшиеся на евразийском пространстве трещины становятся серьезным препятствием на пути защиты Вашингтоном здесь своих интересов. Но было бы непростительной ошибкой полагать, что США просто так откажется от защиты своих интересов в Евразии в целом и в Центральной Азии в частности. Нельзя забывать, что Соединенные Штаты как великая военно-политическая держава, в силу своей имперской

⁴²⁴ Что представляет собой новая стратегия США в Центральной Азии. 26 февраля 2020.

⁴²⁵ Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ, 2009, №1. – С. 93.

природы, просто так не может отказаться от своих позиций и интересов в регионе»⁴²⁶.

В любом случае речь идет о дальнейшем экономическом проникновении, готовности в случае необходимости провоцировать дестабилизацию (оправданным будет предположить, что при этом активным будет содействие США расширению хаоса в Афганистане на весь центральноазиатский ареал) и, самое главное, использования любой возможности геополитического противостояния России и Китаю. И хотя в настоящее время еще трудно делать определенные выводы по январским 2022 года событиям в Казахстане (все это нуждается в предметном и серьезном расследовании и осмыслении), можно уже уверенно заключить, что внешний след в попытке здесь государственного переворота прослеживается вполне явственно.

Состояние и перспективы развития стран Центральной Азии невозможно оценить без учета фактора набирающего вес и влияние Китая, который проявляет всевозрастающую активность в регионе. Он имеет государственную границу с тремя центральноазиатскими странами – Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, что дает ему большие преимущества перед США. Пекин постоянно расширяет и углубляет торгово-экономические, военно-политические, культурные, научно-образовательные, гуманитарные и иные связи с государствами Центральной Азии. Китай, равно как и Россия, заинтересован в минимизации влияния военного присутствия США и их союзников в регионе. В рамках ШОС два государства совместно борются против терроризма, экстремизма и наркотрафика.

В Центральной Азии Китай добился своего признания в качестве весьма влиятельного регионального актора. Хотя по заявлениям китайского руководства основными стратегическими направлениями внешней политики Китая являются

⁴²⁶ Гаджиев К.С. Большие трещины на «Великой Шахматной доске // Мировая экономика и международные отношения, 2017, №1. – С. 38.

южное (Тайвань) и восточное (США и Япония), Центральная Азия, находящаяся на северо-западе, рассматривается в качестве своеобразного тыла Китая⁴²⁷.

Китай активно наращивает экономическую экспансию в Центральной Азии, обеспечивая своими широкомасштабными инвестициями в экономику всех пяти государств региона беспрецедентное превосходство в этой сфере все государства, включая США. Правда, как отмечают В. Кашин и А. Королев, «оценить общий объем помощи Китая Центральной Азии, а также каждой отдельной стране региона не представляется возможным. Официальная статистика КНР таких данных не предоставляет, значительная часть информации об объеме и характере помощи имеет закрытый характер. Те цифры, которые можно найти в открытых источниках, фрагментарны и представляют собой не более чем экспертные оценки»⁴²⁸.

И, тем не менее, общую картину можно определить достаточно точно. Если в советский период товарооборот между Китаем и бывшими центральноазиатскими республиками составлял от \$350 до 750 млн., то в течение всего постсоветского времени цифры росли по нарастающей и, по имеющимся данным, достигли \$100 млрд. С обнародованием Си Цзиньпином в 2013 году проекта «Один пояс – один путь» объемы инвестиций в инфраструктурные проекты, например, Киргизии достигли к 2019 году примерно \$2,3 млрд., что эквивалентно примерно 30 % ее ВВП⁴²⁹. Совокупный же товарооборот государств Центральной Азии с КНР в 2019 году превысил \$33 млрд.⁴³⁰

Особый интерес в регионе Китай проявляет к гидроэнергетическим проектам, инвестируя для поддержания в рабочем состоянии стареющих советских инфраструктурных объектов, таких, как гигантская плотина Нурекской ГЭС в Таджикистане и Токтогульская ГЭС в Киргизии, значительные суммы⁴³¹.

⁴²⁷ Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии // Возможность изменения ситуации в Афганистане. М: Изд. ИДВ РАН 2011 г. – С. 87.

⁴²⁸ Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 3. – С. 82. .

⁴²⁹ Яу Цз Ян Мау. Китай в Центральной Азии: гуманитарная помощь и торговля (Eurasianet, США). 8. Мая .2020.

⁴³⁰ Грачев И. Президент Казахстана рассказал об угрозе «китайской экспансии» в Центральной Азии // Комсомольская правда, 3 июня 2020.

⁴³¹ Yau Tsz Yan. Chinese hydroelectric investments in Central Asia: A snapshot. // Eurasianet (США). August 31, 2020

Важным вкладом в энергетическое обеспечение Казахстана стало завершение в 2012 году строительства Китайской международной гидроэлектрической корпорацией (CWE) Мойнакской гидроэлектростанции мощностью 300 мегаватт на юге Казахстана. В конце 2018 года та же корпорация реализовала проект строительства Тургусунской ГЭС («Тургусун-1») мощностью 25 мегаватт на реке Иртыш на северо-востоке Казахстана. В настоящее время идет работа над другими крупными проектами в Казахстане⁴³².

Современные реалии свидетельствуют о том, что Китай строит свою политику в регионе исходя из жестко прагматичного экономического расчета: использование «мягкой силы» является его важнейшим дипломатическим принципом. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане проявляется заинтересованность, в основном, в нефтегазовой сфере, в Киргизии и Таджикистане – в водно-энергетической и транспортно-коммуникационной. Китай импортирует нефть из Казахстана, газ – из Туркменистана, уран – из Казахстана и Узбекистана. И все эти процессы идут по нарастающей.

Прагматическая линия в экономической политике не исключает и политических целей. Можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых, экономическая мощь Китая и людские ресурсы могут сыграть определяющую роль в его доминировании в Центральной Азии в будущем. В этом направлении ключевую роль может сыграть всевозрастающий рост инвестиций в энергетическую и транспортную инфраструктуру региона, создавая тем самым экономическую основу для расширения своего политического и культурного влияния в регионе. Как не без оснований отмечают В.С. Мирзаханов и М.В. Тюльпанов, «инвестиции Китая в транспортную инфраструктуру Центральной Азии оправданы стремлением Пекина политически укрепиться в регионе и экономически привязать к себе все страны Центральной Азии. Очевидно, что в перспективе, при продолжении текущей политики в Центральной

⁴³²Ibid.

Азии, КНР укрепит свое геополитическое доминирование в регионе, используя нарастающую экономическую зависимость стран Центральной Азии от Китая»⁴³³.

Можно привести некоторые примеры. Так, Пекин активно развивает инфраструктуру экспорта углеводородных ресурсов из Казахстана в Китай. Построен и действует нефтепровод Западный Казахстан-Западный Китай, который функционирует с 2005 года и является первой для Китая прямой линией импорта нефти из Центральной Азии. С тех пор спрос Китая на казахстанскую нефть постоянно растет: в 2019 году Казахстан увеличил экспорт нефти в Китай до 6-7 миллионов тонн в год. В то же время в Европу было экспортировано им только около 1 миллиона тонн.

О масштабе проникновения Китая в экономику Казахстана свидетельствует то, что в 2018 году товарооборот между Казахстаном и Китаем составил \$12 млрд. За весь период независимости республики Китай инвестировал в экономику Казахстана более \$20 млрд. На сегодняшний день крупным государственным китайским компаниям принадлежит почти четверть добычи нефти и больше 50 % его переработки в Казахстане. Около половины крупных инвестиций Китая в Казахстан на общую сумму \$27,6 млрд. приходится на нефтегазовые проекты. Закреплением тесных двусторонних отношений послужил двухдневный визит в Китай президента Казахстана К.-Ж. Токаева, в ходе которого между двумя государствами были подписаны заявление о «вечном» стратегическом партнерстве и 10 соглашений по ряду вопросов двусторонних отношений экономического и политического характера.

Несколько отличной предстает ситуация в Узбекистане. Во время правления И. Каримова стабильность режима обеспечивалась жесткой и довольно закрытой системой власти. Страна опиралась на энергоемкую добычу углеводородов и потребляла две трети своей добычи газа. Нынешний президент Узбекистана Ш. Мирзиёев, предпринимая усилия по поддержанию стабильности режима, в большей степени использует методы управления, основанные на политике

⁴³³ *Мирзаханов В.С., Тюльпанов М.В.* Потенциал и перспективы современных туркмено-китайских отношений // *Центральная Азия и Закавказье* 2018, № 4. – С. 35.

экономической открытости, ориентированной преимущественно на Россию и Китай.

Узбекистан нуждается в иностранных партнерах и в выходах на зарубежные рынки для диверсификации экономики. Наиболее очевидным партнером Узбекистана является именно Китай, поскольку он уже продолжительное время импортирует узбекский газ через газопроводную систему «Центральная Азия – Китай». И хотя подавляющее большинство газа из Центральной Азии поступает в Китай из Туркменистана, объемы поставок узбекского газа также непрерывно растут. Так, узбекская государственная компания «Узбекнефтегаз» сообщила, что в 2019 году было экспортировано 15 млрд. кубометров газа, что на 15 процентов больше, чем в 2018 году. Только в 2019 году в Узбекистане было зарегистрировано более 500 новых китайских компаний.

Особо следует отметить значение в Центральной Азии Туркменистана. Согласно некоторым данным, по запасам газа он занимает четвертое место в мире после России, Ирана и Катара, хотя такие оценки некоторыми экспертами ставятся под сомнение. Как бы то ни было, «богатый энергетическими ресурсами Туркменистан, – отмечает М.В. Тюльпанов, – занимает географическое положение, которое позволяет контролировать энергетические потоки в регионе, но вместе с тем граничит с нестабильным Афганистаном, что делает его значимым элементом экономической и политической стабильности макрорегиона»⁴³⁴.

Углеводороды, в подавляющем большинстве в форме газа, составляют более 90 % экспортных доходов Туркменистана. За 2019 год страна экспортировала 33,3 млрд. куб. м. Причем, экспорт туркменского газа в Иран и Россию заметно снизился, и в условиях, когда Туркменистан старается избегать инвестиций со стороны западных компаний, Китай стал единственным значительным покупателем газа у Ашхабада. По имеющимся данным, более 90 % туркменского

⁴³⁴ Тюльпанов М.В. Изменения геополитической роли Туркменистана в начале XXI в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения, 2014, № 18. – С. 228.

газа (более 30 млрд. кубометров) поставляется в Китай⁴³⁵. По состоянию на 21 октября 2019 года суммарный объем поставленного из Туркменистана в Китай природного газа достиг 252,1 млрд. м³. С самого начала двусторонних отношений объем торговли между КНР и Туркменистаном увеличился от 4,5 млн долл. в 1992 году до 10 млрд долл. в 2013 году.⁴³⁶ Благодаря такой политике, Пекин имеет долгосрочное политическое преимущество в стране.

О значимости китайско-туркменских отношений свидетельствуют сравнительно частые встречи высших руководителей двух стран, на которых обсуждаются главным образом вопросы газового сотрудничества. Как бы символом их тесного взаимодействия можно считать газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай» (другое название «Центральная Азия – Китай»), открытие которого состоялось в 2009 году⁴³⁷.

Особо важное значение имеют усилия Пекина по реализации проекта «Один пояс – один путь», о чем мы имели возможность говорить в других частях нашей работы. В рамках настоящего параграфа представляется целесообразным оттенить некоторые иные аспекты политики КНР в этой связи. Речь идет уже не только об экономических измерениях этого проекта, но о его культурно-идеологической составляющей.

Одним из конкретных источников китайской мягкой силы вовлечения является распространение модели экономического успеха Китая – «Пекинского консенсуса», включая ключевые нормативные принципы разработки политики, которые бросают вызов западной модели, основанной на нормативных принципах либеральной демократии и рынка. В последнее время, как начинают

⁴³⁵ Дубровин И. Туркмения: газовый гигант или газовый протекторат Китая? Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/2391155.html>.

⁴³⁶ Гасанов Г. Туркменистан и Китай подписали ряд двусторонних межправдокументов // Trend new agency, 13.05.2014. Доступ: <http://www.trend.az/casia/turkmenistan/2273278.html>.

⁴³⁷ В этом направлении немаловажное значение имел визит президента Туркменистана Г. Бердымухамедова в Пекин в мае 2014 года, на котором было принято решение об строительстве четвертой ветки газопровода Туркмения-Китай. Комментируя это событие, Си Цзиньпин констатировал «нацеленность двух стран на наращивание стратегического сотрудничества» с целью расширения «взаимодействия в области газо- и нефтепереработки, эффективное сложение усилий в целях обеспечения безопасности трубопроводной инфраструктуры и соответствующих объектов»⁴³⁷. Ключевое место в этом сотрудничестве занимает газопровод «Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай», который в 2013 г. назван «Проектом века» (См.: Мирзеханов В С., Тюльпанов М.В. Потенциал и перспективы современных туркмено-китайских отношений // Центральная Азия и Закавказье 2018, № 4. – С. 33.

заявлять китайские исследователи, напористая и активная роль Китая в рамках существующих международных институтов, а также в создании новых глобальных финансовых институтов продемонстрировала огромную трансформацию Китая из сторонника норм в их законодателя⁴³⁸. Это подразумевает, что для КНР становится все более важным обеспечение международного признания не только с точки зрения экономического роста, но также и с точки зрения идейных аспектов, связанных с формированием нормативного образа страны.

В этом плане китайская инициатива «Один пояс – один путь» рассматривается как ключевая составляющая китайской «мягкой» силы. Одной из ее целей провозглашается достижение взаимосвязи между культурным взаимопониманием и экономическим процветанием. Особо важное значение в этом направлении придается деятельности Института Конфуция. По данным агентства Синьхуа, в 2017 году в 142 странах насчитывалось 516 институтов и 1076 классов Конфуция. В дальнейшем их число неуклонно возрастало. В 51 стране, расположенной вдоль проекта «Один пояс – один пути», созданы 135 институтов и 129 классов Конфуция⁴³⁹. В странах Центральной Азии созданы и действуют около полутора десятков его институтов. В настоящее время в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении действуют 10 институтов и 12 классов Конфуция.

Помимо изучения китайского языка в них осуществляются финансируемые Пекином программы по обмену студентов. «В Китае действует комплексная программа государственного управления международными образовательными процессами – важнейшим каналом продвижения «мягкой силы» страны»⁴⁴⁰. По данным Министерства образования КНР на 2015 год, численность студентов из

⁴³⁸ *Xing Li*. China's Pursuit of Soft Power: Norm Diffusion as a Soft Power Mechanism. *Advances in Applied Sociology*, 2020, №10, 278-297. doi: [10.4236/aasoci.2020.107017](https://doi.org/10.4236/aasoci.2020.107017). Available: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation.aspx?paperid=101867>

⁴³⁹ *Шустов А.* Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. Доступ: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/>

⁴⁴⁰ *Першина М.П.* Образование как инструмент «мягкой силы» внешней политики Китая // *Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал)*, 2015, №4. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/education-as-a-soft-power-instrument-of-china-s-foreign-policy>.

Казахстана в Китае достигла 13,2 тыс., из Киргизии – около 10 тыс., из Таджикистана – несколько сот человек⁴⁴¹. И хотя пандемия существенно сказалась на программах студенческого обмена, нет сомнений в том, что уже в ближайшей перспективе это число будет существенно возрастать.

Большое число студентов из центральноазиатских стран сосредоточено в Синьцзянском педагогическом университете, что немаловажно, учитывая этноконфессиональные особенности региона. Студентам предоставляются весьма привлекательные условия вплоть до двухразового питания.

Своего рода национальной гордостью страны стала традиционная китайская медицина. В настоящее время в весьма эффективный инструмент внешней политики превратился и туризм⁴⁴².

Китай ведёт радиовещание на зарубежные страны на 70 языках мира, при этом по особому используя электронный медийный ресурс. В отличие от России, где до недавнего времени был открыт практически неограниченный доступ американскому кинематографу без каких-либо настроек на цензуру, в Китае все без исключения американские фильмы, выбираемые для проката на территории страны, подвергаются жёсткой цензуре Государственного управления по делам радиовещания, кинематографии и телевидения КНР. Еще более жесткие меры осуществлялись в системе Интернет-коммуникаций.

Китай стремительно наращивает свои усилия в области имиджевой составляющей в своей деятельности. Американский китаевед Д. Шамбо, например, оценивает, что страна тратит около 10 миллиардов долларов в год на «внешнюю пропаганду», в то время как для США эта цифра оценивается примерно в 650-700 миллионов долларов.

Нельзя заключить, однако, что Соединенные Штаты проявляют пассивность в отношении Китая. Речь при этом идет не только о прямой пропаганде со стороны непосредственно США, но и о попытке опоры на некоторые силы в

⁴⁴¹ Шустов А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии. Доступ: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/>

⁴⁴² Кокорев К.А., Комиссина И.Н. и Сведенцов В.Л. Политика "мягкой силы" Китая в Азии. Доклад Центра Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона РИСИ // Проблемы национальной стратегии, 2019, № 3. – С. 36.

самых центральноазиатских государствах. Как отмечает казахстанский политолог Д. Ашимбаев, в регионе весьма активно действуют «проамериканские СМИ, которые формально занимают место так называемых казахских национал-патриотов, но финансируются при этом госдепартаментом США»⁴⁴³. Преследуется цель – «подорвать позиции Пекина в странах, задействованных в проекте «Один пояс – один путь»⁴⁴⁴. Одним из инструментов давления на общественное мнение в Центральной Азии стали региональные неправительственные организации, подконтрольные Вашингтону. Весьма активны и западные структуры, действующие в регионе. Среди них – «Азаттык» (филиалы «Радио Свобода») и «Настоящее время» (дочерняя структура «Свободы»). «Институт войны и мира» (Великобритания) и «Евразия.нет» («Фонд Сороса»), Агентство США по международному развитию (USAID), «Международная правовая инициатива» («Фонд Сороса» и «Freedom House»), «Атажурт Ериктилери» и др. Все они призваны формировать и распространять негативный имидж Поднебесной (равно как, впрочем, и России).

Констатация понятной заинтересованности этих и подобных им структур в антикитайской риторике не снимает, тем не менее, необходимости всесторонней оценки политики КНР в регионе. Важно учесть, что активное проникновение Китая в центральноазиатские страны имеет два теснейшим образом связанные между собой аспекта. С одной стороны, инвестиции Китая крайне важны для молодых республик в задачах их экономического развития и как таковые и руководством этих стран, и значительной частью населения приветствуются и всячески поощряются. С другой стороны, геополитические и геоэкономические амбиции Пекина, жесткий прагматизм его в политике не могут не рождать встречных течений. В последние годы начинает наблюдаться тенденция к все более нарастающей озабоченности как части политической, интеллектуальной и медийной элиты, так и значительной части населения этих стран в отношении издержек и даже прямых опасностей, рожденных китайской экономической

⁴⁴³ Откуда в Казахстане антикитайские настроения. Мнения политологов. Доступ: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/otkuda-kazahstane-antikitayskie-nastroeniya-mneniya-378284/

⁴⁴⁴ Там же.

экспансией. Остановим внимание лишь на некоторых обстоятельствах, уже отмеченных, впрочем, в соответствующей специальной литературе.

Так, В. Кашин и А. Королев обращают, в частности, внимание на то, что одним из главных условий предоставления льготных кредитов Китай ставит «использование китайских материалов, оборудования, технологий либо рабочей силы при реализации проектов. Еще одним условием стала увязка национальных программ социально-экономического развития стран-реципиентов с внешнеполитической стратегией Китая. Подобная практика позволяет максимально задействовать китайские производственные мощности за рубежом, что приводит к постепенному расширению экономического присутствия Китая в стратегически важных для центральноазиатских стран отраслях»⁴⁴⁵.

Значимость региона для Пекина помимо всего прочего состоит в том, что он под влиянием сложной экологической обстановки в Китае заинтересован в переносе в Центральную Азию ряда избыточных, энергозатратных и «грязных» производств в ходе осуществления им внутренних структурных реформ.

Не столь однозначно обстоит дело и с созданием новых рабочих мест, казалось бы, ожидаемых по мере роста китайских инвестиций. На деле китайские предприниматели нередко предпочитают привлекать на работу в открываемых производствах привезенных с родины китайских граждан⁴⁴⁶. Особенно обостренно это воспринималось в условиях пандемии. «Сотни инженеров, специалистов и других рабочих прибыли в Узбекистан четырьмя чартерными рейсами, которые, согласно официальной информации, были предназначены для перевозки врачей и гуманитарной помощи. Некоторые из них направлялись на цементный завод в Андижане, прочие – на заводы в Ташкенте»⁴⁴⁷.

Растущее экономическое присутствие дает Китаю политические

⁴⁴⁵ Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 3. – С. 82.

⁴⁴⁶ Можно напомнить, что в отношении подобной политики Китай пытался договориться с СССР в середине 50-х годов прошлого века. Экспансия китайского этноса на сибирские территории тогдашним руководством страны была отвергнута, и это (в совокупности с другими обстоятельствами) в определенной степени сыграло свою роль в последующем разрыве советско-китайских отношений.

⁴⁴⁷ *Yu Cz Yan May*. Китай в Центральной Азии: гуманитарная помощь и торговля. Доступ: (Eurasianet, США). <https://inosmi.ru/economic/20200508/247391120.html>.

преимущества, что вызывает у этих стран обоснованные опасения за свой суверенитет. И в определенной степени это проявляется на деле. Так, строительство газопровода, которое многие официальными лицами в Ашхабаде связывалось с задачами «преодоления зависимости от России», поставило страну практически в полную зависимость от Китая. Китайские компании контролируют разработку газа, финансируют и строят газовую инфраструктуру по всей стране. Нередко можно в связи с этим встретить оценки экспертов, в которых фиксируется, что Китай фактически прибрал к рукам Туркменистан и туркменский газ.

Подобные оценки в центральноазиатских странах не единичны. Казахстанский политолог У. Бабагулов прямо говорит об опасностях «процесса китайской колонизации Казахстана», в результате которой Пекин постарается утвердить у власти в Казахстане «те силы, которые будут беспрекословно выполнять его волю. Этот процесс и составляет основную угрозу национальной безопасности республики, постепенно поглощаемой мощным соседом»⁴⁴⁸. Фиксация угрозы того, что через какое-то время страны Центральной Азии «де-факто окажутся под китайским протекторатом»⁴⁴⁹, становится довольно общим местом экспертных оценок, принимая подчас крайне резкие свои выражения⁴⁵⁰.

Нужно отметить, что и китайская сторона далеко не всегда проявляет необходимую сдержанность. Весьма нервную реакцию в Казахстане вызвала, в частности, статья под названием «Почему Казахстан стремится вернуться в Китай?» (Или в другой редакции перевода: «Когда присоединим Казахстан в состав Китая?»), опубликованная 10 апреля 2020 года в популярном китайском

⁴⁴⁸ *Бабагулов У.* Колонизация Китаем Казахстана продолжится. 31/08/2019. Доступ: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b68864727a74300a805fedf/>.

⁴⁴⁹ См.: Там же.

⁴⁵⁰ Можно сослаться, в частности, на мнение другого казахского политолога И. Нусупбаева: «Китай никогда не был и никогда не будет другом Казахстана. Более того, Китай всегда будет смотреть на Казахстан как на потенциальную жертву». Китаю с его огромным населением Казахстан нужен как территория, «богатая, как природными ресурсами, так и землями пригодными для ведения сельского хозяйства. Китай бы нас уже давно сожрал, если бы не Россия. А наши тупые наики кричат, чтобы мы избавились от русских и от дружбы с Россией. Интересно, а кто тогда защитит наши земли от китайцев? Наша армия? Да её уничтожат китайцы через пять минут после вторжения. Мировое сообщество? Совбез ООН? Не смешите!.. Проблема защиты казахской земли от захватчиков, всегда стояла остро перед нашим народом. Наши мудрые предки нашли решение этого вопроса, и за многовековую дружбу с Россией, казахи не потеряли и пяди своей земли»⁴⁵⁰. (*Нусупбаев И.* Китай бы Казахстан уже давно сожрал, если бы не Россия. |10 март 2020. Доступ: <https://yandex.ru/turbo/s/politinform.su/118384>).

издании Sohu. В статье, помимо прочего, многозначительно фиксировалось, что Казахстан исторически составлял часть территории Китая и в настоящее время здесь проживает 400 000 китайцев. Но особую настороженность вызвал следующий пассаж: «Как только Китай поймет, что Казахстан "уходит" от России, то будет сделано всё, чтобы Казахстан стал если не совсем китайским, то в его подчинении»⁴⁵¹. Статья в дословном переводе была воспроизведена на «Казахском сайте». Послу Китая в Нур-Султане, вызванному в МИД, была вручена нота протеста. Впрочем, настораживает другое: нередко и сам посол Чжан Сяо позволял себе несовместимые с дипломатическим этикетом высказывания о политике руководства Казахстана⁴⁵².

Достаточно ожидаемо поэтому, что острота и неоднозначность взаимоотношений с Китаем находят начала находить свое выражение и в массовых проявлениях. Так, в процессе подготовки и хода визита президента Казахстана К.-Ж. Токаева в Китай в сентябре 2019 года в нескольких городах Казахстана состоялись антикитайские акции, участники которых выступили против реализации в стране китайских проектов в некоторых сферах национальной экономики. Лейтмотивом выступлений служил лозунг «Нет китайской экспансии!».

Тенденции роста антикитайских настроений наблюдаются и в других странах региона, к примеру, в Киргизии. Участники акции в Бишкеке в январе 2019 года требовали, в частности, от властей вернуть Китаю госдолг и ввести мораторий на выдачу гражданства прибывающим в страну китайцам, а также депортировать нелегальных китайских мигрантов⁴⁵³.

Заключая, можно, таким образом, сделать вывод, что сотрудничество центральноазиатских стран и Китая развивается в достаточно сложных условиях и

⁴⁵¹ У Китая серьезные планы на Казахстан. Статья на Sohu возмутила казахов. 26 апреля 2020. Доступ: https://zen.yandex.ru/media/budni_kitaista/

⁴⁵² О китайской дипломатии в Казахстане. 14 апреля 2020. Доступ: https://forbes.kz/massmedia/o_kitayskoj_diplomatii_v_kazahstane

⁴⁵³ Кракова С. Китай наступает: Россию выдавливают из Центральной Азии. 20.09.2019. Доступ: <https://www.capital.ua/ru/publication/132685>

требуются еще очень серьезные усилия по их оптимизации на основаниях взаимной выгоды и уважения национального суверенитета.

России приходится защищать свои жизненно важные национальные интересы и обеспечить приоритеты национальной безопасности в регионе в условиях всевозрастающей конкуренции с целым рядом региональных акторов и ведущих мировых держав и всех сложностей внутривосточной ситуации в центральноазиатских странах, неоднозначности внешнеполитических ориентиров, избираемых их руководством.

Прежде всего, как мы полагаем, следует полномасштабно осмыслить тот факт, что даже с учетом исторических традиций и единства многих интересов (экономических, политических и т. д.), центральноазиатские республики – это самостоятельные государства, и их политика уже не скована былым единством с Россией, как это было во времена Советского Союза. В этой связи можно говорить о появлении здесь ряда тревожащих обстоятельств.

Как, в частности, отмечают А.В. Картунов и М. Ларюэль, «У Москвы есть основания для беспокойства по поводу статуса русскоязычных меньшинств в регионе и использования русского языка. Ситуация в разных странах неодинакова, но общая тенденция такова, что российское культурное пространство постепенно сужается. Продолжается исход русскоязычных групп (не только этнических русских, но и ориентированных на Россию представителей местной интеллигенции и бизнеса), а также поступление жалоб на явную и скрытую дискриминацию этнических русских»⁴⁵⁴. Наглядное представление об этом дает, к примеру, ориентация руководства Казахстана на замену кириллицы на латиницу, что, в конечном счете, может стимулировать не только сужение пространства использования русского языка, но иметь и иные негативные следствия.

В рамках провозглашаемого центральноазиатскими государствами многовекторного внешнеполитического курса, осуществляется достаточно заметная

⁴⁵⁴Картунов А.В., Ларюэль М. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества: Доклад №49. Российский совет по международным делам.- М, 2019. – С. 19.

ориентация на одностороннюю отладку отношений с Евросоюзом, США, не говоря уже о Турции и Китае. В этих странах весьма лояльно воспринимаются, в частности, попытки Запада внедрить на их территориях проанализированную нами ранее концепцию «противодействия насильственному экстремизму», допускающую оправдание действий экстремистов как инструмента вынужденного сопротивления «репрессивным режимам» (к которым творцы этой доктрины относят и Российскую Федерацию).

Свои проблемы имеются у России и в ее взаимоотношения с Китаем. Даже вынося за скобки как не имеющего отношения к задачам настоящего параграфа, но активно дискутируемого сегодня вопроса о возможной экспансии Китая на российские территории Дальнего Востока и Сибири⁴⁵⁵, можно признать, что КНР зачастую предпринимает действия одностороннего характера, далеко не всегда учитывающие российские позиции в регионе. Так, не получив одобрения идеи о создании зоны свободной торговли на пространстве ШОС, Китай начал действовать по-другому, договариваясь с государствами Центральной Азии без участия России. И на сегодняшний день достигнута принципиальная договоренность о создании ЗСТ в районе КПП «Иркештам» и «Торугарт» в Кыргызстане, а также в районе КПП «Карасу – Кульма» в Таджикистане. Инфраструктура ЗСТ в районе КПП «Дружба» и «Хоргос» на границе с Казахстаном с китайской стороны практически уже создана.

Такого рода факты имеют место и, очевидно, будут иметь продолжение в будущем. Но все же не они определяют главные направления политики России в описываемом нами геополитическом треугольнике. Определяющим здесь выступает сегодня совместное противодействие усиливающимся стремлениям «коллективного Запада» переломить ситуацию современного транзита мирового порядка в свою пользу, сохранить позиции своего доминирования в мире в условиях, как выразился президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев,

⁴⁵⁵ По прогнозам некоторых аналитиков, к середине текущего столетия численность китайцев на названных территориях может достичь 10 млн. человек (*Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская реформа на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // *Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия.*—Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.—С. 87). Это, безусловно, ставит серьезные задачи по ускоренному развитию экономической и демографической политики в регионе.

ширящегося «геополитического шторма»⁴⁵⁶. В настоящий момент именно это выступает главным императивом современной политике.

Что касается непосредственно региональных измерений, то в этом плане требуется выделить, прежде всего, задачи обеспечения региональной безопасности и основную из них – борьбу с международным терроризмом, представляющим непосредственную угрозу политической стабильности. С учетом последних событий в Афганистане значение этого фактора многократно возрастает. На североатлантическую программу "Партнерство во имя мира", участником которой является, в частности, Казахстан, серьезно рассчитывать не приходится, поскольку она не гарантирует безопасность ее членов. Более того, руководство центральноазиатских государств не могут, мягко говоря, не настораживать двусмысленные действия Соединенных Штатов, не оставляющих попыток распространения в регионе методов «демократической революции». Недавние события в Казахстане, казалось бы, наиболее стабильной стране региона, показали в очередной раз обоснованность такой позиции.

Политика Вашингтона, впрочем, стимулирует для стран региона и большую потребность в определенности и избирательности в выборе союзнических отношений. Еще задолго до казахстанских событий американский исследователь Л. Бихнер отмечал: центральноазиатские страны, подозревая США в агрессивных действиях, «заявили, что намерены твердо и последовательно укреплять сотрудничество с Россией и Китаем. Действия Шанхайской организации сотрудничества были в высшей степени впечатляющими и успешными. ШОС сформировала мощные силы, позволяющие бросить вызов американской стратегии в регионе»⁴⁵⁷.

Одним из результатов активизации политики России в регионе стали открытие российской авиабазы в Канте в Чуйской области Киргизии и создание Антитеррористического центра ШОС в Ташкенте. Можно сделать уверенный

⁴⁵⁶ Токаев: на планете разразился разрушительный геополитический шторм // <https://ru.sputnik.kz/20220316/tokaev-na-planete-razrazilsya-razrushitelnyy-geopoliticheskiy-shtorm-23553410.html>

⁴⁵⁷ См: *Beehner L.* The Rise of the Shanghai Cooperation Organization // CFR, 26 June 2006, from IISS home page: [<http://www.iiss.org/whats-new/iiss-in-the-press/press-coverage-2006/>].

вывод и относительно того, что слаженные действия ОДКБ в Казахстане не только продемонстрировали готовность и способности России и ее союзников эффективно противостоять угрозам безопасности региона, но и выявили осознаваемую необходимость более интенсивного и выверенного развития интеграционных связей по всем направлениям.

Крайне значимым для России остается налаживание экономического, политического и культурного взаимодействия и с Китаем, и с центральноазиатскими республиками.

Так, крупнейшая российская государственная нефтяная компания «Роснефть» в июне 2013 года заключила крупную сделку с Пекином о поставках нефти. Контракт на сумму предположительно в 270 миллиардов долларов и сроком на 25 лет предполагает строительство новых и расширение имеющихся трубопроводов, связывающих Россию с Китаем и другими рынками Азиатско-Тихоокеанского региона. В дальнейшем «Роснефть» заключила новые соглашения с китайскими фирмами о поставках, в соответствии с которыми она будет продавать сотни тысяч баррелей нефти в день, в результате чего Россия станет крупнейшим поставщиком нефти в Китай. Своего рода символом крепости российско-китайских отношений стали строительство и введение в действие трубопровода «Сила Сибири» для транспортировки газа из России в Китай.

Перспективны и другие направления сотрудничества. Планируется резкое увеличение товарооборота между странами, переход на национальную валюту во взаиморасчетах, позволяющий обеспечить большую финансовую независимость двух государств и обозначающий перспективные векторы финансовых взаимоотношений в меняющемся миропорядке в целом. Резко расширяется в последние годы научно-техническое и культурное сотрудничество, существенные подвижки имеют место в образовательном пространстве.

Не следует преувеличивать и фактор известных трений между двумя странами на собственно центральноазиатском направлении. Индийская журналистка В. Сридхар дала вполне точную оценку этой ситуации. «По мере роста опасений по поводу увеличения экономического влияния Китая, -отметила

она, – Россия активно искала возможности для укрепления сотрудничества с ним, начиная в частности с инициативы «Один пояс – один путь». В ее работе зафиксирован при этом еще один очень важный момент: «Укрепление экономических связей между Центральной Азией и Китаем отнюдь не означает уменьшения влияния России в этом регионе»⁴⁵⁸.

И это не частное мнение. Пекин постоянно подчеркивает, что признает «особые интересы» России, ее особый статус в центральноазиатском регионе⁴⁵⁹. Руководство КНР, в отличие от администрации США заинтересованное в поддержании политической стабильности, всецело поддерживает Россию в решении вопросов региональной безопасности в Центральной Азии..

Не следует недооценивать и экономических возможностей Российской Федерации. Так, к примеру, в Казахстан 35 % всего импорта поступает из России, что равно импорту в страну из ЕС и Китая вместе взятых. Для Казахстана и Киргизии Россия остается и главным экспортным рынком⁴⁶⁰. Китай же для них, в силу его больших экономических возможностей, выступает в качестве источника прямых иностранных инвестиций.

Показательна в этом плане позиция руководителей центральноазиатских республик. Для них нет альтернативы развитию всестороннего сотрудничества с Москвой. Министр иностранных дел Республики Казахстан М. Тлеуберди на пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровым, состоявшейся 9 октября 2019 года, подчеркнул, что «сотрудничество с Россией было и останется одним из основных приоритетов внешней политики Казахстана. Все эти годы Казахстан демонстрировал твердую приверженность добрым партнерским отношениям»⁴⁶¹. Ощутимыми остаются и тенденции к расширению и укреплению взаимовыгодных

⁴⁵⁸Sridhar V.: Sino-Russian Economic Cooperation in Central Asia is Not What It Seems to Be // The Diplomat (USA), September 23, 2020

⁴⁵⁹ Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии // Сборник Возможность изменения ситуации в Афганистане. М: Изд. ИДВ РАН 2011 г., 87 с.

⁴⁶⁰Кракова С. Китай наступает: Россию выдавливают из Центральной Азии // Газета.ру, .20.09.2019, Доступ: <https://knews.kg/2019/09/20/kitaj-nastupaet-rossiyu-vydavlivayut-iz-tsentralnoj-azii/>.

Султанов Б. Казахстанско-российские отношения во внешней политике президента К.-Ж.Токаева // Россия и новые государства Евразии. 2020, № II (XLVII). – С. 62,

отношений в других странах центральноазиатского региона. особенно в условиях усиления влияния России и Китая в регионе. О характере взаимоотношений между Россией и Казахстаном свидетельствуют факты весьма частых встреч руководителей двух стран.

Немаловажную роль в расширении и укреплении связей с центральноазиатскими государствами играют ЕАЭС (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия) и Организация Договора о Коллективной Безопасности (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия, Армения)., Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан входят в две влиятельные организации, возглавляемые Россией. «Руководители стран Центральной Азии регулярно приглашаются на саммиты БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР)»⁴⁶².

Для укрепления национальной безопасности России на «Расширенном Ближнем Востоке» и сопредельных с ним территориях важно еще более активно развивать сотрудничество с режимами Центральной Азии в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом как в двухстороннем формате, так и в формате ОДКБ, ШОС и СНГ, создавать новые объединения и союзы, продиктованные новейшими вызовами (например, пандемия коронавирусной инфекции), угрозами и технологиями цифровизации мироустройства, укреплять взаимовыгодное экономическое, научно-техническое (в том числе и военно-техническое) и культурное сотрудничество.

Для России одной из главных задач выступает преодоление издержек своей внешнеполитической линии девяностых годов, когда приоритетом выступало всемерное налаживание контактов с США и «коллективным Западом» в целом. Центральноазиатские республики при этом оказывались на периферии зоны национальных интересов и соображений национальной безопасности, что породило ряд крайне серьезных издержек, в том числе и большего или меньшего роста в них русофобских настроений, перерождения значительной части политической элиты. Близорукость такой политики к сегодняшнему дню

⁴⁶²Кортунов А.В., М. Ларюэль. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества: Доклад №49. Российский совет по международным делам. –М, 2019. – С. 10.

продемонстрировала себя со всей очевидностью, и в настоящее время речь должна идти уже не о каких-то отдельных (пусть крайне важных) шагах по выправлению ситуации, но о полном реформатировании политики Российской Федерации на центральноазиатском направлении.

Выводы по главе 4

Эпиграфом к изданной ранее нами книги автор взял выражение У. Ханалиева, который в течение многих лет предметно занимался вопросами «Расширенного Ближнего Востока»: «Все проблемы в этом мире из-за отсутствия необходимого присутствия!». Россия в полной мере стала ощущать это по мере резкого ослабления своих позиций после распада Советского Союза в девяностые годы.

«Расширенный Ближний Восток» – чрезвычайно значимый регион на планете, важный своим геополитическим положением, богатый нефтью – этим «черным золотом», другими природными ресурсами, своим культурно-историческим наследием. Но это и крайне нестабильный, взрывоопасный даже, регион с внутренними катаклизмами, регион, ставший сегодня одним из главных центров международного терроризма.

«Расширенный Ближний Восток» географически смыкается с Кавказом и Центральной Азией, через которые он непосредственно связывается с Российской Федерацией. В ближнесрочной и среднесрочной перспективе «Расширенный Ближний Восток» останется одним из ключевых регионов, откуда исходят угрозы национальной безопасности России, что требует от нее полноценного возвращения тех геополитических позиций здесь, которые были утрачены после распада СССР.

К настоящему моменту сформированы достаточно благоприятные условия для возвращения России на «Расширенный Ближний Восток» в статусе мощной военно-политической державы, способной защищать и продвигать свои жизненно важные национальные интересы, содействуя крушению модели однополярного

мира. В этом контексте она не может не вступать в различного рода взаимодействия как с региональными державами, многие из которых, такие как, к примеру, Турция, Иран, Саудовская Аравия, заметно усиливают здесь свое влияние, так и с мировыми державами, прежде всего, с Соединенными Штатами Америки и Китаем, а также с Евросоюзом. Естественно, что в этих условиях одной из важнейших задач отечественной политической науки выступает выявление тех геополитических конфигураций, которые выстраиваются на пространствах «Расширенного Ближнего Востока», места и роли в них Российской Федерации, определению здесь ее стратегических приоритетов.

Эти конфигурации достаточно подвижны, позиции политических акторов разнородны, тем не менее, на настоящий момент имеется полная возможность определить основные из них, во всяком случае, те, которые оказывают существенное воздействие на общую ситуацию в регионе. С учетом оговорок, сделанных нами ранее, мы считаем достаточным остановить внимание на трех геополитических треугольниках – «Россия – Турция – Иран», «Россия – Китай – Ближний Восток», «Центральная Азия в треугольнике «Вашингтон – Пекин – Москва».

В определении позиций различных сторон этих треугольников мы исходим из того, что главным стратегическим приоритетом России на «Расширенном Ближнем Востоке», как и в мире в целом, является политика, нацеленная на утверждение новых норм международной жизни в соответствии с требованиями складывающегося многополярного мира. В контексте непосредственных задач политики России в регионе можно выделить акцент на борьбу с международным терроризмом и объединение в этой борьбе всех заинтересованных сторон. Мы согласны поэтому с мнением тех экспертов, которые полагают, что «способность России предотвратить возобновление существенного роста угрозы терроризма и другого насилия экстремистского толка, в том числе в новых видах и формах, в немалой степени зависит от того: – насколько адекватно она будет реагировать на меняющийся... характер основных террористических вызовов ее безопасности, –

насколько успешно ей удастся предотвратить и купировать растущие транснациональные террористические угрозы...»⁴⁶³.

И такое взаимодействие в ряде случаев приносит свои плоды. Вместе с тем, главная линия разлома современного мира по поводу современного устройства не только не преодолена, но на «Расширенном Ближнем Востоке» получает даже наиболее яркое свое выражение. Политика экспорта «демократической революции», двойных стандартов в развернувшейся информационной войне, насаждение США обстановки уже не «управляемого» хаоса – явное тому подтверждение.

Очевидная неспособность Соединенных Штатов осуществлять политику своего монопольного диктата ведут к появлению глубоких трещин в желаемой ими модели Большого Ближнего Востока. Громадную роль в крушении их геополитических амбиций играет растущее влияние России и Китая. В настоящей главе в систему геополитических треугольников мы неслучайно включили Турцию и Иран. Укреплением взаимодействия с этими странами, которое хотя и носит противоречивый характер, Россия демонстрирует свою готовность и способность находить общие точки соприкосновения в утверждении многополярного мира, в развитии взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства даже с весьма сложными партнерами.

Все большую роль на «Расширенном Ближнем Востоке» играет Китайская Народная Республика. Уже возможно говорить о крупном геополитическом сдвиге в регионе, в результате которого Пекин займет важнейшее место здесь в сферах политики, экономики и безопасности. И хотя в отношении России это будет носить совсем не беспроблемный характер, укреплению стратегического партнерства с этой страной альтернативы нет.

И, наконец, последнее. После распада Советского Союза стратегические интересы пришедшей к власти в России политической элиты были заметно смещены в сторону Америки и западных партнеров в целом. Ближнее Зарубежье

⁴⁶³ Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму). Доступ: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2017/01/01Stepanova.pdf

отошло на второй план. Ошибка, над исправлением которой придется поработать много и серьезно. Это особенно важно и в отношении включенных нами в анализ центральноазиатских республик, так или иначе входящих в ареал мусульманского мира. Отношение России к этим странам во многом зависит от того, станут ли они мостом, через который международные террористические группировки могут свободно проникнуть на территорию Российской Федерации, или же они в той или иной степени окажутся препятствием на их пути. Но это отношение не может быть отношением пассивного наблюдателя, но должно быть позицией ведущего игрока на этой «большой шахматной доске». И речь при этом не должна идти только о борьбе с угрозами международного терроризма, но и о перезагрузке всего диалога на постсоветском пространстве.

Заключение

«Расширенный Ближний Восток» занимает особое место в глобальной политике. Располагаясь на стыке трех континентов, он является средоточием мировых транспортных путей, здесь сходятся важнейшие морские, воздушные и сухопутные линии и сообщения, соединяющие Европу, Азию и Африку. Регион служит одним из самых важных источников энергетических ресурсов для мировой экономики. Нефтедобывающие страны Ближнего Востока занимают ключевые позиции в ОПЕК. За счет доходов от углеводородов здесь появились финансовые центры, вошедшие в число крупнейших инвесторов в мировую экономику.

В то же время «Расширенный Ближний Восток» это огромное пространство, которое населяют многие народы со своими национальными и религиозными предпочтениями, культурными традициями. Регион является неотъемлемой составляющей исламского мира, численность населения которого достигает более 1 млрд. 750 млн. человек, в то же время многие народы, племена исповедуют иудаизм, христианство. Здесь созданы государства с различными политическими режимами, имеющие заметные отличия в уровне своего экономического развития и уровне жизни населения. Эти государства все более активно заявляют о своих национальных интересах, о своих растущих возможностях в экономическом и культурном развитии. Некоторые из них вполне обоснованно претендуют на статус крупных региональных держав.

Политические процессы, происходящие в регионе, уже давно вышли на уровень мировых своих измерений. В глобализирующемся мире «Расширенный

Ближний Восток» стал объектом самого пристального внимания со стороны ведущих мировых держав, осуществляющих здесь активную политику. В этом качестве на пространствах региона особо остро проявляются общемировые противоречия, находящие свое выражение в «гибридных войнах», вспышках международного терроризма и др. Все это, помноженное на глубочайшие внутренние коллизии, делает «Расширенный Ближний Восток» одним из самых взрывоопасных регионов на планете.

Развитие стран «Расширенного Ближнего Востока» происходит в условиях транзита международного порядка, он перестает быть моноцентричным. Модель многополярного мира, утверждающаяся сегодня, расширяет возможности противостояния политическому гегемонизму, военно-экономическому диктату отдельных стран и объединений, и, в то же время, изживанию уже дискредитировавших себя подходов к решению сложных задач современного миропорядка, уже не способных сегодня адекватно отвечать потребностям общественного прогресса. Эта модель, предполагая равноправие и самоценность культур, верований и традиций, жизненных укладов и ценностных установок вкупе с требованиями недопустимости силового вмешательства во внутренние дела других государств, уважения их суверенитета и национальных традиций, многократно расширяет возможности диалога стран и народов, входящих в различные цивилизационные ареалы. Для «Расширенного Ближнего Востока» это реальный шанс уйти с периферии мировой политики и занять достойное место в системе современных международных отношений.

Смена миропорядка происходит в условиях острейшей политической борьбы. Утверждение полицентричного мира вызывает резкое неприятие со стороны США и всего «коллективного Запада». Хотя Вашингтон в изменяющихся условиях стремится, хотя в начительной степени больше на словах, заметно перестроить свою политику, его стратегические цели остаются неизменными – продолжение своего доминирования в мире. В этой связи требует своего внимательного анализа пересмотр целей проводимой США политики экспорта так называемой «демократической революции», в высшей степени затронувшей

страны «Расширенного Ближнего Востока». Потерпев сокрушительное поражение в Афганистане, заметно теснимый со своих позиций в других странах региона Вашингтон отказывается от декларируемой им еще недавно своей роли гаранта здесь прав и свобод человека и, как можно обоснованно предположить, еще в большей мере будет прибегать к методам хаотизации происходящих в регионе политических процессов. С этой целью, используя методы «гибридной войны», политики двойных стандартов, различного рода фейковой информации и нечистоплотной дипломатической игры, он в растущей степени будет проводить линию на дискредитацию неудобных ему в регионе режимов, подпитывая оппозицию, включая самые крайние ее группировки. Важно иметь в виду при этом, что в стратегическом плане эта линия определяется и более дальними его расчетами на ослабление позиций России, для которой «Расширенный Ближний Восток» является своего рода «подбрюшьем», и Китая, в котором США видят все более опасного своего соперника.

Страны «Расширенного Ближнего Востока» заинтересованы в своем стабильном и независимом развитии. История распорядилась так, что в условия нового миропорядка им приходится входить с грузом своих внутренних проблем. Это и вопросы религиозного противостояния, и нерешенность многих этнонациональных проблем, и сомнительность для многих установленных в свое время другими державами их границ. На все это наслаиваются проблемы, рожденные современными вызовами – разнородность политических режимов и целей, обостряющаяся внутрорегиональная конкуренция, во многих случаях – амбиции по поводу регионального лидерства. В каждом конкретном государстве это подпитывается нарастающими сложностями в социально-экономической сфере, коррумпированностью чиновничества, неразвитостью гражданского общества и нежеланием властей установления полноценного диалога с населением и т. д.

Внутренними неурядицами охвачена практически каждая страна региона. Вместе с тем, выделяются узлы напряжения, которые принимают

общерегиональные измерения, более того, имеют следствия глобального масштаба.

Одной из самых сложных проблем для стран Расширенного Ближнего Востока выступает столкновения модерна и архаики. Неудовлетворенность существующим положением заставляет многих не просто уповать на ценности ислама, что само по себе является обоснованным и объяснимым, но искать ответ в течениях политического исламизма и его экстремистского крыла, выступающего под флагом джихада. В ряде случаев это приобретает особо опасные для национальной безопасности Российской Федерации формы – в виде установок на воссоздание «исламского халифата», утверждения на практике идей пантюркизма. И, конечно же, самое тревожное то, что все эти неурядицы «Расширенного Ближнего Востока» создают питательную среду для международного терроризма.

В целом конфликты в регионе в последние годы в растущей степени приобретают гибридный характер. Здесь сочетаются межгосударственные столкновения с гражданскими войнами, политическое с религиозным. Существенно усложняется картина действующих политических акторов и применяемых ими стратегий. Конфликты чаще всего асимметричны: конфликтующие стороны обладают разными возможностями и потенциалами – государствам противостоят отдельные группы и движения, использующие свои методы нанесения ущерба, включая терроризм. И, безусловно, как отмечалось выше, особую роль играет внешнее военное вмешательство, далеко не всегда вписанное в рамки международного права.

Сложность обстановки на «Расширенном Ближнем Востоке», наличие здесь клубка острейших противоречий делают особо значимыми внешнеполитические задачи России в регионе, осуществление ответственной и выверенной политики. И, в более широком плане, – ее роль в утверждении нового миропорядка в целом.

Основания утверждающегося миропорядка Россия видит в недопущении появления новых разделительных линий противостояния между государствами, в демократизации международных экономических отношений, в скоординированности действий международного сообщества для урегулирования

конфликтов, установления доверия в военной сфере, в укреплении гуманитарного и правового компонентов безопасности, в помощи и поддержки странам, испытывающим трудности в своем развитии. И, в более объемном смысле, – в создании пространства широчайшего диалога цивилизаций, создающего условия для дальнейшего укрепления единства мира во всем его многообразии.

Выступая против конфронтации, Россия выражает готовность нести свою ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие. И эта ответственность и роль России наглядно проявляется в ее возвращении на «Расширенный Ближний Восток».

В публицистической литературе стало нередко встречаться выражение: «Триумфальное возвращение России». Не разделяя тяги к громким эпитетам, мы все же имеем основания определять это возвращение как уверенное и достойное.

Россия издавна осуществляла плодотворное экономическое, политическое и культурное сотрудничество с государствами и народами региона, не раз оказывала прямую поддержку им в отстаивании своей независимости. Вернувшись на «Расширенный Ближний Восток», Россия оказала решающее содействие в сохранении независимости Сирии, военному поражению здесь международного терроризма. Она сумела, несмотря на имеющиеся серьезные противоречия с Турцией, Ираном, Саудовской Аравией и многими другими странами, доказать свою готовность и способность находить общие точки соприкосновения в утверждении многополярного мира, в развитии взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства. Россия сумела серьезно укрепить экономические и торговые связи со странами региона, в ряде случаев выйдя на уровень перспектив и даже реального стратегического партнерства. Совместно с Китаем России удалось переломить ситуацию политического доминирования Соединенных Штатов в регионе. Российская Федерация продемонстрировала себя как надежный партнер, как умелый миротворец, способствовавший развязке многих конфликтных узлов в региональном развитии. Россия на деле смогла доказать преимущества многополярного мира,

обеспечивающего сохранность государственного суверенитета, дающего возможности полноценного независимого развития.

Заключая, уместно высказаться о дальнейших перспективных направлениях в исследовании заявленной в диссертации проблемы, к разработке которых намерен подключиться и ее автор.

Обоснованно можно предположить, что в ближайшее время самой горячей темой будет тема меняющейся роли России в мире, тема новой геополитической реальности. Соединенные Штаты будут стремиться всемерно расширить антироссийский фронт. Применительно к региону «Расширенного Ближнего Востока» с учетом его нефтяных и иных энергетических, а также финансовых и геополитических возможностей Вашингтон, в первую очередь, будет осуществлять все большее давление на государства региона в целях ослабления Российской Федерации как мощной энергетической державы и тем самым появления узлов напряженности в экономической и социальной сферах внутри страны. Не менее концентрированной будет его политика по дестабилизации политической ситуации в регионе, в первую очередь, в сопредельных с Россией территориях постсоветского пространства. Ожидаемы и новые формы стимулирования им международного терроризма.

В этой связи крайне значимой для исследования может стать тема Афганистана. Афганистана – в самом широком смысле этого слова. Имеется в виду, что предметом обсуждения будут не только события в этой стране, хотя и они займут свое значимое место. Речь идет и о некоторых моментах, имеющих глобальное звучание. Прежде всего, это внимательное отслеживание переформатирования Соединенными Штатами своей внешней политики. Нет сомнений в том, что они действуют по принципу: уйти, чтобы остаться. И те методы, к которым они будут прибегать после афганского позора, в любом случае будут нацелены на поддержание новыми способами своего доминирования в регионе и мире в целом.

Немаловажным вопросом будет и позиция стран Евросоюза, где и до афганского исхода надежды на возможности мультикультурализма стремительно

истончались. В связи со зримыми перспективами новой волны иммиграции со всей очевидностью можно будет наблюдать как обострение отношений между руководством Евросоюза и правительствами государств-членов, так и рост политических разногласий внутри самих европейских государств. С высокой степенью вероятности здесь (как, впрочем, и во всем мире) будет наблюдаться рост раздражения политикой Америки, сомнений в их способности быть предсказуемым и надежным партнером и союзником, тем более, гарантом международной стабильности. Трещины, о которых мы говорили в начале диссертации применительно к региону «Расширенного Ближнего Востока», могут, таким образом, обозначить себя и на пространстве западного ареала.

В условиях высокой неопределенности политических процессов на «Расширенном Ближнем Востоке» возможно и резкое обострение противоречий в любой точке региона, и в политической прогностике этот момент должен также учитываться в полной мере.

И самое главное. В центре внимания, безусловно, должны оставаться цели и стратегические приоритеты России, учет новых вызовов и угроз для нее, разработка концептуальных оснований ее внешней политики в изменяющихся условиях.

Библиография

Законы и нормативные акты

1. Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 2002. – №21. – 240 с.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646]. – Текст: электронный.
3. Конституция Российской Федерации. Официальный текст: текст Конституции приводится по состоянию на 23 сентября 2013 г. – Москва: Омега-Л, – 2013.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). – Текст: электронный.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации [утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.]. – Текст: электронный.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России в четырех томах. 1991–2002. Т. 4 / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОСПЭН, – 2002.
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. №1300. [утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17.012.2097 г. N 1300]. – Текст: электронный.
8. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24. – М.: Российская газета, – 2000. – 38 с.
9. Обзор внешней политики Российской Федерации. Официальный текст МИД России от 28 марта 2007. – Текст: электронный.

10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683]. – Текст: электронный.
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [утв. Указом Президента РФ 13 мая 2009 г. N 537]. – Текст: электронный.
12. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [принят Государственной Думой 7 декабря 2010 года]. – Текст: электронный.

Монографии и диссертационные исследования

13. *Авшалумова Л.Х., Вагабов М.В.* История религий / Л.Х. Авшалумова, М.В. Вагабов – Издательство ДГУ, – 1996. – 812 с.
14. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – СПб.: ЮНИТИ. – 2013. – 350 с.
15. Арабский кризис и его международные последствия. Под общ. ред. А. М. Васильева, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. – М.: ЛЕНАНД, – 2014, – 256 с.
16. *Арунова М.Р., Иваненко В.И.* Афганская политика США в 1945-2014 гг. / М.Р. Арунова, В.И. Иваненко. – М.:РИСИ, – 2015. – 510 с.
17. *Багдасаров С.А.* Ближний Восток: вечный конфликт / С.А. Багдасаров. – М.: Эксмо, – 2016. – 615 с.
18. Безопасность и контроль над вооружениями 2017-2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / под ред. А.Г. Арбатова, Н.И. Бубновой. – М.: Центр международной безопасности Ни ИМЭО имени Е.М. Примакова, – 2018. – 270 с.
19. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: Коллективная монография. Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. – М.: ИВ РАН. – 2018. – 556 с.
20. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. Отв. редакторы: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН. – 2012. – 593 с.

21. *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России – М.: Аспект Пресс, – 2017. – 480 с.
22. *Бордачев Т.В. Зиновьева Е.С., Лихачева А.Б.* Теория международных отношений в XXI веке / Т.В. Бордачев, Е.С., Зиновьева, А.Б. Лихачева.–М.: Международные отношения, – 2015. – 1200 с.
23. *Василенко И.А.* Геополитика современного мира // И.А. Василенко. – М.: Юрайт, – 2019. – 760 с.
24. *Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке / А.М. Васильев.–М.: Центрполиграф, – 2018. – 852 с.
25. *Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д/ Воскресенский. – М.: Восток-Запад, – 2004. – 820 с.
26. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века. / Под редакцией П.А. Цыганкова / В.А. Ачкасов, В.К. Белозеров, А.В. Будаев и др. – М.: Издательство Московского университета. – 2015. – С. 384.
27. *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка / Жданов Н.В. – М.: Международные отношения. – 2003. – 350 с.
28. *Жижек С.* Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? / С. Жижек. – М.: Логос, – 2003. – №1. – 442 с.
29. *Загашвили В.С.* Взаимные экономические интересы России и государств Закавказья. Россия и Закавказье: описки новой модели общения и развития в изменяющемся мире / В.С. Загашвили. – М.: Магистр, – 1999. – 812 с.
30. *Звягельская И.Д.* «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении» / И.Д. Звягельская. – М.: Аспект Пресс, – 2018. – 560 с.
31. Изречения, афоризмы и наставления великого вождя исламской революции имама Хомейни (да упокоит Аллах его душу).- Тегеран: Изд-во произведений имама Хомейни. Междунар.отд. – 1995. – 890 с.

32. *Казанцев А.А.* Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: Опыт Европы и перспективы России / А.А. Казанцев. – М.: Спецкнига, – 2015. – 310 с.
33. *Караганов С.А., Суслов Д.В.* Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. Доклад М., Высшая школа экономики, 2019. – 55 с.
34. *Кисриев Э.Ф.* Цивилизационный диссонанс как экзистенциальная основа протестных тенденций в исламском мире / Э.Ф. Кисриев. – М.: Ленанд, – 2014. – 472 с.
35. *Киссинджер Г.* Мировой порядок / Г. Киссинджер, – М.: АСТ, – 2015. – 510 с.
36. *Коваленко В.И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России – М.: Издательство Московского университета, – 2016. – 703 с.
37. *Коновалов А.О.* Ближний Восток в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации: геополитические концепции XXI в., перспективы, реальность. Автореф. дис. канд. полит. наук. 23.00.04. СПб., 2016. – 32.
38. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, – 2015. – 504 с.
39. *Костенко Н.И.* Право международной безопасности (теоретические основы становления и развития): монография / Н.И. Костенко. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 406 с.
40. Кризис арабского мира и трансформация мирового порядка. – М. Published, – 2014. – 315 с.
41. Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А.И. Костина. – М.: Издательство Московского университета, – 2016. – 302 с.
42. *Кузьмина Е.М.* Внешние экономические интересы как фактор экономического развития Центральной Азии / Е.М. Кузьмина. – М.: Институт экономики РАН, – 2013. – 270 с.
43. *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги / Р.Г. Ланда. – М.: ИБВ, – 2005. – 470 с.

44. *Ланда Р.Г., Цветкова Н.Н., Исаев В.А., Бибикина О.П.* Восточный социум и религия / Р.Г. Ланда, Н.Н. Цветкова, В.А. Исаев, О.П. Бибикина. – М.: ИВ РАН, – 2009. – 950 с.
45. *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий / Б. Лиддел-Гарт. – М.: АСТ, – 2014. – 510 с.
46. *Лебедева М.М.* Метаморфозы мировой политики. М.: МГИМО(У), 2012.
47. *Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию / А.В. Манойло. – М.: Горячая линия-Телеком, – 2018. – 370 с.
48. *Мгои Ш.Х.* Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время / Ш.Х. Мгои. – М.: Наука, – 1991. – 790 с.
49. Мегатренды. Основные траектории мирового порядка в XXI веке / под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 448 с.
50. *Мид У.Р.* Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / У.Р. Мид. – М.: Прогресс-Традиция, – 2006. – 590 с.
51. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. – М.: КомКнига, – 2005. – 490 с.
52. Национальная безопасность России в условиях глобализации: геополитический подход. Под ред. А.П. Кочеткова, А.В. Опалева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, – 2016. – 275 с.
53. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм, – 2003. – 415 с.
54. *Панарин А.С.* Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке–М.: «Русский мир», – 2005. – 432 с.
55. *Подцероб А.Б.* Россия и арабский мир: монография / А.Б. Подцероб. – М.: МГИМО-Университет, – 2015. – 715 с.
56. *Примаков Е.М.* Восемь месяцев плюс / Е.М. Примаков. – М.: Мысль, – 2001. – 486 с.

57. *Примаков Е.М.* Встречи на перекрестках / Е.М. Примаков. – М.: Центрполиграф, – 2018. – 419 с.
58. *Примаков Е.М.* Россия в современном мире. Прошлое. Настоящее. Будущее. / Е.М. Примаков. – М.: Центрполиграф, – 2018. – 811 с.
59. *Примаков Е.М.* Россия. Надежды и тревоги. / Е.М. Примаков. – М.: Центрполиграф, – 2015. – 374 с.
60. Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: Книжный дом "Либроком", – 2012. – 930 с.
61. Российская наука международных отношений: новые направления. Под ред. А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова. – М.: ПЕР СЭ, – 2005. – 1300 с.
62. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. – М.: ИВ РАН, – 2015. – 911 с.
63. *Санаи М.* Россия и Иран: Проблемы и возможности сотрудничества / М. Санаи. – М.: ИРАС, – 2015. – 499 с.
64. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова.–М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), – 2012. – 1410 с.
65. *Султанов Б.* Казахстанско-российские отношения во внешней политике президента К.-Ж.Токаева / Б. Султанов // Россия и новые государства Евразии. – М.:ИМЭМО. – 2020, – № II (XLVII).
66. *Ткаченко А.А.* Политические потрясения в арабском мире: общее и особенное / А.А Ткаченко. – М.: ЛЕНАНД, – 2014. – 350 с.
67. Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях / под.ред. И.Н. Панарина, А.А. Казанцева. М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ. – 2017. – 180 с.
68. *Ханалиев Н.У.* Большой Ближний Восток: вызовы и угрозы национальной безопасности России. – М.: Редакционно-издательский дом РосНОУ, – 2018. – 248 с.

69. *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. Эволюция баланса сил за Большой Ближний Восток. – М.: Университетская книга, – 2020. – 519 с.
70. *Ханалиев Н.У.* Северный Кавказ: новый взгляд. – М.: Логос, – 2014. – 232 с.
71. *Цыганков А.П.* Международные отношения: традиции русской политической мысли / Цыганков А.П. – М.: Альфа-М, – 2013. – 284 с.
72. *Цыганков П.* Теория международных отношений / П.Цыганков. – М.: Гардарики, – 2003. – 1140 с.
73. *Цыганков П.А.* О месте России в мировой политике (ресурсный потенциал и возможности) / П.А. Цыганков // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». – М.: МАКС Пресс, Т. 1. – 2009. – 369 с.
74. *Чуфрин Г.И.* Россия в Центральной Азии. Алматы / Г.И. Чуфрин. – М.: Издательство «Весь мир», – 2010. – 311 с.
75. *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 443 с.
76. *Шаклеина Т.А., Богатуров А.Д.* Место реализма в российских исследованиях международных отношений. Российская наука международных отношений: новые направления / Т.А. Шаклеина, А.Д. Богатуров // Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. – М.: Пер Сэ, – 2005, с. 123-146.
77. *Adi M.* The Usage of Social Media in the Arab Spring / M. Adi. – Berlin: Lit Verlag, – 2014. – 312 p.
78. *Aliev A.A.* «National» and «religious» in the system of interstate relations between Iran and Iraq in the 20th century / A.A. Aliev.–Moscow. – 2006. – 335 p.
79. *Armed Forces of GCC Countries to Hold Joint Exercises / Khaleej Times.* – 2007. – 140 p.
80. *Bebawi S., Bossio, D.* Social Media and the Politics of Reportage: «The Arab Spring» / S. Bebawi, D. Bossio. – 2014. – 460 p.
81. *Braumöller B.F.* The Myth of American Isolationism / B.F. Braumöller. – 2010. – 198 p.

82. CSIS Commission on Smart Power: a smarter, more secure America / cochairs, Richard L. Armitage, Joseph S. Nye, Jr. Washington, CSIS Press, – 2007. – 90 p.
83. *Fulton J.* China's Relations with the Gulf Monarchies. London: Routledge / J. Fulton, – 2018. – 433p.
84. *Garver J.* China and the Iran Nuclear Negotiations: Beijing's Mediation Effort / Garver J. – 2018. – 350 p.
85. *Jedinia M.* Tehran Courts Gulf States / Tehran: — 2007. – 340 p.
86. *Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R.O. Keohane. Princeton: – 1984. – 130 c.
87. *Lake D.A.* Hierarchy in International Relations / D.A. Lake. – 2011. – 460 p.
88. Le retour de la Russie au Proche et Moyen-Orient: rencontre avec Randa Kassis, actrice majeure de la politique syrienne. – Atlantico, – 2018. – 730 p.
89. *Leverett F.* Inheriting Syria: Bashar's Trial by Fire / F. Leverett. – Washington, – 2005. – 204 p.
90. *Mongrenier J.S.* Dérapage en vue? Poutine prévient qu'il déploiera de nouvelles armes si les Américains installent de nouveaux missiles en Europe / J.S. Mongrenier. – 2019. – 410 p.
91. *Nasr V.R.* The Shia Revival / V.R. Nasr.-N.Y., – 2006. – 204 p.
92. *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politic / J.S. Nye. – Public Affairs, – 2004. – 220 p.
93. *Rugh W.* Arab Mass Media: Newspapers, Radio, and Television in Arab Politics / W. Rugh. Westport, – 2014. – 194 p.
94. *Schlesinger A. M.* The Cycles of American History / A.M. Schlesinger. – Boston:, – 1999. – 602 p.
95. *Snyder R., Bruck H. and Sapin B.* Decision-Making as an Approach to the Study of International Politics. In Foreign Policy Decision-Making (Revisited). – New York: Palgrave Macmillan, 2002. – 186 p.
96. The Manama Dialogue // The 4th IISS Regional Security Summit. – 2007. – 380 p.
97. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: White House, – 2006. – 96 p.

98. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: White House, – 2006. – 118 p.
99. حسني عماد حسني العوضي. السياسة الخارجية الروسية: زمن الرئيس فلاديمير بوتين 2017 برلين: المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية والسياسية والاقتصادية،.
100. كاظم هاشم نعمة. روسيا والشرق الأوسط بعد الحرب الباردة: فرص وتحديات. الطعنين قطر: المركز العربي للأبحاث ودراسة السياسات 2016
101. نوار جليل هاشم، حيدر علي حسين، أمجد زين العابدين طعمة. الاقتراب الكبير (روسيا في الشرق الأوسط). عمان: دار الخليج للنشر والتوزيع، 2020

Научная периодика

102. *Аватков В., Иванова Н.* Россия и Турция: противостояние идеологий / В.Аватков, Н.Иванова // Свободная мысль. – 2012. – №9-10. – 450 с.
103. *Аватков В.А., Сбитнева А.И.* Политический курс современной Турции Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. / В.А. Аватков, А.И. Сбитнева // Свободная мысль. – 2020. – №2. – 410 с.
104. *Авксентьев В.А., Шаповалов В.А.* Стабилизация этносоциальных и этнополитических отношений на Северном Кавказе как условие устойчивого развития региона / В.А. Авксентьев, В.А. Шаповалов // Вестник отдела социально-политических проблем Кавказа ЮНЦ РАН. – 2005. – Вып.1. – 208 с.
105. *Антюхова Е.А.* «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки / Е.А. Антюхова // Национальный интерес. – 2016. – Т. 27. № 3. – С. 147-167.
106. *Арсентьева И.И.* Политика Китая в Центральной Азии и стратегия России / И.И. Арсентьева // Известия Саратовского университета. – 2014. – Т. 14. – №2. – 180 с.
107. *Афанасьев С.* Международная обстановка и угрозы национальной безопасности России / С. Афанасьев // Зарубежное военное обозрение.–2018. – № 1. – С. 3-12.

108. *Байков А.А., Истомин И.А.* Неожиданные партнеры России на Ближнем и Среднем Востоке // *Международные процессы.* – 2013. – №2. – С. 121–128.
109. *Барановский В.Г.* Новая внешняя политика России: влияние на международную систему / Барановский В.Г. // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2016. – № 7. – С. 5–15.
110. *Белозеров В.К.* Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // *Власть.* – 2020. – № 1. – С. 19-26.
111. *Белозёров В.К.* От стратегии национальной безопасности – к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // *Власть.* – 2016. – № 7. – С. 10-15.
112. *Белозёров В. К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // *Власть.* – 2015. – № 9. – С. 5-11.
113. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Бжезинский З. – М.: *Международные отношения.* – 1998. – 710 с.
114. *Бирюков Е.* Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке / 42. Бирюков Е. // *Международная жизнь.* – 2016. – №11. – 180 с.
115. *Богатуров А.* Три поколения внешнеполитических доктрин России / А. Богатуров // *Международные процессы.* – 2015. – Т. 13. №1. – 684.
116. *Богатуров А.Д.* Отложенный нейтралитет? Центральная Азия в международной политике / А.Д. Богатуров // *Россия в глобальной политике.* – 2010. – №2. – 411 с.
117. *Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе / А.Д. Богатуров // *Международные процессы.* – 2004. – № 1. – 460 с.
118. *Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф.* Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, Е.Ф. Троицкий // *Очерки текущей политики.* Выпуск 4. – М., – 2010. – 574 с.

119. Богачева А. С., Давыдов А. А., Ибрагимов И. Э., Звягельская И. Д., Кобринская И. Я., Самарская Л. М., Свистунова И. А., Сурков Н. Ю. Ближний Восток в тисках кризиса Поиски выхода / А.С. Богачева, А.А. Давыдов, И.Э. Ибрагимов, И.Д. Звягельская, И.Я. Кобринская, Л.М. Самарская, И.А. Свистунова, Н.Ю. Сурков // Свободная мысль. – 2020. – № 5. – 290 с.
120. Будущее Сирии: возможные варианты. В: «Национальное примирение и будущее Сирии» / И.Д. Звягельская // Международная конференция. – М., – 2016. – 430 с.
121. Василенко И.А. Переговоры с восточными партнерами: модели, стратегии, социокультурные традиции. – М.: Международные отношения, 2016.
122. Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке / Васильев А.М. // Азия и Африка сегодня. – 2017. – №11. – 712 с.
123. Вахшитех А. Политика России на Ближнем Востоке в контексте кризиса в Сирии: вызовы и возможности / А. Вахшитех // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20. № 1. – С. 36-42.
124. Гаджиев К.С. Большие трещины на «Великой Шахматной доске» / К.С. Гаджиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – №1. – 630с.
125. Гаджиев К.С. Гибридные войны в современном мире / К.С. Гаджиев // Власть. – 2016. – №10. – 517 с.
126. Гаджиев К.С. Мифы и реальности «Нового великого шелкового пути / К.С. Гаджиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №11. – 670 с.
127. Герасимов В. Ценность науки в предвидении / В. Герасимов // Военно-промышленный курьер. – 2013. – №8. – 290 с.
128. Гулевич В.А. Ирано-саудовское противостояние в регионе Персидского залива / В.А. Гулевич // Международная жизнь. – 2012. – №2. – 210 с.

129. *Дегтерев Д.А., Тимашев Г.В.* Концепция многополярности в науке о международных отношениях / Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ // Д.А. Дегтерев, Г.В. Тимашев. – Москва, – 2021.–С. 23-35.
130. *Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В.* США–КНР: "властный транзит" и контуры "конфликтной биполярности" / Д.А. Дегтерев, М.С. Рамич, А.В. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. № 2. – С. 210-231.
131. *Дегтерев Д.А., Рамич М.С.* Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике / Д.А. Дегтерев, М.С. Рамич // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т.14. № 3. – С. 23-43.
132. *Дегтерев Д.А.* Многополярность или "новая биполярность"? / Д.А. Дегтерев // Статья в открытом архиве. – 2020. – № 1. – С. 180-188.
133. *Дегтерев Д.А., Шпаковская М.А.* Десять лет афганских исследований в РУДН / Д.А. Дегтерев, М.А. Шпаковская // Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. материалы X Международной научной конференции. Российский университет дружбы народов. – 2019. – С. 3-9.
134. *Джума А.М.* Сравнительный анализ освещения сирийского конфликта в российских и западных СМИ / А.М. Джума // Свободная мысль. – 2020. – №2. – 310 с.
135. *Донцов В.Е.* Ислам в международных отношениях / В.Е. Донцов // Дипломатический ежегодник. – 1997. – М., – 1997. – 196 с.
136. *Дробот Г.А.* Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы / Г.А. Дробот // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – №4. – 120 с.
137. *Дургарян Ю.Л.* Армяно-иранские отношения и разрешение карабахского конфликта / Ю.Л. Дургарян // Южно-российское обозрение. Иранский мир и

- юг России: прошлое и современные перспективы. Сборник научных статей. – 2004. – Вып. 22. – 170 с.
138. *Дынкин А., Арбатов А., Лукьянов Ф.* Мировой порядок: структурная трансформация / А. Дынкин, А. Арбатов, Ф. Лукьянов // Примаковские чтения. – М., – 2020. – 218 с.
139. *Евсеев В.В.* Концепция «Большой Ближний Восток под углом национальной безопасности / В.В. Евсеев // Национальная безопасность. – 2013. – №4(27). – 640 с.
140. *Звягельская И.Д.* Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке / И.Д. Звягельская // Контуры глобальных трансформаций. Политика, экономика, право. – 2017. – Т.10. № 2. – 180 с.
141. *Земсков В.Н.* Стратегия США в Центральной Азии / В.Н. Земсков // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – №2 (29). – 210 с.
142. *Иванов С.* Роль и значение курдского фактора в решении ближневосточных проблем / Иванов С. // Зарубежное военное обозрение. – 2017. – №8. – 310 с.
143. *Искакова Г.К.* Региональная безопасность в Центральной Азии и Стратегии России, США и Китая / Г.К. Искакова // PolitBook, – 2014. №4. – 352.
144. *Исмагилов С.И., Суслов Д.* Иранский тест для великих держав / С.И. Исмагилов, Д. Суслов // Россия в глобальной политике. – 2004. – №1. – 230 с.
145. *Кадомцев А.* Большая игра в Центральной Азии – соперничество продолжается / А. Кадомцев // Международная жизнь, – 2018. – №10. – 208 с.
146. *Карасев П.А., Шаряпов Р.А.* Противодействие насильственному экстремизму в глобальном информационном пространстве: взгляды и тенденции / П.А. Карасев, Р.А. Шаряпов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.– 2016. –№5. – 248 с.
147. *Кашин В., Королев А.* Помощь КНР странам Центральной Азии / В. Кашин, А. Королев. – 2018. – № 3. – С. 78-85.
148. *Кокорев К.А., Комиссина И.Н., Сведенцов В.Л.* Политика "мягкой силы" Китая в Азии. Доклад Центра Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона

- РИСИ / К.А. Кокорев, И.Н. Комиссина, В.Л. Сведенцов // Проблемы национальной стратегии, – 2019. – №3. – 714 с.
149. *Коваленко В.И.* Образ России в стране и в мире: объединяя прошлое, настоящее и будущее / Проблемы и перспективы инновационной политики в современной России: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2017. – № 6. – С. 95-98.
150. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? / В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин // Политические исследования. – 2013. – №2. – 620 с.
151. *Кортунов А.В., Ларюэль М.* Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества: Доклад №49 / А.В. Кортунов, М. Ларюэль // Российский совет по международным делам. – М., – 2019. – 96 с.
152. *Кочетков А.П.* О геополитической безопасности России в условиях глобализации / А.П. Кочетков // Вестник Российской нации, – 2018. – № 1. – 167 с.
153. *Краснов К.Г., Юртасев В.И.* Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «Системного сдерживания» / К.Г. Краснов, В.И. Юртасев // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. – 2016. – №4. – 310 с.
154. *Кудряшова И.В.* Кризисы политического развития: арабское изменение / И.В. Кудряшова // Свободная мысль. – 2021. – №2. – 269 с.
155. *Лавров С.* Историческая перспектива внешней политики России / С. Лавров // Россия в глобальной политике. – 2016. – №2, Март/Апрель
156. *Лавров С.* Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. – 2019. – 180 с.
157. *Лавров С.* Настоящее и будущее глобальной политики / С. Лавров // Россия в глобальной политике», – 2007. – №2. – 240 с.
158. *Лавров С.* Россия и постковидный мир / С. Лавров // Примаковские чтения. – М., – 2020. – 410 с.

159. *Лавров С.В.* Внешнеполитическая философия / С.В. Лавров // *Международная жизнь.* – 2013. – №3. – 190 с.
160. *Лавров С.В.* Демократия, международное управление и будущее мироустройство / С.В. Лавров // *Россия в глобальной политике,* – 2004. – №6. – 258 с.
161. *Лавров С.В.* О предмете и методе современной дипломатии / С.В. Лавров // *Международная жизнь.* – 2009. – №10. – 230 с.
162. *Лавров С.В.* Россия и мир в XXI веке / С.В. Лавров // *Россия в глобальной политике.* – 2008. – №4. – 210 с.
163. *Ланда Р.Г.* Арабский мир: конец «эпохи Насера» / Р.Г. Ланда. – М.: Восток, – 2012. – №6. – 390 с.
164. *Ланцов С.А.* Исламистский экстремизм как угроза безопасности постсоветской Центральной Азии в начале XXI в. / С.А. Ланцов // *Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции.* –СПб., 2013. – С. 60-63.
165. *Лаумулин М.* Стратегия и политика США в Центральной Азии / М. Лаумулин // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2007. – №4. – 865 с.
166. *Лаумулин М.* Центральноазиатская политика США при президенте Б. Обамы / М. Лаумулин // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2010. – Т.13. №4. – с. 47-62.
167. *Лебедева М.М., Харкевич М.В.* Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич // *Вестник МГИМО-Университета.* – 2016. – №5. – 260 с.
168. *Лузянин С.* Пятеро против одного. Приоритеты России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества не совпадают / Лузянин С. // *Независимая газета.* – 2009. – С. 30.
169. *Мазур О.А.* Ближний Восток: на острие противоречий / О.А. Мазур // *Век глобализации.* – №1. – 2015. – 240 с.
170. *Малышев Д.В.* Террористическая угроза с постсоветского Юга (Центральная Азия и Кавказ) / Д.В. Малышев // *Актуальные проблемы Европы.* – 2017. – № 4 – 337 с.

171. *Мальшева Д.* Монархии Персидского залива и «арабская весна» / Д. Мальшева // *Международная жизнь*. – 2012. – №58. – 190 с.
172. *Мальшева Д.* Мусульманские страны в мировом сообществе // *Исламская цивилизация в глобализирующемся мире*. – М.: ИМЭМО РАН, – 2016. – С. 135-138.
173. *Мамедов Р.* Перспективы сотрудничества России и Китая на Ближнем Востоке / Р. Мамедов // *Россия в глобальной политике*. – 2018. – 225 с.
174. *Манойло А.* Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» / А. Манойло // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. – 2020. – №3. – 318 с.
175. *Манойло А., Попадюк А.* «Постправда» как социальное явление и политическая технология / А. Манойло, А. Попадюк // *Международная жизнь*. – 2020. – №8. – С.102-111.
176. *Манойло А.В.* «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления / А.В. Манойло // *Вестник Московского университета. Политические науки. Серия 12*. – 2019. – №2. – 250 с.
177. *Манойло А.В.* Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман») / А.В. Манойло // *Русская политология – Russian political science*. – 2016. – №1. – 306 с.
178. *Манойло А.В.* Технология современных информационных войн / А.В. Манойло // *Политическая наука. Спецвыпуск*. – М., – 2017. – 296 с.
179. *Манойло А.В., Петренко А.И.* Информационное противоборство и государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко // *Право и политика*. – 2003. – № 9. – С. 110-125.

180. Манукян Д.А. Вопросы безопасности региона Персидского залива / Д.А. Манукян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2009. – №4. – 274 с.
181. Мелихов И. Арабо-исламская составляющая внешней политики арабских государств Персидского залива / И. Мелихов // Россия и мусульманский мир. – М.: ИНИОН. – 2000. – №8. – 190 с.
182. Мелкумян Е.С. Регион Персидского Залива в мировой политике: история и современность / Е.С. Мелкумян // Вестник Нижегородского государственного университета. – 2015. – №3. – 212 с.
183. Мирзеханов В.С., Тюльпанов М.В. Потенциал и перспективы современных туркмено-китайских отношений / В.С. Мирзеханов, М.В. Тюльпанов // Центральная Азия и Закавказье. – 2018. – №4. – 635 с.
184. Митрохин Л.Н. Религия и нация / Л.Н. Митрохин // Наука и религия. – 1989. – №3. – 310 с.
185. Мохаммад М. Д. Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества / М.Д. Мохаммад // Политэкс. – 2014. – Т.10. №4. – 185 с.
186. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль-XXI. – 2004. – №10. – 206 с.
187. Наумкин В.В. Вместо предисловия: круговорот арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что 140 дальше? / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВРАН, – 2012. – С. 4–5.
188. Николаев С.А. Внешняя политика США в Центральной Азии: соотношение интересов и ценностей / С.А. Николаев // Международные отношения. – 2012. – №1. – 280 с.
189. Олимова С.К., Олимов М.А. Конфликты на границах в Ферганской долине: новые причины, новые участники / С.К. Олимова, М.А. Олимов // Россия и новые государства Евразии. – 2017. – № 1. – 310 с.

190. *Парамонов В.* Энергетические интересы и энергетическая политика Китая в Центральной Азии / В. Парамонов // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2010. – т.13.–№3. – 218 с.
191. Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС» / Сборник «Мировые державы в Центральной Азии». – М., – 2011.–240 с.
192. *Посувалюк В.В.* О коспонсорской роли России в Ближневосточном процессе / Посувалюк В.В. // *Дипломатический вестник.* – 1994. – №19-20. – 630 с.
193. *Примаков Е.* Мир без сверхдержав / Е. Примаков // *Россия в глобальной политике.* – 2003. – №2. – 815 с.
194. *Примаков Е.М.* Многополярный мир и ООН / Е.М. Примаков // *Международная жизнь.* – 1997. – №10. – С. 3-9.
195. *Примаков Е.М.* Основополагающий конфликт / Е.М. Примаков // *Россия в глобальной политике.* – 2009. – № 3. – 540 с.
196. *Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы / Е.М. Примаков // *Международная жизнь.* – 1996. – №10. – С. 3-13.
197. *Тюльпаков М.В.* Энергетическое сотрудничество Туркменистана и КНР: современное состояние и перспективы развития / М.В. Тюльпаков // *Вестник Поволжского института управления.*– 2015. – №3. – 230 с.
198. *Рудов Г.А.* Афганский фактор в политике стран Центральной Азии / Г.А. Рудов // *Обозреватель.* – 2011. – №11. – 644 с.
199. *Рыжов И.В.* Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, Е.М. Савичева / *Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки.* – 2021. – Т. 7. № 1 (25). – С. 48-56.
200. *Рыжов И.В.* Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке / М.Ю. Бородина, И.В. Рыжов, Д.А. Аверьянова // *Мировая политика.* – 2020. – № 4. – С. 18-31.

201. *Рыжов И.В.* Россия – Ближний Восток: характер экономического сотрудничества / М.Ю. Бородина, И.В. Рыжов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2017. – № 2 (12). – С. 94-102.
202. *Свистунова И.А.* Турецко-иракские отношения в условиях региональной нестабильности / И.А. Свистунова // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – №6. – 188 с.
203. *Сердеров Р.М.* Роль политического ислама на Северном Кавказе / Р.М. Сердеров // Власть. – №3. – 2014. – 510 с.
204. *Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии / Ф. Старр // Россия в глобальной политике. – 2005. – №4. – 411 с.
205. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? / Политические исследования. – 1994. – №1. – 360 с.
206. *Сыроежкин К.* Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии / К. Сыроежкин // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – Т.15. Вып. 1. – 115 с.
207. *Тренин Д.* Портрет сирийской войны / Д. Тренин // Россия в глобальной политике. – 2017. – №3. – 290 с.
208. *Тулепбергенова Г.* Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция / Г. Тулепбергенова // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1. – 670 с.
209. *Тюльпаков М.В.* Изменения геополитической роли Туркменистана в начале XXI в. / М.В. Тюльпаков // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – №18. – 822 с.
210. *Тюльпаков М.В.* Энергетическое сотрудничество Туркменистана и Китайской народной республики: современное состояние и перспективы // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – №3(48). – С. 43-47.
211. *Тюркер А.Т.* Российские и китайские интересы в Центральной Азии: Сравнительный анализ / А.Т. Тюркер // Центральная Азия и Кавказ. – Т.15. №1. – 2012. – 360 с.

212. Тянь Р.Г. От Центральной Азии к Большой Азии: Цели и корректировки стратегии США в ЦА / Р.Г. Тянь // Центральная Азия и Кавказ.– 2009. – №3. – 244 с.
213. Ульрихсен К.К. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? / К.К. Ульрихсен // Россия в глобальной политике. – 2011. – №5.– 260.
214. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации / Г.Ю. Филимонов // Международные отношения. – 2013. – Т.4. – 710 с.
215. Филлин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н. Российско-иранские отношения на современном этапе / Н.А. Филлин, Л.М. Раванди-Фадаи, А.Н. Бурова // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия «Международные отношения. – 2016. – №4. – 294 с.
216. Фролов А. Арабский пасьянс / А. Фролов // Международная жизнь. – 2017. – №8. – 658 с.
217. Фролов А.В. Ближний Восток и Центральная Азия: анатомия конфликтности / А.В. Фролов // Пути к миру и безопасности. – 2019. – № 2.– 410 с.
218. Ханалиев Н.У. «Белые каски» или белые маски? / Н.У. Ханалиев // Вестник Российской нации. – 2018. – № 6(64). – С. 87-96.
219. Ханалиев Н.У. Влияние меняющегося вектора энергетической политики стран Центральной Азии на безопасность и стабильность в регионе / Н.У. Ханалиев // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2021. – № 2(29). – С. 289-294.
220. Ханалиев Н.У. Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в центральноазиатский регион / Н.У. Ханалиев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – №3. Т. 7. – С. 205-225.
221. Ханалиев Н.У. Внешние факторы этноконфессиональной конфликтности на Северном Кавказе и пути их нейтрализации / Выступления участников круглого стола «Мониторинг и разрешение этноконфессиональной

- напряженности и конфликтов» / Н.У. Ханалиев // Вестник Российской нации. – 2018. – № 4(62). – С. 261.
222. Ханалиев Н.У. Две стороны китайской экспансии в Центральной Азии (на примере Казахстана) / Н.У. Ханалиев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – № 9(66). Т. 10. – С. 2339-2348.
223. Ханалиев Н.У. Динамика внутренней политики Саудовской Аравии в период бифуркации ближневосточного региона / Н.У. Ханалиев // Информационные войны. – 2020. – № 3(55). – С. 26-31.
224. Ханалиев Н.У. Имидж России на Ближнем Востоке в контексте конфликта интересов великих держав / Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 27 ноября 2017 г. / колл. авторов; под ред. И.А. Василенко. – М.: КноРус, – 2020. – С. 21-23.
225. Ханалиев Н.У. Использование западными СМИ технологий информационной войны против роста геополитического влияния России / Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 4 декабря 2018 г. / колл. авторов; под ред. И.А. Василенко. – М.: Русайнс, – 2021. – С. 25-30.
226. Ханалиев Н.У. К вопросу о геополитических приоритетах России на Южном Кавказе / Н.У. Ханалиев // Вопросы политологии. – 2016. – № 4(24). – С. 124-131.
227. Ханалиев Н.У. К вопросу о перспективах «пост-американского Большого Ближнего Востока» / Н.У. Ханалиев // Вопросы политологии. – 2019. – № 12. Т. 9. – С. 2776-2785.
228. Ханалиев Н.У. Курдский вопрос: исторический экскурс / Н.У. Ханалиев // Власть. – 2017. – № 4. Т. 25 – С. 150-154.
229. Ханалиев Н.У. Национальная безопасность России в контексте террористической угрозы региональной безопасности / Н.У. Ханалиев // Информационные войны. – 2020. – № 1(53). – С. 87-90.

230. *Ханалиев Н.У.* О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана / Н.У. Ханалиев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 1. – С. 1-15.
231. *Ханалиев Н.У.* О некоторых особенностях политики США в Центральной Азии / Н.У. Ханалиев // Вопросы политологии. – 2019. – № 10. Т. 10. – С. 2185-2194.
232. *Ханалиев Н.У.* О перспективах достижения единства Кавказа / Н.У. Ханалиев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2016. – № 4(35). – С. 25-32.
233. *Ханалиев Н.У.* О перспективах политического единства монархий Персидского залива / Н.У. Ханалиев // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2019. – № 6. Т. 27. – С. 309-317.
234. *Ханалиев Н.У.* О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии / Н.У. Ханалиев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2019. – № 4. Т. 21. – С. 687-705.
235. *Ханалиев Н.У.* Особенности американо-иранских отношений на современном этапе / Н.У. Ханалиев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 1. – С. 187-198.
236. *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на Большом Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2017. – № 9. Т. 25. – С. 143-152.
237. *Ханалиев Н.У.* Проблемы в приграничных отношениях Таджикистана, Киргизии и Узбекистана: вызовы и угрозы национальной безопасности России / Н.У. Ханалиев // Вестник Российской нации. – 2020. – № 2. – С. 54-64.
238. *Ханалиев Н.У.* Проекция ближневосточной нестабильности на регион Персидского залива / Н.У. Ханалиев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1(62). – С. 109-114.

239. *Ханалиев Н.У.* Региональная безопасность сквозь призму исторических связей Центральной Азии и Ближнего Востока / Н.У. Ханалиев // Россия и современный мир. – 2020. – № 3(108). – С. 166-174.
240. *Ханалиев Н.У.* Роль ИГИЛ в контексте шиитско-суннитского противостояния на Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // PolitBook. – 2019. – № 1. – С. 154-168.
241. *Ханалиев Н.У.* Россия как альтернативный США актер на Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Вопросы политологии. – 2018. – Т.8. № 3(31). – С. 92-103.
242. *Ханалиев Н.У.* Россия, Иран, Китай: вопросы совместимости интересов / Н.У. Ханалиев // Вопросы политологии. – 2020. – № 4(56). Т. 10. – С. 1197-1205.
243. *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1(36). – С. 150-158.
244. *Ханалиев Н.У.* Современные вызовы и конфликты на Ближнем Востоке: процесс фрагментации арабского мира / Н.У. Ханалиев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 86-99.
245. *Ханалиев Н.У.* Статус российско-турецких отношений через призму сирийского кризиса / Н.У. Ханалиев // Информационные войны. – 2020. – № 2(54). – С. 64-70.
246. *Ханалиев Н.У.* Теории международных отношений в стратегии Вашингтона на Большом Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т.10. № 2(59). – С. 351-360.
247. *Ханалиев Н.У.* Технологии воспрепятствования стремлению международных акторов к однополярности // Информационные войны. – 2021. – № 2(58). – С. 2-5.
248. *Ханалиев Н.У.* Треугольник нестабильности «Ближний Восток – Центральная Азия – Россия» // Информационные войны. – 2021. – № 3(59). – С. 37-42.
249. *Ханалиев Н.У.* Треугольник «Россия – Турция – Иран» в контексте стратегии США на Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2019. – № 1. Т. 21. – С. 66-77.
250. *Ханалиев Н.У. Триумф* российской военно-политической дипломатии на Большом Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // *Общенациональный научно-политический журнал «Власть»*. – 2017. – № 12. Т. 25. – С. 166-171.
251. *Ханалиев Н.У. Угроза метастазирования* афганского кризиса на Таджикистан / Н.У. Ханалиев, М.А. Шпаковская // *Альманах «Казачество»*. – 2021. – № 54(4). – С. 74-87.
252. *Ханалиев Н.У. Факторы для пересмотра* статуса государств постсоветского пространств в качестве стратегических партнёров России / Н.У. Ханалиев // *Теории и проблемы политических исследований*. – 2022. – № 1А. – С. 183-194 .
253. *Ханалиев Н.У. Влияние трансформирующейся* мир-системы, вызванное украинским кризисом, на позицию России в ближневосточном регионе / Н.У. Ханалиев // *Информационные войны*. – 2022. – № 2(62). – С. 24-28.
254. *Цыганков А.П. Российская теория международных отношений: какой ей* быть? / А.П. Цыганков // *Сравнительная политика*. – №2. – 2014. – 520 с.
255. *Цыганков П.А. Теория международных отношений: внешние вызовы и* российское понимание своего пути / П.А. Цыганков // *Вестник Поволжского института управления*. – 2016. – № 6. – 960 с.
256. *Цыганков. П.А. Современные школы и направления в теории международных* отношений. Спор неореализма и неолиберализма / П.А. Цыганков. // *Теория международных отношений*. – М., – 2003. – 478 с.
257. *Шаклеина Т.А. Реалистическая школа: дебаты о мировом порядке и* внешнеполитической стратегии современной России / Т.А. Шаклеина // *Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология*. – 2004. – № 1. – 212 с.
258. *Эмиров Р.М. Этно-национальный фактор во взаимоотношениях Кавказа и* стран Ближнего Востока / Р.М. Эмиров // *Власть*. – 2014. – №12. – 490 с.

259. *Юртаев (Белов) В.И., Рогов А.С.* ШОС и БРИКС: особенности участия в евразийской интеграции / В.И. Юртаев, А.С. Рогачев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. №3. – С. 469-482.
260. *Юртаев (Белов) В.И. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.* Ислам, глобальное управление и новый миропорядок / В.И. Юртаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. № 4. – С. 713-714.
261. *Юртаев (Белов) В.И.* К вопросу о роли России в формировании идеологии евразийской интеграции / В.И. Юртаев // Сборник: большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием. – М., – 2020. – С. 268-270.
262. *Ягья В.С., Соломина Д.В.* Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности / В.С. Ягья, Д.В.Соломина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. «Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке». – 2014 г. – С. 492-509.
263. *Язмуратов А.* Большая Южная Азия: новый региональный подход США в Центральной и Южной Азии—эволюция и причины появления / А. Язмуратов // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – № 4.– 410 с.
264. *Яшлавский А.Я.* Центральная Азия: проблемы возвращения из «горячих точек» сторонников экстремистских группировок / А.Я. Яшлавский // Россия и новые государства Евразии. – 2019. – № III (XLIV). – С. 191-207.
265. *Ahmadian H.* Iran and the New Geopolitics of the Middle East: In Search of Equilibrium/ H. Ahmadian // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – №23(3). – 2021. – p. 458-472.
266. *Albishri O., Tarasevich S., Proverbs P., Kiouisis K., Alahmari A.* Mediated public diplomacy in the digital age: Exploring the Saudi and the U.S. governments' agenda-building during Trump's visit to the Middle East/ O. Albishri,

- S.Tarasevich, P. Proverbs, K. Kiouisis, A. Alahmari // *Public Relations Review*. – 2019. – №4.– p. 45.
267. *Asmus R. D., Diamond L., Leonard M., McFaul M.* A Transatlantic Strategy to Promote Democratic Development in the Broader Middle East // *The Washington Quarterly* 28. – 2005. – Spring. No. 2. – p. 7-21.
268. *Bagchi A., Paul J.* Youth unemployment and terrorism in the MENAP (Middle East, North Africa, Afghanistan, and Pakistan) region / A. Bagchi, J.Paul // *Socio-Economic Planning Sciences*. – 2018. – p. 9-20.
269. *Bank A., Richter T., and Sunik A.* LongTerm Monarchical Survival in the Middle East: A Configurational Comparison, 1945–2012/ A. Bank, T. Richter, A. Sunik // *Democratization*. – 2015. – №22(1).– p.179–200.
270. *Blank S.* Russia’s Far East Policy: Looking beyond China/ *S. Blank* // Russia NIS Center. Ifri, Paris _ IFRI_ifriblankrussianfareastengjuly2010proof.pdf
271. *Bowlus J.* A crude marriage: Iraq, Turkey, and the Kirkuk–Ceyhan oil pipeline/ J. Bowlus // *Middle Eastern Studies*. – 2017. – №53(5).– p. 724-746.
272. *Cannon B., Donelli F.* Asymmetric alliances and high polarity: evaluating regional security complexes in the Middle East and Horn of Africa/ B.Cannon, F. Donelli // *Third World Quarterly*. – 2020. – №41(3).– p. 505-524.
273. *Chalcraft J.* Revolutionary Weakness in Gramscian Perspective: the Arab Middle East and North Africa since 2011/ J. Chalcraft // *Middle East Critique*. – 2021. – №30(1).– p. 87-104.
274. *Christofides R.M.* Cyprus and the Greater Middle East: Past, Present, Future / R.M. Christofides // *Shakespeare*. – 2020. – №16(3). – p. 225–238.
275. *Dalacoura K.* The Arab Uprisings Two Years On: Ideology, Sectarianism and the Changing Balance of Power in the Middle East / K. Dalacoura // *Insight Turkey*. – 2013. – №15(1)– p. 75-89.
276. *Fulton J.* China`s Changing role in the Middle East / J. Fulton // Atlantic Council. Rafik Hariri Center for the Middle East. – 2019. – p. 3-19.

277. *Furtig H.* Conflict and Cooperation in the Persian Gulf: The Interregional Order and US Policy / H. Furtig // Middle East Journal. – 2007. – Vol.61. №4. – 627-640 (14) p.
278. *Gause F. G.* III The Gulf and US-EU Relations in Christian Koch, ed., Unfulfilled Potential: Exploring the GCC-EU Relationship // Dubai: Gulf Research Center. – 2004. – January. – p. 78–82.
279. *Haas M.L., Lesch D.W.* The Arab Spring: Change and Resistance in the Middle East / M.L. Haas, D.W. Lesch // USA: Westview Press. – 2013. – 10-54 p.
280. *Habibi F., Zabardast M.* Digitalization, education and economic growth: A comparative analysis of Middle East and OECD countries/ F. Habibi, M. Zabardast// Technology in Society. – 2020. – p. 75.
281. *Hamid E.* Public Perception of Rentier Elites in the Middle East and North Africa/ E. Hamid //International Journal of Public Administration. – 2020. – №43(5).– p. 392-403.
282. *Hecan M., Farhaoui F.* The coercive power and democratic transition in the post-uprising Middle East and North Africa/ M. Hecan, F. Farhaoui // Democratization. – 2021. – №28(6). – p. 1152-1171.
283. *Hickey S., Malkawi S., Khalil A.* Nuclear power in the Middle East: Financing and geopolitics in the state nuclear power programs of Turkey, Egypt, Jordan and the United Arab Emirates / S. Hickey, S. Malkawi, A. Khalil // Energy Research & Social Science. – 2021. – p. 74.
284. *Hutchins R.* Islam and Suicide Terrorism: Separating Fact from Fiction/ R. Hutchins //Counter Terrorist Trends and Analyses. – 2017. – №9.– p. 7–11.
285. *Huth P.K., Allee T.L.* The Democratic Peace and Territorial Conflict in the Twentieth Century. Cambridge / P.K. Huth, T.L. Allee // UK: Cambridge University Press. – 2002. – p.1-33.
286. *Joshan S, Maertens S.* Low cost carriers in the Middle East and North Africa (MENA) region: Emergence and barriers to development/ S.Joshan, S. Maertens //Journal of Transport Geography. – 2020. – p. 87.

287. *Josua M., Edel M.* The Arab uprisings and the return of repression/ M.Josua, M. Edel //Mediterranean Politics. – 2021. – №26(5).– p. 586-611.
288. *Kattouf Th., Kessler M.N., H., Jouejati M.* When We Meet with Syria, What Should We Say? What Should We Hope to Hear? / Th. Kattouf, M.N., Kessler, H., Melhem, M. Jouejati // Middle East Policy. – Summer 2007. – Vol. 14(2). – p.1-21.
289. *Kazemi R.* Epidemics and Revolutions: The Case of Iran in the Late Nineteenth-Century Middle East/ R. Kazemi //The Historian. – 2018. – №80(4). – p. 749-790.
290. *Kelemen B., Fergnani A.* The futures of terrorism against China in the Greater Middle East/ B. Kelemen., A.Fergnani // Futures. – 2020. – p. 124.
291. *Khanaliev N.U.* On Some Features of the US Policy in Central Asia / Khanaliev N.U. // Political science issues. – 2019. – № 4(34). – p. 429-436.
292. *Martin L.* Analysing a Tumultuous Relationship: Turkey and the US in the Middle East/ L. Martin //Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2019. – №13(2). – p. 262-277.
293. *Mearsheimer J.J.* The Tragedy of Great Power Politics / J.J. Mearsheimer // N.Y. – 2001. – 29-54 p.
294. *Neugart F., Schumacher T.* Thinking about the EU's Future Neighborhood Policy in the Middle East: From the Barcelona Process to a Euro-Middle East Partnership // Hanelt C. P., Luciani G., Neugart F. (eds.) Regime Change in Iraq. Florence: RSCAS Press, – 2004. – P. 169-192.
295. *Pollack K.* Securing the Gulf / K. Pollack // Foreign Affairs. – 2003. – July-August. – Vol. 82. No. 4. – P. 2-16.
296. *Popescu N., Secrieru S.* Conclusion: Russia in the Middle East – from surge to quagmire? In: Russia's return to the Middle East Building sandcastles? / N. Popescu, S. Secrieru // Chaillot paper. – 2018. – №146. – 9-20 p.
297. *Posch W.* Ideology and Strategy in the Middle East: The Case of Iran / W. Posch // Survival. – 2017. – №59(5). – P. 69-98.

298. *Rosenau, J., Burgess, Ph. and Hermann, F.* The Adaptation of Foreign Policy Research: A Case Study of an Anti-Case Study Project / J. Rosenau, Ph.Burgess, F.Hermann //International Studies Quarterly. – 1973. – №17(1). – p. 19-44.
299. *Ryan K., Anthony W.* Oil at risk: Political violence and accelerated carbon extraction in the Middle East and North Africa / K.Ryan, W.Anthony // Energy Economics. – 2020. – p. 92.
300. *Santini R.* A New Regional Cold War in the Middle East and North Africa: Regional Security Complex Theory Revisited/ R.Santini //The International Spectator. – 2017. – №52 (4). – p. 93-111.
301. *Smith M.* The Myth of American Isolationism / M. Smith // Part I: American Leadership and the Cause of Liberty. – Washington. – 2010. – №34. – 1-19 p.
302. *Snyder G.* The Security Dilemma in Alliance Politics / G. Snyder // World Politics. – 1984. – № 4.– 461-495p.
303. *Sun D., Zoubir Y.* From Hard Military Bases to Soft Military Presence: US Military Deployment in Iraq Reassessed/ D. Sun, Y. Zoubir // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). – 2017. – №6(3). – p. 85-106.
304. *Walt M.S.* International Relations: One World, Many Theories / M.S. Walt // Foreign Policy. – 1998. – №110. – 25-35 p.
305. *Waltz K.N.* Theory of International Politics / Waltz K.N. // University of California, Berkeley / Reading, Massachusetts, Menlo Park, California ,London, Amsterdam ,Don Mills, Ontario, Sydney. – 1979. – 1-129 p.
306. *Webb E.* Media in Tunisia and Egypt: From Control to Transition? / Webb E.– New York: Palgrave. – 2014. – 1-22 p.
307. *Wu B.* China and New Middle East/ B. Wu //Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – 2021. – №23(3). – P. 443-457.
308. *Zunes S.* U.S. Policy toward Syria and the Triumph of Neoconservatism / S. Zunes // Middle East Policy. – 2014. – №1.– P. 21.
309. شريف مازن إسماعيل فرج. توجهات القيادة السياسية الروسية وتطور الدور الروسى في النظام الدولي // المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية، الاقتصادية والسياسية يوليو 2016

310. خضر عباس عطوان. العلاقات السعودية الروسية: المصالح والتحديات // المركز الديمقراطي العربي للدراسات الاستراتيجية، الاقتصادية والسياسية، 15 يناير 2019

Публикации в СМИ

311. *Акопов П.* Россия и Турция вместе меняют миропорядок / П. Акопов – Текст: электронный // Взгляд. Деловая газета. – URL: <https://vz.ru/politics/2018/2/7/907058.html> (дата обращения: 07.02.2018) – Текст: электронный.
312. *Аксенов С.* Курдистан преподнес Кремлю еще одну головоломку / С. Аксенов – Текст: электронный. – URL: <http://gpolitika.com/russia/> (дата обращения: 25.09.2017) – Текст: электронный.
313. *Басисини А.* Игра в независимость: почему Курдистан не станет отделяться от Ирака / Басисини А. – Текст: электронный // РБК: Интернет-портал. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/> (дата обращения: 26.09.2017).
314. *Беленькая М., Тарасенко П.* Ирак готовят к жизни после «Исламского государства» / М. Беленькая, П. Тарасенко – Текст: электронный // Коммерсант: Интернет-портал. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3627645> (дата обращения: 12.05.2018).
315. *Белов А.* Россия и КНР готовы защищать многолетние связи с Ираном / А. Белов. – Текст: электронный // newsarium: Интернет-портал. – URL: <https://newsarium.org/2018/07/26/> (дата обращения: 26.07.2018).
316. Белые каски–мошенники от умеренной оппозиции в Сирии. – Текст: электронный // russianpulse: Интернет-портал. – URL: <https://russianpulse.ru/continentalist/2016/10/28/1579090-span-class-dquo-8220i> (дата обращения: 28.10.2016).
317. Белые каски Сирии спасли тысячи жизней. Теперь их номинируют на Нобелевскую премию мира. – Текст: электронный // globalvoices: Интернет-портал. – URL: <https://ru.globalvoices.org/2016/08/18/52362/> (дата обращения: 18.09.2016).

318. *Беляков Д.* Китайско-иранский альянс СОНАР-2050 / Беляков Д. – Текст: электронный // Центр стратегических оценок и прогнозов: Интернет-портал. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/kitajsko-iranskij-alyans-sonar-2050-8357> (дата обращения: 11.03.2018).
319. *Берг И.С.* Антиизраильская политика в контексте неоосманских амбиций: мнения немецких и турецких экспертов / И.С. Берг – Текст: электронный // Институт Ближнего Востока: Интернет-портал. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/23-01-12d.htm> (дата обращения: 10.04.2018).
320. *Бесшумный кризис охватил Персидский залив* / Вести.RU: Интернет-портал. – Текст: электронный. – URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/10570110> (дата обращения: 21.08.2018)
321. *Богданов В.* США присматриваются к Закавказью / В. Богданов – Текст: электронный // Российская газета: Интернет-портал. – URL: <https://rg.ru/2005/03/04/nato-kavkaz.html> (дата обращения: 04.03.2005).
322. *Большая пресс-конференция В. Путина – 2017. 14 декабря 2017 г.* / ТАСС: Интернет-портал. – Текст: электронный. – URL: <http://tass.ru/obschestvo/4813044> (дата обращения: 14.12.2017).
323. *Большой Ближний Восток как новый феномен геополитической реальности современного мира* / Институт Ближнего Востока: Интернет-портал. – Текст: электронный – URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/> (дата обращения: 10.09.2017).
324. *Бордачев Т.В., Смолл Э., Цинсун В.* Россия, Китай и США в центральной Азии и возможности сотрудничества / Т.В. Бордачев, Э. Смолл, В. Цинсун – Текст: электронный // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай».–М.,–2016. – 142 с. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 10.09.2016).
325. *Василенков С.* Чьи доллары взрывают Сирию? / С. Василенков – Текст: электронный // Око планеты: Интернет-портал. – URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/196759-chi-dollar-y-vzryvayut-siriyu.html> (дата обращения: 29.06.2013).

326. *Васильев М.* Геополитика Ближнего Востока. Итоги 2017 года / М. Васильев // Геополитика: Интернет-портал. – URL: <https://www.geopolitica.ru/> (дата обращения: 30.12.2017).
327. *Вендик Ю.* Кто такие сирийские "Белые каски" и почему вокруг них столько споров? / Ю. Вендик – Текст: электронный // ББС: Интернет-портал. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43787135> (дата обращения: 17.04.2018).
328. *Вита Л.* Путинская Россия возвращается в Афганистан: очередной шах и мат Америке / Л. Вита – Текст: электронный // ИноСМИ: Интернет-портал. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20170829/240133150.html/> (дата обращения: 29.08.2017).
329. Война из Сирии идет на Кавказ / Портал «Свободная пресса» // Новости Рамблер: Интернет-портал. – Текст: электронный. – URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/41287452-voyna-iz-sirii-idet-na-kavkaz> (дата обращения: 18.11.2017).
330. *Гасанов Г.* Туркменистан и Китай подписали ряд двусторонних межправдокументов / Г. Гасанов – Текст: электронный // Trend new agency: <http://www.trend.az/casia/turkmenistan/2273278.html> (дата обращения: 13.05.2014).
331. *Гасанова Д.* Персидский залив: слияние «братских» монархий отложено / Д. Гасанова – Текст: электронный // Геополитика: Интернет-портал. – URL: <http://www.geopolitics.ru/2013/12/persidskij-zaliv-sliyanie-bratskix-monarxij-otlozheno/> (дата обращения: 26.12.2013).
332. *Давыдов А.* «Принципиальный реализм» Трампа на Ближнем Востоке / А. Давыдов – Текст: электронный // РСМД: Интернет-портал. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/> (дата обращения: 27.05.2017).
333. *Джазаури И.* Действительно ли референдум в Курдистане лишил его приобретенных территорий? / И. Джазаури – Текст: электронный // ИноСМИ: Интернет-портал. – URL: <http://inosmi.ru/politic/20171021/240583294.html> (дата обращения: 21.10.2017).

334. *Джанбаз Г.* ИГИЛ готовится сменить "Талибан" в афганском джихаде / Г. Джанбаз – Текст: электронный // Независимая газета:Интернет-портал. – URL: http://www.ng.ru/world/2019-08-26/100_afganistan260819.html (дата обращения: 26.08.2019).
335. *Джашын М.Х.* США – Турция: изменится ли баланс сил на Ближнем Востоке / М.Х. Джашын – Текст: электронный // Валдай: Интернет-портал. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ssha-turtsiya-balans-sil/> (дата обращения: 29.01.2018).
336. *Джорбенадзе И.* Россия – Иран: соперники или союзники? // И. Джорбенадзе – Текст: электронный // Росбалт:Интернет-портал. – URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2017/03/31/1603282.html> (дата обращения: 31.03.2017).
337. *Добров Д.* Станет ли Иракский Курдистан независимым государством / Д. Добров – Текст: электронный // ИноСМИ: Интернет-портал. – URL: <http://inosmi.ru/politic/20170615/239586208.html> (дата обращения: 15.06.2017).
338. *Дубровин И.* Туркмения: газовый гигант или газовый протекторат Китая? / И. Дубровин – Текст: электронный // Регнум:Интернет-портал. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2391155.html> (дата обращения: 16.03.2018).
339. Жесткая, мягкая и умная сила во внешней политике США: сайт. – URL: <https://www.geopolitica.ru/article/zhestkaya-myagkaya-i-umnaya-sila-vo-vneshney-politike-ssha> (дата обращения: 29.11.2016.).
340. *Иванов В.В.* О необходимости нового мирового порядка / В.В. Иванов – Текст: электронный // РСМД: Интернет-портал. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/global-governance/o-neobkhodimosti-novogo-mirovogo-poryadka> (дата обращения: 10.2.2017).
341. ИГ строит халифат в Центральной Азии. Москва бьет тревогу // РИА новости: Интернет-портал. – URL: <https://ria.ru/20180926/1529330093.html> (дата обращения: 26.09.2018).

342. ИГИЛ на пороге Центральноазиатских республик: сайт. – Текст: электронный. – URL: <https://www.gumilev-center.ru/> (дата обращения: 27.07.2018).
343. Как иракские курды нефть продавали: сайт. – Текст: электронный. – URL: <https://ru.insider.pro/analytics/2015-11-19/kak-irakskie-kurdy-neft-prodavali/> (дата обращения: 19.11.2015).
344. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с инициативой проведения в Варшаве 13-14 февраля 2019 г. конференции по Ближнему Востоку сайт. – Текст: электронный. – URL: <https://www.voltairenet.org/article204906.html> (дата обращения: 15.02.2019).
345. Кракова С. Китай наступает: Россию выдавливают из Центральной Азии / Кракова С. – Текст: электронный // Газета.ру:Интернет-портал. – URL: <https://knews.kg/2019/09/20/kitaj-nastupaet-rossiyu-vydavlivayut-iz-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 20.09.2019).
346. Курды: сайт. – Текст: электронный. – URL: <http://randevu-zip.narod.ru/caucase/kurd.htm> (дата обращения: 05.12.2007).
347. Лавров: при референдуме о независимости Иракского Курдистана нужно учесть все последствия: сайт. – Текст: электронный. – URL: <http://tass.ru/politika/4436662> (дата обращения: 20.07.2017).
348. Лазович М. Роль Ирана в Центральной Азии: фактор безопасности как основной / М. Лазович – Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <http://www.geopolitika.lt/?artc=621> (дата обращения: 24.09.2019).
349. Лукьянов Ф. Почему Идлиб стал точкой столкновения политики России и США / Ф. Лукьянов – Текст: электронный // Взгляд:Интернет-портал. – URL: <https://vz.ru/politics/2018/8/30/446950.print.html> (дата обращения: 08.30.2018).
350. Любинскас А. Политика России В. Путина на Ближнем и Среднем Востоке – «движение в двух направлениях» / А. Любинскас – Текст: электронный // Геополитика: Интернет-портал. – URL: <http://www.geopolitika.lt/?artc=621> (дата обращения: 04.09.2007).

351. Малышева Д.Б. Турция и Иран в южном пограничье России: проблемы взаимовлияния / Д.Б. Малышева – Текст: электронный // Интернет журнал «Военно-политическая аналитика»: Интернет-портал. – URL: <https://vroanalytics.com/2015/06/20> (дата обращения: 20.06.2015).
352. Межгосударственные отношения России и Ирана: сайт. – URL: <https://ria.ru/20190916/1558666903.htm> (дата обращения: 05.12.2017).
353. *Муради М.Р.* Kayhan (Иран): куда покатится мир в 2019? / М.Р. Муради – Текст: электронный // Диалог. Таджикистан и мир: Интернет-портал. – URL: <http://www.dialog.tj/news/kayhan-iran-kuda-pokatitsya-mir-v-2019> (дата обращения: 02.05.2019).
354. *Николаевский М.* Стратегическая предоплата / М. Николаевский – Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <http://u00252ftodd.vpk-media.ru/articles/35474> (дата обращения: 11.03.2017).
355. *Панфилова В.В.* Центральной Азии снова в Фокусе интересов США / В.В. Панфилова // Независимая газета. – 2018. – 29 с.
356. *Петров И.* Директор ФСБ назвал число воюющих за "ИГ" жителей Поволжья / И. Петров // Российская газета. – 2015. – 42 с.
357. *Полунин А.* НАТО: курс на гибридную войну: сайт. – URL: https://www.discred.ru/news/nato_kurs_na_gibridnuju_vojnu/2015-12-01-17484 (дата обращения: 01.12.2015).
358. *Попов О.* Американский «Закон о распространении демократии» и «цветные революции» / О. Попов – Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/5175.html> (дата обращения: 05.01.2006).
359. Президент России. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. – Текст: электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/06/107802/shtml> (дата обращения: 27.06.2006).
360. Президент России. Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации. 27 июня 2006 г. Москва.

361. Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. – Текст: электронный. – URL: http://kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type82634_125401.shtml (дата обращения: 26.04.2007).
362. Президент России. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов. 1 февраля 2007 г. Москва. – Текст: электронный. – URL: http://kremlin.ru/appears/2007/02/01/1219_type63380type63381type82634_117597 (дата обращения: 01.02.2007).
363. *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) / Е.М. Примаков/ – М.: ИИК «Российская газета». – 2006. – 384 с.
364. *Примаков Е.М.* Минное поле политики / Е.М. Примаков.–М., 2019. – 315 с.
365. *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость / Е.М. Примаков.–М.: ИИК «Российская газета», – 2009. – 239 с.
366. *Примаков Е.М.* Остановиться за шаг до хаоса / Е.М. Примаков // Российская газета. – №5697 (24). – 2012. – 42 с.
367. *Пундик Х.* Как Россия позиционирует себя сейчас на Ближнем Востоке: сайт. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20170827/240120055.html> (дата обращения: 27.08.2017).
368. Путин: Россия внесла решающий вклад в разгром террористов в Сирии / Комсомольская правда. – 2017. – 40 с.
369. *Рыбин А.* Референдум, который взорвет Ирак / А. Рыбин–Текст: электронный // Газетаю.ру:Интернет-портал. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/> (дата обращения: 05.01.2011).
370. *Си Цзиньпин.* Туркменистан и КНР являются крупнейшими партнерами в газовой сфере / Си Цзиньпин. – Текст: электронный // Neftegaz.ru:Интернет-портал. – URL: <http://neftegaz.ru/news/view/123874> (дата обращения: 04.01.2014).

371. Сколько казахстанцев находятся в зонах конфликтов Сирии, Ирака и Афганистана, рассказали в КНБ: сайт. – URL: <https://time.kz/news/politics/2019/01/10/> (дата обращения: 10.01.2019).
372. Сколько террористов и из каких стран воюет в рядах ДАИШ: сайт. – URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14586 (дата обращения: 26.03.2016).
373. Средняя Азия и Россия становятся единым пространством для транзита исламистов: сайт. – URL: <https://www.google.ru/search?newwindow> (дата обращения: 25.07.2015).
374. Средняя Азия как будущий китайский протекторат: сайт. – URL: <https://yandex.ru/search/?lr=213&oprnd=1674569501&> (дата обращения: 06.03.2016).
375. *Тарасов С.* Санкции США сближают Россию, Турцию и Иран / С. Тарасов– Текст: электронный // Regnum: Интернет-портал. – URL: <https://regnum.ru/news/2457027.html> (дата обращения: 31.07.2018).
376. Узбекистан и Китай проводят общие антитеррористические учения: сайт. – URL: <https://news.yandex.ru/story/> (дата обращения: 07.05.2019).
377. Четвертая Конференция Организации Объединенных Наций по наименее развитым странам (НРС-IV). – Текст: электронный. – Интернет-портал. – URL: <https://www.preventionweb.net/files/resolutions/> (дата обращения: 09.05.2011).
378. Численность курдов в мире: сайт. – URL: <http://1-vopros.ru/557-kto-takie-kurdy-i-otkuda-oni-vzyalis.html> (дата обращения: 07.05.2013).
379. Что нового в новой Стратегии национальной безопасности США: сайт. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/12/20/> (дата обращения: 20.12.2017).
380. *Чувакин О.* Средняя Азия как будущий китайский протекторат / О. Чувакин– Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <https://yandex.ru/search/?lr=213&oprnd=1674569501&> (дата обращения: 06.04.2016).

381. *Чулковская Е.* Амбиции и просчеты. Куда завела Турцию ее политика на Ближнем Востоке / Е. Чулковская. – Текст: электронный // Московский центр Карнеги: Интернет-портал. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20170917/240302638.htm> (дата обращения: 17.09.2017).
382. *Шабалдина Ю.* Китай во время ВЭФ-2019 нанес уничтожающий удар по политике США / Ю. Шабалдина. – Текст: электронный // РИА новости: Интернет-портал. – URL: <https://riafan.ru/1210675> (дата обращения: 09.09.2019).
383. *Шакарянц С.* Иран, Россия и Китай формируют события на Ближнем Востоке / С. Шакарянц. – Текст: электронный // Регнум: Интернет-портал. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2832856.html> (дата обращения: 17.01.2020).
384. *Шимаев Р., Чурсина М.* Террористы или волонтеры: какие цели преследуют «Белые каски» в Сирии / Р. Шимаев, М. Чурсина. – Текст: электронный // RT: Интернет-портал. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/542492-belye-kaski-deyatelnost-siriya> (дата обращения: 05.09.2018).
385. A Large US strategy for the Middle East: сайт. – URL: Available: <http://en.thegreatermiddleeast.com/2016/07/a-large-us-strategy-for-the-middle-east/> (дата обращения: 22.07.2016).
386. *Apps P.* Has the post-American Middle East arrived? / P. Apps // The Japan Times. – 2019.
387. *Beehner L.* The Rise of the Shanghai Cooperation Organization / L. Beehner – Текст: электронный // CFR: Интернет-портал. – URL: <http://www.iiss.org/whats-new/iiss-in-the-press/press-coverage-2006/> (дата обращения: 26.07.2006).
388. *Black I.* Syria's Strongman Ready to Woo Obama with Both Fists Unclenched / I. Black // The Guardian. – 2009.
389. *Bolton J.* Beyond the Axis of Evil: Additional Threats from Weapons of Mass Destruction / J. Bolton – Текст: электронный // Heritage Foundation: Интернет-портал. – URL: Available: <https://www.heritage.org/defense/report/beyond-the->

- axis-evil-additional-threats-weapons-mass-destruction-0 (дата обращения: 06.05.2002).
390. *Boucher R.A.* Remarks at Electricity Beyond Borders: A Central Asia Power Sector Forum / R.A. Boucher. – Текст: электронный // U.S. Department of State: Интернет-портал. – URL: Available: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rm/2006/67838.htm>. (дата обращения: 07.05.2006).
391. *Bradley J.R.* How Putin came to rule the Middle East / J.R. Bradley // The Spectator. – 2001.
392. *Brandon B.J.* The Multipolar World: Partnering with Russia to Stop Iran / B.J. Brandon // American Thinker. – 2018.
393. *Brands H., Kahl C.* The Strategic suicide of aligning with Russia in Syria / H. Brands, C. Kahl // Foreign policy – 2017.
394. *Brüggmann M.* Er kam, sah zu und siegte / M. Brüggmann // Handelsblatt. – 2017.
395. *Burns R.N.* A Renewed Partnership for Global Engagement / R.N. Burns George W. Burns W.J. and Sullivan J. The Smart Way to Get Tough With Iran / W.J. Burns, J. Sullivan // The New York Times. – 2017. – 61 с.
396. *Caro C.J.V.* We Must Not Cede Afghanistan and Central Asia to Russia / C.J.V. Caro // National Review. – 2020.
397. China Global Investment Tracker: сайт. – URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 10.10.2005).
398. China Joins Afghanistan, Pakistan, Tajikistan in Security Alliance: сайт. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-security-idUSKCN10F1A6> (дата обращения: 04.08.2016).
399. China's Crude Oil Imports from Iran (2011-2016), Middle East Institute: сайт. – URL: <https://www.mei.edu/resources/infographic/chinas-crude-oilimports-iran-2011-2016> (дата обращения: 06.03.2016).
400. *Chulov M.* Victory for Assad looks increasingly likely as world loses interest in Syria / M. Chulov // The Guardian. – 2017.

401. *Clinton H.* America's Pacific Century / H. Clinton–Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 11.10.2011).
402. *Coyle J.* The Difference between the Cold War and today's hot peace / J. Coyle // The Hill. – 2019.
403. *Cockburn P.* The Sunnis rise again: Uprising in Syria emboldens Iraq's minority community / P. Cockburn–Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/> (дата обращения: 10.05.2012).
404. *Cole J.* Top 10 mistakes of former Iraq Prime Minister Nouri al Maliki (that ruined his country) / Cole J.–Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <http://www.truthdig.com> (дата обращения: 06.05.2013).
405. *Davis D.* EU Proceeds with Syrian Trade Agreement / D. Davis // Jerusalem Post. – 2004.
406. *Englund W.* In the Middle East, there's one country every side talks to: Russia / W. Englund // The Washington Post. – 2019.
407. EU, China and Russia in move to sidestep US sanctions on Iran. Special Purpose Vehicle aims to keep Iran in 2015 nuclear deal with barter system // The Guardian. – 2018.
408. *Feinstein S.G., Pirro E.B.* Testing the world order: strategic realism in Russian foreign affairs / S.G. Feinstein, E.B. Pirro // International politics. – 2021.
409. First Freight Train from China Arrives in Iran in 'Silk Road' Boost, Reuters: сайт. – URL: <https://www.reuters.com/article/uschina-iran-railway-idUSKCN0VP0W8> (дата обращения: 16.02.2016).
410. *Friedman G.* The Next 100 years: A Forecast for the 21st century / G. Friedman // N.Y. – 2009.
411. Foreign Fighters In Iraq & Syria: Where do they come from / Radio Free Europe/Radio Liberty, Available–Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <https://www.rferl.org/a/foreign-fighters-syria-iraq-is-isis-isil-infographic/26584940.htm> (дата обращения: 08.10.2015).

412. *Galupo S.* How Russia is using «counterterrorism» to sucker Trump / S. Galupo // The Week. – 2017.
413. *George W. Bush*, State of the Union Address / W. George –Текст: электронный // youtube:Интернет-портал. – URL: Available: <https://www.youtube.com/watch?v=JdqqG2Di2Vo> (дата обращения: 23.01.2007).
414. *Glazova A.V.* The US strategy of «rebalancing» in Asia Pacific and Russia's national security interests / A.V. Glazova. – Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <http://en.riss.ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/11> (дата обращения: 11.10.2015).
415. *Grove Th., Nelson C.* Russia, China Vie for Influence in Central Asia as U.S. Plans Afghan Exit / Th. Grove, C. Nelson // The Wall Street Journal. – 2019.
416. *Gvozdev N.K.* Russia`s hand is visible everywhere in the Middle East / N.K. Gvozdev // The National interest. – 2017.
417. *Hersh S.M.* The Syrian Bet: Did the Bush Administration Burn a Useful Source on Al Qaeda? / S.M. Hersh // The New Yorker. – 2003.
418. Investment guru Rogers: US rift with Turkey ‘madness,’ time to invest in Turkish assets // Daily Sabah. – 2018.
419. In the Latest Poll: The Youth Are Optimistic about Their Future Despite the Difficulties: сайт. – URL: <http://studies.aljazeera.net/en/centernews/201372911558721597.htm> (дата обращения: 16.09.2013).
420. Iraqi Constitution. Article: сайт. – URL: <http://www.parliament.iq/manshurat/dastoreng.pdf> (дата обращения: 16.09.2013).
421. *Kirk A.* Iraq and Syria: How Many Foreign Fighters are Fighting for ISIL? / A. Kirk // The Telegraph. – 2015.
422. *Krauthammer Ch.* The Neoconservative Convergence / Ch. Krauthammer // Commentary. – №1. – 2013.
423. *Lake A.* Confronting Backlash States / A. Lake // Foreign affairs. – 1994.
424. *Mackinnon M.* Russia sees opening to play power broker in Middle East and beyond / M. Mackinnon // The Globe and mail. – 2018.

425. *MacDonald A.* Soft power superpowers Global trends in cultural engagement and influence / A. MacDonald. – Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: Desktop/j119_thought_leadership_global_trends_in_soft_power_web.pdf (дата обращения: 04.10.2018).
426. *Mallet V.* Terror: The globalization of extremism / V. Mallet // *Financial times.* – 2016.
427. *Mandelbaum M.* The New Containment. Handling Russia, China, and Iran / M. Mandelbaum // *Foreign affairs.* – 2019.
428. *Mandraud I., Zerrouky M.* Omar Al-Chichani, l'icône djihadiste touchée par une frappe américaine / I. Mandraud , M. Zerrouky. – 2016.
429. *Mathews J.* Power Shift / J. Mathews // *Foreign Affairs,*–1997. *Mathews O., Moore J., Sharkov D.* How Russia Became the Middle East's New Power Broker / O. Mathews, J. Moore, D. Sharkov // *Nesweek.* – 2017.
430. National Security Strategy of the United States of America: сайт. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 18.12.2017).
431. National Security Strategy of the United States of America: сайт. – URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (дата обращения: 18.02.2015).
432. *Nehme M.* Neo-realism and American foreign policy in the Arab World Prepared / M. Nehme. – Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <https://www.lebarmy.gov.lb/en/content/neo-realism-and-american-foreign-policy-arab-world> (дата обращения: 14.02.2014).
433. *Oğuz E.* Kafkasya ve Orta Asya cumhuriyetlerinde IŞİD tehlikes i / E.Oğuz // *Habertürk.* – 2016.
434. Persian Gulf Region. Energy Information Administration: сайт. – URL: www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Persian_Gulf/Full.html (дата обращения: 18.12.2017).

435. President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests: сайт. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements> (дата обращения: 18.12.2017).
436. Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs: сайт. – URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/> (дата обращения: 13.11.2018).
437. *Robert A. Manning and Bharath Gopalaswamy, Is Abdulla Yameen Handing Over the Maldives to China / A. Robert // Foreign Policy.* – 2018.
438. Russia turns to soft power in the Middle East: сайт. – URL: <http://www.foreignpolicy.ru/en/analyses/russia-turns-to-soft-power-in-the-middle-east> (дата обращения: 24.04.2015).
439. *Seems to Be / V. Sridhar // The Diplomat (USA).* – 2020.
440. *Seufert G. Religion: nation-building instrument of the state or factor of civil society? / G. Seufert // Turkey beyond nationalism.* – London. – 2006.
441. *Shih G. After Years of Silence, Turkey Rebukes China for Mass Detention of Muslim Uighurs / G. Shih // Washington Post.* – 2019.
442. *Sridhar V. Sino-Russian Economic Cooperation in Central Asia is Not What It Steyn M. Post-Western Middle East / M. Steyn.* – Текст: электронный // Интернет-портал. – URL: <https://www.steynonline.com/3756/the-post-western-middle-east> (дата обращения: 23.02.2011).
443. *Steele J. If ending Syria's war means accepting Assad and Russia have won, so be it / J. Steele // The Guardian, September.* – 2018.
444. Syria civil defence. The White helmets: сайт. – URL: <http://syriacivildefense.org/> (дата обращения: 24.04.2018).
445. Syria conflict: White Helmets evacuated by Israel: сайт. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-44915099> (дата обращения: 22.07.2018).
446. The Sources of Soviet Conduct Foreign affairs: сайт. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1947-07-01/sources-soviet-conduct> (дата обращения: 16.09.2016).

447. The White helmets: сайт. – URL: <https://twitter.com/hashtag/WhiteHelmets?src=hash>. (дата обращения: 26.02.2018).
448. *Tharoor I.* The U.S. and Iran are heading toward crisis / I. Tharoor // The Washington post. – 2017.
449. Thy'den Erbil'e sefer: сайт. – URL: <http://www.sabah.com.tr/> (дата обращения: 12.04.2018).
450. *Upadhayaya V.* China, Russia and US: New Power Dynamics in Middle East After Soleimani's Death / V. Upadhayaya // Epoch times. – 2020.
451. *Valle A. Del.* Le retour de la Russie au Proche et Moyen-Orient: rencontre avec Randa Kassis, actrice majeure de la politique syrienne / A. Del. Valle // Atlantico. – 2018.
452. *Wang Yi.* Gave an Interview to Al Jazeera / Yi. Wang // Ministry of Foreign Affairs the People's Republic of China. – 2014.
453. *Wendt A.* Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / A. Wendt. – Текст: электронный // // International Organization: Интернет-портал. – URL: [https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4361851/mod_resource/content/1/Stephen %20Walt%201998.pdf](https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4361851/mod_resource/content/1/Stephen%20Walt%201998.pdf) (дата обращения: 19.12.2012).
454. White Helmets backlash after Mannequin Challenge video: сайт. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-38066791>. (дата обращения: 10.04.2013).
455. World upside down as EU and Russia unite against US: сайт. – URL: <https://euobserver.com/foreign/142953> (дата обращения: 26.09.2018).
456. *Xing Li.* China's Pursuit of Soft Power: Norm Diffusion as a Soft Power Mechanism / Li. Xing. – Текст: электронный // International Organization: Интернет-портал. – URL: <https://www.scirp.org/journal/home.aspx?issueid=14170> (дата обращения: 12.05.2020).

457. *Zakery H. Shocking analysis of US Foreign Aid before and after the Arab Spring / H. Zakery // Communities Digital News. – 2014.*